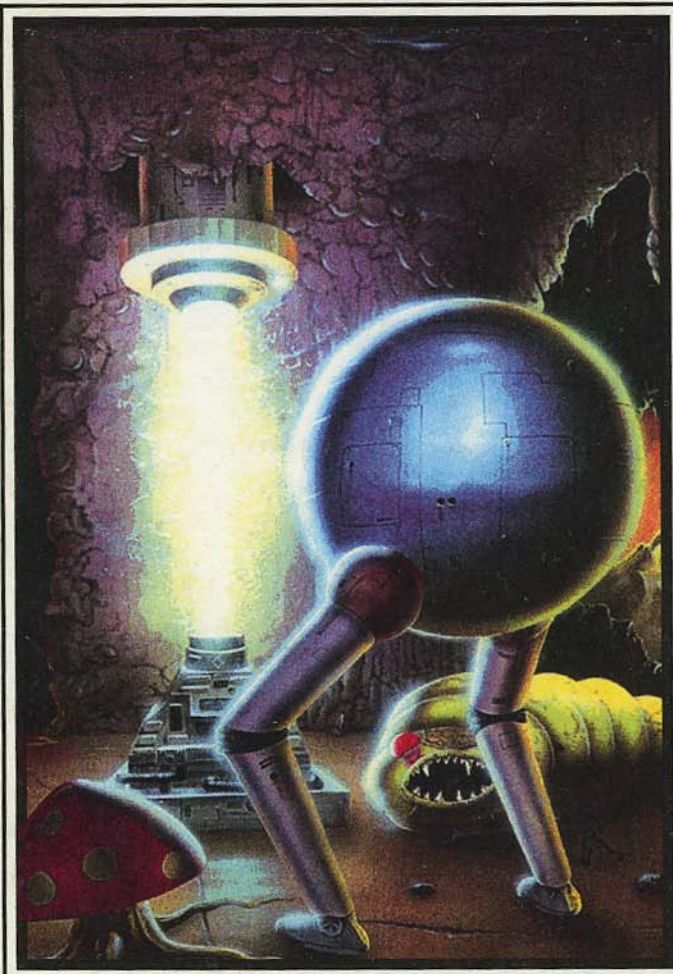

**НОВЫЕ
МИРЫ
АЙЗЕКА
АЗИМОВА**

**NEW
WORLDS
OF ISAAC
ASIMOV**

Volume three

SHORT STORIES

«POLARIS» PUBLISHERS
1997

**НОВЫЕ
МИРЫ
АЙЗЕКА
АЗИМОВА**

Том третий

РАССКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997

*Издание подготовлено
при участии АО «Титул»*

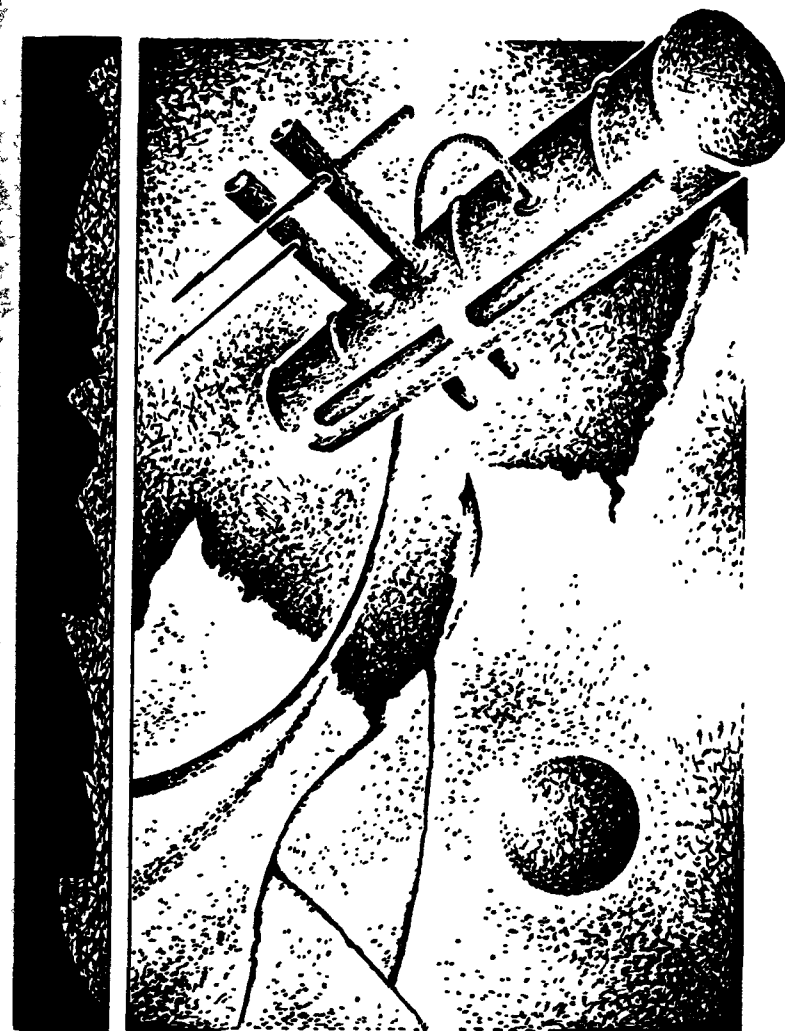
Новые Миры Айзека Азимова. Т. 3 / Пер. с англ. —
Рига: Полярис, 1997. — 351 с.

В третий том собрания рассказов классика научно-фантастической литературы вошли произведения из авторских сборников «Сквозь стекло ясное» и «Приход ночи».

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом Российской Федерации об авторском праве. Перепечатка отдельных рассказов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-257-6

© Издательство «Полярис»,
составление, оформление,
название серии, 1996

СКВОЗЬ СТЕКЛО ЯСНОЕ

ВЕРА

-Тебе когда-нибудь снилось, что ты летаешь? — спросил доктор физики Роджер Туми свою жену.

Джейн Туми подняла голову:

— Конечно!

Ее быстрые пальцы безостановочно проделывали ловкие манипуляции с пряжей, в результате чего на свет рождалась изысканная и совершенно бесполезная салфеточка. Телевизор что-то негромко бормотал, но, по давно установившейся привычке, никто не обращал на него внимания.

— Всем время от времени снится, что они летают. Однако со мной это происходит постоянно, знаешь, я даже начал беспокоиться, — продолжал Роджер.

— Я не совсем понимаю, о чем ты говоришь, дорогой. Извини, — ответила Джейн, старательно считая стежки.

— Стоит об этом задуматься, и моментально возникает множество вопросов. Сказать, что снится, будто ты летишь, — неправильно. Ведь крыльев-то у тебя нет; во всяком случае у меня их никогда не бывает. И ты не прилагаешь никаких усилий. Просто паришь. Да, именно так. Паришь.

— Когда я летаю, — заявила Джейн, — в памяти у меня не остается никаких деталей. Если не считать одного случая, когда мне приснилось, что я залетела на крышу мэрии — и на мне не было никакой одежды. Почему-то в снах никто не видит, что ты совсем раздетая. Замечал? Ты просто помираешь от смущения, а люди проходят мимо и хоть бы что!

Джейн потянула за нитку, клубок выскочил из коробочки и покатился по полу, но она не обратила на это внимания.

Belief

© 1953 by Isaac Asimov

Вера

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 1997

Роджер задумчиво покачал головой. У него был длинный прямой нос, да и вообще черты лица, на котором сейчас застыло сомнение, казались чересчур резкими. В тридцать пять лет Роджер уже начинал лысеть.

— Ты никогда не задумывалась о том, почему тебе снятся полеты?

— Нет, никогда.

Джейн Туми была миниатюрной тридцатилетней блондинкой. Ее хрупкая красота производила впечатление далеко не сразу. Блестящие голубые глаза, розовые щечки фарфоровой куколки...

— Многие сны определяются реакцией нашего разума на внешние раздражители. Далеко не всегда эта интерпретация является правильной — да и происходит все в считанные доли секунды, — сказал Роджер.

— О чем ты говоришь, дорогой? — недоуменно спросила Джейн.

— Послушай, однажды мне снилось, что я приехал в какой-то город на конференцию и остановился в отеле. Встретил там старых друзей. Все шло как обычно. Вдруг раздались крики, и я, без особой на то причины, запаниковал. Бросился к двери — не открывается! Один за другим мои приятели исчезли. Они без труда выходили из комнаты, а я никак не мог понять, как им это удастся. Я кричал, но они не обращали на меня внимания.

Неожиданно я понял, что в отеле начался пожар. Я не чувствовал запаха дыма, просто мне стало ясно, что здание загорелось. Подбежав к окну, я увидел, что на внешней стене есть пожарная лестница. Я бросился ко второму окну, потом к третьему, но ни одно из них не выходило на пожарную лестницу. К этому моменту я уже оставался в комнате один. Высунувшись в окно, я принялся звать на помощь. Никто меня не слышал.

Затем появились пожарные машины — я заметил, что красные автомобили мчатся к отелю. Это мне очень хорошо запомнилось. Пронзительно дребезжал колокол пожарной тревоги, требуя, чтобы другие автомобили посторонились. Грохот колоколов становился все громче, этот звук буквально наполнил мой череп. Я проснулся. Оказалось, звонит будильник.

Спрашивается: как мне мог присниться такой длинный сон, который закончился сигналом пожарного колокола, точно совпавшим со звонком моего будильника? Гораздо естественнее предположить, что сон начал мне сниться в тот момент, когда зазвонил будильник, и мое ощущение времени кардинально

изменилось. Сработало какое-то устройство в мозгу, которое в доли секунды постаралось обосновать причину шума.

Джейн нахмурилась. И даже отложила в сторону шитье.

— Роджер! С тех пор как ты вернулся из колледжа, ты как-то странно себя ведешь. Плохо ешь, а теперь еще какие-то дурацкие рассуждения. Раньше ты никогда не был таким мрачным. Тебе следует выпить соды.

— Боюсь, это вряд ли поможет, — тихо проговорил Роджер. — Что вызывает сны о полетах?

— Милый, если ты не возражаешь, я бы хотела сменить тему.

Джейн встала и твердой рукой увеличила звук в телевизоре. Молодой джентльмен с впалыми щеками и берущим за душу тенором сладкозвучно уверял ее в своей вечной любви.

Роджер выключил звук и встал, загородив экран спиной.

— Левитация! — возбужденно провозгласил он. — Вот в чем дело. Человеческое существо может воспарить только в одном случае. Проблема заключается в том, что люди не знают, как воспользоваться этим даром — знание возвращается к ним лишь во сне. Именно в такие моменты человек может подняться в воздух, может быть, на десятую долю дюйма. Этого недостаточно, чтобы кто-нибудь заметил, но мозг получает необходимый импульс — нам снится, что мы летим.

— Роджер, ты бредишь. Я прошу тебя, прекрати!

Не обращая внимания на просьбы Джейн, он продолжал:

— Иногда мы медленно опускаемся, и ощущение пропадает. А в других случаях неожиданно теряем контроль и падаем. Джейн, разве тебе не снилось, что ты падаешь?

— Да, конечно...

— Ты висишь на стене дома или сидишь на краешке стула и вдруг соскальзываешь вниз. Ты падаешь... а потом просыпаешься — сердце отчаянно колотится, воздуха не хватает. А ведь ты действительно упала. Никакого другого объяснения нет.

На хорошеньком личике Джейн сначала появились удивление, потом беспокойство, а затем она с облегчением рассмеялась:

— Роджер, ты настоящий дьявол. Ловко меня провел. Ну и паршивец же ты!

— Что?

— Ну ладно, хватит, больше у тебя это не получится. Я все поняла. Ты придумал сюжет для рассказа и пытаешься опровергнуть его на мне. Могла бы и раньше сообразить, что не следует тебя слушать.

Роджер выглядел удивленным и даже слегка смущенным. Он подошел к креслу, где сидела Джейн, и склонился над ней.

— Нет, дорогая.

— В самом деле, ты говоришь о том, что собираешься начать писать, с тех самых пор, как я тебя знаю. Если ты и в самом деле придумал забавный сюжет, почему бы тебе не изложить его на бумаге? Зачем только меня-то пугать?

По мере того как росло возбуждение Джейн, ее пальцы двигались все быстрее и быстрее.

— Джейн, это не сюжет для рассказа.

— Но что же это еще...

— Проснувшись сегодня утром, я упал на кровать! — Роджер смотрел на жену, не мигая. — Мне снилось, что я летаю. Ощущение было совершенно отчетливым, и я помню каждое мгновение полета. Я проснулся, лежа на спине. Мне было очень удобно, и я прекрасно себя чувствовал. Только вот мне показалось, что потолок выглядит как-то необычно. Тогда я зевнул, потянулся и дотронулся до потолка. Я целую минуту разглядывал руку, пальцы которой касались потолка.

А потом я перевернулся. Джейн, я не пошевелил ни единым мускулом! Просто повернулся, потому что мне этого захотелось. И увидел, что вишу в воздухе в пяти футах над кроватью. Ты спала. Тогда я испугался. Я не знал, как к тебе спуститься... но стоило только об этом подумать, и я сразу начал падать. Очень медленно! Процесс спуска находился под полным контролем.

Наверное, еще минут пятнадцать я оставался в постели, не осмеливаясь пошевелиться. Потом встал, помылся, оделся и отправился на работу.

Джейн с трудом выдавила из себя смешок:

— Дорогой, тебе определенно стоит записать все это. Ничего страшного не произошло. Просто в последнее время ты слишком много работаешь.

— Пожалуйста, не надо банальных глупостей!

— Многие люди слишком много работают, хотя говорить об этом и считается банальной глупостью. В конце концов, ты просто спал на пятнадцать минут больше, чем тебе показалось.

— Это был не сон.

— Конечно же, сон! Не могу даже сосчитать, сколько раз мне снилось, что я проснулась, оделась и приготовила завтрак; а потом, когда я и в самом деле просыпалась, оказывалось, что придется проделать то же самое снова. Пару раз мне даже снилось, что мне все это снится, если ты понимаешь, что я имею в виду. Здесь совсем нетрудно запутаться.

— Послушай, Джейн. Я обратился к тебе с этой проблемой потому, что мне больше не к кому идти. Пожалуйста, отнесись к моим словам серьезно.

Голубые глаза Джейн широко раскрылись.

— Дорогой, я отношусь к тебе совершенно серьезно! Ведь это ты профессор физики, а не я. Ты разбираешься в гравитации, а не я. Отнесся бы ты серьезно ко мне, если бы я вдруг заявила, что летаю?

— Нет. Нет! В этом, черт возьми, все дело! Я и сам не хочу верить, но ничего другого мне не остается. Это не было сном, Джейн. Я старался убедить себя в том, что мне все приснилось. Ты и представить себе не можешь, как упорно я себя уговаривал. Войдя в аудиторию, я уже не сомневался в том, что это был самый настоящий сон... Ты не заметила во мне ничего странного за завтраком?

— Да, пожалуй... когда ты спросил меня...

— Ну, ничего особенного, наверное, не произошло, иначе ты бы обратила внимание. Так или иначе первая, девятичасовая лекция прошла прекрасно. К одиннадцати я уже обо всем забыл. Потом, сразу после ленча, мне потребовалась книга. Пейдж и... да ладно, это не имеет значения, книга была нужна, и все. Она стояла на верхней полке, и мне было до нее не достать. Джейн...

Он замолчал.

— Ну, продолжай, Роджер.

— Послушай, ты когда-нибудь пыталась взять то, что находится в одном шаге от тебя? Ты приподнимаешься и делаешь шаг в нужном направлении, одновременно протягивая руку. Все это происходит совершенно произвольно. Тело само делает необходимые движения.

— Ну хорошо, и что из того?

— Я потянулся за книгой и машинально сделал шаг вверх. По воздуху, Джейн! По воздуху!

— Я позвоню Джиму Сарлю, Роджер.

— Черт возьми, я совершенно здоров.

— Думаю, ему следует с тобой встретиться. Он ведь наш друг. Собственно, это и не визит к врачу. Он просто с тобой побеседует.

— И что это даст? — Лицо Роджера покраснело, потому что он вдруг разозлился.

— Посмотрим. А теперь посиди, Роджер. Пожалуйста. — Джейн направилась к телефону.

Он остановил ее, схватив за руку:

— Ты мне не веришь.

— О, Роджер...

— Ты не веришь.

— Я тебе верю. Конечно. Я тебе верю. Я просто хочу...

— Да. Ты просто хочешь, чтобы Джим Сарль поговорил со мной. Вот насколько ты мне веришь. Я говорю правду, а ты хочешь обратиться к психиатру. Послушай, ты вовсе не должна верить мне на слово. Я могу доказать свою правоту, доказать, что умею парить.

— Я верю тебе.

— Не будь душой. Я знаю, когда меня пытаются ублажить. Встань спокойно и смотри.

Роджер отошел на середину комнаты и без малейшего промедления оторвался от пола. Он висел в воздухе; носки его туфель болтались в шести футах над ковром.

Глаза и рот Джейн превратились в три большие буквы «О».

— Роджер, спустись, — прошептала она. — О Господи, спустись скорей, пожалуйста.

Он медленно поплыл вниз, его ноги бесшумно коснулись пола.

— Ну, видишь?

— Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!

Джейн, не отрываясь, смотрела на мужа, в ее глазах застыл ужас.

На экране телевизора полногрудая женщина беззвучно пела о том, что она просто мечтает воспарить в небеса с одним парнем.

Роджер Туми сидел, уставившись в темноту спальни.

— Джейн, — прошептал он.

— Что?

— Ты не спишь?

— Нет.

— Я тоже не могу заснуть. Я все время держусь за изголовье кровати, чтобы быть уверенным в том... ну, ты знаешь.

Его рука нервно дернулась, и он осторожно коснулся лица жены. Джейн вздрогнула, словно ее ударило электрическим током, и отпрянула в сторону.

— Извини, я немножко нервничаю, — сказала она.

— Да ничего, я все равно собираюсь вставать.

— Зачем? Тебе нужно выспаться.

— Все равно не получается, нет никакого смысла не давать спать еще и тебе.

— Может, ничего и не произойдет. Может, это не должно случаться каждую ночь. Ведь позавчера все было в порядке.

— Откуда мне знать? А если я просто не поднимался так высоко? Или не просыпался, поэтому ничего и не замечал. В любом случае теперь все изменилось.

Роджер сидел на кровати, спустив ноги, обхватив руками колени и положив на них голову. Потом отбросил простыню в сторону и потерся щекой о мягкую фланель пижамы.

— Теперь все будет иначе. Я постоянно об этом думаю. Стоит мне заснуть и перестать за что-нибудь держаться, я обязательно взлечу.

— Не понимаю, почему ты так в этом уверен? Ведь полет должен требовать определенных усилий.

— В том-то и дело, что это совсем не так.

— Но тебе же приходится преодолевать тяготение?

— Приходится, только при этом я не прилагаю никаких усилий. Видишь ли, Джейн, если бы я только мог понять механизм того, что со мной происходит, я бы так не переживал.

Он немножко поболтал ногами и встал.

— Не хочу больше об этом говорить.

— Я тоже, — пробормотала Джейн и заплакала.

Отчаянно стараясь подавить рыдания, она сдавленно всхлинула, и Роджеру стало еще хуже.

— Прости меня, Джейн, — сказал он. — Прости, что нарушаю твой покой.

— Нет, не трогай меня. Просто... просто оставь одну.

Он сделал несколько неуверенных шагов в сторону от кровати.

— Куда ты? — спросила Джейн.

— На диван, в кабинет. Ты мне pomoжешь?

— Как?

— Я хочу, чтобы ты меня привязала.

— Привязала?

— Да, веревками. Так, не очень крепко, чтобы я мог ворочаться. Поможешь?

Босые ноги Джейн уже искали в темноте тапочки.

— Ладно, — со вздохом согласилась она.

Роджер Туми сидел в маленькой каморке, которая считалась его кабинетом, и смотрел на кипу контрольных работ, сложенных на столе. В данный момент он не очень ясно представлял себе, как сможет их проверить.

Он успел прочитать пять лекций по электричеству и магнетизму с той первой ночи, когда обнаружил, что умеет летать. Каким-то образом ему удавалось доводить лекции до конца, хотя далеко не всегда все шло гладко. Студенты часто задавали дурацкие вопросы, из чего Роджер сделал вывод, что его лекции потеряли прежнюю стройность.

Сегодня ему удалось избежать необходимости читать лекцию, благодаря тому, что он устроил неожиданную контрольную

работу. Он не стал утруждать себя составлением нового варианта; просто воспользовался тем, который предлагал своим студентам несколько лет назад.

Теперь ему предстояло проверить работы и оценить их. Зачем? Разве имеет значение то, что в них написано? Да и вообще, имеют ли какой-нибудь смысл все постулаты физики? И уж если на то пошло, в чем они заключаются и существуют ли на самом деле?

Может быть, это вовсе не гармоничные законы, а сплошная путаница, из которой нельзя сделать никаких разумных выводов? И Вселенная, несмотря на то что утверждают эти законы, есть исходный хаос, дожидющийся того момента, когда явится Дух и наведет порядок?

Ко всему прочему Роджера сильно донимала бессонница. Даже привязавшись к дивану, он не спал как следует; если ему и удавалось ненадолго заснуть, его постоянно преследовали сны.

В дверь постучали.

— Кто там? — сердито крикнул Роджер.

После короткой паузы последовал неуверенный ответ:

— Это мисс Хэрроуэй, доктор Туми. Я принесла письма, которые вы диктовали.

— Ну, тогда заходите скорее, не стойте в дверях.

Секретарша приоткрыла дверь на минимально необходимое расстояние и протиснула свое худое, невзрачное тело в кабинет. В руках она держала стопку бумаг. К каждому листочку была скрепкой прикреплена копия и конверт с адресом.

Роджеру не терпелось поскорее от нее избавиться. В этом и заключалась его ошибка: когда секретарша направилась к столу, он потянулся за письмами и почувствовал, что приподнимается со стула. Сохраняя сидячее положение, Роджер скользнул на два фута вперед, и только тогда сообразил, что происходит. Он заставил себя резко опуститься вниз и чуть не потерял равновесия. Однако это уже не имело значения.

Ни малейшего.

Мисс Хэрроуэй выпустила из рук письма, и они разлетелись в разные стороны. Потом она вскрикнула, повернулась, ударила плечом о дверь, вылетела в коридор и помчалась прочь, громко стуча высокими каблуками.

Роджер встал, потирая ушибленное бедро.

— Проклятье! — выругался он.

Его все время преследовала мысль о том, какое впечатление он произвел на несчастную секретаршу. Он видел себя ее глазами: здоровенный мужчина медленно поднимается над

своим столом и, продолжая сохранять сидячее положение, летит к ней.

Он поднял разбросанные письма и закрыл дверь в кабинет. Было уже довольно поздно, коридор давно опустел; мисс Хэрроуэй вряд ли станет рассказывать кому-нибудь о том, что видела. И все же Роджер с беспокойством ждал, что вокруг его кабинета начнет собираться толпа.

Однако ничего особенного не произошло. Возможно, мисс Хэрроуэй выскочила из коридора и грохнулась в обморок. Роджер подумал, что ему следовало бы проверить, все ли с ней в порядке, но потом он решил послать свою чересчур щепетильную совесть к дьяволу. Пока он не выяснит, что же такое с ним происходит, почему не прекращается этот ужасный кошмар, особенно высываться не следует.

Нужно сидеть очень тихо, и так уже сделано достаточно глупостей.

Роджер просмотрел письма: по одному каждому крупному физику-теоретику страны. Местные корифеи вряд ли сумели бы справиться с его проблемой.

Интересно, подумал он, поняла ли мисс Хэрроуэй, о чем письма? Он надеялся, что нет. Письма были сознательно составлены с использованием множества специальных терминов; возможно, их было даже больше, чем требовалось. Частично для того, чтобы продемонстрировать скромность; частично, чтобы подчеркнуть тот факт, что он сам, Роджер Туми, является серьезным ученым.

Он разложил письма по конвертам. Лучшие физики страны... Смогут ли они что-нибудь сделать?

В библиотеке царил тишина. Роджер Туми закрыл журнал «Теоретическая физика» и мрачно уставился на заднюю обложку. Журнал «Теоретическая физика»!.. Что, в конечном счете, понимают авторы той наукообразной галиматии, которая напечатана в журнале? Эта мысль расстроила Роджера. Еще совсем недавно он считал этих людей образцом для подражания.

К тому же он жил, следуя их философии и кодексу чести. Вместе с Джейн, которая все более неохотно ему помогала, Роджер сделал кое-какие измерения. Он попытался обследовать феномен со всех сторон, выразить свои новые возможности в конкретных цифрах. Короче говоря, принялся атаковать проблему единственно известным ему способом — надеясь установить связь между новым явлением и вечными законами, которым должна следовать Вселенная.

(Должна следовать. Лучшие умы так считают.)

Только вот измерять было нечего. Ему не требовалось прилагать никаких усилий, чтобы взлететь. Дома — Роджер, конечно же, не решался проводить свои эксперименты на открытом воздухе — он так же легко доставал потолок, как и приподнимался над полом всего на дюйм, просто подъем продолжался чуть дольше. Если бы у него было достаточно времени, он мог бы подниматься бесконечно; добраться до Луны, например, если возникнет необходимость.

Он поднимал на себе груз. Процесс замедлялся, но дополнительных усилий не требовалось.

Однажды он подошел к Джейн, держа в одной руке часы.

— Сколько ты вешишь? — спросил Роджер.

— Сто десять фунтов, — ответила она, с подозрением посмотрев на мужа.

Он схватил ее за руку. Джейн попыталась оттолкнуть его, но он не обратил на это внимания, и они начали медленно подниматься вверх. Джейн прижалась к Роджеру, побелев от ужаса.

— Двадцать две минуты и тридцать секунд, — заявил он, когда его голова коснулась потолка.

Оказавшись снова на полу, Джейн вырвала руку и убежала из комнаты.

Несколько дней назад Роджер заметил возле аптеки весы. На улице никого не было, поэтому он встал на весы и опустил монетку. Хотя он и предполагал нечто подобное, но все равно был потрясен, когда увидел, что стрелка остановилась на отметке в тридцать фунтов.

С тех пор он постоянно таскал с собой мелкие монетки и при каждом удобном случае взвешивался. В те дни, когда дул свежий ветер, он весил больше, словно кто-то беспокоился, чтобы его не унесло.

Изменения происходили совершенно автоматически. Его вес постоянно находился в границах между максимальным удобством и безопасностью. Однако Роджер был в состоянии управлять левитацией — примерно так же, как дыханием. Стоя на весах, он изменял свой вес от нормального до, естественно, нуля.

Купив весы, Роджер попытался измерить скорость, с которой он мог менять свой вес. Из этой затеи ничего не вышло. Стрелка за изменениями не поспевала. Единственное, в чем Роджеру удалось убедиться, так это в ограниченных возможностях купленных весов.

Ну и какой из этого всего следует вывод?

Он встал и, опустив плечи, направился к выходу из кабинета, по дороге стараясь незаметно касаться столов, стульев, стены. Ему это было необходимо. Контакт с вещами успокаивал — так Роджер убеждался, что все еще касается ногами пола. Если он перестанет чувствовать рукой стол или пальцы скользнут по стене — дело дрянь.

В коридоре, как обычно, было полно студентов. Роджер не обращал на них внимания, а они уже привыкли к тому, что с ним не следует здороваться. Роджер понимал, что кое-кто считает его странным, а многие стали хуже к нему относиться.

Он прошел мимо лифта, которым теперь практически перестал пользоваться — в особенности когда нужно было спуститься вниз. Лифт начинал опускаться, а Роджер всегда поднимался в воздух. Он тщательно готовился к моменту начала движения, но все равно подскакивал вверх, и люди начинали подозрительно на него коситься.

Когда Роджер подошел к лестнице и уже протягивал руку к перилам, он споткнулся. Ужасная неприятность. Три недели назад он покатылся бы по ступенькам.

На этот раз автоматическая система сработала безотказно: наклонившись вперед и раскинув руки с растопыренными пальцами, согнув ноги в коленях, Роджер спланировал вниз, как самолет, заходящий на посадку. Или как марионетка на веревочках.

Он был слишком ошеломлен и испуган, чтобы что-нибудь исправить. В двух футах от окна, в конце пролета, он автоматически остановился и завис в воздухе.

В это время на лестнице находилось двое студентов, которые в ужасе прижались к стене, наверху — трое, и еще один застыл на площадке, перед висящим преподавателем, так близко, что они могли коснуться друг друга.

Наступила тишина. Все смотрели на него.

Роджер выпрямился, опустил и побежал вниз по ступенькам, отталкивая попадающих по дороге студентов. У него за спиной слышались громкие удивленные восклицания.

— Доктор Мортон хочет поговорить со мной? — Роджер повернулся в своем кресле, крепко держась за одну из ручек.

Новая секретарша факультета кивнула:

— Да, доктор Туми. — С этими словами она быстро вышла.

За короткое время, что прошло с того момента, как уволилась мисс Хэрроуэй, она уже успела выяснить, что с доктором Туми что-то не так. Студенты его избегали. На лекциях

передние ряды оставались незанятыми, зато последние были заполнены перешептывающимися юношами и девушками ..

Роджер заглянул в маленькое зеркало, висевшее на стене возле двери. Поправил пиджак и стряхнул ниточки, приставшие к обшлагам, — впрочем, это не слишком помогло. В последнее время он заметно похудел, хотя и не мог с точностью сказать, на сколько именно. Да и вообще, выглядел неважно, как будто постоянно вступал в спор с собственным пищеварением и оно всякий раз одерживало победу.

У него не было никаких неприятных предчувствий относительно предстоящей беседы с деканом факультета. Роджеру удалось выработать достаточно циничное отношение к случаям своей левитации. Судя по всему, свидетели не стали никому ничего рассказывать. Мисс Хэрроуэй определенно промолчала. И у него не было никаких оснований считать, что студенты с лестницы разболтали то, что видели.

Поправив галстук, он вышел из своего кабинета.

Кабинет доктора Филиппа Мортонна находился совсем не подалеку, вдоль по коридору, что вполне устраивало Роджера. Он постоянно приучал себя двигаться как можно медленнее: чуть-чуть приподняв ногу, ставил ее перед собой и оценивал результат, потом, не теряя бдительности, делал следующий шаг. Так и шел, шаркая ногами и не поднимая глаз от пола.

Увидев Роджера, доктор Мортон нахмурился. У него были маленькие глазки, неровно подстриженные редкие усики и мятый костюм. Он имел очень неплохую репутацию в научном мире и был склонен предоставлять решение проблем обучения своим преподавателям.

— Вы знаете, Туми, — без всяких предисловий начал декан, — я получил очень странное письмо от Линуса Диринга. Вы писали ему, — он заглянул в листок, лежащий на столе, — двадцать второго прошлого месяца? Это ваша подпись?

Роджер посмотрел и кивнул. Он попытался прочитать перевернутое письмо Диринга. Несколько неожиданный поворот. На письма, отосланные в день инцидента с мисс Хэрроуэй, пришли ответы только от четырех физиков.

Три из них состояли из одного абзаца, в котором говорилось примерно следующее: «Я действительно получил ваше письмо от двадцать второго. Боюсь, что ничем не смогу вам помочь». В четвертом от Балантайна из Северо-западного технологического настойчиво рекомендовалось обратиться в институт психиатрических исследований. Роджер не знал, это попытка помочь или насмешка.

Диринг из Принстона был пятым. Роджер очень на него рассчитывал.

Доктор Мортон громко откашлялся и поправил очки.

— Я хочу прочитать вам это письмо. Садитесь, Туми, садитесь, не стойте. В письме говорится: «Дорогой Фил...» — доктор Мортон быстро посмотрел на Роджера и глупо улыбнулся, — Линус и я познакомились на одном из семинаров в прошлом году. Мы с ним немного выпили. Очень симпатичный человек.

Он снова поправил очки и вернулся к письму:

— «Дорогой Фил, работает ли на вашем факультете некий доктор Роджер Туми? Вчера я получил от него очень необычное письмо. Ума не приложу, как к нему отнестись. Поначалу я хотел просто выбросить письмо, посчитав самой обычной душью, но потом подумал, что, раз доктор Туми работает у вас на факультете, вы должны его знать. Вполне возможно, что кто-то использует бумагу с печатью факультета для каких-то махинаций. Поэтому я прикладываю письмо доктора Туми, чтобы вы сами с ним разобрались. Надеюсь, когда вы окажетесь в наших краях...» Ну, остальное носит личный характер.

Доктор Мортон сложил письмо, снял очки, положил их в кожаный футляр, который, в свою очередь, засунул в нагрудный карман пиджака, потом переплел пальцы и откинулся на спинку кресла.

— Надеюсь, — продолжал он, — нет необходимости зачитывать вам ваше письмо. Что это было? Шутка? Розыгрыш?

— Доктор Мортон, — серьезно проговорил Роджер. — Это не шутка. И не розыгрыш. Я разослал письма многим физикам. Содержание говорит само за себя. Я наблюдал случаи... левитации и хочу, чтобы была предпринята попытка сделать теоретическое обоснование этого явления.

— Левитация! В самом деле?

— Тут все абсолютно честно, доктор Мортон.

— Вы сами наблюдали левитацию?

— Конечно.

— Никаких скрытых проводов или веревочек? Никаких зеркал? Послушайте, Туми, вы ведь не являетесь экспертом по подобным фокусам.

— Была проведена вполне научная серия опытов. Возможность обмана исключается.

— Вы могли бы проконсультироваться со мной, Туми, прежде чем посылать эти письма.

— Возможно, тут вы правы, доктор Мортон, но, откровенно говоря, меня беспокоило, что вы можете... не проявить особого энтузиазма.

— Ну, благодарю вас. Надеюсь, все обстоит именно так, как вы утверждаете. Однако писать на бланке нашего факультета... Вы меня удивили, Туми. Послушайте, вы вправе делать все,

что хотите — ведь это ваша собственная жизнь. Если вы верите в левитацию — ради Бога, но только в свободное от работы время. Подобные вещи несовместимы с истинной наукой — по-моему, это любому ученому очевидно, — и я бы хотел, чтобы ради благополучия факультета, да и всего колледжа, вы постарались это усвоить.

Кстати, Туми, в последнее время вы заметно похудели. Да и выглядите не лучшим образом. На вашем месте я бы обратился к врачу. К специалисту по нервным болезням.

— Может быть, лучше сразу к психиатру? — с горечью спросил Роджер.

— Ну, это уже ваше дело. В любом случае немного отдыха...

В этот момент зазвонил телефон, и секретарша взяла трубку. Она поймала взгляд своего босса, и доктору Мортону пришлось оторваться от разговора с Роджером.

— Да... доктор Смайзерс да... м-м-м... Да... Относительно кого?... Ну, по правде говоря, он как раз сейчас сидит у меня... Да... Да, немедленно.

Он положил трубку и задумчиво посмотрел на Роджера.

— Ректор хочет видеть нас обоих.

— По какому вопросу, сэр?

— Он не сказал. — Доктор Мортон встал и направился к двери. — Вы идете, Туми?

— Да, сэр. — Роджер осторожно выпрямился, на всякий случай зацепившись ногой за край письменного стола.

Ректор Смайзерс был высоким, стройным человеком с удлиненным лицом аскета. Он слегка присвистывал, когда производил шипящие звуки, — похоже, дантист поленился как следует подогнать вставные зубы.

— Закройте дверь, мисс Брайс, — сказал ректор, — некоторое время я не буду отвечать на телефонные звонки. Садитесь, джентльмены. — Он важно посмотрел на посетителей и добавил: — Думаю, нам следует сразу перейти к делу. Не знаю, что именно выделяет доктор Туми, но он должен немедленно это прекратить.

Доктор Мортон удивленно взглянул на Роджера:

— А в чем, собственно, дело?

Роджер мрачно пожал плечами:

— В этом вопросе от меня ничего не зависит. — Похоже, он недооценил способность студентов распускать самые разнообразные слухи.

— Ну ладно, ладно, — в голосе ректора появилось нетерпение. — Я не знаю, в какой степени можно доверять дошедшим

до меня слухам, но создается впечатление, что в вас проснулись таланты иллюзиониста; вы решили продемонстрировать несколько дурацких фокусов, забыв, вероятно, что такое поведение не соответствует духу нашего учебного заведения.

— Мне об этом ничего не известно, — заявил доктор Мортон.

Ректор нахмурился:

— Похоже, вы еще ничего не слышали. Просто поразительно, насколько часто руководство остается в неведении относительно вопросов, которые будоражат студенческие массы в нашем колледже. Раньше я этого не понимал. Мне и самому довелось услышать об этом совершенно случайно, только благодаря тому, что я перехватил репортера, который явился к нам, чтобы взять интервью у «доктора Туми, летающего профессора».

— Что? — воскликнул доктор Мортон.

Роджеру не оставалось ничего иного, как затравленно слушать.

— В газету позвонил один из наших студентов. Я тут же предложил репортеру покинуть территорию колледжа, а студента попросил зайти ко мне в кабинет. Если верить его словам, доктор Туми летал — я использую слово «летал», потому что студент упрямо стоял на своем — вниз, вдоль лестничного пролета, а потом обратно. Он утверждает, что тому было не менее дюжины свидетелей.

— Я только спустился вниз, — пробормотал Роджер.

Ректор Смайзерс нетерпеливо расхаживал взад и вперед по ковру своего кабинета. Он пришел в невероятное возбуждение от собственных слов.

— Вот что я вам скажу, Туми. Я не имею ничего против любительского театра. Мне часто приходится бороться с излишней серьезностью и чрезмерной чопорностью, царящими в нашем учебном заведении. Я всячески приветствую дружеские отношения между преподавателями и студентами, никогда не возражал против общения вне стен колледжа. Пожалуйста, устраивайте для них любые представления в своем собственном доме. Вы можете себе представить, что будет с нашим колледжем, если безответственная пресса начнет печатать подобные статьи? Болтовню о летающих тарелках заменят дурацкие бредни о летающем преподавателе. Не сомневаюсь, доктор Туми, что, если репортеры до вас доберутся, вы будете все категорически отрицать.

— Я понимаю, мистер Смайзерс.

— Надеюсь, нам удастся избежать неприятных последствий этого инцидента. Я должен попросить вас со всей строгостью,

соответствующей моему положению, никогда не повторять вашего... э-э... спектакля. Если же это произойдет, вам придется подать в отставку. Вы меня понимаете, доктор Туми?

— Да, — сказал Роджер.

— В таком случае до свидания, джентльмены

Доктор Мортон повел Роджера обратно в свой кабинет. На этот раз он выпроводил секретаршу и плотно закрыл за ней дверь.

— Боже мой, Туми, — прошептал он. — Неужели это безумие имеет какое-то отношение к вашему письму о левитации?

Роджер чувствовал, что еще немного, и нервы у него не выдержат.

— Разве это не очевидно? Я ведь о себе писал в письмах.

— Вы умеете летать? Я хотел сказать, вы обладаете способностью левитировать?

— Верно и то и другое.

— Я ничего подобного... никогда... черт возьми, Туми, знает, мисс Хэрроуэй действительно видела, как вы летали?

— Однажды. Это произошло случайно...

— Конечно. Теперь мне все ясно. Она впала в такое истерическое состояние, что я ничего не мог понять. И сказала, что вы на нее набросились. Получалось, что она обвиняет вас в... в.. — Доктор Мортон слегка смутился. — Ну, я ей не поверил. Понимаете, она была хорошей секретаршей, но отнюдь не из тех, на кого мог бы обратить внимание молодой человек. По правде говоря, я даже испытал облегчение, когда она уволилась. В какой-то момент у меня появилось подозрение, что в следующий раз она возьмет в руки маленький пистолет или начнет обвинять меня. Так вы... вы умеете летать, правда?

— Да.

— А как вы это делаете?

Роджер покачал головой:

— В том-то и заключается моя проблема. Я и сам не знаю.

Доктор Мортон позволил себе улыбнуться:

— Надеюсь, вы не станете отрицать действие закона тяготения?

— Понимаете, получается так, что я вынужден отрицать закон тяготения. Это как-то связано с антигравитацией.

На лице доктора Мортона появилось справедливое возмущение — он понял, что его шутку восприняли всерьез, и решил, что Роджер Туми вздумал над ним поиздеваться.

— Послушайте, Туми, тут не над чем смеяться.

— Смеяться! Господи Боже, доктор Мортон, неужели я похож на человека, которому смешно?

— Ну... вам следует отдохнуть, это понятно... Вы немножко устаетесь и забудете об этих глупостях. Не сомневаюсь, что именно так все и будет.

— Никакие это не глупости. — Роджер опустил голову, а потом добавил, немного спокойнее: — Вот что я вам скажу, доктор Мортон: не хотите ли вы заняться изучением этой проблемы, вместе со мной? Речь ведь идет о новых горизонтах в физике. Я не знаю, как эта штука работает; мне не приходит в голову никакого разумного объяснения. Может быть, вдвоем...

На лице доктора Мортона был написан ужас.

— Я знаю, сама идея кажется вам совершенно дикой, — спокойно сказал Роджер. — Но я могу показать. Все абсолютно законно. Мне бы самому хотелось, чтобы это было не так.

— Ну, ну. — С этими словами доктор Мортон вскочил со стула. — Не нужно напрягаться. Вы нуждаетесь в отдыхе. Не думаю, что целесообразно ждать до июня. Отправляйтесь-ка домой, прямо сейчас. Я позабочусь о том, чтобы вы продолжали получать жалованье. Что касается вашего курса, полагаю, я с ним справлюсь — вы же знаете, когда-то мне уже приходилось это читать.

— Доктор Мортон, это важно!

— Я знаю. Знаю. — Доктор Мортон потрепал Роджера по плечу. — Тем не менее, мой мальчик, вы выглядите не лучшим образом. Откровенно говоря, у вас просто ужасный вид. Отдохните хорошенько.

— Я могу левитировать, — Роджер вновь повысил голос. — Вы просто-напросто пытаетесь от меня избавиться, потому что не верите ни одному моему слову. Вы думаете, я лгу? Посудите сами, зачем мне это?

— Мой мальчик, стоит ли так волноваться? Давайте я сделаю один телефонный звонок. Кто-нибудь отвезет вас домой.

— Повторяю, я могу левитировать! — заорал Роджер.

Доктор Мортон густо покраснел.

— Послушайте, Туми, давайте не будем больше об этом говорить. Меня совершенно не интересует, можете вы взлететь в воздух в данную минуту или нет.

— Вы хотите сказать, что не поверите своим глазам, даже если увидите, что я могу подняться в воздух?

— В левитацию? Конечно, нет! — взревел декан факультета. — Если я увижу, что вы летаете, то отправлюсь к окулисту или психиатру. Я скорее поверю в собственное безумие, чем в то, что законы физики...

Голос его пресекся, он громко фыркнул.

— Ну, как я уже говорил, давайте положим конец дискуссии. Подождите-ка, я сейчас позвоню...

— В этом нет никакой необходимости, сэр. Никакой необходимости, — сказал Роджер. — Я уйду. В отпуск. До свидания.

Он повернулся и быстро вышел — вот уже несколько дней он не позволял себе перемещаться так стремительно. Декан Мортон стоял, опираясь обеими руками о свой стол, и с облегчением смотрел на удаляющуюся спину доктора Роджера Туми.

Когда Роджер вернулся домой, он обнаружил, что в гостиной его поджидает Джеймс Сарль, доктор медицины. Доктор разжигал трубку, которая почти полностью скрывалась в его большом кулаке. Он потушил спичку, и его красное лицо расплылось в улыбке.

— Привет, Роджер. Ты что, теперь живешь затворником? Не звонил мне целый месяц!

Черные брови Джеймса Сарля срослись на переносице, придавая ему грозный вид, что каким-то необъяснимым образом помогало доктору легко находить нужный тон в общении с пациентами.

Роджер повернулся к Джейн, с ногами забравшейся в кресло. У нее на лице застыло выражение бесконечной усталости, которое стало характерным в последнее время.

— Зачем ты его вызвала? — спросил, обращаясь к ней, Роджер.

— Подожди минутку, не торопись, — вмешался Сарль. — Никто меня не вызывал. Я встретил Джейн утром в центре города и сам напросился в гости. Ты же видишь, я вешу на тридцать фунтов больше, чем она. Она просто не смогла мне отказать.

— И вы, конечно, встретились случайно? Ты что, всегда заранее договариваешься о своих случайных встречах?

— Ладно, не буду отпираться, — рассмеялся Сарль. — Она рассказала мне немного о том, что у вас здесь происходит.

— Мне очень жаль, если ты против, Роджер, — устало сказала Джейн, — но впервые за все время у меня появилась возможность поговорить с человеком, который в состоянии понять.

— А с чего ты взяла, что он понимает? Скажи мне, Джим, ты ей поверил?

— Ну, поверить в такую историю совсем не просто, — ответил Сарль. — Вряд ли ты станешь с этим спорить. Однако я пытаюсь.

— Ладно, предположим, я летаю. Предположим, я взлечу прямо сейчас. Что ты станешь делать?

— Может быть, в обморок упаду. Или скажу: «О Господи!» А может быть, стану хихикать, как дурачок. Почему бы тебе не попробовать? Тогда и узнаем.

Роджер пристально посмотрел на него:

— Ты и в самом деле этого хочешь?

— А почему бы и нет?

— Те, кто уже видели это, кричали, убегали или застывали на месте от ужаса. Ты уверен, что выдержишь, Джим?

— Думаю, да.

— Ну что ж. — Роджер медленно поднялся на два фута вверх и проделал в воздухе несколько замысловатых па. Он продолжал висеть над полом, оттянув носочки и изящно разводя руки в стороны, сотворив таким образом мрачноватую пародию на балетную фигуру.

— Лучше, чем Нижинский*, не так ли, Джим?

Сарль не сделал ничего из того, что предполагал Роджер. Только едва успел подхватить трубку, которую выронил от удивления. Он вообще никак не отреагировал.

Джейн закрыла глаза. Из-под ее ресниц медленно потекли слезы.

— Спускайся, Роджер, — попросил Сарль.

Роджер послушно сел на стул и заявил:

— Я разослал письма нескольким знаменитым физикам, где подробно описал возникшую ситуацию. А еще в них говорится, что феномен следует самым тщательным образом изучить. Большинство просто не ответило на мои письма. А один написал старине Мортону письмо, в котором интересовался, мошенник я или сумасшедший.

— О, Роджер, — прошептала Джейн.

— Ты думаешь, это плохо? Ректор пригласил меня сегодня к себе в кабинет. И сказал, чтобы я прекратил свои дешевые трюки. Один раз, спускаясь по лестнице, я споткнулся и, чтобы не упасть, совершенно машинально пролетел над ступеньками на следующую площадку. Мортон заявил, что не поверит в мою способность левитировать, даже если я взлечу у него на глазах. Увидеть — еще не значит поверить, заявил он, а потом предложил мне отпуск. Я не собираюсь возвращаться в колледж.

— Роджер, — прошептала Джейн, широко открыв свои голубые глаза. — Ты это серьезно?

— Я не могу вернуться. Меня от них тошнит. Ученые!

* Нижинский Вацлав Фомич (1889—1950) — русский артист балета, балет-мейстер. (Здесь и далее примеч. пер.)

— А что ты станешь делать?

— Не знаю. — Роджер закрыл лицо руками, потом сдавленным голосом пробормотал: — Ты скажи мне, что делать, Джим. Ведь ты психиатр. Почему они мне не верят?

— Возможно, причина в самозащите, Роджер, — медленно проговорил Сарль. — Люди стараются не иметь дела с тем, чего не в состоянии понять. Даже несколько столетий назад, когда многие действительно верили в существование сверхъестественных сил — ну, скажем, в способность летать на помеле, — считалось, что подобные штуки доступны лишь тем, кто продал душу дьяволу. И сейчас люди думают так же. Они могут не верить в дьявола, но всякую странность считают злом. И будут бороться против веры в левитацию — или испугаются до смерти, если им представят неоспоримые доказательства. Такова реальность, поэтому давай посмотрим правде в глаза.

— Ты говоришь об обычных людях, а я — об ученых, — покачивая головой, сказал Роджер.

— Ученые тоже люди.

— Ты же понимаешь, о чем я. Я столкнулся с неким феноменом. Это не колдовство. И я не заключал сделки с дьяволом. Джим, должно же существовать естественное объяснение тому, что со мной происходит. Мы еще далеко не все знаем о сущности гравитации. Да и вообще мало что о ней знаем. Не кажется ли тебе, что с некоторой натяжкой можно предположить существование некоего биологического метода нейтрализации тяготения? Возможно, со мной произошла какая-то мутация. У меня есть... ну, назовем это мышцей... которая может уничтожить гравитацию. Во всяком случае, она в состоянии компенсировать воздействие силы тяготения на мою персону. Ну так исследуйте это явление! Зачем сидеть сложа руки? Если удастся открыть антигравитацию... Это же будет колоссальным достижением для всего человечества!

— Подожди-ка, Роджер, — перебил его Сарль. — Давай немного подумаем вместе. Почему ты так переживаешь из-за этого? Джейн утверждает, что ты чуть с ума не сошел в первый день, еще до того, как выяснилось, что ученые проигнорировали твои письма, а начальство тобой крайне недовольно.

— Именно так, — пробормотала Джейн.

— Ну почему же так произошло? — продолжал Сарль. — Ты стал обладателем новой, удивительной способности; теперь ты свободен от сил гравитации, которые притягивают каждого из нас к земле.

— Только не нужно прикидываться дураком, — проворчал Роджер. — Я был в ужасе. Не мог понять, как это происходит. И сейчас не понимаю.

— Именно, мой мальчик! Ты столкнулся с необъяснимым явлением — поэтому оно и показалось тебе ужасным. Ты ведь ученый, физик. Ты знаешь, как устроена Вселенная. Или, если лично тебе известно не все, существуют другие люди, которые так точно знают. Даже если какие-то детали до сих пор вызывают сомнения, ты уверен — настанет день, когда ученые найдут ответ на все. Здесь ключевое слово — «знать». Это часть твоей жизни. Сейчас ты столкнулся с явлением, которое, по твоему мнению, противоречит базовым законам Вселенной. Ученые говорят: две массы притягивают друг друга в соответствии с определенным правилом математики. Это неоспоримое свойство материи и пространства. Никаких исключений быть не может. А теперь оказалось, что ты как раз и есть такое исключение.

— Вот уж точно! — мрачно воскликнул Роджер.

— Видишь ли, Роджер, — продолжал Сарль, — впервые за всю свою историю человечество располагает неоспоримыми законами. Я говорю о законах, которые невозможно нарушить. В примитивных культурах шаман может использовать заклинание, чтобы вызвать дождь. И даже если дождь не пойдет, это вовсе не будет означать, что колдовство несостоятельно. Просто шаман неправильно воспроизвел заклинание, нарушил какое-нибудь табу или оскорбил своего бога. В современных теократических культурах заповеди верховного божества считаются нерушимыми. Однако, если человек нарушает заповеди и все равно преуспевает, из этого вовсе не следует, что данная религия плоха. Пути Господни неисповедимы: впереди грешника ждет кара.

На сегодняшний день, тем не менее, у нас есть законы, которые действительно не могут быть нарушены: один из них — гравитация. Эти законы действуют даже в том случае, если человек забывает произнести вслух формулу, в качестве заклинания.

Роджер криво улыбнулся:

— Ты ошибаешься, Джим. Нерушимые законы нарушаются постоянно. В тот момент когда открыли радиоактивность, казалось, что этого явления просто не может существовать в природе. Энергия возникает из пустоты, невероятное количество энергии! Звучало так же анекдотично, как и идеи о левитации.

— Радиоактивность есть объективное явление, которое можно изучать и воспроизводить. Уран засветит пленку у кого

удочно. Трубка Крукса* может быть построена всяким, кто захочет получить поток электронов определенного вида. Ты...

— Я пытался связаться...

— Знаю. Но можешь ты, например, посоветовать мне, что я должен сделать, чтобы научиться летать? — спросил Сарль.

— Конечно, нет.

— Следовательно, остальным остается лишь наблюдать, не имея возможности поставить аналогичный эксперимент. Таким образом, твоя левитация попадает в один ряд с эволюцией звезд — о ней можно рассуждать теоретически, но невозможно доказать ее реальность экспериментальным путем.

— И тем не менее многие ученые посвящают всю свою жизнь астрофизике.

— Ученые — обычные люди. Они не могут добраться до звезд, поэтому довольствуются тем, что имеют. С тобой дело обстоит гораздо проще. Ты же здесь, у них под боком — но тот факт, что они не в состоянии разобраться с причинами, позволяющими тебе левитировать, будет приводить их в бешенство.

— Джим, они ведь даже не пытались. Ты говоришь так, словно меня уже изучали. Пойми, Джим, они и не собираются вникать в суть проблемы.

— А им это ни к чему. Твоя способность левитировать — лишь часть целого класса явлений, которые люди напрочь отменяют. Телепатия, ясновидение, предсказание будущего и тысячи других сверхъестественных способностей практически никогда серьезно не изучались, хотя о них поступали сообщения, подтвержденные множеством свидетелей. Эксперименты Рейна с экстрасенсами не слишком заинтересовали других ученых — скорее его опыты вызвали раздражение. Несомненно, ученым вовсе не нужно тебя изучать, чтобы убедиться, что у них нет никакого желания заниматься этой проблемой. Они и так это знают.

— Тебе это кажется смешным, Джим? Физики отказываются исследовать факты, поворачиваются спиной к правде. А ты сидишь здесь, ухмыляешься и отпускаешь остроумные замечания.

— Нет, Роджер, я знаю, это очень серьезно. И не намерен выступать в роли адвоката. Я просто размышляю вслух. Неужели ты сам не понимаешь, что я пытаюсь заставить тебя посмотреть правде в глаза? Забудь о своих идеалах и теориях, о том, что люди должны делать. Хорошенько поразмысли над тем, что они делают. В тот самый момент когда человек начинает принимать факты, перестает себя обманывать, все

* Катодно-лучевая трубка, названная в честь сэра Вильяма Крукса (1832—1919), английского физика и химика.

проблемы, как правило, исчезают. По меньшей мере удастся посмотреть на них с правильной точки зрения, после чего задача становится разрешимой.

Роджер беспокойно заерзал на своем месте.

— Обычные психиатрические бредни! Все равно что положить руку пациенту на лоб и сказать: «Ты должен верить — и тогда исцелишься!» А если бедняга не исцелился, так это потому, что недостаточно верил. При такой постановке вопроса нахаль никогда не проигрывает.

— Может быть, ты и прав, но попробовать-то не грех. Так в чем заключается твоя проблема?

— Давай не будем заниматься ерундой. Тебе прекрасно известно, в чем заключается моя проблема.

— У тебя появилась способность к левитации. В этом дело?

— Ну, для начала неплохо. Сгодится в первом приближении.

— Роджер, постарайся быть посерьезнее. Впрочем, ты, вероятно, прав. Первое приближение. В конечном счете ты ведь имеешь дело именно с этой проблемой. Джейн рассказывала мне, что ты ставишь эксперименты.

— Эксперименты! Видит Бог, Джим, я не ставлю никаких экспериментов. Просто плыву по течению. Мне требуются первоклассные специалисты и оборудование, настоящая исследовательская группа, а у меня нет ни малейшей возможности все это получить.

— Значит, в этом заключается твоя проблема? Второе приближение.

— Я понимаю, к чему ты клонишь, — сказал Роджер. — Моя проблема состоит в том, чтобы создать исследовательскую группу. Но я же пытался! До тех пор, пока не устал от собственных попыток.

— А как ты пытался?

— Рассылал письма, просил... Да брось, Джим, у меня нет ни малейшего желания выступать в роли твоего пациента. Тебе и так хорошо известно, что я делал.

— Да, я знаю, ты говорил людям: «У меня возникла проблема. Помогите мне». А ты пробовал подойти к решению задачи по-другому?

— Послушай, Джим. Я ведь имею дело со зрелыми учеными.

— Конечно. Именно поэтому ты и считаешь, что прямо сформулированного запроса вполне достаточно. Однако все теории противоречат фактам, которые ты им изложил. Мы уже говорили о трудностях, возникающих в связи с твоими просьбами-сообщениями. Когда ты выходишь на улицу и поднимаешь вверх руку, сигнализируя о том, что просишь кого-нибудь тебя подвезти, ты делаешь прямой запрос, однако

большинство машин проезжает мимо, не останавливаясь. Мораль в данном случае состоит в том, что прямой запрос не дал желаемого результата. Так в чем же твоя проблема? Третье приближение!

— Чтобы найти другой подход, который приведет к успеху? Ты хочешь услышать от меня именно это?

— И ведь слышал, не так ли?

— Иными словами, ты утверждаешь: я и без тебя знал, что нужно делать?

— А ты знал? Ты готов уйти из колледжа, бросить работу и свою науку. Куда подевалось твое упорство, Роджер? Ты что, всегда отказываешься от борьбы после того, как первый же эксперимент терпит неудачу? Когда первая теория, которая приходит тебе в голову, оказывается неверной? Тебе следует применить к отношениям с людьми тот метод, который принято использовать в экспериментальной физике.

— Хорошо. Что ты предлагаешь? Взятки? Угрозы? Слезы?

Джеймс Сарль встал:

— Ты в самом деле хочешь услышать совет?

— Давай, советуй.

— Сделай так, как тебе порекомендовал доктор Мортон. Возьми отпуск и пошли левитацию к дьяволу. Это проблема далекого будущего. Спи в своей постели и взлетай — или не взлетай, неважно. Забудь о левитации, смейся над ней или получай удовольствие. Делай все что угодно, только перестань беспокоиться, потому что это — не твоя работа. Вот что самое главное. Левитация не является твоей непосредственной проблемой. Посвяти свободное время размышлениям о том, как заставить ученых изучать то, что они изучать не хотят. Именно в этом и заключается твоя главная задача. Что ты сделал, чтобы ее решить?

Сарль подошел к вешалке и взял пальто. Роджер отправился его проводить. Они немного помолчали. Потом, не поднимая глаз, Роджер признался:

— Возможно, ты прав, Джим.

— Попробуй, а потом позвони мне. До свидания, Роджер.

Роджер Туми открыл глаза и, мигая, посмотрел на яркий утренний свет, заливавший спальню.

— Эй, Джейн, ты где? — позвал он.

— В кухне, — долетел до него приглушенный голос Джейн. — Где я еще могу быть?

— Иди сюда, пожалуйста.

Она вошла.

— Знаешь, бекон сам не поджарится.

— Послушай, а я прошлой ночью летал?

— Понятия не имею. Я спала.

— Да, много от тебя толку. — Он засунул ноги в тапочки и встал с постели. — Мне кажется, я не летал.

— Может, ты забыл, как это делается? — В голосе Джейн появилась неожиданная надежда.

— Ничего я не забыл. Смотри! — Он взлетел в воздух и немедленно переместился в гостиную. — У меня просто возникло чувство, что я не летал. Мне кажется, это продолжается уже три ночи подряд.

— Ну хорошо, — сказала Джейн и вернулась к плите. — Месячный отпуск пошел тебе на пользу. Если бы я с самого начала позвонила Джиму...

— Пожалуйста, давай не будем начинать все заново. Боже мой, месячный отпуск!.. Только в прошлое воскресенье я понял, что нужно делать. С тех пор и перестал нервничать. Вот и все.

— А что ты собираешься делать?

— Каждый год, весной, Северо-западный технологический устраивает серию семинаров по физике. Я приму в них участие.

— Ты собираешься поехать в Сиэтл?

— Да.

— А что они там будут обсуждать?

— Не имеет значения. Я хочу повидаться с Линусом Дирингом.

— Но ведь именно он назвал тебя сумасшедшим, или я ошибаюсь?

— Верно. — С этими словами Роджер засунул себе в рот здоровенный кусок яичницы. — Тем не менее Линус Диринг лучше всех.

Он потянулся за солью, взлетев на несколько дюймов над стулом и не обратив на это никакого внимания.

— Мне кажется, я нашел к нему подход.

Весенние семинары в Северо-западном технологическом получили национальную известность с тех пор, как на физический факультет университета пришел работать Линус Диринг. Он был постоянным руководителем семинаров — благодаря Дирингу все происходящее становилось особенно значимым и интересным. Он представлял выступающих, вел дискуссии, подводил итог выступлениям и был душой общества на заключительном обеде в конце каждой рабочей недели.

Все это Роджер Туми знал по рассказам своих коллег. Сам он ни разу не участвовал в семинарах, но теперь мог увидеть

знаменитого физика в деле. Профессор Диринг был смуглым человеком несколько ниже среднего роста, с роскошными, вьющимися каштановыми волосами. Когда профессор Диринг молчал, казалось, что его большой тонкогубый рот хитро улыбается. Выступая, он говорил свободно и быстро, без каких бы то ни было записей, а комментировал все с видом превосходства, который его слушатели принимали как должное.

По крайней мере так было утром первого дня семинара. Во время дневного заседания слушатели начали замечать в его манере некоторую неуверенность. Более того, в том, как профессор сидел на сцене, слушая доклады, включенные в повестку дня, была какая-то неловкость. Периодически он бросал косые взгляды в сторону последних рядов аудитории.

Роджер Туми устроился на самом последнем ряду и напряженно наблюдал за происходящим. Временный переход к нормальному состоянию, который начался, когда ему показалось, что он нашел выход из положения, подходил к концу. В поезде до Сизтла поспать не удалось — все время мерещилось, как он поднимается в воздух, подчиняясь ритму стучащих по рельсам колес, медленно выплывает в коридор, а потом просыпается под отчаянные вопли проводника. Поэтому Роджер плотно задвинул занавески и застегнул их, но ничего этим не добился, чувство безопасности не приходило; он не мог заснуть как следует, только время от времени проваливался в тяжелое, не дающее отдыха забытие.

Роджер дремал днем, когда мимо окон проносились горы, и прибыл в Сизтл вечером; у него ужасно затекла шея, болело все тело, а настроение было ужасным.

Он слишком поздно принял решение отправиться на семинар и не смог получить комнату в институтском общежитии. Жить с кем-то вместе — об этом и думать было нечего. Роджер снял номер в отеле, закрыл на замок дверь, потом окна, придвинул кровать к стене, а шкафчик — к другой стороне кровати и только после этого смог заснуть.

Наутро он не помнил, спились ли ему сны, а оглядевшись по сторонам, убедился, что по-прежнему лежит в своем убежище. Ему стало немного легче.

Семинары традиционно проводились во время пасхальных каникул, и студенты на них не присутствовали. Около пятидесяти физиков сидело в аудитории, рассчитанной на четыреста человек; они расположились по обе стороны главного прохода, поближе к кафедре. Роджер устроился в самом последнем ряду, где его не заметили бы случайные люди, которым взбрело бы в голову заглянуть в аудиторию сквозь застекленную дверь, а присутствующим пришлось бы развернуться на сто восемь-

десят градусов, чтобы на него посмотреть. Кроме, естественно, того, кто находился за кафедрой, — и профессора Диринга.

Роджер не слушал докладов. Он полностью сосредоточился на том, чтобы не пропустить те редкие моменты, когда Диринг находился на кафедре один; когда только Диринг мог его увидеть.

По мере того как Диринг все больше и больше нервничал, Роджер чувствовал себя увереннее. Во время подведения итогов дневного заседания он выступил на максимум.

Профессор Диринг вдруг замолчал посреди абсолютно бессмысленной и неправильно построенной фразы. Присутствующие, которые уже некоторое время смущенно ерзали на своих сиденьях, замерли и удивленно на него посмотрели.

Диринг поднял руку и, задыхаясь, выкрикнул:

— Вы! Вы, там!

Роджер Туми сидел совершенно спокойно — посреди прохода. Он удобно устроился, закинув ногу на ногу и используя воздух вместо стула.

Когда Диринг замахал руками, Роджер быстро скользнул в сторону. К тому времени как к нему повернулись все пятьдесят голов, он мирно сидел на самой обычной деревянной скамейке.

Роджер огляделся по сторонам, затем посмотрел на указующий палец Диринга и встал на ноги.

— Вы обращаетесь ко мне, профессор Диринг? — спросил он, причем его голос дрогнул совсем незаметно, ему удалось скрыть волнение.

— Чем это вы там занимаетесь? — возмущенный Диринг явно не выдержал напряжения и взорвался.

Кое-кто из присутствующих встал, чтобы лучше видеть происходящее. Ученые физики так же точно обожают, когда прерываются их любимые сборища, как и игроки в бейсбол.

— А я ничем таким не занимаюсь, — сказал Роджер. — Не понимаю, о чем вы говорите.

— Убирайтесь! Покиньте аудиторию!

Диринг оказался во власти разбушевавшихся эмоций, иначе он никогда бы такого не сказал. Роджер в ответ вздохнул и решил воспользоваться представившейся ему возможностью. Громко и отчетливо, стараясь перекрыть нарастающий шум, он заявил:

— Я, профессор Роджер Туми из колледжа Карсон, являюсь членом Американской ассоциации физиков. Я попросил разрешения присутствовать на этих семинарах, получил положительный ответ и заплатил за регистрацию. Я нахожусь здесь

потому, что имею на это право, и намерен присутствовать на всех заседаниях семинара.

— Убирайтесь! — только и мог выдать из себя Диринг.

— И не подумаю, — ответил Роджер. Он заставил себя разозлиться, его трясло от возмущения. — Хотелось бы знать, по какой причине я должен покинуть аудиторию? Что я сделал?

Диринг, буквально лишившись дара речи, попытался пригладить дрожащей рукой волосы.

— Если вы попытаетесь выгнать меня с семинара без всякой на то причины, — не сдавался Роджер, — я подам на университет в суд.

— Объявляю заседание первого дня весеннего семинара, посвященного новым достижениям физики, закрытым, — быстро проговорил Диринг. — Следующее заседание состоится здесь же, завтра, в девять часов.

Роджер поспешно покинул аудиторию.

Вечером в дверь его номера постучали. Роджер удивился, замер в кресле.

— Кто там?

Ему ответили тихим, быстрым шепотом:

— Могу я с вами поговорить?

Голос принадлежал Дирингу. Название гостиницы, в которой остановился Роджер, и номер его комнаты, естественно, имелись у секретаря семинара. Роджер совсем не ожидал, что события начнут разворачиваться так быстро.

Он открыл дверь и церемонно произнес:

— Добрый вечер, профессор Диринг.

Диринг вошел в номер и огляделся по сторонам. На нем было легкое пальто, но он явно не собирался его снимать, как не собирался расставаться и со шляпой, которую держал в руке.

— Профессор Роджер Туми из колледжа Карсон, — сказал он. — Правильно?

— Да. Садитесь, профессор.

Диринг остался стоять.

— Ну и чего вы добиваетесь?

— Не понимаю, о чем вы.

— А я уверен, что вы все прекрасно понимаете. Вы не стали бы просто так устраивать свои дурацкие фокусы. Вы или желаете выставить меня на посмешище, или собираетесь втянуть в какую-то аферу. Так вот учтите: у вас ничего не выйдет. И не пытайтесь прибегнуть к силе — у меня есть друзья,

которым известно, куда я направился. Советую вам во всем признаться, а после этого покинуть город.

— Профессор Диринг! Это моя комната. Если вы пришли, чтобы оскорблять меня, прошу вас удалиться.

— Вы собираетесь продолжать это... это преследование?

— Я вас вовсе не преследую, сэр.

— А не тот ли вы Роджер Туми, который написал мне письмо, где говорилось о левитации? Вы предлагали мне заняться исследованием этого феномена.

Роджер удивленно посмотрел на Диринга:

— О каком письме вы ведете речь?

— Вы что, отрицаете это?

— Конечно, отрицаю. Что вы от меня хотите? У вас есть письмо?

Профессор Диринг поджал губы:

— Ладно, об этом не будем. Вы отрицаете, что на сегодняшнем заседании семинара вы подвесили себя на невидимых проводах?

— На проводах? Что за чепуха?

— Вы левитировали!

— Не могли бы вы, профессор Диринг, оставить меня в покое? Похоже, вы немного не в себе.

— Значит, вы отрицаете, что левитировали на моих глазах сегодня утром? — Голос профессора сорвался.

— Вы, очевидно, сошли с ума. Хотите сказать, что я устроил фокус в вашей аудитории? Я никогда там раньше не был и вошел туда после вас. Вы нашли какие-нибудь провода или другие приспособления, когда я ушел?

— Я не знаю, как именно вы это проделали, и мне все равно. Вы продолжаете отрицать, что левитировали?

— Конечно, отрицаю.

— Я вас видел. Зачем вы лжете?

— Вы видели, как я левитировал? Профессор Диринг, не объясните ли вы мне, как такое может быть? Полагаю, вы достаточно знаете о природе сил тяготения, чтобы понимать, что левитация — полнейшая чушь, если только речь не идет об открытом космосе. Вы решили подшутить надо мной?

— Боже праведный! — визгливо закричал Диринг. — Почему вы не хотите сказать мне правду?

— А я не лгу. Вы что, полагаете, что я могу поднять руку, произнести магическое заклинание... а потом... взлечу? — С этими словами Роджер начал медленно подниматься в воздух и остановился только в тот момент, когда его голова коснулась потолка.

Голова Диринга дергалась.

— Вот! Вот... вот...

Роджер улыбаясь опустился на пол:

— Вряд ли о таком явлении можно говорить серьезно.

— Вы снова это сделали... Вы только что это сделали...

— Что сделал, сэр?

— Вы левитировали! Вы только что левитировали!

Лицо Роджера приняло озабоченное выражение.

— Похоже, вы больны, сэр.

— Я видел то, что я видел.

— Вам следует отдохнуть. Слишком много работы...

— Это не галлюцинация!

— Может быть, хотите чего-нибудь выпить? — Роджер направился к своему чемодану, а Диринг, выпучив глаза, неотрывно следил за его ногами. Носки туфель Роджера находились в двух дюймах от пола и ни разу не опустились ниже.

Диринг плюхнулся в кресло, которое освободил Роджер.

— Да, пожалуйста, — слабым голосом попросил он.

Роджер протянул ему бутылку виски, Диринг сделал пару больших глотков и слегка поперхнулся.

— Ну как, лучше?

— Послушайте, — сказал Диринг, — неужели вы нашли способ нейтрализовать тяготение?

Роджер пристально посмотрел на него:

— Возьмите себя в руки, профессор. Если бы я овладел антигравитацией, то не стал бы играть с вами в игры. И уже давно находился бы в Вашингтоне. Я представлял бы из себя страшно важный военный секрет. Я бы... в общем, здесь бы меня не было! Это же очевидно!

Диринг вскочил на ноги:

— И вы собираетесь сидеть на последнем ряду на всех оставшихся заседаниях семинара?

— Конечно.

Диринг кивнул, нахлобучил на голову шляпу и стремительно выскочил в дверь.

В течение трех последующих дней профессор Диринг не председательствовал на заседаниях семинара. Его отсутствия никто не объяснил. Роджер Туми, в котором надежда боролась с дурными предчувствиями, сидел среди других физиков и старался держаться незаметно. В этом, однако, он не слишком преуспел. Необъяснимые наскоки Диринга обратили на него внимание аудитории, а достойное и уверенное поведение принесло славу Давида, выступившего против Голиафа.

В четверг вечером после отвратительного обеда Роджер вернулся к себе в гостиницу и остановился в дверном проеме, поставив одну ногу на порог. Его поджидал профессор Диринг. С ним был еще один человек в серой, надвинутой на лоб шляпе, который расположился на кровати Роджера.

Неловкую тишину прервал незнакомец:

— Заходите, Туми.

Роджер вошел в номер и закрыл за собой дверь.

— Что здесь происходит?

Незнакомец вытащил бумажник и показал Роджеру удостоверение в пластиковом футляре.

— Меня зовут Кэннон, я работаю на ФБР.

— Я вижу, вы пользуетесь влиянием в правительстве, профессор Диринг, — усмехнулся Роджер.

— Немного, — не стал спорить Диринг.

— Ну что, я под арестом? В чем заключается мое преступление?

— Зачем же так волноваться? — успокоил его Кэннон. — Мы просто собираем о вас кое-какие данные, Туми. Это ваша подпись?

Он протянул Роджеру письмо так, чтобы Роджер смог его разглядеть, но не вырвал из рук. Это было письмо, которое Роджер написал Дирингу, а тот, в свою очередь, отправил Мортону.

— Да.

— А как насчет этих? — Федеральный агент показал ему стопку других писем.

Роджер понял, что Кэннон собрал все письма, за исключением, естественно, тех, что Роджер не решился послать и разорвал.

— Да, письма написаны мной, — устало проговорил он.

Диринг фыркнул.

— Профессор Диринг сказал нам, что вы способны парить.

— Парить? Это еще, черт возьми, что значит?

— Парить в воздухе, — серьезно ответил Кэннон.

— И вы верите в подобную чушь?

— Я здесь вовсе не для того, чтобы верить или нет, доктор Туми, — заявил Кэннон. — Я представляю правительство Соединенных Штатов. Выполняя задание. И на вашем месте я не стал бы упрямиться.

— А как я могу сотрудничать с вами в подобном деле? Если бы я пришел к вам и заявил, что профессор Диринг может парить в воздухе, вы бы моментально посадили меня в сумасшедший дом.

— Профессора Диринга по его собственной просьбе осмотрел психиатр. Кроме того, правительство уже достаточно давно прислушивается к мнению профессора Диринга. А еще могу добавить, что у нас есть свидетельства из независимых источников.

— И в чем же они заключаются?

— Несколько студентов из вашего колледжа видели, как вы парили. И еще одна женщина, которая раньше работала секретарем у декана вашего факультета. Мы собрали все показания.

— Ну и что же? — спросил Роджер. — По-вашему, эти показания можно предъявить конгрессменам?

— Доктор Туми, — вмешался профессор Диринг, — вы ничего не выигрываете, отрицая тот факт, что умеете левитировать. Ваш собственный декан признает, что вы в состоянии сделать нечто подобное. Он просил меня официально уведомить вас, что в конце учебного года ваш контракт будет аннулирован. Он не стал бы делать это просто так.

— Не имеет значения, — сказал Роджер.

— Почему вы не признаете, что я видел, как вы левитировали?

— А зачем мне это признавать?

— Я хочу обратить ваше внимание, доктор Туми, — снова вступил в разговор Кэннон, — что, если вам удалось создать устройство, способное компенсировать тяготение, это будет представлять колоссальный интерес для правительства.

— В самом деле? Я полагаю, вы уже достаточно покопались в моем прошлом, чтобы выяснить, нет ли у меня порочащих связей.

— Расследование, — холодно ответил агент, — еще только началось.

— Ладно, — не стал больше отпираться Роджер, — давайте сделаем гипотетическое предположение. Допустим, я признаю, что могу левитировать. Допустим, я не знаю, как мне это удастся. Допустим, мне нечего предложить правительству, кроме собственного тела и неразрешимой проблемы.

— Откуда вы знаете, что она неразрешима? — нетерпеливо перебил его Диринг.

— Я уже однажды обращался к вам с предложением изучить этот феномен, — кротко заметил Роджер. — Вы отказались.

— Послушайте, — Диринг говорил быстро, настойчиво, — в данный момент у вас нет работы. Я могу предложить вам должность адъюнкт-профессора физики на моем факультете. Ваши лекционные часы будут минимальны. Мы посвятим все время исследованию левитации. Как вы к этому относитесь?

— Звучит привлекательно, — ответил Роджер.

— Я думаю, можно с уверенностью сказать, что правительство окажет нам неограниченную поддержку.

— И что я должен для этого сделать? Просто признать, что могу левитировать?

— Я знаю, что можете. Я вас видел. Покажите мистеру Кэннону.

Ноги Роджера поднялись вверх, а тело вытянулось в горизонтальной плоскости, на высоте головы Кэннона. Потом он повернулся — казалось, Роджер Туми прилег отдохнуть на правом боку.

Шляпа Кэннона свалилась на кровать.

— Он парит! — заорал федеральный агент.

— Ну вы видите? — от волнения Диринг заговорил неразборчиво.

— Да, не вызывает никакого сомнения...

— Тогда доложите об этом. Напишите о том, что вы видели, вы меня слышите? Сделайте полный доклад. Там, наверху, не посмеют сказать, что со мной что-то не в порядке. Я ни на минуту не сомневался, что видел это.

Но он не был бы сейчас так счастлив, если бы его слова полностью соответствовали истине.

— Я даже не знаю, какой климат в Сизтле, — причитала Джейн, — мне нужно сделать миллион разных дел!

— Требуется моя помощь? — донесся голос Джима Сарля из глубин удобного мягкого кресла.

— Да какой от тебя прок?... Боже мой! — Джейн вылетела из комнаты — однако, в отличие от мужа, контакта с полом она не теряла.

Вскоре в комнату вошел Роджер Туми:

— Джейн, ящики для книг прибыли? А, привет, Джим. Ты давно пришел? Куда подевалась Джейн?

— Я пришел минуту назад, а Джейн выскочила в соседнюю комнату. Мне пришлось уговаривать полицейского, чтобы он впустил меня. Дружище, да твой дом просто окружен!

— М-м-м, — рассеянно промывчал Роджер. — Я им про тебя рассказывал.

— Знаю. Мне пришлось дать клятву о сохранении секретности. Я объяснил им, что все равно помалкивал бы, поскольку тут возникает вопрос профессиональной этики. Почему бы тебе не предоставить упаковку вещей грузчикам? Ведь платит-то правительство, не так ли?

— Грузчики все перепутают, — заявила Джейн, стремительно влетая в комнату и плюхаясь на диван. — Мне просто необходимо выкурить сигарету.

— Ладно, Роджер, кончай темнить, — сказал Сарль, — рассказывай, как у тебя все это получилось.

— Как ты и говорил, Джим, — смущенно улыбнулся Роджер, — я бросил переживать из-за пустяков и приложил все силы к решению ключевой проблемы. Сначала мне казалось, что у меня есть выбор между двумя возможностями. Все будет постоянно думать, что я либо мошенник, либо безумец — Диринг сформулировал эти варианты в своем первом письме к Мортону. Ректор колледжа пришел к выводу, что я мошенник, а Мортон заподозрил, что я спятил.

Предположим теперь, что я продемонстрировал бы им свои истинные возможности. Ну, Мортон рассказал мне, что произошло бы в этом случае: либо они сочли бы меня мошенником, либо решили бы, что сами спятили. Мортон так и сказал... Если бы он увидел, что я летаю, он скорее поверил бы в собственное безумие, чем тому, что видит. Конечно, наверное, это была всего лишь риторика. На самом деле человек не поверит в собственное сумасшествие до тех пор, пока существует хотя бы самая слабая надежда на то, что он ошибается. Именно на это я и рассчитывал.

Поэтому и изменил тактику. Я отправился на семинар Диринга. И не сказал ему, что могу парить; просто показал, а потом все время отрицал, что я это делал. Теперь альтернатива стала очевидной. Либо я лгал, либо он — не я, обрати внимание, а он — спятил. Совершенно очевидно, что он скорее поверил бы в левитацию, чем усомнился в собственной разумности, когда оказался перед реальным выбором. Отсюда вытекают и все его остальные действия: агрессивность на семинаре, поездка в Вашингтон, предложение работы — все это было направлено лишь на то, чтобы подтвердить, что он остается в здравом уме, а вовсе не для того, чтобы помочь мне.

— Иными словами, ты сделал так, что твоя левитация стала его проблемой, — сказал Сарль.

— Ты именно об этом думал, когда разговаривал со мной тогда, Джим? — с любопытством спросил Роджер.

Сарль покачал головой:

— У меня были кое-какие смутные предположения, но каждый человек должен сам решать свои проблемы, если рассчитывает на то, чтобы они были решены эффективно. Как тебе кажется, Роджер, смогут они теперь разобраться в принципах левитации?

— Не знаю, Джим. Я все равно не могу описать субъективные аспекты данного феномена. Однако это уже не имеет значения. Мы будем их исследовать — чего я и добивался. — Он стукнул правым кулаком по ладони левой руки. — Главное, я смог заставить их помочь мне.

— В самом деле? — негромко проговорил Сарль. — Я бы сказал, главное, что ты заставил их просить тебя им помочь, а это уже совсем другое дело.

ВЫВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА?..

Сержант полиции Манкевич разговаривал по телефону и удовольствия от этого не получал. Точнее, не разговаривал, а с тоской выслушивал исполненный негодования голос на другом конце провода.

— Да, все было именно так! — устало отбивался сержант. — Он вошел и сказал: «Посадите меня в тюрьму, потому что я хочу покончить с собой»... Что поделаешь? Да, он произнес именно эти слова. Мне тоже они кажутся странными... Послушайте, мистер, внешность этого парня подходит под ваше описание. Вы мне задали вопрос, и я вам на него отвечаю... Да, у него действительно есть шрам на правой щеке, и он сообщил, что его зовут Джон Смит. Он не говорил, что он доктор... Ну, естественно, неправда. На свете нет людей по имени Джон Смит. Во всяком случае, в полицейский участок они не попадают... Сейчас он в тюрьме... Да я вовсе не шучу! Сопровождение офицеру полиции; нападение и оскорбление действием; умышленное нанесение ущерба. Как минимум три причины для задержания... Меня не интересует, кто он такой... Хорошо, я подожду у телефона.

Манкевич посмотрел на офицера Брауна и закрыл рукой микрофон телефонной трубки. В его ладони вполне мог бы поместиться и весь телефонный аппарат. Грубоватое лицо сержанта под густой шапкой светлых волос покраснело и покрылось испариной.

Breeds There a Man
©1951 by Isaac Asimov
Выведение человека?..

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод, 1997

— Неприятности! — проворчал сержант Манкевич. — Ничего, кроме неприятностей в полицейском участке! Уж лучше бы я нес обычную патрульную службу.

— Кто это? — спросил Браун.

Он только что вошел, и его не слишком интересовало происходящее. К тому же Браун тоже считал, что сержант гораздо лучше выглядел бы не за письменным столом, а на посту, под дождем или снегом, где-нибудь в пригороде.

— Тип по имени Грант. Из Оук-Ридж. По междугородной. Глава какого-то учреждения — не понял какого, — а теперь пошел звать еще кого-то... и это по семьдесят пять центов за... Алле!

Манкевич поудобнее перехватил трубку.

— Послушайте, — заговорил сержант, — давайте я расскажу вам все с самого начала. Я хочу, чтобы вы знали, как оно было, а если вам что-то не по нраву, так пришлите сюда кого-нибудь из своих людей. Этот парень — не хочет адвоката. Он утверждает, что желает остаться в тюрьме, и меня это вполне устраивает, мистер.

Вы будете меня слушать или нет? Он явился вчера, подошел прямо ко мне и заявил: «Офицер, посадите меня в тюрьму, потому что я собираюсь покончить с собой». Ну а я ему ответил: «Мистер, не стоит этого делать, иначе вам придется жалеть до конца жизни».

...А я совершенно серьезен. Просто передаю дословно, что я тогда сказал. Я и не утверждаю, что это было очень остроумно, но у меня здесь достаточно своих проблем, если вы понимаете, о чем я говорю. Неужели вы думаете, что мне больше делать нечего, как выслушивать всяких там психов, которые приходят и...

...Вы дадите мне закончить? Так вот, я сказал, что не могу посадить его в тюрьму за то, что он хочет покончить с собой, поскольку это не является преступлением. А он ответил: «Но я не хочу умирать». На что я заявил: «Послушайте, дружище, идите-ка вы отсюда». Понимаете, если кто-то хочет покончить с собой, ладно, не хочет — хорошо, его дело, но меня вовсе не привлекает перспектива утирать чужие слезы.

Да, а что же я еще делаю?.. Тогда он спросил: «А если я совершу преступление, вы меня арестуете?» Я ответил: «Если вас поймают и кто-нибудь выдвинет обвинение, а вы не сможете собрать достаточно денег для залога, мы посадим вас за решетку. А теперь оставьте меня в покое». Тогда он схватил чернильницу и, прежде чем я успел ему помешать, вылил чернила прямо на стол.

...Совершенно верно! Иначе почему бы мы обвинили его в нанесении умышленного ущерба? Чернила перепачкали мне брюки!

...Да, нападение и оскорбление действием тоже! Я встал, чтобы немного его вразумить, а он лягнул меня по голени и поставил синяк под глаз. Нет, я ничего не выдумываю. Приезжайте и посмотрите на мое лицо!

...В ближайшие дни он предстанет перед судом. Думаю, во вторник. Получит не менее трех месяцев, если только в дело не вмешается психиатр. Я и сам считаю, что ему в сумасшедшем доме самое место.

...Считается, что его зовут Джон Смит. Другого имени он не называл.

...Нет, сэр, его нельзя отпустить, не предприняв определенных официальных шагов.

...Ладно, поступайте, как считаете нужным, приятель! Я всего лишь делаю свою работу.

Сержант Манкевич со стуком положил трубку на место, а потом, бросив на телефон свирепый взгляд, начал набирать какой-то номер.

— Что такое КАЭ? Я тут разговаривал по телефону с одним типом, и он утверждает... Нет, я не шучу, болван! Когда я захочу пошутить, подам тебе специальный знак. Что означает это сокращение?

Он выслушал ответ, слегка побледнел, а потом тихо пробормотал: «Спасибо» и повесил трубку.

— Второй тип оказался главой Комитета по атомной энергии, — сообщил он Брауну. — Наверное, они переключили меня на Вашингтон.

Браун вскочил на ноги:

— Может быть, нашим Джоном Смитом интересуется ФБР. Может быть, он из этих лунатиков-ученых. — Брауна вдруг потянуло на философию. — Им не следует подпускать подобных типов к секретным материалам и данным. Все шло отлично, пока про атомную бомбу знал только генерал Гроувз. Стоило же им связаться с учеными...

— А заткнулся бы ты! — прорычал Манкевич.

Доктор Освальд Грант не сводил глаз с белой линии, отмечавшей границу скоростной дороги. Он вел машину так, словно она была его смертельным врагом. Впрочем, он всегда так ездил. Грант был высоким угловатым человеком с отсутствующим выражением лица. Его колени почти касались руля,

а костяшки пальцев становились белыми от напряжения всякий раз, когда ему приходилось совершать поворот.

Инспектор Дэррити сидел рядом, скрестив ноги так, что носок левого ботинка упирался в дверь. Когда он уберет ногу, на двери останется песочного цвета след. Инспектор ловко перебрасывал коричневый перочинный нож из одной руки в другую. Несколько минут назад он раскрыл кривое сверкающее лезвие и начал чистить ногти, но резкий поворот чуть не стоил ему пальца, тогда Дэррити пришлось закрыть нож.

— Расскажите мне о Рэлсоне.

Доктор Грант на мгновение оторвал глаза от дороги и тут же снова уставился в ветровое стекло.

— Я знаком с ним с тех пор, как он защитил докторскую диссертацию в Принстоне. Блестящий ученый.

— Да? Блестящий? Почему ученые называют друг друга «блестящими»? Неужели среди них нет заурядных людей?

— Множество. Я, например. Но Рэлсон не из этого числа. Спросите Опенгеймера. Спросите Буша. Он был одним из младших наблюдателей в Аламогордо.

— Хорошо. Он блестящий ученый. А как насчет личной жизни?

Грант немного помолчал.

— Мне об этом ничего не известно.

— Вы знаете его еще со времен Принстона. Сколько лет прошло с тех пор?

Вот уже два часа, как они ехали по скоростной дороге из Вашингтона на север, и за это время обменялись лишь несколькими фразами. Теперь Грант почувствовал, что обстановка изменилась, и твердая рука закона взяла за воротник его пальто.

— Он получил степень в сорок третьем году.

— Значит, вы с ним знакомы восемь лет.

— Верно.

— И ничего не знаете о его личной жизни?

— Жизнь человека принадлежит только ему самому, инспектор. Рэлсон всегда неохотно общался с другими людьми. Многие так себя ведут. Ученые работают с большим напряжением, а когда у них появляется свободное время, предпочитают проводить его с теми, кто не имеет отношения к науке.

— Рэлсон принадлежит к какой-нибудь известной вам организации?

— Нет.

— Не говорил ли он что-нибудь такое, что могло бы вызвать сомнения в его лояльности? — поинтересовался инспектор.

— Нет! — вскричал Грант

Они снова замолчали.

— Насколько важен Рэлсон для атомных исследований? — спросил после долгой паузы Дэррити.

Грант еще сильнее сгорбился над рулем и ответил:

— Это ключевая фигура. Конечно, незаменимых людей не бывает, но Рэлсон всегда занимал особое положение. Он обладает поразительным инженерным мышлением.

— Что вы имеете в виду?

— Как теоретик он не слишком силен, зато в состоянии вдохнуть жизнь в устройства, теоретическое существование которых обосновано другими. В этом и заключается его уникальность. Раз за разом мы сталкиваемся с проблемой, которую необходимо решить в самое короткое время. Никто ничего не может предложить, потом появляется Рэлсон и говорит: «А почему бы вам не попробовать сделать так?» И уходит. Его даже не интересует, будет ли работать его изобретение. Однако еще не было случая, чтобы он ошибся. Он всегда прав! Всегда! Может быть, со временем мы бы и сами решили задачу, но на это ушли бы месяцы кропотливой работы. Не представляю, как у него это получается. Да и спрашивать Рэлсона совершенно бесполезно. Он просто посмотрит на тебя и скажет: «Это же очевидно» — и уйдет. Конечно, после того как он все расскажет, ситуация действительно становится очевидной.

Инспектор не прерывал Гранта, но сразу задал следующий вопрос:

— А с головой у него все в порядке? За ним не замечалось никаких странностей?

— Когда имеешь дело с гением, постоянно ждешь от него необычных поступков, не так ли?

— Может быть. Но насколько необычно вел себя этот конкретный гений?

— Этот, конкретный, ни с кем не разговаривал. А иногда и вовсе не работал.

— Оставался дома или отправлялся порыбачить?

— Нет. Приходил в лабораторию, садился за свой стол и просто сидел. Временами так продолжалось по несколько недель. Рэлсон не отвечал на вопросы, даже не поднимал взгляда, если кто-нибудь пытался с ним заговорить.

— А бывало так, что он совсем не приходил на работу?

— Вы хотите сказать, до настоящего случая? Никогда!

— Он не упоминал о намерении покончить с собой? Не заявлял, что будет чувствовать себя спокойно только в тюрьме?

— Нет.

— Вы уверены, что этот Джон Смит и есть Рэлсон?

— Почти. У него на правой щеке след от химического ожога, который ни с чем не перепутаешь.

— Хорошо. Пожалуй, мне все ясно. Теперь остается только переговорить с ним.

На этот раз тишина наступила надолго. Доктор Грант следовал за извивающейся линией дороги, а инспектор Дэррити перебрасывал перочинный нож из одной руки в другую.

Дежурный охранник открыл окошко и посмотрел на посетителей.

— Мы можем привести его сюда, инспектор.

— Не надо. — Доктор Грант покачал головой. — Лучше мы сами его навестим.

— Вы считаете такое поведение нормальным для Рэлсона, доктор Грант? — поинтересовался Дэррити. — Он что, способен напасть на охранника, когда тот будет выводить его из камеры?

— Не знаю, — ответил Грант.

Охранник развел в стороны мозолистые ладони. Наморщил толстый нос.

— Мы даже не входили к нему после того, как получили телеграмму из Вашингтона. Однако, по-моему, это совсем не наш клиент. Я буду только рад, если вы его заберете.

— Мы переговорим с ним в камере, — заявил Дэррити.

Они шли по узкому коридору, по обеим сторонам которого находились зарешеченные камеры. На них смотрели пустые, равнодушные глаза. Доктору Гранту стало немного не по себе.

— И все это время его держали здесь? — спросил он.

Дэррити промолчал.

Наконец охранник, который вел их за собой, остановился:

— Вот его камера.

— Это доктор Рэлсон? — спросил Дэррити.

Доктор Грант молча посмотрел на человека, лежащего на койке. Когда они подошли к камере, тот приподнялся на локте; казалось, он пытается вжаться в стену, чтобы стать невидимым. Редкие, песочного цвета волосы, хрупкое тело, пустые, голубые глаза. На правой щеке розоватый шрам в форме головастика.

— Да, — наконец сказал доктор Грант, — это Рэлсон.

Охранник открыл дверь и вошел внутрь, но инспектор Дэррити жестом предложил ему выйти.

Рэлсон молча наблюдал за происходящим. Он подобрал под себя ноги и еще сильнее попытался прижаться к стене. На горле отчаянно заходил кадык.

— Доктор Элвуд Рэлсон? — негромко спросил Дэррити.

— Что вам нужно? — К удивлению инспектора, у Рэлсона оказался густой баритон.

— Может, перейдем в другое помещение? Мы хотели бы задать вам несколько вопросов.

— Нет! Оставьте меня в покое!

— Доктор Рэлсон, — вмешался Грант, — я приехал сюда, чтобы попросить вас вернуться на работу.

Рэлсон посмотрел на ученого, и в его глазах промелькнуло какое-то чувство, отличное от страха.

— Привет, Грант. — Он встал с койки. — Послушайте, я пытался убедить их перевести меня в камеру, где стены обиты каким-нибудь мягким материалом. Походатайствуйте за меня, а? Грант, вы же меня знаете, я не стал бы настаивать, если бы отчаянно в этом не нуждался. Только жестокая необходимость заставляет меня обратиться к вам с такой просьбой. Я не могу находиться рядом с этими твердыми стенами, все время возникает желание... начать биться... — Он с силой ударил ладонью по серой каменной стене.

Дэррити задумался, вытащил свой перочинный нож и открыл сверкающее лезвие. Потом тщательно поскреб ноготь большого пальца и спросил:

— Вы бы не хотели встретиться с врачом?

Рэлсон ничего не ответил. Он, не отрываясь, следил за сверкающим металлом — рот чуть приоткрылся, губы стали влажными, неровное дыхание с хрипом вырывалось из груди.

— Уберите это! — с трудом выговорил он наконец.

— Что убрать? — удивленно спросил Дэррити.

— Нож. Не держите его передо мной. Я не могу на него смотреть.

— А почему? — Дэррити выставил перед собой нож. — С ним что-нибудь не так? Это хороший нож.

Рэлсон прыгнул вперед. Дэррити сделал быстрый шаг назад и левой рукой перехватил кисть ученого. Поднял нож высоко в воздух.

— В чем дело, Рэлсон? Что вам нужно?

Грант начал было протестовать, но Дэррити только отмахнулся от него.

— Что вы хотите, Рэлсон?

Рэлсон тянулся вверх, за ножом, однако сильная рука инспектора заставила его согнуться.

— Дайте нож, — прошептал он.

— Зачем, Рэлсон? Что вы собираетесь с ним делать?

— Пожалуйста. Я должен... — В его голосе звучала мольба. — Я должен покончить счеты с жизнью.

— Вы хотите умереть?

— Нет. Но я должен.

Дэррити сильно толкнул его, Рэлсон отлетел назад, плюхнулся на койку так, что та протестующе заскрипела. Медленно, глядя Рэлсону в глаза, Дэррити сложил перочинный нож и засунул его в карман. Рэлсон молча закрыл лицо руками, его плечи задрожали.

Из коридора слышались крики — другие заключенные начали реагировать на шум, возникший в камере Рэлсона. Вбежал охранник.

Дэррити повернулся к нему:

— Все в порядке.

Он вытирал руки большим белым носовым платком.

— Я думаю, придется пригласить врача.

Доктор Готфрид Блуштейн был смуглым невысоким человеком, говорящим с легким австрийским акцентом. Ему не хватало лишь маленькой козлиной бородки — так обычно изображают на карикатурах психиатров. Доктор Блуштейн внимательно изучал Гранта, оценивал его, делая лишь одному ему понятные выводы — теперь это происходило машинально, всякий раз, когда он знакомился с новым человеком.

— Вы нарисовали довольно любопытную картину. Рассказали об очень талантливом ученом, может быть, даже гении. Он чувствовал себя неловко, общаясь с другими людьми, не вписывался в научную среду, хотя его успехи ни у кого не вызывали сомнений. Возможно, он нашел иное окружение, в котором ему было комфортно.

— Я вас не понимаю.

— Мало кому удается отыскать близких по духу людей в том месте, где приходится работать. Достаточно часто люди пытаются компенсировать недостаток общения, играя на музыкальных инструментах, отправляясь в горы или вступая в какой-нибудь клуб. Иными словами, создается совсем другой круг общения, в котором такой человек чувствует себя как дома. И это окружение может не иметь ни малейшего отношения к его основной работе. Так человек пытается вносить разнообразие в свою жизнь — далеко не худший способ. — Психиатр улыбнулся и добавил: — Я, например, собираю марки и являюсь активным членом Американского общества филателистов.

Грант покачал головой:

— Я не знаю, чем Рэлсон занимался вне стен лаборатории. Сомневаюсь, что у него была своя компания.

— Ничего не поделаешь, жаль. Все мы находим самые разные возможности расслабиться и получить от жизни удовольствие. Он же должен был отдыхать, не так ли?

— Вы беседовали с доктором Рэлсоном?

— Относительно его проблем? Нет.

— А собираетесь?

— Конечно. Однако он провел здесь всего неделю. Необходимо дать ему возможность прийти в себя. Рэлсон находился в состоянии крайнего возбуждения, когда прибыл к нам, практически бредил. Дадим ему возможность отдохнуть и привыкнуть к нашему санаторию. После этого я с ним поговорю.

— Вы сможете вернуть его на работу?

— Ну откуда мне знать? — Блуштейн улыбнулся. — Пока я даже еще не понял, чем он болен.

— А не могли бы вы избавить его от желания покончить с собой — с остальными проблемами можно было бы разобраться позднее?

— Не исключено. Но я вряд ли скажу вам что-нибудь определенное до тех пор, пока несколько раз подробно с ним не поговорю.

— Как вы думаете, сколько это займет времени?

— В подобных случаях, доктор Грант, заранее предсказать результат невозможно.

— Делайте все, что считаете нужным, — вздохнул Грант. — Только не забывайте, что судьба этого человека имеет для нас огромное значение.

— Я постараюсь сделать все, что в моих силах. Но мне понадобится ваша помощь, доктор Грант.

— В каком смысле?

— Вы способны добыть для меня информацию, которая, возможно, отнесена к разряду совершенно секретной?

— Какого рода информация вас интересует?

— Количество самоубийств среди ученых, занимающихся ядерной физикой, — начиная с 1945 года. И еще: много ли физиков-ядерщиков бросили работу, перешли в другие области или вообще оставили занятия наукой.

— Это имеет отношение к Рэлсону?

— А вам не приходило в голову, что в таком же депрессивном состоянии могут находиться и другие ученые?

— Ну, на этот вопрос я могу вам ответить и сам: работу бросили многие, что вполне естественно.

— Почему вы считаете это нормальным?

— Видите ли, доктор Блуштейн, современные исследования в области ядерной физики связаны с колоссальным напряжением душевных и физических сил. Мы работаем на правительство и на военных. Нам запрещено говорить о работе; приходится постоянно следить за тем, чтобы не сболтнуть

лишнего. Естественно, как только возникает возможность перейти в какой-нибудь университет, где можно по собственному усмотрению выбирать часы работы, тематику, писать статьи, которые не нуждаются в одобрении КАЭ, участвовать в конференциях, проводящихся не за закрытыми дверями... ну и тому подобное, многие с радостью принимают такие предложения.

— И навсегда отказываются от работы по своей основной специальности?

— Можно найти работу в области мирного применения атомной энергии. Впрочем, я знаком с одним человеком, который бросил работу совсем по другой причине. Однажды он пожаловался мне, что стал очень плохо спать. Как только он гасил свет, ему начинало казаться, что он слышит крики, доносящиеся из Хиросимы. Насколько я знаю, теперь этот человек работает простым продавцом в галантерейном магазине.

— А вы сами не слышите криков?

Грант кивнул:

— Да, не очень-то приятно осознавать, что в том страшном, трагическом событии есть и твоя толика вины.

— А что чувствует Рэлсон?

— Он никогда не говорил на подобные темы.

— Иными словами, если его и посещали такие мысли, он даже не мог спустить пар.

— Наверное, тут вы правы.

— И все же исследования необходимо продолжать, не так ли?

— Конечно.

— А что сделали бы вы, доктор Грант, если бы были вынуждены совершить то, что вам кажется невозможным?

— Не знаю, — пожав плечами, ответил Грант.

— Кое-кто в подобной ситуации кончает с собой.

— Вы хотите сказать, что Рэлсон попал именно в такую ситуацию?

— Я не знаю. Не знаю. Сегодня вечером я поговорю с доктором Рэлсоном. Естественно, ничего не могу вам обещать, но как только у меня появится хоть какая-то ясность, я вам немедленно сообщу.

Грант встал:

— Благодарю вас, доктор. Я постараюсь выяснить то, что вас интересует

После трех недель, проведенных Элвудом Рэлсоном в санатории доктора Блуштейна, ученый выглядел гораздо лучше. Его лицо даже слегка округлилось, а из глаз исчезло

прежнее выражение полнейшего отчаяния. Однако он был без галстука и ремня. Из тужелья заботливые санитары вынули шнурки.

— Как вы себя чувствуете, доктор Рэлсон? — спросил Блаштейн.

— Отдохнувшим.

— С вами хорошо обращаются?

— Мне не на что жаловаться, доктор.

Блаштейн автоматически потянулся к ножу для открывания писем, который он постоянно вертел в руках в минуты задумчивости, но пальцы наткнулись на пустоту. Естественно, нож был надежно спрятан, как и все остальные предметы, имеющие острые грани. На столе лежали лишь бумаги.

— Пожалуйста, присаживайтесь, доктор Рэлсон. Расскажите мне о проявлениях вашей болезни.

— Вас интересует, по-прежнему ли я хочу покончить с собой? Ответ — да. Временами становится лучше, иногда хуже, видимо, в зависимости от того, о чем я думаю. Но это желание всегда со мной. Вы не в состоянии мне помочь.

— Возможно, вы правы. Существует немало ситуаций, в которых я бессилен. И все же мне хотелось бы узнать о вас побольше. Вы занимаете важное положение...

Рэлсон презрительно фыркнул.

— Вы так не считаете? — с интересом спросил Блаштейн.

— Не считаю. На свете нет важных людей. Разве вы возьметесь утверждать, что в природе существует один-единственный важный микроб?

— Я вас не понимаю.

— А я на другое и не рассчитывал.

— Мне кажется, что за вашим несколько странным заявлением стоят серьезные размышления. Было бы весьма любопытно узнать, как вы пришли к таким выводам.

Впервые за весь разговор Рэлсон улыбнулся. Однако улыбка получилась неприятной. Его ноздри побелели.

— Знаете, доктор, за вами очень забавно наблюдать, — сказал он. — Вы так старательно выполняете свой долг. Вам приходится меня слушать, изображая интерес и симпатию, а на самом деле вы их не чувствуете, разве не так? Похоже, я могу нести полнейшую чепуху, но все равно буду обеспечен внимательной аудиторией.

— А почему вы не верите, что мой интерес может быть настоящим, что, естественно, не исключает и чисто профессионального любопытства?

— Не верю, и все тут

— Почему же?

— У меня нет ни малейшего желания обсуждать всякую ерунду.

— Вы бы предпочли вернуться к себе в комнату?

— Если не возражаете... Нет! — Голос Рэлсона неожиданно наполнила ярость. Он вскочил на ноги, но тут же снова сел. — Почему бы мне вас не использовать? Я не люблю разговаривать с людьми. Они глупы. Они практически ничего не понимают. Они могут часами тупо смотреть на самые очевидные вещи и при этом ничего не замечать. Если я заговариваю с ними, они не понимают, теряют терпение, смеются. А вы вынуждены слушать. Это же ваша работа. Вы не можете меня прервать и заявить, что я спятил, даже если в действительности будете так считать.

— Я с удовольствием и огромным интересом выслушаю все, что вы посчитаете нужным мне рассказать.

Рэлсон сделал глубокий вдох.

— Вот уже почти год я знаю то, что известно всего нескольким людям. Возможно, в настоящий момент никого из них уже не осталось в живых. Вы слышали, что человеческая культура развивается скачкообразно? Всего за два поколения в городе с населением триста тысяч человек появилось невероятное количество литературных и художественных гениев самого высшего разряда — при обычных обстоятельствах столько рождается за целое столетие в миллионных нациях. Я говорю об Афинах времен Перикла.

А вот и другие примеры: Флоренция правления Медичи, Англия времен Елизаветы, Испания — эмиров Кордовы, мощное реформаторское движение среди израильтян в восьмом и седьмом веках до нашей эры. Вы понимаете, что я имею в виду?

Блаштейн кивнул:

— Я вижу, вас интересует история.

— А почему бы и нет? Надеюсь, не существует закона, согласно которому я должен заниматься только исследованиями в области ядерной физики и волновой механики?

— Конечно, продолжайте, пожалуйста.

— Поначалу мне казалось, что я сумею разобраться во внутренней сути исторических циклов, проконсультировавшись со специалистом. И я несколько раз встретился с профессиональным историком. Пустая трата времени!

— А как его звали, вашего профессионального историка?

— Разве это имеет значение?

— Может быть, и не имеет, если вы считаете подобную информацию личной. Что он вам сказал?

— Он заявил, что я ошибаюсь: лишь дилетанту кажется, что история развивается скачками. После более внимательного изучения великих цивилизаций Египта и Шумер обнаружилось, что они не возникали из ничего, а были созданы на основе прошлых цивилизаций, достаточно преуспевших в развитии искусств. Он сказал, что перикловы Афины появились не на пустом месте, а уже были достаточно развитым городом — в противном случае эпоха Перикла не оставила бы столь значительный след.

Тогда я поинтересовался, почему же после Перикла Афины перестали быть центром мировой культуры, а он мне ответил, что причина падения Афин заключалась в эпидемии чумы и войне со Спартой. Я начал задавать ему вопросы о других культурных скачках, которые всякий раз заканчивались смутой, а в некоторых случаях даже сопровождались войнами и кровопролитием. Этот ученый историк оказался точно таким же, как и все остальные. Истина была у него под самым носом — наклонись и подбери, но он не мог или не хотел этого сделать.

Взгляд Рэлсона опустился:

— Иногда они заявляют ко мне в лабораторию, доктор, и говорят: «Мы не можем, черт побери, избавиться от такого-то и такого-то эффекта, а он ужасно нам мешает. Что делать, Рэлсон?» Показывают мне свои приборы и диаграммы, а я отвечаю: «Это же очевидно. Почему бы вам не поступить так-то и так-то? Даже младенец в состоянии решить такую задачу». Знаете, потом я всегда ухожу, потому что не переношу удивления, которое появляется на их тупых лицах. Но они снова находят меня и говорят: «Оно работает, Рэлсон. И как вы только догадались?» Я не в состоянии им это объяснить, доктор — вы же не станете рассказывать кому-нибудь, что вода мокрая. Я так ничего и не смог растолковать тому историку. Да и вам тоже. Пустая трата времени.

— Вы хотите вернуться в свою комнату?

— Да.

После того как Рэлсона увели, Блуштейн долго сидел в своем кабинете и размышлял. Его пальцы сами нашли дорогу в верхний правый ящик письменного стола и достали нож для открывания писем. Психиатр начал нетерпеливо вертеть его в руках. Наконец поднял телефонную трубку и набрал нигде не зарегистрированный номер, который ему дал Грант.

— Говорит Блуштейн, — без всяких предисловий начал он — Существует некий историк, который около года назад консультировал доктора Рэлсона. К сожалению, мне неизвестна его

фамилия. Я даже не знаю, работает ли он в каком-нибудь университете. Если возможно его найти, мне бы хотелось с ним побеседовать.

Тадеуш Милтон, профессор истории, задумчиво посмотрел на Блуштейна и провел рукой по седым волосам.

— Ко мне пришли какие-то правительственные агенты, которым я сообщил, что действительно встречался с Рэлсоном, — сказал историк. — Однако меня практически ничто с этим человеком не связывает. Если уж быть до конца точным, я разговаривал с ним всего несколько раз, и мы обсуждали ряд профессиональных вопросов, вот и все.

— А как он на вас вышел?

— Рэлсон написал письмо; почему именно мне, а не кому-нибудь другому, я не знаю. Примерно тогда же в одном научно-популярном журнале вышла серия моих статей. Возможно, он их прочитал и поэтому захотел со мной встретиться.

— Понятно. А на какую тему были статьи?

— Размышления о целесообразности циклического подхода к истории. Можно ли утверждать, что каждая цивилизация должна следовать определенным законам развития и упадка точно так же, как и отдельная личность.

— Я читал Тойнби*, доктор Милтон.

— Ну, тогда вы понимаете, что я имею в виду.

— Когда доктор Рэлсон консультировался с вами, — спросил Блуштейн, — касалось ли это циклического подхода к истории?

— Хм-м, в некотором смысле. Конечно, он не профессиональный историк и некоторые его представления об исторических и культурных тенденциях звучат весьма драматично... я бы даже сказал вульгарно. Простите меня, доктор, если я задам вопрос, не имеющий отношения к нашему разговору. Рэлсон является одним из ваших пациентов?

— Доктор Рэлсон неважно себя чувствует и находится в моем санатории. Надеюсь, вы понимаете: все, о чем мы тут с вами говорим, строго конфиденциально.

— Естественно. Прекрасно понимаю. Однако ваш ответ многое разъясняет. Некоторые идеи Рэлсона носят иррациональный характер. По моему, он считал, что существует некая связь между так называемыми культурными скачками и разного рода катастрофами. Действительно, проследить подобные связи

* Тойнби Арнолд Джозеф (1889—1975) — английский историк и социолог, создатель теории круговорота, сменяющих друг друга локальных цивилизаций, каждая из которых проходит аналогичные стадии возникновения, роста, надела и разложения (Здесь и далее примеч пер.)

удается довольно часто. Величайший национальный подъем иногда совпадает с великими трагедиями. В качестве примера можно привести Нидерланды. В начале семнадцатого столетия там жили великие художники, государственные деятели и исследователи — а ведь именно в это время Нидерланды вели смертельную борьбу с самой могущественной европейской державой того времени. Когда над самими Нидерландами нависла страшная угроза, эта удивительная страна создавала империю на Дальнем Востоке, строила крепости на северном побережье Южной Америки, на юге Африки и в Северной Америке. Нидерланды сумели отразить все атаки Англии с моря. А потом, когда внешние враги были отброшены и установилась политическая стабильность, наступил упадок.

Да, конечно, такие случаи известны. Сообщества, как и отдельные личности, могут достигать расцвета в периоды жесточайших кризисов, после чего, когда все проблемы разрешены, начинается разложение. Однако доктор Рэлсон — подобное часто происходит со слишком увлекающимися людьми — начал путать причину и следствие, именно здесь ему изменило чувство реальности. Он заявил, что не война и опасности стимулируют «культурные скачки», а как раз наоборот. Утверждал, что всякий раз, когда некое сообщество людей выказывало слишком большие способности и жизненную силу, неизбежно начиналась война, которая исключала возможность дальнейшего процветания.

— Понимаю, — пробормотал Блуштейн.

— Боюсь, я посмеялся над его теориями. Может быть, именно поэтому он так и не пришел на встречу, о которой мы с ним условились. А чуть раньше он с ужасно важным видом спросил меня, не считаю ли я странным, что такая слабая раса, как люди, сумела стать доминирующей на земле, тогда как в ее пользу говорил лишь избыточный разум. Вот тут-то я и расхохотался. Возможно, этого делать не следовало.

— Ваша реакция была совершенно естественной, — успокоил историка Блуштейн. — Не буду больше отнимать у вас время. Вы мне очень помогли.

Они пожали друг другу руки, и Тадеуш Милтон ушел.

— Вот, — сказал Дэррити, — то, что вы просили: число самоубийств среди ученых за последнее время. Эта информация вам что-нибудь говорит?

— Скорее мне следовало бы задать вам такой вопрос, — мягко возразил Блуштейн. — ФБР не производило тщательное расследование?

— Тут можно поставить на кон весь национальный долг — они действительно самоубийцы. Ошибка исключена. Расследование проводилось людьми из другого департамента. Количество самоубийств в четыре раза превышает обычный уровень, учитывая возраст, социальный статус, экономическое положение и все такое прочее.

— А как насчет британских ученых?

— Примерно то же самое.

— В Советском Союзе?

— Кто же может ответить на этот вопрос? — Инспектор наклонился вперед. — Док, надеюсь, вы не думаете, что Советы изобрели лучи, которые заставляют людей совершать самоубийство? Вот что подозрительно — в наш список попали только те ученые, которые занимаются ядерными разработками.

— В самом деле? Может быть, тут нет ничего странного. Ядерные физики, вне всякого сомнения, страдают от чрезмерных нервных перегрузок. Впрочем, трудно говорить об этом с уверенностью, не исследовав данный вопрос самым тщательным образом.

— Вы хотите сказать, что они жертвы собственных комплексов? — устало спросил Дэррити.

Блуштейн строил гримасу:

— Психиатрия в последнее время стала слишком популярной. Все говорят о комплексах, неврозах, психозах, маниях и тому подобном. То, что у одного человека вызывает комплекс вины, на другого действует как снотворное. Если бы я мог поговорить с человеком, который находится на грани самоубийства, возможно, мне удалось бы разобраться в причинах его критического состояния.

— Вы же разговариваете с Рэлсоном.

— Разговариваю.

— А у него есть комплекс вины?

— Не слишком ярко выраженный. Не удивлюсь, если окажется, что его стремление к смерти уходит корнями в прошлое. Когда Рэлсону было двенадцать лет, у него на глазах под колесами автомобиля погибла мать. Отец медленно умирал от рака. Однако я не берусь утверждать, что перенесенные травмы оказали непосредственное влияние на его нынешнее состояние.

— Хочу верить, вы предпримете конкретные шаги, док, — взяв шляпу, сказал Дэррити. — Грядут важные события, куда важнее атомной бомбы. И хотя я не понимаю, как такое может быть...

Рэлсон отказался присесть.

— Я плохо спал прошлой ночью, доктор.

— Надеюсь, — сказал Блуштейн, — причина не в наших с вами разговорах.

— Я в этом не уверен. Они заставляют меня возвращаться все к той же проблеме, которая кажется совершенно неразрешимой. Как вы думаете, приятно ощущать себя частью культуры микробов?

— Мне не приходилось размышлять на эту тему... по-моему, микроб должен чувствовать себя совершенно нормально.

Рэлсон его будто не слышал.

— Культура, чей разум является предметом изучения... — медленно проговорил он. — Мы рассматриваем все виды жизни с точки зрения генетики. Берем дрозофилу и скрещиваем особь с красными глазами с особью с белыми глазами, а потом ждем, что получится. Нам абсолютно наплевать на красные глаза и белые глаза, мы просто пытаемся установить, как действуют базовые генетические принципы. Вы понимаете, что я имею в виду?

— Конечно.

— Даже у людей нам удастся выявить определенные физические характеристики. Существуют губы Габсбургов, гемофилия, которая началась с королевы Виктории и была унаследована ее потомками из испанской и русской королевских семей. Мы даже можем проследить развитие слабоумия в Джуксах и Калликаках*. О них вы узнали из курса биологии в колледже. Но людей нельзя выводить, как мушек. Человек живет слишком долго. Пройдут столетия, прежде чем можно будет сделать какие-то определенные выводы. Как жаль, что нет такой человеческой расы, которая воспроизводилась бы с недельными интервалами, не правда ли?

Он подождал ответа, но Блуштейн только улыбнулся.

— Однако именно так относились бы к нам существа, продолжительность жизни которых исчисляется тысячелетиями. Для них мы размножаемся достаточно быстро. Они станут изучать, как генетически передаются музыкальные способности, интеллект и тому подобное. Причем все эти качества интересовали бы их не более, чем нас — белые или красные глаза дрозофилы.

— Весьма интересная идея, — вставил Блуштейн.

— Это не идея. Это правда. Для меня она очевидна, а как расцениваете ее вы... мне наплевать. Оглянитесь по сторонам!

* Джуксы и Калликаки — фиктивные имена реальных семей, чьи истории в течение нескольких поколений содержат множество случаев болезней, преступности и нищеты

Взгляните на планету Земля. Кто мы такие, чтобы хозяйничать здесь после того, как даже динозавров постигла неудача? Конечно, мы обладаем интеллектом, но что такое интеллект? Мы считаем разум очень важной штукой только потому, что им обладаем. Если бы тираннозавру пришлось выбирать качества, необходимые для того, чтобы его племя заняло доминирующее положение на Земле, он бы, несомненно, остановился на силе и размерах. И ему есть что предоставить в качестве доказательства своей правоты, — тираннозавры продержались куда дольше, чем сможем протянуть мы.

Разум не имеет решающего значения, когда речь идет о выживании. Слон с этой точки зрения выглядит весьма неубедительно рядом с ласточкой, хотя он гораздо умнее птицы. Собака добила много под защитой человека, но ей далеко до обычных мух, покончить с которыми мечтают все люди. Или взять в качестве примера приматов. Маленькие дрожат от страха перед своими врагами; что же до больших, то им едва удастся выжить. Павианы добились наилучших результатов, да и то благодаря клыкам, а не уму.

На лбу Рэлсона выступили мелкие капельки пота.

— Совсем нетрудно догадаться, что человек менялся в соответствии с желаниями существ, нас изучающих. В целом, приматы живут недолго. Естественно, продолжительность жизни более крупных особей больше — таков общий принцип. Однако человек живет в два раза дольше других крупных обезьян; существенно больше, чем горилла, хотя масса человека куда меньше. Мы позднее достигаем зрелости. Возникает очевидное предположение, что нас самым тщательным образом селективировали, чтобы для каких-то неизвестных нам целей увеличить продолжительность нашей жизни.

Рэлсон неожиданно вскочил на ноги и потряс кулаком над головой:

— Тысячу лет назад, как и вчера.

Блуштейн быстро нажал на кнопку.

Несколько секунд Рэлсон боролся с вбежавшим в кабинет санитаром в белом халате, а потом позволил себя увести.

Блуштейн посмотрел вслед пациенту, грустно покачал головой и поднял телефонную трубку. Ему довольно быстро удалось связаться с Дэррити.

— Инспектор, вы должны быть готовы к тому, что процесс выздоровления может занять длительное время.

Он немного послушал, а потом со вздохом ответил:

— Да, мне известно, что положение критическое.

Голос в трубке звучал напряженно:

— Доктор, вы не понимаете, насколько серьезна нынешняя ситуация. Доктор Грант придет и все вам объяснит.

Доктор Грант осведомился о самочувствии Рэлсона, а потом попросил разрешения с ним переговорить. Блуштейн только покачал головой.

— Мне поручено ознакомить вас с положением, которое в настоящий момент создается в ядерных исследованиях, — заявил Грант.

— Чтобы я понял важность того, что мы здесь делаем?

— Именно. Ситуация отчаянная. Я вынужден напомнить вам...

— О необходимости хранить строжайшую секретность. Да, знаю. Вы уже достаточно мне рассказали, так что я несколько не сомневаюсь в том, что мы все оказались в чрезвычайно сложном положении. Однако вам, вне всякого сомнения, должно быть известно, что подобные вещи долго скрывать не удастся.

— И тем не менее в некоторых случаях хранить тайну просто необходимо.

— Безусловно. Так в чем же заключается очередной секрет?

— Существует... или, по меньшей мере, есть надежда создать защиту от атомной бомбы.

— Это и есть ваш секрет? Да ведь такую новость следует немедленно сообщить всем людям!

— Послушайте, доктор Блуштейн. В данный момент эта возможность существует только на бумаге. Все равно как формула $E=mc^2$ может не иметь никакого практического значения. Мы вселим в души людей надежду, а потом будем вынуждены ее отнять. С другой стороны, если станет известно, что мы практически изобрели защиту, у кого-то может возникнуть желание начать и выиграть войну еще до того, как эта защита будет введена в действие.

— В последнее верится с трудом. Однако я вас отвлек. В чем суть этой защиты, или вы уже и так сказали мне слишком много?

— Нет, мне разрешено рассказать вам все, что потребуется, — Рэлсон нам совершенно необходим, и как можно быстрее!

— Ну, тогда давайте рассказывайте. Я тоже буду знать секрет, совсем как член кабинета министров.

— Вам и так уже известно больше, чем большинству из них. Послушайте, доктор Блуштейн, я постараюсь все объяснить вам на непрофессиональном языке. До некоторых пор военная наука одинаково развивала как оружие нападения, так и оружие

защиты. Так продолжалось до изобретения пороха. Потом защита взяла свое. Средневековый рыцарь в доспехах превратился в нынешнего человека, который спрятался в танке, место каменного замка занял бетонный бункер. Одно и то же, только степень поражения другая.

— Прекрасно, вы все отлично объяснили. Но с изобретением атомной бомбы степень поражения увеличилась на много порядков, не так ли? Тут для защиты потребуется нечто большее, чем сталь и бетон.

— Верно. Только мы не в состоянии построить стены нужной толщины. И у нас кончились материалы необходимой прочности. Значит, следует забыть о стенах и материалах. Если атакует атом, в качестве защиты нужно выставить тоже атом. Мы используем саму энергию — силовое поле.

— А что такое, — мягко спросил Блуштейн, — силовое поле?

— Мне бы очень хотелось рассказать вам. Сейчас это лишь математические выкладки. Энергия может быть направлена таким образом, что образуется нематериальная стена инерции — так утверждает теория. На практике мы не знаем, как это сделать.

— Вы пытаетесь создать стену, сквозь которую невозможно проникнуть? Даже атомам?

— Даже атомным бомбам. Единственное ограничение — количество направленной энергии. Можно предположить, что силовое поле не пропустит и радиоактивное излучение: гамма-лучи будут от него отражаться. Мы мечтаем о создании защитных экранов над всеми городами; в обычной ситуации на поддержание такого поля потребуется минимальная энергия. Гораздо важнее другое: на распознавание коротковолнового излучения уйдут лишь доли миллисекунды; ну, скажем, если потребуются засечь массу плутония, соответствующую атомной боеголовке. Все это теоретически допустимо.

— И вам необходим Рэлсон?

— Потому что только он в состоянии быстро решить практические вопросы — если это вообще возможно. Сейчас каждая минута на счету. Вы знаете, в какое время мы живем. Атомная защита должна появиться до того, как начнется атомная война.

— Вы так уверены в способностях Рэлсона?

— Как ни в чем другом. Это удивительный человек, доктор Блуштейн. Он всегда оказывается прав. Никто не знает, как ему это удается.

— Нечто вроде интуиции, не так ли? — На лице психиатра появилось беспокойство. — Мышление, выходящее за пределы обычных человеческих возможностей. Верно?

— Я не буду делать вид, что понимаю, как он добивается подобных успехов.

— Дайте мне поговорить с ним еще раз. Я сообщу вам о результатах.

— Хорошо, — Грант встал, собираясь уходить. Затем, словно вспомнив что-то, добавил: — Должен предупредить, доктор: если в самое ближайшее время вы не добьетесь существенного улучшения, комитет намерен забрать у вас Рэлсона.

— И попытать успеха с другим психиатром? Если у них именно такие намерения, я не буду препятствовать. Однако ни один квалифицированный специалист не пообещает вам быстрого выздоровления.

— Мы скорее всего прекратим попытки его вылечить, а просто вернем на работу.

— Этого я и боялся, доктор Грант. У вас ничего не выйдет. Только погубите Рэлсона, и все.

— Мы в любом случае вряд ли сумеем добиться каких-нибудь положительных результатов.

— А так остается какой-то шанс, верно?

— Надеюсь. Кстати, я бы попросил вас не упоминать о том, что мы собираемся забрать доктора Рэлсона.

— Обещаю, и спасибо за предупреждение. До свидания, доктор Грант

— В прошлый раз я вел себя как дурак, не правда ли, доктор? — хмуро спросил Рэлсон.

— То есть вы не верите в то, что говорили мне тогда?

— Верю! — Хрупкое тело Рэлсона задрожало от напряжения. Он метнулся к окну, и Блуштейну пришлось развернуть свое кресло, чтобы не потерять пациента из виду. Окна защищали надежные решетки. Рэлсон не мог выпрыгнуть. Стекло было небьющимся.

Темнело, на небе появились первые звезды. Рэлсон долго смотрел на них, потом повернулся к Блуштейну и ткнул пальцем в сторону звезд.

— Каждая из них — инкубатор. Они поддерживают температуру на нужном уровне. Разные эксперименты — разные температуры. А планеты, которые вращаются вокруг звезд, представляют из себя мощные культуры, содержащие разнообразные питательные смеси и жизненные формы. Экспериментаторы стараются быть экономными — кем бы они ни были и в чем бы ни заключались их эксперименты. Они вырастили множество различных жизненных форм в этом конкретном инкубаторе. Динозавры во влажном тропическом климате, и

мы сами среди ледников. Они меняли траекторию движения Солнца, а мы пытались понять физику этого явления. Физики!.. — Его губы изогнулись в презрительной усмешке.

— Разве возможно по собственному желанию менять траекторию движения Солнца? — усомнился доктор Блуштейн.

— Почему бы и нет? Это то же самое, что огонь в камине. Вы думаете, микробы понимают, отчего меняется количество тепла? Кто знает? Может быть, они тоже изобретают теории. Может быть, они создали свою космогонию, описывающую вселенские катастрофы, в которых сталкивающиеся электрические лампочки приводят к появлению многочисленных чашек Петри. Может быть, они думают, что существует некое высшее божество, снабжающее их пищей и теплом, которое возвещает: «Плодитесь и размножайтесь!»

И мы, как и они, размножаемся, не зная зачем. Мы начинаемся так называемым законам природы, которые есть лишь наша жалкая интерпретация сил, недоступных скудному пониманию человека.

А теперь они решили поставить самый грандиозный эксперимент из всех, что продолжается вот уже двести лет. Они подтолкнули развитие механики в Англии восемнадцатого века, так мне кажется. Мы назвали это явление индустриальной революцией. Все началось с пара, потом появилось электричество, а завершилось открытием атома. Интересный эксперимент, но вышел из-под контроля. Именно поэтому им и приходится прибегать сейчас к таким жестким мерам, чтобы покончить с ним.

— И как они планируют это сделать? — поинтересовался Блуштейн. — У вас есть соображения?

— Вы спрашиваете меня, как они планируют покончить с нами? Посмотрите на сегодняшний мир — неужели не ясно, что положит конец нашей технологической эре! Люди ужасно боятся атомной войны и готовы на все, чтобы предотвратить ее; и в то же время подавляющее большинство считает, что атомная война неизбежна.

— По-вашему, экспериментаторы организуют атомную войну, хотим мы того или нет, чтобы покончить с технологической эрой, а потом начать все заново. Я вас правильно понял?

— Да. Разве это не логично? Когда мы стерилизуем инструменты, микробы знают, что их убивает? И зачем? Экспериментаторы каким-то образом умеют разжигать наши эмоции, управлять нами — как им это удастся, выше нашего понимания.

— Скажите, — попросил Блуштейн, — не здесь ли причина вашего стремления к смерти? Вы считаете, что близится время гибели цивилизации и ничто не может это предотвратить?

— Я не хочу умирать, — ответил Рэлсон, — просто нет иного выхода. — В его глазах появилось страдание. — Доктор, если вы вырастили новые, очень опасные микробы, такие страшные, что их необходимо держать под строжайшим контролем, разве вы не постараетесь насытить агар*, к примеру, пенициллином на определенном расстоянии от центра посева этих микробов? Каждый микроб, который удалится от этого центра на слишком большое расстояние, погибнет. Естественно, вы ничего не имеете против тех микробов, которых вам пришлось убить; более того, вы даже можете не знать, что кому-то из них удалось так сильно переместиться от центра. Все происходит совершенно автоматически.

Доктор, мы окружены пенициллиновым кольцом. Когда в своих изысканиях человек уходит слишком далеко в сторону и проникает в истинный смысл бытия, он попадает в гибельный пенициллин — его ждет неизбежная смерть. Эта штука работает медленно, но остаться в живых очень трудно. — Рэлсон печально улыбнулся и добавил: — Могу я вернуться в свою комнату, доктор?

Доктор Блаштейн зашел в палату Рэлсона на следующий день утром. Комната была совсем маленькой и невзрачной. Стены обиты серым мягким материалом, никаких металлических предметов. Два маленьких окна почти под самым потолком — до них Рэлсону не добраться. Прямо на полу, покрытом толстым ковром, лежит матрас. В общем, пациенту практически невозможно покончить счеты с жизнью. Даже его ногти были коротко подстрижены.

— Добрый день, доктор Рэлсон. Я бы хотел с вами поговорить.

— Здесь? Я даже не могу предложить вам присесть.

— Ничего страшного. У меня сидячая работа, так что постоянно для разнообразия весьма полезно. Доктор Рэлсон, я всю ночь думал о том, что вы сказали мне вчера и во время наших предыдущих разговоров.

— И намерены назначить лечение, которое позволило бы мне избавиться от заблуждений?

— Нет. Просто я хочу задать несколько вопросов и указать на ряд моментов, вытекающих из ваших теорий, которые... надеюсь, вы простите меня... вы могли не заметить.

— Да?

— Видите ли, доктор Рэлсон, с тех пор как вы поделились со мной своими теориями, я знаю то, что известно вам. Однако у меня не возникло мыслей о самоубийстве.

* Агар (биол.) — растительный студень, питательная среда.

— Вера всегда сильнее разума, доктор. Вы должны безраздельно поверить.

— А вам не кажется, что дело тут в способности к адаптации?

— Что вы имеете в виду?

— Биология ведь не ваше поле деятельности, доктор Рэлсон.

И хотя вы блестящий физик, ваша аналогия с бактериальными культурами не является исчерпывающей. Вам наверняка известно, что можно вывести микробы, на которые не будет воздействовать ни пенициллин, ни другие антибиотики.

— Ну и что?

— Экспериментаторы, которые занимаются выводением людей, работают с нами уже многие и многие поколения, верно? Но эта конкретная популяция, изучаемая ими в течение двух последних веков, явно не собирается вымирать. Скорее нас можно сравнить с сильным, жизнеспособным вирусом. Прежние источники высокой культуры были сосредоточены в отдельных городах или на ограниченных площадях — и существовали одно, максимум два поколения. Нынешняя популяция распространилась по всему миру. Эти микробы оказались очень заразными. Вам не кажется, что они сумели выработать иммунитет к пенициллину? Иными словами, методы, которыми экспериментаторы пользовались, чтобы истребить данный источник культуры, могут сейчас не сработать?

Рэлсон покачал головой:

— На мне их система работает в лучшем виде.

— Возможно, лично у вас иммунитет по какой-то причине просто не выработался. Или вы наткнулись на области с очень высоким содержанием антибиотика. Подумайте обо всех людях, которые пытаются объявить атомное оружие вне закона и создать некую форму правления, способную поддерживать постоянный мир. Последние годы было предпринято много подобных попыток — и ничего страшного не произошло.

— Однако никому не удастся остановить надвигающуюся атомную войну.

— Да, но, может быть, требуется еще одно, совсем минимальное усилие. Между тем никто из тех, кто ратует за мир, не покончил жизнь самоубийством. Все больше и больше людей приобретают иммунитет. Вы знаете, чем сейчас занимается ваша лаборатория?

— Я не хочу знать.

— Вы должны знать. Они пытаются изобрести силовое поле, которое остановит атомную бомбу. Доктор Рэлсон, если я выращиваю жизнеспособный и опасный вирус, то должен понимать, что, даже придерживаясь всех мер предосторожности,

мне следует быть готовым к тому, что он вырвется на свободу и начнется ужасная эпидемия. Вполне может быть, что для них мы бактерии — и весьма опасные, — иначе они с таким упорством не старались бы покончить с нами после каждого эксперимента.

Они ведь не слишком разворотливы, не так ли? Для них тысяча лет, как для нас один день. К тому моменту когда они сообразят, что мы выбрались из агара и прошли через пенициллин, будет уже поздно, и они нас не остановят. Они помогли нам познать атом. Если мы сумеем воздержаться от применения его друг против друга, вполне может оказаться, что экспериментаторы с нами не справятся.

Рэлсон встал:

— В моей лаборатории действительно работают над силовым полем?

— Да, пытаются. Но им необходима ваша помощь.

— Нет. Я не могу.

— Вы нужны, чтобы в очередной раз указать на то, что кажется вам столь очевидным, а им совершенно недоступно. Не забывайте: или вы можете, или экспериментаторы покончат с людьми раз и навсегда.

Рэлсон сделал несколько быстрых шагов в сторону и устоялся в пустую серую стену.

— Это же будет полным поражением, — пробормотал он. — Если люди попытаются построить силовое поле, то, прежде чем проект будет завершен, всех настигнет смерть.

— Однако некоторые могут обладать иммунитетом, не правда ли? Да и в любом случае нам всем грозит гибель. А ваши коллеги пытаются спасти нас.

— Я попробую помочь, — заявил Рэлсон.

— Вы по-прежнему хотите покончить с собой?

— Да.

— Но вы постараетесь этого не делать, не так ли?

— Да, постараюсь, доктор — Губы Рэлсона задрожали. — За мной нужно будет постоянно следить.

Блуштейн поднялся по лестнице и протянул свой пропуск охраннику, стоявшему в вестибюле. Его уже один раз проверяли у наружных ворот, но сейчас охранник снова сверял пропуск, фотографию и подпись. Спустя полминуты дежурный вернулся в маленькую будочку и кому-то позвонил. Блуштейну было предложено немного подождать; он присел, но уже через несколько минут ему пришлось снова встать, чтобы поздороваться с доктором Грантом.

— Похоже, даже президенту Соединенных Штатов было бы совсем не просто сюда войти, — заметил психиатр.

Худошавый физик улыбнулся:

— Если бы он явился без предупреждения.

Они вошли в лифт и поднялись на двенадцатый этаж. В кабинете, куда Грант привел Блуштейна, окна выходили на три стороны света. Звукоизоляция была полной, работал кондиционер. Вся мебель была сделана из полированного ореха.

— Боже мой! — воскликнул Блуштейн. — Совсем как кабинет президента крупной компании. Наука становится большим бизнесом?

Грант явно смутился:

— Да, понимаю, но правительство нелегко расстается с деньгами, а конгрессменов крайне трудно убедить в серьезности работы, если в кабинетах нет полированных поверхностей.

Блуштейн присел и почувствовал, как удобное кресло обхватило его тело.

— Доктор Элвуд Рэлсон согласился вернуться на работу, — сказал он.

— Замечательно. Я надеялся, что вы пришли сообщить мне именно эту чудесную новость.

На радостях Грант предложил психиатру сигару, от которой тот, однако, отказался.

— Тем не менее, — предупредил Блуштейн, — он по-прежнему серьезно болен. С ним необходимо обращаться очень бережно.

— Конечно, мы сделаем все, что в наших силах.

— Это не так просто, как вам кажется. Я хочу рассказать вам о проблемах Рэлсона, чтобы вы поняли, насколько сложна ситуация, в которой мы все находимся.

Он продолжал говорить. Грант слушал его, сначала с беспокойством, а потом со все возрастающим удивлением.

— Из ваших слов, доктор Блуштейн, вытекает, что Рэлсон безумен. Вряд ли от него будет какая-нибудь польза. Он сумасшедший.

Блуштейн пожал плечами:

— Тут все зависит от того, как лично вы определяете понятие «безумие». Это неудачный термин, старайтесь не использовать его. У Рэлсона есть заблуждения, несомненно. А вот окажут ли они влияние на его способности — заранее предсказать невозможно.

— Но ни один человек в здравом уме...

— Пожалуйста! Пожалуйста, давайте не будем пускаться в длинные дискуссии по поводу того, как психиатрия определяет вменяемость и тому подобные вещи. Да, у человека несколько

необычные представления, однако мне дали понять, что талант Рэлсона заключается именно в его умении найти решение проблемы, которое лежит вне стандартных подходов. Я вас правильно понял?

— Да. Это я вынужден признать.

— Разве мы с вами можем судить о правильности его выводов и идей? Разрешите поинтересоваться, не было ли у вас в последнее время желания покончить с собой?

— Пожалуй, нет.

— А у других ученых здесь?

— Нет, конечно, нет.

— И тем не менее я бы предложил вот что: до тех пор пока не будет закончено исследование силового поля, за всеми учеными, участвующими в проекте, необходимо установить постоянное наблюдение, здесь и дома. Может быть, организовать все таким образом, чтобы они не уходили после работы домой. В кабинетах такого типа легко устроить небольшие спальни...

— Спать на работе? Они никогда на это не согласятся.

— Конечно. Но если вы не станете сообщать истинные причины, а скажете, что нововведение связано с проблемами безопасности... «Проблемы безопасности» — замечательная вещь, не так ли? А за Рэлсоном необходимо следить в первую очередь.

— Конечно.

— Впрочем, это далеко не самое главное. Мы должны сделать еще кое-что, чтобы меня не мучила совесть — на тот случай, если теории Рэлсона все-таки имеют под собой какие-то основания. На самом деле я в них не верю. Они действительно являются заблуждением, но, даже если это и так, необходимо выяснить, что послужило причиной этих заблуждений. Что в сознании Рэлсона, в его прошлом, в нынешней жизни привело к тому, что они возникли? Этот вопрос не имеет очевидного ответа. Возможно, уйдут годы серьезной работы психоаналитиков, чтобы его получить. А до тех пор Рэлсона вылечить не удастся. На данном же этапе мы можем сделать лишь некоторые разумные предположения. У него было несчастливое детство — что тем или иным путем заставило его столкнуться лицом к лицу со смертью. Кроме того, ему так и не удалось вступить в дружеские отношения с другими детьми или, когда он стал старше, со взрослыми. Рэлсон всегда чересчур нетерпимо относился к тому, что они слишком медленно — с его точки зрения — соображают. Чем бы ни отличалось его мышление от мышления других людей, возникла стена, отдавшая Рэлсона от всех остальных, вроде того силового поля,

которое вы пытаетесь построить. По этим же причинам он был лишен возможности жить нормальной сексуальной жизнью. Рэлсон так и не женился, у него никогда не было подружек.

Естественно предположить, что Рэлсон компенсировал эти свои неудачи тем, что стал считать других людей неполноценными. Тут он недалеко от истины, если судить с точки зрения интеллектуальных способностей. Существуют очень многие аспекты человеческой личности, в которых он ничем не выделялся. Да и вообще людей, превосходящих во всем других, попросту нет. Поэтому Рэлсон и не получал столь необходимого ему уважения и почитания. Многие считали его странным и даже смешным — и это в еще большей степени убеждало Рэлсона в том, что человеческая раса весьма и весьма несовершенна. И самый лучший способ доказать это — объявить, что человечество есть колония бактерий для неких высших существ, которые и проводят над этими бактериями эксперименты. Отсюда безумное желание покончить с собой, разорвав тем самым все связи с человечеством; чтобы больше не иметь ничего общего с ничтожными особями, образ которых Рэлсон создал в своем сознании. Понимаете?

Грант кивнул:

— Бедняга.

— Да, очень жаль. Если бы в детстве о нем кто-нибудь позаботился... Во всяком случае, сейчас только к лучшему, что доктор Рэлсон не поддерживал дружеских отношений с людьми, которые здесь работают. Он слишком болен, чтобы общаться с ними. Вы должны организовать дело так, чтобы он входил в контакт только с вами. Я уже заручился его согласием. Видимо, он считает, что вы не так глупы, как все остальные.

— Меня это вполне устраивает, — слабо улыбнулся Грант.

— Надеюсь, вы будете соблюдать осторожность. Не станете говорить с ним ни о чем, кроме работы. Если Рэлсон начнет излагать свои теории, в чем я сильно сомневаюсь, отвечайте что-нибудь невнятное и меняйте тему. Кроме того, проследите, чтобы ему на глаза не попадались острые предметы. Не позволяйте подходить к окну, не оставляйте без внимания его руки. Вы меня понимаете? Я оставляю своего пациента под вашу ответственность, доктор Грант.

— Я сделаю все, что в моих силах, доктор Блуштейн.

В течение двух месяцев Рэлсон и Грант жили вместе в кабинете последнего. На окна поставили решетки, деревянную мебель заменили на мягкую. Рэлсон размышлял, лежа на диване,

а необходимые вычисления делал на легкой дощечке, которую ставил на подушку.

На дверях кабинета Гранта постоянно висела табличка с надписью: «Не входить». Еду оставляли перед дверью. Ближайший туалет был закрыт для посторонних, а дверь между ним и кабинетом Гранта сняли. Сам Грант перешел на электрическую бритву. Он каждый вечер следил за тем, чтобы Рэлсон принимал снотворное, и засыпал только после того, как убеждался, что его коллега уже спит.

Утром Рэлсону приносили отчеты о проделанной работе. Он читал их, а Грант наблюдал за ним, делая вид, что занят собственными проблемами.

Потом Рэлсон откладывал бумаги в сторону и отрешенно смотрел в потолок.

— Что-нибудь новое? — спрашивал Грант.

Рэлсон в ответ только качал головой.

Однажды Грант предложил:

— Я попрошу очистить здание между первой и второй сменами. Вам необходимо посмотреть экспериментальную установку.

Теперь по ночам Грант и Рэлсон бок о бок, словно привидения, вышагивали по пустому зданию. Грант ни на секунду не выпускал руки Рэлсона. Однако после каждого такого путешествия Рэлсон только качал головой. Несколько раз он принимался что-то писать, но после нескольких кривых строк отбрасывал дощечку в сторону.

Так продолжалось до тех пор, пока он вдруг не исписал полстраницы — быстро, не останавливаясь. Грант подошел к коллеге. Рэлсон поднял взгляд и дрожащей рукой закрыл записи.

— Пригласите Блуштейна.

— Что?

— Я сказал: «Пригласите Блуштейна». Доставьте его сюда. Немедленно!

Грант взялся за телефон.

Теперь Рэлсон начал писать, лишь изредка отвлекаясь на то, чтобы вытереть тыльной стороной ладони влажный от пота лоб.

— Он придет? — спросил Рэлсон дрогнувшим голосом.

— Его нет в кабинете, — ответил Грант, который тоже начал беспокоиться.

— Позвоните ему домой, разыщите Блуштейна!

Грант снова взялся за телефонную трубку, а Рэлсон тем временем отбросил в сторону очередной исписанный листок.

Пять минут спустя Грант сказал:

— Блуштейн уже на пути к нам. Что случилось? Вам плохо?

Рэлсон с трудом пробормотал:

— Нет времени... не могу говорить...

Он писал, чертил какие-то кривые диаграммы — его руки словно отказывались ему подчиняться.

— Диктуйте! — предложил Грант. — Я буду писать.

Рэлсон только отмахнулся. Он уже не мог говорить. Схватив левой рукой правую, словно это был кусок дерева, он попытался нацарапать что-то еще, вздрогнул и вдруг повалился на свои записи.

Грант осторожно вытаскивал бумаги и уложил Рэлсона на диван. И не отходил от него до тех пор, пока не пришел Блуштейн.

— Что произошло? — с порога спросил психиатр.

— Я думаю, он жив, — ответил Грант, хотя к этому моменту Блуштейн и сам успел в этом убедиться.

Грант обо всем ему рассказал.

Блуштейн сделал укол, и они стали ждать. Наконец Рэлсон открыл пустые глаза и застонал. Психиатр наклонился к нему:

— Рэлсон.

Руки Рэлсона потянулись к врачу и вцепились в его пиджак:

— Доктор, заберите меня обратно.

— Так и будет. Прямо сейчас. Как я понимаю, вы решили задачу создания силового поля?

— Да, я там написал, Грант.

Грант тем временем листал бумаги. На его лице была растерянность.

— Там не все, — слабым голосом сказал Рэлсон. — Больше я записать не сумел. Вы должны поработать сами. Заберите меня отсюда, доктор!

— Подождите, — попросил Грант. И прошептал, обращаясь к Блуштейну: — Нельзя ли оставить его здесь до тех пор, пока мы не организуем испытания? Я не понимаю большую часть того, что он написал. Почерк ужасно неразборчивый. Спросите у него, почему он думает, что подобная конструкция будет работать.

— Спросить у него? — тихо проговорил Блуштейн. — Вы же сами говорили, что он всегда знает, как нужно решать практические задачи.

— Спросите меня в любом случае, — вмешался Рэлсон, услышавший часть их разговора.

Его глаза вдруг широко открылись и загорелись безумным огнем.

Блуштейн и Грант повернулись к нему.

— Они не хотят силового поля. Они! Экспериментаторы! До тех пор пока я не понимал, как это сделать, все оставалось без

изменения. До тех пор пока я не начал рассматривать одну идею — ту идею, что записана на этих листках, — не прошло и тридцати секунд с того момента, как она пришла мне в голову, и я почувствовал... я почувствовал... доктор...

— Что? — спросил Блуштейн.

— Я все глубже погружаюсь в пенициллин. — Рэлсон снова перешел на шепот — Чем дольше я писал, тем быстрее и глубже погружался. Я был так... глубоко. Именно тогда я понял, что нахожусь на правильном пути. Заберите меня отсюда.

Блуштейн выпрямился.

— Я должен увезти его с собой, Грант. У нас нет выбора. Если вы сумеете разобраться в том, что он написал, — считайте, что вам повезло. Если нет — ничем не могу вам помочь. Рэлсон теперь для вас бесполезен: его ждет немедленная смерть, если он попытается что-нибудь еще написать.

— Но он умирает от чего-то воображаемого! — возразил Грант.

— Предположим. Однако разве это имеет значение? Смерть есть смерть.

Рэлсон потерял сознание и не слышал последнюю часть их разговора. Грант мрачно посмотрел на коллегу, а потом произнес:

— Ну что ж, забирайте его

Десять ведущих ученых института мрачно смотрели на освещенный экран, где сменяли друг друга слайды. Грант, нахмурившись, наблюдал за ними.

— Мне кажется, идея достаточно проста, — сказал он. — Среди вас есть математики и инженеры. Записи похожи на дурацкие каракули, однако за ними стоит мысль. Первый лист написан достаточно четко — это хорошая подсказка. Еще раз изучите каждую страницу. Записывайте все идеи, даже самые безумные, которые придут вам в голову при чтении. Никаких консультаций; я хочу, чтобы вы сделали собственные, независимые выводы.

— А откуда вы знаете, доктор Грант, что в этих каракулях есть какой-то смысл? — спросил один из ученых.

— Потому что они принадлежат Рэлсону.

— Рэлсону? Я думал

— Вы думали, он болен, — перебил Грант. Ему пришлось кричать, чтобы перекрыть поднявшийся шум. — Знаю. Он и в самом деле заболел. Это записи человека, стоящего на пороге смерти. Больше Рэлсон ничего не сможет нам подсказать. Где-то в этих бумагах содержится решение, как создать сило-

вое поле. Если мы не найдем его, то будем отброшены назад лет на десять

Они принялись за работу. Прошла ночь. И еще одна. Три ночи...

Грант посмотрел на результаты и покачал головой:

— Остается только поверить вам на слово. Не могу сказать, что я понимаю все, что здесь написано.

Лоу, который в отсутствие Рэлсона считался лучшим инженером института, пожал плечами:

— Мне это тоже не до конца понятно. Если установка и срабатывает, почему — он не объяснил.

— Ему не хватило времени. Вы можете построить генератор по этому описанию?

— Могу попытаться.

— А не хотите посмотреть на то, что придумали другие?

— Их версии меня не убеждают.

— Надеюсь, вы все тщательно проверили? — на всякий случай спросил Грант.

— Конечно.

— И настроены прямо сейчас начать работу?

— Да. Однако должен признаться, что не слишком рассчитываю на успех.

— Я тоже.

Конструкция росла. Хэл Росс, старший механик, которого назначили начальником проекта, практически забыл про сон. В любое время дня и ночи его можно было найти на строительной площадке. Он стоял и, задумчиво глядя под ноги, почесывал свой совершенно лысый затылок.

Только в самом начале он задал несколько вопросов:

— Что это такое, доктор Лоу? Никогда не видел ничего подобного. Зачем нужна эта штука?

— Вы знаете, где находитесь, Росс. Вам хорошо известно, что здесь не принято интересоваться лишним. Пожалуйста, впредь ничего у меня не спрашивайте.

Росс больше не задавал вопросов. Однако вскоре стало ясно, что ему совсем не нравится конструкция, созданием которой он руководил. Он называл ее уродливой и неестественной. Но продолжал работать

Однажды позвонил Блуштейн.

— Как Рэлсон? — спросил Грант.

— Не очень. Желает участвовать в испытаниях генератора силового поля.

— Наверное, это естественно, — с некоторым сомнением ответил Грант. — В конце концов, это ведь его детище.

— Мне придется приехать вместе с ним.

Гранта эта перспектива не слишком обрадовала.

— Знаете, испытания могут оказаться очень опасными. Хотя пуск пробный, вы не должны забывать, что мы имеем дело с колоссальными энергиями.

— Ну, мы будем подвергаться опасности не больше, чем вы, — ответил Блуштейн.

— Хорошо. Список наблюдателей должен быть утвержден Комитетом и ФБР, я внесу вас в него.

Блуштейн огляделся по сторонам. Генератор силового поля занимал центральную часть огромной экспериментальной лаборатории, все остальное пространство было освобождено. Он не заметил соединений с резервуаром, где содержался плутоний, служивший источником энергии, но из обрывков разговоров психиатр понял — он знал, что задавать вопросы Рэлсону не следует, — что это соединение проходит под полом.

Сначала наблюдатели обошли машину, обмениваясь непонятными репликами, а потом все собрались на галерее. Блуштейн заметил по меньшей мере трех генералов и целую свиту военных чинов помельче. Психиатр предпочел остановиться в стороне, у высокого ограждения — главным образом ради Рэлсона.

— Вы уверены, что хотите остаться? — спросил Блуштейн.

В лаборатории было достаточно тепло, но Рэлсон так и не снял пальто и даже поднял воротник. Впрочем, Блуштейн сильно сомневался, что кто-либо из коллег узнает Рэлсона.

— Я останусь, — сказал физик.

Блуштейн был доволен. Ему хотелось посмотреть испытания.

В этот момент к нему кто-то обратился:

— Здравствуйте, доктор Блуштейн.

Сначала психиатр никак не мог вспомнить, кто это с ним поздоровался, но потом сообразил

— Инспектор Дэррити!.. Что вы здесь делаете?

— То же самое, что и все остальные. — Инспектор показал на собравшихся людей. — Нет никаких шансов заставить их очистить помещение, чтобы исключить возможность несчастного случая. Однажды я стоял совсем рядом с Клаусом Фук-

сом* — вот как с вами. — Дэррити подбросил перочинный нож в воздух и привычно ловким движением поймал его.

— Да, где теперь найдешь безупречную систему безопасности? Когда человек даже не может доверять своему собственному подсознанию.. Вы будете стоять рядом со мной, не так ли?

— Почему бы и нет? — Дэррити улыбнулся. — Вы ведь очень хотели попасть сюда, верно?

— Не ради себя, инспектор. Пожалуйста, уберите куда-нибудь ваш нож!

Дэррити с удивлением посмотрел на Блуштейна. Быстро убрал нож и более внимательно посмотрел на его спутника, а потом тихонько присвистнул:

— Здравствуйте, доктор Рэлсон.

— Добрый день, — хрипло ответил Рэлсон.

Блуштейна не удивила реакция Дэррити. С тех пор как Рэлсон вернулся в санаторий, он похудел на двадцать фунтов. Его лицо избороздили морщины, и оно приобрело желтоватый оттенок — теперь ученый выглядел лет на шестьдесят.

— Скоро начнется эксперимент? — спросил Блуштейн.

— Похоже, уже начинают, — ответил Дэррити.

Он повернулся и подошел к перилам ограждения. Блуштейн взял Рэлсона за локоть и попытался отвести его в сторону, но Дэррити негромко сказал:

— Оставайтесь здесь, док, я не хочу, чтобы вы бродили по лаборатории.

Блуштейн посмотрел по сторонам. На лицах застывших людей появилось выражение нетерпения и тревоги. Он узнал высокую худощавую фигуру Гранта — физик полез в карман за спичками, чтобы зажечь сигарету. Молодой человек, сидевший за пультом управления, напряженно ждал.

Послышалось негромкое гудение, и воздух наполнился слабым запахом озона.

— Смотрите! — сдавленно проговорил Рэлсон.

Блуштейн и Дэррити посмотрели в ту сторону, куда указывал палец ученого. Создалось впечатление, будто генератор начал мерцать, будто над ним поднялся нагретый воздух. Железный шар, на манер маятника, прошел через зону мерцающего воздуха.

— Он замедлился, да? — взволнованно спросил Блуштейн.

Рэлсон кивнул:

* Фукс Клаус (1911—1988) — немецкий шпион, принимавший участие в создании атомной бомбы в США, затем в Англии.

— Они измеряют высоту подъема, чтобы подсчитать потерю момента. Болваны! Я же сказал, что генератор будет работать.

— Не нужно так переживать, доктор Рэлсон. Только смотрите, и все

Маятник прекратил раскачиваться, застыл в верхнем положении. Мерцание над генератором стало интенсивнее — в этот момент, по дуге, шар опять начал движение вниз.

Снова и снова раскачивался маятник, и с каждым разом амплитуда его колебаний уменьшалась. Когда шар входил в зону мерцающего воздуха, раздавался четкий звук. И вдруг наступил момент, когда шар отразился. Сначала вяло, словно соприкоснулся с чем-то мягким, потом удар получился звонким, как если бы ему преградило дорогу стальное препятствие, так что шум разнесся по всей лаборатории.

Маятник остановили. Генератор теперь окружала такая плотная пелена, что его едва можно было разглядеть.

Грант отдал приказ, и запах озона вдруг стал острым, наполнил все помещение. Послышались восклицания, люди начали показывать пальцами.

Блуштейн, взволнованный, как и все остальные, перегнулся через перила. На том месте, где только что находился генератор, появилось огромное зеркало в форме полусферы. Оно было идеально округлым и чистым. Bluштейн заметил в нем свое отражение — маленький человечек, стоящий на балконе. Он видел отблески флюоресцентных светильников. Изображение было на удивление четким и контрастным.

— Смотрите, Рэлсон! Оно отражает энергию. Оно отражает волны света, как зеркало. Рэлсон...

Психиатр повернулся:

— Рэлсон!.. Инспектор, где Рэлсон?

— Что? — Дэррити удивленно посмотрел на Bluштейна. — Я его не видел.

Инспектор начал отчаянно озираться:

— Ну, он не мог уйти далеко. Сейчас ему отсюда не выбраться. Вы идите в ту сторону. — Тут Дэррити похлопал себя по бедру, засунул руку в карман и растерянно добавил: — Пропадал мой нож

Блуштейн нашел Рэлсона внутри маленького кабинета, принадлежавшего Хэлу Россу. Кабинет находился неподалеку от балкона, но, учитывая все обстоятельства, в нем никого не было — сам старший механик на испытаниях не присутствовал. Отличное место для финала долгой борьбы Рэлсона с желанием покончить с собой.

Блуштейн постоял несколько мгновений на пороге, а потом отвернулся. Он заметил Дэррити, выходящего из такого же кабинета по другую сторону балкона, и поманил его к себе.

Доктор Грант дрожал от возбуждения. Он закурил, дважды затянулся, бросил сигарету на пол и затоптал. Потом не выдержал, достал следующую — ее постигла судьба предыдущей. Теперь он возился с третьей.

— Даже лучше, чем мы могли рассчитывать, — говорил он. — Завтра проведем эксперимент с огнестрельным оружием. Я в результатах уверен, но необходимо соблюдать намеченный план экспериментов. Мы не станем возиться с винтовками, а сразу попробуем выстрелить из базуки. А может быть, и нет. Сначала придется построить мощные заграждения, чтобы решить проблему рикошета.

Он выбросил третью сигарету.

— А потом мы попробуем настоящую атомную бомбу, — сказал один из генералов.

— Естественно. В районе Эниветока уже начато строительство бутафорского городка. Можно прямо там построить генератор и сбросить на него атомную бомбу. Внутри разместим животных.

— А вы уверены в том, что, если запустить поле на полную мощность, оно выдержит прямое попадание атомной бомбы?

— Более того, генерал, поле не возникнет до тех пор, пока не будет сброшена бомба. Излучение плутония активирует силовое поле за миг до взрыва. Так, как мы сделали в конце сегодняшнего эксперимента. В этом и заключается главная идея!

— Знаете, — заявил профессор из Принстона, — здесь есть и некоторые недостатки. Когда поле запущено на полную мощность, все, что находится внутри, оказывается в полной темноте — во всяком случае, солнечные лучи туда не проникают. Кроме того, противник может пускать безобидные радиоактивные снаряды, чтобы периодически включать силовое поле. Это приведет к быстрому истощению ресурсов.

— Ну, — возразил Грант, — с подобными проблемами мы справимся. Теперь, когда главная задача решена, нас ничто не остановит.

Наблюдатель, представляющий Великобританию, подошел к Гранту, чтобы пожать ему руку.

— С сегодняшнего дня я могу быть спокойным за Лондон, — сказал он. — Остается просить ваше правительство, чтобы оно разрешило мне ознакомиться с принципами работы генератора. То, что я видел, произвело на меня огромное впечатление.

Сейчас ваше открытие кажется неизбежным и очевидным, но кому впервые пришла в голову эта замечательная идея?

Грант улыбнулся:

— Этот вопрос не раз задавался раньше в связи с устройством доктора Рэлсона...

Физик повернулся, почувствовав у себя на плече чью-то руку:

— Доктор Блуштейн! Чуть было не забыл. Я хочу поговорить с вами.

Он отвел маленького психиатра в сторону и зашептал ему на ухо:

— Послушайте, нельзя ли убедить Рэлсона встретиться с этими людьми? Это же его триумф.

— Рэлсон мертв, — сказал Блуштейн

— Что?

— Вы можете отлучиться на некоторое время?

— Да... да... Господа, мне нужно на несколько минут покинуть вас.

Он торопливо зашагал вслед за Блуштейном.

Агенты из ФБР уже взяли ситуацию под контроль. Не привлекая особого внимания, они перекрыли вход в кабинет Росса. Снаружи собралась толпа, люди возбужденно обсуждали подробности поразительного эксперимента. А внутри находился ответ на ряд вопросов — смерть.

Охрана расступилась, давая Гранту и Блуштейну пройти, затем снова перекрыла вход.

Грант приподнял простыню.

— Теперь он кажется умиротворенным, — заметил он.

— Я бы даже сказал, счастливым, — кивнул Блуштейн.

— Орудием самоубийства, — бесцветным голосом произнес Дэррити, — был мой нож. Я совершил ошибку и напишу об этом в рапорте

— Нет-нет, — возразил Блуштейн. — Он был моим пациентом, и я несу за него всю полноту ответственности. В любом случае он не прожил бы и недели. С тех пор как Рэлсон изобрел генератор, он медленно умирал

— Следует ли сообщать обо всем правительству? Может, забудем о его безумии? — спросил Грант.

— Боюсь, это невозможно, — отрезал Дэррити.

— Я все ему рассказал, — печально проговорил Блуштейн.

Грант перевел взгляд с одного на другого.

— Я поговорю с директором. Если потребуется, обращусь к президенту. Я считаю, что нет никакой необходимости упоминать о самоубийстве или о сумасшествии. Этот человек должен войти в историю как изобретатель генератора силового поля.

Наш долг, по меньшей мере, сделать для него это. — Он даже скрипнул зубами.

— Рэлсон оставил записку, — вмешался Блуштейн.

— Записку?

Дэррити протянул ему листок бумаги:

— Самоубийцы почти всегда так поступают. Здесь изложена причина, по которой он покончил с собой.

Записка была адресована Блуштейну. В ней говорилось:

«Генератор работает; я знал, что так и будет. Условия сделки выполнены. Теперь он у вас есть, и вы больше во мне не нуждаетесь. Поэтому я ухожу. Вам не нужно беспокоиться о человеческой расе, док. Вы были правы. Они слишком долго выводили нас, слишком сильно рисковали. Мы выбрали из питательного раствора, и они не в силах остановить нас. Я знаю. Вот и все, что я могу сказать: я знаю».

Ниже было нацарапано его имя, за которым следовала последняя строчка:

«Если людей, обладающих иммунитетом против пеницилина, окажется достаточное количество...»

Грант хотел смять записку, но Дэррити остановил его.

— Следует сохранить для архива, — сказал он.

Грант вернул листок инспектору и грустно произнес:

— Бедный Рэлсон! Он умер, продолжая верить в эту ерунду. Блуштейн кивнул.

— Да. Как я понимаю, Рэлсону будут устроены роскошные похороны, а о самом факте изобретения сообщат без упоминания о помешательстве и самоубийстве. Однако я не сомневаюсь, что людей из правительства заинтересуют его безумные теории. Очень может быть, что они вовсе не так уж и безумны, правда, мистер Дэррити?

— Это же смешно, доктор! — заявил Грант. — Ни один ученый, участвовавший в реализации данного проекта, ни разу не продемонстрировал никакого беспокойства.

— Расскажите ему, мистер Дэррити, — попросил Блуштейн.

— Произошло еще одно самоубийство, — сказал Дэррити. — Нет-нет, не ученый. Во всяком случае, у него нет степени. Это случилось сегодня утром, и мы начали расследование, потому что думали, что есть какая-то связь с предстоящим экспериментом. Нам ничего не удалось обнаружить, и мы решили попридержать информацию до окончания испытаний.

Погибший был самым обычным человеком, с женой и тремя детьми. У него не имелось никаких причин умирать или психических отклонений. Он бросился под машину. Свидетели уверенно заявляют, что он сделал это совершенно сознательно. Он был ужасно искалечен и умер не сразу, прохожие успели

вызвать «скорую помощь», но напоследок он сказал: «Теперь я чувствую себя намного лучше», а потом умер.

— Кто это был? — вскричал Грант.

— Хэл Росс. Тот самый парень, что построил генератор. Именно в его кабинете мы сейчас находимся.

Блуштейн подошел к окну. На потемневшем вечернем небе появились первые звезды.

— Росс ничего не знал о теориях Рэлсона. Мистер Дэррити сказал мне, что он даже ни разу не разговаривал с Рэлсоном. По-видимому, ученые в целом обладают иммунитетом. Иначе и быть не может — в противном случае они бы уже давно сменили профессию. Рэлсон являлся исключением и был подвержен действию пенициллина, но решил бороться до конца. Вы знаете, что с ним произошло. Но что вы скажете об остальных: тех, что принадлежат к иным слоям общества, где не происходит постоянного отбора? Какая часть человечества обладает иммунитетом к воздействию пенициллина?

— Вы верите Рэлсону? — с ужасом спросил Грант.

— Я и сам толком не знаю.

Блуштейн посмотрел на звезды.

Инкубаторы?

С-ШЛЮЗ

В каюту, куда поместили полковника Энтони Уиндема и других пассажиров, проникал шум боя. На некоторое время наступила тишина, корабль замер, а это означало, что противники сражаются — находясь на астрономическом расстоянии друг от друга, нанося мощные удары, отражаемые защитными силовыми полями.

Никто не сомневался в том, каким будет конец. Земной корабль был всего лишь торговым судном, на которое спешно поставили вооружение, а прежде чем члены команды выгнали пассажиров с палубы, полковник успел заметить, что их атакует легкий крейсер клоро.

Прошло меньше получаса, и начались короткие, но ощутимые толчки, которых он ждал. Пассажиров болтало из стороны в сторону, когда корабль пытался маневрировать, словно океанский лайнер, попавший в шторм. Однако космос был спокойным и безмолвным. Просто пилот из всех сил старался избежать прямого попадания, из чего следовало, что защитные экраны не выдержали перегрузок.

Полковник Уиндем опирался на свою алюминиевую палку и думал о том, что, хотя он и провел всю свою жизнь в народном ополчении, ему так и не довелось принять участия ни в одном сражении; и сейчас наконец-то, став толстым и хромым стариком, он оказался в самом сердце боевых действий — командир, у которого в подчинении нет ни одного солдата.

Очень скоро гнусные чудовища — клоро — ступят на борт корабля. Такова их манера вести бой. Им, конечно, ужасно

The C-Chute

© 1951 by Isaac Asimov

С-шлюз

© В Гольдич, И Оганесова, перевод, 1997

мешают космические скафандры, и они понесут большие потери, зато получают корабль землян. Уиндем подумал о пассажирах, и на мгновение в мозгу промелькнуло: «Если бы они были вооружены, а я мог встать во главе нашей маленькой армии...»

Он быстро отбросил эту бесполезную мысль. Портер явно перепуган до смерти, да и юноша Лебланк не в лучшем состоянии. Братья Полиоркеты — проклятые, он даже не может отличить одного от другого — устроились в уголке и, не обращая никакого внимания на остальных, тихо себе разговаривают. Вот Мален — совсем другое дело: сидит совершенно прямо и, похоже, ничего не боится, его лицо вообще лишено каких бы то ни было эмоций. Впрочем, человеку ростом в пять футов вряд ли когда-нибудь доводилось держать в руках оружие... Совершенно бессмысленные размышления — какая польза от таких вояк!

А вот еще Стюарт — насмешливая улыбочка и сарказм, которым пронизаны все его заявления... Уиндем искоса посмотрел на Стюарта — тот приглаживал своими неестественно белыми руками песочные волосы. Что толку от его искусственных рук?

Полковник почувствовал, как содрогнулся корабль, — с ним состыковалось другое космическое судно. Через пять минут из коридора донесся шум сражения. Один из братьев Полиоркетов что-то крикнул и метнулся к двери. Другой позвал его:

— Аристид! Подожди! — И бросился следом.

Все произошло слишком быстро. Аристид выскочил из двери в коридор. И вспыхнул на одно короткое мгновение, не успев даже вскрикнуть от боли. Уиндем, который стоял у двери, в ужасе смотрел на бесформенные, почерневшие останки молодого человека. Как странно — всю свою жизнь полковник был военным, но до сих пор ему ни разу не доводилось видеть насильственной смерти.

Понадобились совместные усилия всех остальных пассажиров, чтобы затащить внутрь каюты отчаянно сопротивлявшегося второго брата.

Постепенно шум сражения стих.

— Ну вот и все, — сказал Стюарт. — Теперь они оставят двоих клоро на борту и отправят нас на одну из своих планет. Мы превратились в военнопленных.

— Неужели их здесь будет только двое? — удивленно спросил Уиндем.

— Так у клоро принято, — ответил Стюарт. — А почему вы спрашиваете, полковник? Намерены возглавить бесстрашный рейд и отобрать корабль у врага?

— Черт побери, уже и полюбопытствовать нельзя, — покраснев, заявил Уиндем.

Но из его попыток напустить на себя важный вид, исполненный чувства собственного достоинства, ничего не вышло. И ему это было прекрасно известно. От хромого старика мало прока.

Кроме того, Стюарт, по всей вероятности, хорошо знал клоро. Он ведь жил среди инопланетян и наверняка успел изучить их обычаи.

Джон Стюарт с самого начала объявил, что клоро всегда ведут себя как джентльмены. Через двадцать четыре часа плена он повторил свои слова, сгибая и разгибая пальцы рук и наблюдая за движением мягкой синтеплоти.

Ему нравилось, что у остальных его слова вызвали возмущение. Люди созданы для того, чтобы им причинять боль; самые настоящие вонючки — все до единого. И руки у них сделаны из того же материала, что и тело.

Вот, например, Энтони Уиндем, особенно он. Полковник Уиндем — так он сам себя называл, и Стюарт был готов ему поверить. Полковник в отставке, который дрессировал отряд деревенских ополченцев на зеленой лужайке лет сорок назад, и при этом настолько ничем не выделялся, что его не позвали назад на службу, даже когда на Земле во время первой межзвездной войны возникла чрезвычайная ситуация.

— Чертовски неприятные вещи вы тут рассказываете про нашего врага, Стюарт. Я совсем не уверен, что мне нравится ваше отношение.

Казалось, Уиндем с трудом вытаскивает слова сквозь свою аккуратно подстриженную бородку. Голова у него была выбрита в соответствии с современной армейской модой, только теперь возле круглой лысины появилась короткая седая щетина. Отвислые дряблые щеки да красные прожилки на массивном носу придавали старику какой-то неопрятный вид, словно его неожиданно и слишком рано разбудили.

— Чушь собачья, — заявил Стюарт. — Вам нужно только развернуть данную ситуацию на сто восемьдесят градусов. Представьте себе, что корабль землян взял в плен лайнер клоро. Как вы думаете, какая судьба ждала бы всех гражданских лиц, находящихся на борту?

— Я ни секунды не сомневаюсь, что наши солдаты стали бы соблюдать все законы ведения межзвездной войны, — важно проговорил Уиндем.

— Если не считать того, что таковых законов не существует. Высадив на борт захваченного корабля команду, как вы думаете, стали бы мы заботиться о том, чтобы обеспечить тех, кто остался в живых, атмосферой с высоким содержанием хлора, оставили бы им личные вещи, отдали бы в их распоряжение самую удобную каюту, и так далее, и так далее, и так далее?

— Заткнитесь, ради всего святого! — рявкнул Бен Портер. — Если я еще услышу ваши «и так далее», я просто свихнусь.

— Извините! — сказал Стюарт, не испытывая ни малейших угрызений совести.

У Портера было тонкое лицо, украшенное похожим на клюв носом, на котором блестели капельки пота, и он так усердно кусал щеку изнутри, что в какой-то момент даже поморщился от боли. Прижал язык к больному месту и стал ужасно похож на клоуна.

Стюарту надоело дразнить товарищей. Уиндем был совсем неподходящей мишенью, а Портер мог только корчиться и страдать. Все остальные просто молчали. Деметриос Полиоркет удалился в страну безмолвного, нестерпимого горя. Похоже, он так и не заснул ночью. По крайней мере, когда Стюарт просыпался, чтобы повернуться на другой бок — он и сам спал ужасно беспокойно, — с соседней койки до него доносилось тихое бормотание Полиоркета, где доминировал один и тот же тоскливый стон: «О, мой брат!» Сейчас он сидел на своей койке, время от времени его покрасневшие от слез и бессонницы глаза на широком, смуглом, небритом лице останавливались на других пленниках, а потом он закрывал лицо загрубевшими мозолистыми руками, так что был виден только затылок, заросший курчавыми жесткими волосами. И медленно раскачивался из стороны в сторону — только теперь, когда все проснулись, не произносил ни звука.

Клод Лебланк безуспешно пытался читать письмо. Он был самым молодым из шести пленников, может быть, даже не успел закончить колледж, и возвращался на Землю, чтобы жениться. Стюарт заметил, как юноша тихо плакал утром, а его розовощекая физиономия превратилась в мордашку несправедливо обиженного ребенка. У него были почти белые волосы, огромные голубые глаза и полные губы — красивое, женственное лицо. Интересно, подумал Стюарт, какая девушка могла согласиться стать его женой? Он видел фотографию этой девушки. Впрочем, кто на корабле ее не видел? Хорошенькая, без каких бы то ни было запоминающихся черт — все портреты невест похожи друг на друга. Однако Стюарту казалось, что, будь он девушкой, наверняка выбрал бы себе в спутники жизни человека больше похожего на мужчину.

И еще Рэндольф Мален. Стюарт никак не мог понять, что же это за человек. Он единственный из всей шестерки достаточно долго прожил на планетах Арктура. Сам Стюарт, к примеру, пробыл там ровно столько, сколько требовалось, чтобы прочитать в провинциальном университете серию лекций по астроинженерии. Полковник Уиндем путешествовал от туристической фирмы Кука; Портер намеревался купить замороженные инопланетные овощи для своих консервных заводов на Земле; а братья Полиоркеты пытались заниматься фермерством на Арктуре, но после двух сезонов сдались и, умудрившись получить небольшую прибыль, возвращались на Землю.

Рэндольф Мален провел в системе Арктура семнадцать лет. И как только путешественникам удается быстро узнать друг о друге самые разнообразные подробности? Маленький человечек практически все время молчал. Он был исключительно вежлив, всегда сторонился, стараясь дать дорогу другому, и, казалось, его словарь состоял только из слов «спасибо» и «извините». Однако каким-то образом стало известно, что он отправляется на Землю впервые за семнадцать лет.

Маленький человечек, даже чересчур аккуратный — это немного раздражало. Например, проснувшись сегодня утром, он старательно заправил койку, побрился, принял душ и оделся. Складывалось впечатление, что на его многолетние привычки никак не повлиял тот факт, что он стал пленником клоро. Нужно признать, что поведение Малена не было демонстративным и он ни в коей мере не показывал, что не одобряет неряшливости других. Одетый в свой консервативный костюм, Мален сидел на койке, сложив руки на коленях — вот-вот готов начать за что-нибудь извиняться. Тонкая полоска растительности над верхней губой не добавляла характера, только усиливала впечатление сдержанности. Он был похож на карикатурное изображение бухгалтера.

«Самое забавное то, — думал Стюарт, — что он и есть бухгалтер» Стюарт заметил запись в судовом журнале: «Рэндольф Флюэлен Мален; специальность: бухгалтер; место работы: "Грайм Пейпер Бокс Компани", Арктур-2, Новая Варшава, Тобайас-авеню, 27».

— Мистер Стюарт?

Стюарт поднял голову.

Это был Лебланк. Нижняя губа у него немного дрожала, и Стюарт заставил себя вспомнить, что человек временами должен испытывать сострадание к ближнему.

— В чем дело, Лебланк?

— Вы не могли бы мне сказать, когда нас отпустят?

— А я-то откуда знаю?

— Все говорят, будто вы жили на планете клоро, а еще вы недавно сказали, что они всегда ведут себя как джентльмены.

— Ну да. Но ведь даже джентльмены воюют, чтобы победить. Возможно, нас на некоторое время интернируют.

— Это же может длиться годы! Маргарет ждет. Она подумает, что я умер!

— Надеюсь, нам позволят связаться с Землей, когда мы прибудем на их планету.

— Послушайте, если вы так много знаете про этих мерзавцев, — хриплым от возбуждения голосом заговорил Портер, — скажите, что они станут с нами делать? Чем будут кормить? Где возьмут кислород? Не сомневаюсь, они нас убьют. — И, словно эта мысль только сейчас пришла ему в голову, он добавил: — Меня тоже ждет жена.

Стюарт слышал, как он говорил о своей жене за несколько дней до нападения клоро; особого впечатления на него эти разговоры не произвели. Руки Портера с обкусанными ногтями вцепились в руки Стюарта, беспрерывно теребили его и дергали. Стюарт резко, с отвращением отодвинулся. Ему были неприятны эти уродливые руки. Его охватывало отчаяние от одной только мысли, что эти чудовища могут быть настоящими, в то время как его собственные, белые, безупречной формы руки — всего лишь имитация, рожденная из инопланетного латекса.

— Нас не убьют. Если бы это входило в намерения клоро, они бы давно с нами покончили. Знаете, мы ведь тоже берем клоро в плен, так что здравый смысл подсказывает, что с пленниками следует обращаться хорошо, если хочешь, чтобы с твоими согражданами тоже обходились гуманно. Они делают все, что в их силах. Еда, возможно, будет и не самой лучшей, однако клоро лучше нас разбираются в химии. В этой области они истинные мастера. Клоро выяснят, в какой пище мы нуждаемся и сколько нам нужно калорий. Мы выживем. Они об этом позаботятся.

— Не знаете, почему во мне растет уверенность, что вы симпатизируете этим зеленым тварям, Стюарт? — проворчал Уиндем. — Меня просто тошнит, когда я слышу, как землянин так прекрасно отзывается об этих типах. Послушайте, приятель, по-моему, вы забыли о том, что такое лояльность.

— Я лоялен по отношению к тому, кто честен и благороден, вне зависимости от внешнего вида существа, обладающего этими качествами. — Стюарт вытянул вперед свои руки. — Вы вот это видите? Их сделали клоро. Я прожил на одной из их

планет шесть месяцев. Мои руки были изуродованы взрывом кондиционера в моей квартире. Мне показалось, что кислорода, которым меня обеспечивают, недостаточно — на самом деле все было в полнейшем порядке, — и решил немного покопаться в установке. В том, что произошло, мне некого винить, кроме самого себя. Никогда не следует соваться в приборы, сделанные не на твоей родной планете. Когда один из клоро надел атмосферный скафандр и добрался до меня, спасти мои руки уже было невозможно.

Они вырастили — специально для меня — руки из синтеплоти и сделали операцию. Знаете, что это означает? Это означает, что им пришлось построить оборудование и изобрести питательные растворы, которые могли бы функционировать в кислородной атмосфере. И еще это означает, что их хирурги вынуждены были сделать сложнейшую операцию, надев атмосферные скафандры. И вот я снова с руками. — Стюарт неожиданно рассмеялся и потряс почти бесполезными кулаками. — Руки...

— И вы готовы ради этого предать Землю? — спросил Уиндем.

— Предать Землю? Вы спятили! Я многие годы ненавидел клоро за то, что они для меня сделали. Раньше, до несчастного случая, я был пилотом на трансгалактических линиях. А теперь? Работа в конторе, время от времени лекции. Мне понадобилось немало времени, чтобы понять, что я один во всем виноват, а клоро поступили со мной невероятно благородно. У них есть свой этический кодекс, и он ничем не отличается от нашего. Если бы не глупость кое-кого из их представителей — да и наших, конечно, — мы бы не воевали. А после того как все закончится...

Полиоркет вскочил на ноги и сжал руки в кулаки. Его глаза метали молнии.

— Мне совсем не нравится то, что вы говорите, мистер.

— Хотелось бы знать почему?

— Потому что ты тут расхваливаешь этих зеленых ублюдков Клоро хорошо с тобой обращались, да? А вот по отношению к моему брату они вели себя не так благородно. Они его убили. Знаешь, пожалуй, я тебя прикончу. Я понял: ты наверняка шпионишь для этих зеленых.

И он бросился на Стюарта.

Тот даже не успел поднять руки, чтобы защититься от разъяренного фермера.

— Что, черт подери...

Потом Стюарт схватил Полиоркета за запястье и выставил плечо, чтобы помешать тому дотянуться до своего горла.

Рука из синтеплоти оказалась практически бесполезной, Полиоркет легко вырвался.

Уиндем вопил что-то неразборчивое, а Лебланк взмолился своим нежным голоском:

— Перестаньте! Ну перестаньте же!

Но именно коротышка Мален обхватил фермера сзади за шею и попытался оттащить его от Стюарта. Без особого результата; Полиоркет, казалось, и не заметил, что маленький человечек висит у него на шее. Ноги Малена болтались в воздухе, так что он беспомощно мотался из стороны в сторону. Но он не разжимал рук и мешал Полиоркету, так что в конце концов Стюарт вырвался и схватил алюминиевую палку Уиндема.

— А ну, отвали, Полиоркет! — крикнул он.

А потом с трудом перевел дух, опасаясь нового нападения. Пустой алюминиевый цилиндр почти ничего не весил, пользы от него было бы совсем немного, но это все равно лучше, чем рассчитывать на свои слабые руки.

Мален отошел в сторону, но остался настороже. Он тяжело дышал, а его одежда была в беспорядке.

Секунду Полиоркет не шевелился. Просто стоял, глядя в пол.

— Бессмысленно все это, — проговорил он наконец. — Я должен убить клоро. А ты думай, о чем говоришь, Стюарт. Станешь болтать лишнее — и у тебя будут серьезные неприятности. Очень болезненные, уж можешь мне поверить.

Стюарт вытер пот со лба и бросил палку Уиндему; тот схватил ее левой рукой, потому что в правой у него был зажат носовой платок, которым он усиленно приводил в порядок свою лысину.

— Господа, нам следует избегать подобных стычек, — произнес Уиндем. — Подумайте о нашем престиже. Не забывайте, у нас общий враг. Мы все являемся представителями Земли и должны вести себя соответствующим образом — мы же правящая раса Галактики. Негоже нам унижать себя перед низшими существами.

— Ну хорошо, полковник, — устало перебил его Стюарт, — не могли бы вы отложить продолжение речи до завтра? — А затем повернулся к Малену: — Спасибо вам.

Он стеснялся своих слов, но не мог не выразить свою благодарность. Поступок маленького путешественника поразила его до глубины души.

— Не стоит благодарить меня, мистер Стюарт, — тихо, почти шепотом, но сухо сказал Мален. — Я не мог поступить иначе. Это было только логично. Если нас интернируют, вы нам

пригодитесь в качестве переводчика — вы же единственный знаете клоро и их повадки.

Стюарт поморщился. Очень бухгалтерские рассуждения, слишком логические, бесцветные, лишённые жизни. Риск — и выгода, которую можно получить в результате. Все сбалансировано — активы и пассивы. Ему было бы приятнее, если бы Мален бросился ему на помощь из-за... ну и по какой причине? Из чистого самоотверженного благородства?

Стюарт беззвучно рассмеялся. Почему он ждет от людей идеализма вместо честной, неприкрытой мотивации, направленной на соблюдение собственной выгоды?

Полиоркет впал в ступор. Горе и ярость сжигали его изнутри, но он не умел облечь их в слова и выпустить на свободу. Если бы он был Стюартом, с длинным болтливым языком, то смог бы выговориться, и тогда ему, может быть, стало бы лучше. Вместо этого он сидел тут, в каюте захваченного корабля, а часть его души умерла: у него больше нет брата, Аристиды больше нет...

Все произошло так быстро. Если бы можно было вернуться назад, если бы у него была одна лишняя секунда... он бы схватил Аристиду, удержал бы его, спас...

Он ненавидел клоро. Два месяца назад он что-то смутно о них слышал, но не более того, теперь же так сильно их ненавидел, что с радостью отдал бы жизнь за возможность убить парочку этих тварей.

— А из-за чего началась война? — спросил Полиоркет, не поднимая головы.

Он боялся услышать голос Стюарта, потому что ненавидел его, но ответил Уиндем, лысый полковник:

— Основной причиной, сэр, был спор за право владения рудниками в системе Уандотт. Клоро посягнули на собственность Земли.

— Там хватило бы места и тем и другим, полковник!

Полиоркет поднял голову и злобно оскалился. Ну не способен этот Стюарт долго помалкивать. Снова открыл свою пасть, безрукий инвалид, умник, дружок клоро.

— Разве это повод для войны, полковник? — продолжал Стюарт. — Мы же не можем существовать на одних и тех же планетах. Нам нечего делать там, где атмосфера богата хлором, а от наших — кислородных — им тоже нет никакой выгоды. Хлор смертельно опасен для нас; для них смертельно опасен кислород. Нет ни малейшего смысла воевать. Наши расы не имеют ничего общего. Да, и мы, и они намерены добывать

железо на планетоидах, лишенных атмосферы, но в Галактике таких — миллионы. Разве это повод для войны?

— Существует понятие планетарной чести... — проговорил Уиндем.

— Планетарное удобрение, вот что это такое. Как можно оправдывать этими глупыми рассуждениями столь бессмысленную войну? Вести ее можно только на пограничных постах. Рано или поздно дело закончится переговорами, с которых следовало начинать. Ни мы, ни клоро от этой войны ничего не выигрываем.

Полиоркет, хоть и неохотно, был вынужден признать — не вслух, естественно, — что согласен со Стюартом. Какое им с Аристидом было дело до того, где Земля или клоро добывают железо? Неужели ради этого стоило умирать? Неужели из-за этого погиб Аристид?

Неожиданно прозвучала предупредительная сирена.

Полиоркет вскинул голову и медленно поднялся, обнажив зубы в хищной усмешке. Возле двери могло находиться только одно существо. Он ждал — руки напряжены, сжаты в кулаки. Стюарт бросился к нему. Полиоркет заметил это и усмехнулся. Пусть только клоро зайдет, и тогда ни Стюарт, ни один другой ублюдок не сможет его остановить. Подожди, Аристид, подожди всего одну минутку, и я начну за тебя мстить.

Дверь открылась, и на пороге возникло существо, полностью спрятанное в бесформенную пародию на скафандр. Завучал странный, неестественный, но достаточно приятный голос:

— Мой товарищ и я, земляне, мы обеспокоены...

Существо вдруг замолчало, потому что Полиоркет с диким ревом метнулся к нему. Его движение не было заранее рассчитанным, им двигала слепая животная ярость. Темноволосая голова опущена, сильные руки расставлены в стороны, а поросшие короткими волосками пальцы скрючены, словно готовясь задушить первого, кто попадет на пути. Стюарт, не успев ничего предпринять, в единую долю секунды был отброшен на какую-то койку.

Клоро, не особенно напрягаясь, мог бы остановить Полиоркета или отойти в сторону, позволив урагану двигаться своим путем. Он не сделал ни того ни другого. Откуда-то возникло оружие, из которого вылетел розовый луч и коснулся землянина. Полиоркет споткнулся и рухнул на пол, тело замерло в том положении, в котором было за секунду до выстрела — одна нога поднята, — точно его моментально парализовало. Он свалился на бок и так и остался лежать, а его живые, дикие, исполненные ненавистью глаза метали молнии.

— Через некоторое время с ним все будет в порядке, — произнесло существо. Казалось, клоро просто отмахнулся от нападения Полиоркета. Он заговорил снова: — Мой товарищ и я, земляне, мы обеспокоены возникшим в этом помещении волнением. Вы в чем-то нуждаетесь, мы можем вам как-нибудь помочь?

Стюарт сердито потирал коленку, которую ушиб, когда падал на койку.

— Нет, спасибо, клоро.

— Послушайте, — зло процедил Уиндем, — это чертовски возмутительно. Мы требуем, чтобы вы нас освободили!

Крошечная голова клоро, похожая на головку насекомого, повернулась в сторону толстого старика. Не очень приятное зрелище, если тебе не доводилось видеть клоро раньше. Существо было ростом с человека, но верхняя часть его тела — шея — напоминала тонкий стебель, на который насажена голова, похожая на опухоль. Тупой треугольный хобот спереди, а по обе стороны — выпуклые глаза. И все. Места для мозга, да и самого мозга здесь не было. То, что у клоро соответствовало мозгу, находилось в животе — по земным представлениям, — так что голова являлась только органом чувств. Скафандр клоро почти точно повторял очертания его головы, за двумя полукруглыми прозрачными стеклами были видны глаза. Стекло казалось зеленоватого цвета из-за того, что внутри скафандра содержалась атмосфера, богатая хлором.

В данный момент один из глаз внимательно уставился на Уиндема, и старик съехал под этим взглядом, но продолжал настаивать на своем:

— Вы не имеете права держать нас в плену. Мы же гражданские лица.

Голос клоро, какой-то искусственный, доносился из небольшого приборчика, покрытого хромированной сеточкой и укрепленного у него на груди — опять же, с точки зрения землян. Эта звуковая коробочка действовала при помощи сжатого воздуха, контролируемого одним или двумя тонкими, раздвоенными щупальцами, которые росли из верхней части тела и были, благодарение Богу, спрятаны внутри скафандра.

Клоро сказал:

— Вы что, серьезно все это говорите, землянин? Вы наверняка слышали о войне, знаете, что такое законы военного времени и военнопленные.

Он быстро подергал головой в разные стороны, внимательно разглядывая присутствующих сначала одним, а потом и вторым глазом. Стюарт был уверен, что каждый из глаз

посылает свою собственную информацию мозгу, который сводит ее воедино.

Уиндему было нечего сказать. Как и всем остальным. Клоро, у которого четыре основные конечности примерно соответствовали ногам и рукам, в своем скафандре отдаленно напоминал человека, если, конечно, не поднимать голову выше груди... но кто же знает, о чем он думает?

Все молча наблюдали за тем, как инопланетянин повернулся и вышел из каюты.

Портер откашлялся и с трудом проговорил:

— О Господи, вы чувствуете запах хлора? Если они ничего с этим не сделают, мы все умрем, у нас сгорят легкие.

— Заткнитесь, — велел ему Стюарт. — В нашей атмосфере хлора так мало, что и комар бы его не заметил, а если что-то и есть, через несколько минут все будет в порядке. Кроме того, немного хлора вам не повредит. Он прикончит вирус, вызвавший вашу простуду.

— Стюарт, — тоже кашляя, сказал Уиндем, — я считаю, вы должны были сказать вашему приятелю клоро, чтобы они нас отпустили. Вы не очень-то храбро себя вели в его присутствии, так что нечего важничать сейчас, когда этот урод ушел.

— Вы же слышали, что он сказал, полковник. Мы военнопленные, а обменом военнопленных занимаются дипломаты. Придется нам подождать.

Лебланк, который смертельно побледнел, когда в каюту вошел клоро, вскочил на ноги и бросился в туалет. Все слышали, как его вырвало.

Пока Стюарт пытался придумать, что же можно сказать, чтобы заглушить неприятные звуки, заговорил Мален. Он покопался в маленькой коробочке, которую вытащил из-под подушки, и сказал:

— Возможно, мистеру Лебланку стоит принять успокоительное, прежде чем он отправится спать. У меня есть тут несколько таблеток, я с удовольствием с ним поделюсь. — И тут же попытался объяснить, почему проявляет такое великодушие: — Иначе он не даст нам заснуть ночью.

— Очень разумно, — согласился Стюарт. — Приберегите-ка еще таблеточку для нашего сэра Ланселота. — Он подошел к Полиоркету, который по-прежнему лежал на полу, опустился рядом с ним на колени и спросил: — Тебе удобно, малыш?

— Стюарт, так вести себя — дурной тон, — объявил Уиндем.

— Ну, если вас настолько сильно беспокоит судьба бедолаги, почему бы вам с Портером не перетащить его на койку?

Он им помог. Теперь руки Полиоркета судорожно дергались. Судя по тому, что было известно Стюарту про действие нервно-паралитического оружия клоро, в данный момент Полиоркет испытывал ужасную боль, словно все его тело пронзали тысячи иголок.

— И советую с ним не церемониться, — сказал Стюарт. — Идиотизм этого придурка чуть не стоил нам всем жизни. И ради чего?

Он отодвинул застывшее тело Полиоркета и уселся рядом с ним на край койки.

— Ты меня слышишь?

Глаза Полиоркета горели яростью. Он чуть приподнял руку, потом бессильно уронил ее.

— В таком случае слушай внимательно. Не вздумай еще раз выкинуть что-нибудь подобное. Потому что тогда мы все можем умереть. Если бы ты был клоро, а он — землянином, мы уже давно превратились бы в бездыханные трупы. Так что постарайся запомнить одну простую вещь. Мы сожалеем о том, что твой брат погиб, но он сам был виноват.

Полиоркет попытался подняться, и Стюарт толкнул его назад на койку.

— Нет, лежи и слушай, — сказал он. — Возможно, больше мне не представится такой удобной возможности заставить тебя выслушать внимательно то, что я говорю. Твой брат не имел никакого права покидать каюту, отведенную пассажирам. Ему все равно некуда было бы идти. Он просто оказался в гуще боя. Мы же не знаем наверняка, что он погиб от выстрела клоро. Это мог быть и солдат землян.

— О, послушайте, Стюарт... — запротестовал Уиндем.

— А у вас есть доказательства? — резко повернулся к нему Стюарт. — Вы видели стрелявшего? Можете определить по останкам, чей луч сразил несчастного — клоро или землян?

Полиоркет вновь обрел дар речи; впрочем, его непослушный язык с трудом справлялся со звуками.

— Проклятый, вонючий ублюдок, дружок зеленух...

— Я? Мне известно, какие мысли бродят у тебя в голове, Полиоркет. Ты решил, что сможешь облегчить свою душу, набив мне морду. Так вот, если ты это сделаешь, нам всем придет конец.

Стюарт встал и прислонился спиной к стене. Сейчас он был один против всех.

— Никто из вас не знает клоро настолько хорошо, насколько их знаю я. То, что они отличаются от нас в физическом отношении, не имеет никакого значения. Существенно лишь различие темпераментов. Например, они не понимают

нашего отношения к сексу. Для них аналогичный акт всего лишь биологический рефлекс, вроде дыхания. Они не придают этому процессу никакого значения. А вот социальные группы являются очень важным предметом. Не следует забывать, что предки клоро имели много общего с нашими насекомыми. Поэтому они неизменно считают, что любая попавшаяся им на глаза группа землян, объединенная по той или иной причине, является социальным сообществом.

А для них это имеет принципиальное значение. По правде говоря, я не знаю точно, что именно это означает. Такое не дано понять ни одному землянину. Но, вследствие своих взглядов, клоро никогда не разбивают группы людей, как мы стараемся не разделять мать и ее детей, если, конечно, у нас есть такая возможность. Сейчас с нами так трогательно-нежно обращаются, возможно, только потому, что клоро считают, будто мы страдаем из-за смерти одного из нас — они испытывают чувство вины.

Запомните вот что: нас интернируют вместе и будут держать вместе все время. Лично мне эта перспектива не по душе. Добровольно я не выбрал бы ни одного из вас в сокамерники, и, думаю, никто из вас не выбрал бы меня. Но тут мы ничего не можем поделать. Клоро не в состоянии понять, что мы оказались вместе на борту этого корабля совершенно случайно.

А это означает, что нам следует вести себя прилично. Имейте в виду, речь тут идет не о цветочках и птичках и прочих глупостях. Как вы полагаете, что произошло бы, если бы клоро пришли сюда немного раньше и обнаружили, что Полиоркет собирается меня прикончить? Не знаете? Ну а что бы вы подумали о матери, которая пытается задушить своих детей?

Надеюсь, вам понятно. Они убили бы нас, посчитав извращенцами и чудовищами. Уловили? А ты, Полиоркет? Ты все понял? Так что давайте будем обзывать друг друга, как нам вздумается, но никаких оскорблений действием. А теперь, если не возражаете, я приведу свои руки в порядок, верну им прежнюю форму — мои синтетические руки, которые я получил благодаря клоро и которые один из моих соплеменников попытался испортить.

С точки зрения Клода Лебланка, самое худшее было уже позади. Он сумел справиться с первым потрясением, когда его практически от всего мутило; но хуже всего ему было от мысли, что он покинул Землю. Отправиться в колледж, находя-

щийся на другой планете, — здорово, настоящее приключение, позволившее ему оказаться вне сферы влияния матери! Месяц спустя, когда он окончательно привык к новой обстановке, его переполняло самое настоящее счастье.

А потом, во время летних каникул, он уже больше не был Клодом, скромным учеником; теперь он превратился в Лебланка, космического путешественника. И эксплуатировал эту идею на полную катушку. Настоящий, сильный мужчина рассказывал о звездах, скачках через гиперпространство, обычаях и природе других миров; благодаря этому он чувствовал себя уверенно с Маргарет. Она полюбила его за те опасности, с которыми он столкнулся.

А вот в ситуации, в которую он попал сейчас, по правде говоря, вел он себя не так чтобы очень здорово. Лебланк это понимал, ему было стыдно. Ему ужасно хотелось быть похожим на Стюарта.

Он подошел к Стюарту во время обеда и сказал:

— Извините, мистер Стюарт.

Стюарт поднял голову:

— Как вы себя чувствуете?

Лебланк понял, что начал краснеть. Он легко краснел и, смущаясь из-за этого, становился пунцовым.

— Гораздо лучше, спасибо. Мы тут обедаем. Я принес вам вашу порцию.

Стюарт взял из его рук банку — стандартный космический рацион искусственная, концентрированная, питательная и совершенно безвкусная еда. Она нагревалась, когда вы открывали банку, но ее можно было есть и холодной, если возникала необходимость. И хотя к банке прилагались ложка с вилкой, ее содержимое было такой консистенции, что вполне можно было есть пальцами и при этом не слишком испачкаться.

— Вы слышали мою маленькую речь? — спросил Стюарт.

— Да, сэр. Я хочу, чтобы вы знали — вы можете на меня рассчитывать.

— Ну что ж, хорошо. А теперь идите ешьте.

— Нельзя остаться с вами?

— Пожалуйста, оставайтесь.

Некоторое время они молча ели. Потом Лебланк выпалил:

— Вы так уверены в себе, мистер Стюарт! Наверное, просто замечательно быть таким!

— Уверен в себе? Ну уж нет — вон кто у нас никогда не теряет уверенности.

Лебланк с удивлением проследил за взглядом Стюарта.

— Мистер Мален? Этот коротышка? Нет! .

— Вы со мной не согласны?

Лебланк покачал головой, а потом внимательно посмотрел на Стюарта, пытаясь понять, не смеется ли тот над ним.

— Он просто ледышка. В нем нет никаких чувств. Он похож на маленькую счетную машинку. У меня он вызывает отвращение. А вот вы, мистер Стюарт, совсем не такой. У вас внутри бушуют чувства, но вы их контролируете. Я бы очень хотел быть похожим на вас.

Мален подошел к ним, словно понял, что говорят о нем, хотя он, вне всякого сомнения, ничего не слышал. Его банка с едой оставалась практически нетронутой. Над ней еще поднимался легкий пар, когда Мален уселся на корточки рядом со Стюартом.

Голос бухгалтеря, как и всегда, напоминал шелест ветра в кустах:

— Мистер Стюарт, как вы думаете, сколько времени займет наше путешествие?

— Не знаю, Мален. Клоро, естественно, постараются избежать оживленных торговых маршрутов и, чтобы избавиться от преследования, предпримут больше скачков через гиперпространство, чем обычно. Меня не удивит, если пройдет целая неделя. А почему вы спрашиваете? Не сомневаюсь, у вас на это есть вполне определенная причина?

— Да, конечно. — Казалось, сарказм Стюарта совершенно не затрагивает Малена. — Просто мне пришло в голову, что было бы разумно экономить продовольствие.

— Продовольствия и воды нам хватит на месяц. Я проверил это в первую очередь.

— Понятно. В таком случае я доем содержимое этой банки.

Что он и сделал, аккуратно воспользовавшись вилкой и время от времени прикладывая платок к абсолютно чистым губам.

Часа через два Полиоркет сумел подняться на ноги. Его немного качало. Не приближаясь к Стюарту, он обратился к нему с того места, где стоял:

— Ты, вонючий шпион зеленых ублюдков, последи-ка за собой!

— Ты слышал, что я говорил, Полиоркет?

— Слышал. А еще я прекрасно слышал, что ты плел про Аристиду. Я не стану тратить на тебя силы, потому что ты всего лишь болтливый мешок, надутый вонючим воздухом. Только рано или поздно ты слишком разойдешься и лопнешь — тебе придет конец.

— Буду ждать с нетерпением, — сказал Стюарт.

Тяжело опираясь на свою палку, к ним подковылял Уиндем.

— Ну-ну, — произнес полковник с наигранной веселостью, которой безуспешно пытался прикрыть беспокойство, отчего оно было заметно еще больше. — Не следует забывать, что мы все земляне, черт побери; и пусть вас это поддерживает и вдохновляет. Мы не должны унижаться перед проклятыми клоро. Поставим крест на всех наших разногласиях и будем помнить только, что мы являемся гражданами Земли, которым следует объединиться против инопланетных подонков.

Стюарт непристойно выругался.

Портер стоял сразу за Уиндемом. Они вот уже целый час о чем-то шептались с бритоголовым отставным воякой, и сейчас Портер с возмущением произнес:

— Вы можете, конечно, умничать, Стюарт, только вряд ли это поможет. Выслушайте полковника. Мы тут с ним обсуждали сложившуюся ситуацию.

Портер смыл грязь с лица, намочил волосы и зачесал их назад. Это, однако, не избавило его от небольшого подергивания правого уголка рта и не сделало руки с заусеницами более привлекательными.

— Ладно, полковник, — сказал Стюарт. — Что вы там надували?

— Я бы хотел, чтобы собрались все, — сказал Уиндем.

— Ну хорошо, зовите их.

Очень быстро подошел Лебланк, за ним, не торопясь, последовал Мален.

— А этот нужен? — спросил Стюарт, махнув рукой в сторону Полиоркета.

— Конечно. Мистер Полиоркет, не могли бы вы присоединиться к нам?

— Отвяжитесь.

— Ладно, — бросил Стюарт, — оставьте его в покое. Лично мне он не нужен.

— Нет, нет, — сказал Уиндем, — это дело касается всех землян. Мистер Полиоркет, вы должны к нам присоединиться.

Полиоркет перекатился на край койки.

— Мне и отсюда все прекрасно слышно.

— Как вы думаете, они — я имею в виду клоро — прослушивают нашу каюту? — спросил Уиндем у Стюарта.

— Нет, с какой стати?

— Вы уверены?

— Естественно, уверен. Они же не знали, что произошло, когда Полиоркет на меня набросился. Просто услышали шум.

— А может, они специально постарались сделать вид, что наша каюта не прослушивается.

— Знаете, полковник, я ни разу в жизни не слышал, чтобы клоро сознательно кого-нибудь обманули...

— Эта вонючка просто обожает клоро, — перебил его Полиоркет.

— Давайте не будем начинать все сначала, — поспешно проговорил Уиндем. — Вот что я хочу вам сказать, Стюарт: мы тут с Портером обсуждали наши проблемы и пришли к выводу, что вы достаточно хорошо знаете клоро и можете придумать способ повернуть наш корабль в сторону Земли.

— Вы ошибаетесь. Я ничего не могу придумать.

— Может быть, существует какая-нибудь возможность отбить корабль у этих зеленых уродов, — предположил Уиндем. — Ну, скажем, у них есть какое-нибудь слабое место. Черт побери, вы же должны понимать, о чем я говорю.

— Скажите мне, полковник, что вас так беспокоит? Ваша собственная шкура или интересы Земли?

— Меня возмущает ваш вопрос! Я хочу, чтобы вы знали: несмотря на то что я, как и любой другой человек, забочусь о собственной безопасности, в первую очередь я думаю о Земле. И считаю, что все остальные со мной согласны.

— Совершенно верно, — мгновенно подтвердил Портер.

Лебланк казался обеспокоенным, весь вид Полиоркета выражал презрение. На лице Малена не отразилось ничего.

— Отлично, — кивнул Стюарт. — Конечно, я совершенно точно знаю, что мы не сможем отобрать у них корабль. Они вооружены, а мы нет. Но вот что я вам скажу: вам наверняка известно, почему клоро постарались захватить корабль, не повредив его. Дело в том, что им необходимы корабли. Они лучше нас, землян, разбираются в химии, зато мы добились гораздо больших успехов в астроинженерии. Наши корабли больше, мощнее и у нас их много. По правде говоря, если бы команда нашего судна с уважением относилась к военным аксиомам, они должны были бы взорвать корабль, как только возникла опасность захвата.

— И погубить пассажиров? — Лебланк пришел в ужас.

— А почему бы и нет? Вы же слышали нашего симпатягу полковника. Каждый из нас ставит интересы Земли выше собственной вонючей ничтожной жизни. Какой толк Земле от того, что мы остались в живых? Никакого. Принесет ли вред этот корабль, попав в руки клоро? Уж можете не сомневаться!

— В таком случае почему, — спросил Мален, — наши отказались взорвать корабль? Наверняка у них была причина.

— Естественно, была. У наших военных существует жесткий закон: ни в коем случае нельзя допускать, чтобы соот-

ношение жертв, понесенных землянами и их врагами, было не в пользу Земли. Если бы они взорвали корабль, погибли бы двадцать военных и семь гражданских лиц, в то время как враг вообще не понес бы никаких потерь. Следовательно, произошло скорее всего вот что: мы пустили их на борт корабля, убили двадцать восемь клоро — не сомневаюсь, что не меньше, — а после этого позволили им захватить корабль.

— Болтовня, болтовня, болтовня, — продолжал Полиоркет.

— Во всем этом есть еще и мораль, — продолжал Стюарт. — Нам не отобрать корабль у клоро. Но мы могли бы напасть на них и отвлекать ровно столько времени, сколько понадобится кому-нибудь из нас, чтобы испортить двигатель.

— Что? — крикнул Портер, и Уиндем испуганно махнул ему рукой, чтобы тот вел себя потише.

— Испортить двигатель, — повторил Стюарт. — То есть уничтожить корабль. Мы же все этого хотим, не так ли?

— Не думаю, что что-нибудь получится, — побелевшими губами прошептал Лебланк.

— Ну, тут нельзя быть ни в чем уверенным, пока не попробуешь. А разве мы что-нибудь теряем, предпринимая такую попытку?

— Наши жизни, черт вас подери! — взревел Портер. — Ты, безумный маньяк, ты спятил!

— Если я маньяк, — сказал Стюарт, — и безумен, следовательно, я спятил. Только, по-моему, вы забыли одну истину: в случае нашей смерти — а вероятность такого исхода крайне велика — не пропадет ничего, что представляло бы для Земли ценность; а вот если уничтожим корабль, Земля от этого лишь выиграет. Разве настоящий патриот будет колебаться, какой ему должно сделать выбор? Кто из здесь присутствующих готов поставить собственные интересы выше интересов своей планеты? — Он замолчал и оглядел всех по очереди. — Не сомневаюсь, что про вас этого сказать ни в коем случае нельзя, полковник Уиндем?

Уиндем закашлялся.

— Дорогой мой, дело вовсе не в этом. Наверняка существует возможность сохранить корабль для Земли, не рискуя при этом нашими жизнями, как вы полагаете?

— Отлично. Может быть, вы скажете нам всем, что нужно делать?

— Давайте подумаем. На борту корабля находится всего два клоро. Если бы кто-нибудь из нас смог к ним подобраться и...

— Каким образом? Весь корабль заполнен хлором. Придется надеть скафандр. Сила тяжести в отсеках врага увеличена до привычных им величин, так что тот придурак, что

согласится отправиться к клоро, будет ползти, словно металлическая муха, тяжелая и неповоротливая. Да, конечно, можно попытаться подобраться к ним незаметно — это все равно что посоветовать скунсу двигаться по ветру.

— Ну, в таком случае нужно отказаться от этой затеи, — голос Портера дрожал. — Послушайте, Уиндем, и речи не может быть о том, чтобы уничтожить корабль. Лично я достаточно высоко ценю свою жизнь. Если кто-нибудь из вас попытается выкинуть какую-нибудь глупость, я позову клоро и все им расскажу.

— Великолепно, — сказал Стюарт, — вот наш герой номер один.

— Я хочу вернуться на Землю, однако... — проговорил Лебланк.

— Не думаю, что у нас есть серьезные шансы уничтожить корабль, если только... — перебил его Мален.

— Герои номер два и три. А как насчет тебя, Полиоркет? Вот реальная возможность прикончить парочку клоро.

— Я хочу удавить их собственными руками, — прорычал фермер, сжав могучие кулаки. — Подожди, попаду на их планету, тогда пришью целую дюжину.

— Самое время давать подобные обещания, — усмехнулся Стюарт. — А как насчет вас, полковник? Разве вы не хотите бок о бок со мной шагнуть в пасть смерти, покрыв себя славой?

— Стюарт, вы ведете себя цинично и некрасиво. Совершенно очевидно, что, если наши товарищи не согласны с вашим планом, у вас ничего не выйдет.

— Если только я один не управлюсь, не так ли?

— Вы этого не сделаете, слышите? — мгновенно вставил Портер.

— Конечно, не сделаю, — согласился с ним Стюарт. — Я не утверждал, что являюсь героем. Я всего лишь самый обычный патриот и готов отправиться на любую планету, где меня примут и где я смогу пересидеть войну.

— По правде говоря, существует способ удивить клоро, — задумчиво проговорил Мален.

На его слова никто не обратил бы внимания, если бы не Полиоркет. Он грубо рассмеялся и, указав коротким указательным пальцем с грязными ногтями на Малена, фыркнул:

— Мистер бухгалтер!.. Ну давайте, выкладывайте, мистер бухгалтер. И вам захотелось произнести речь? Вам тоже вздумалось побренчать пустыми, бессмысленными словами? — Он повернулся к Стюарту и зло проговорил: — Пустая брехня!

А ты, трепло безрукое, вообще ни на что не способен, кроме болтовни.

Мален подождал, пока Полиоркет замолчит, и только тогда заговорил снова, обращаясь к Стюарту:

— Возможно, нам удастся подобраться к клоро снаружи. В этой каюте наверняка есть С-шлюз.

— А что это такое? — спросил Лебланк.

— Ну... — начал Мален, а потом замолчал, не зная, что сказать.

— Это такое сокращение, приятель, — насмешливо проговорил Стюарт. — Полностью он называется «санитарный шлюз». О С-шлюзах не принято говорить, но они есть на всех кораблях, во всех больших каютах. Это всего лишь воздушные шлюзы, через которые наружу выбрасываются трупы. Похороны в космосе. Благородная печаль, опущенные головы, капитан произносит речь, которая берет всех за душу, — на Полиоркета она не произвела бы никакого впечатления, только ужасно разозлила бы.

— Воспользоваться этим, чтобы покинуть корабль? — Лебланк поморщился.

— А почему бы и нет? Вы что, суеверны? Я вас слушаю, Мален.

Маленький человечек терпеливо ждал своей очереди.

— Оказавшись снаружи, — продолжил он, — можно войти в корабль по одной из паровых труб — если, конечно, повезет. И тогда в рубку управления явится неожиданный гость.

— Как это вы придумали такую штуку? — удивленно посмотрел на него Стюарт. — Что вы можете знать о паровых трубах?

Мален кашлянул:

— Вы имеете в виду мою бумажную профессию? Ну... — Он слегка покраснел, помолчал немного, а потом заговорил бесцветным, лишенным каких бы то ни было эмоций голосом: — Наша компания, которая выпускает нарядные коробочки для подарков и всякие безделушки, несколько лет назад стала производить коробочки для конфет в виде космических кораблей. Она была устроена таким образом, что стоило потянуть за веревочку, как в небольших резервуарах с воздухом возникали отверстия, из которых вырывался сжатый воздух — и космический корабль, разбрасывая конфеты, начинал летать по комнате. Специалисты по торговле утверждали, что дети с удовольствием будут, с одной стороны, играть с кораблем, а с другой — собирать конфеты.

На самом деле этот проект потерпел полнейший крах. Корабли били посуду, а пару раз даже нанесли детям травмы.

Кроме того, дети не то чтобы с удовольствием собирали конфеты — они устраивали из-за сладостей настоящие баталии. В общем, идея оказалась, мягко говоря, неудачной. Мы потеряли кучу денег.

Однако, пока эти космические корабли разрабатывались, всем было страшно интересно. Эта новая игра отвратительно сказывалась на качестве работы и моральном духе нашей конторы. На некоторое время мы все превратились в специалистов по паровым трубам. Я прочитал множество книг о строительстве космических кораблей. В свободное от работы время, естественно.

— Знаете, идея-то киношная, прямо как в боевиках, — проговорил Стюарт. Он был явно заинтересован. — Но, может быть, из нее что-нибудь и получится, если у нас, конечно, найдется лишний герой. Есть такой?

— А как насчет вас? — спросил Портер, в голосе которого звучало высокомерие. — Вы тут насмехаетесь над нами, отпускаете дешевые шуточки. Что-то я не заметил, чтобы вы рвались в бой.

— А я не герой, Портер, и не скрываю этого. Моя главная цель — остаться в живых. Но вы все — благородные патриоты. Полковник ведь так сказал, кажется? Как насчет вас, полковник? Вы же тут у нас заводила.

— Если бы я был моложе, — сказал Уиндем, — и если бы у вас, черт побери, были здоровые руки, я бы с удовольствием набил вам морду, сэр.

— Вот уж в этом я ни секунды не сомневаюсь. Только вы не ответили на мой вопрос.

— Вам прекрасно известно, что в мои годы и с такой ногой... — он хлопнул рукой по коленке, — я не в состоянии проделывать подобные вещи, как бы сильно мне этого ни хотелось.

— Ну да, — сказал Стюарт, — а я безрукий, как охарактеризовал меня Полиоркет. Значит, мы с вами не считаемся. А остальные? Что помешает им совершить этот героический акт?

— Послушайте, — воскликнул Портер, — я хочу, чтобы вы объяснили мне, что вы тут обсуждаете! Как может человек пройти по паровой трубе? А что, если хлоро воспользуются трубой в тот момент, когда кто-нибудь из нас будет находиться внутри?

— Ну, Портер, в этом как раз и заключается прелесть риска. Самое интересное.

— Он же заживо сварится, как рак!

— Очень симпатичное сравнение, но, к сожалению, совершенно неверное. Пар будет идти по трубе совсем недолго, может быть, несколько секунд, скафандр выдержит. Однако пар вырывается со скоростью в несколько сотен миль в минуту, так что вас выбросит наружу еще прежде, чем вы успеете вспотеть. Если быть до конца честным, вы окажетесь в открытом космосе достаточно далеко от корабля, так что сможете больше не опасаться хлоро. Надеюсь, вы понимаете, что в такой ситуации вернуться на корабль вам вряд ли удастся.

Портер весь взмок.

— И не надейтесь напугать меня, Стюарт.

— Я вас не напугал? Значит, вы готовы отправиться на задание? А вы хорошо себе представляете, что значит оказаться в открытом космосе? Там не будет никого, совсем никого. Сначала вас станет на довольно большой скорости бросать из стороны в сторону, но вы этого не заметите. Вам покажется, что вы замерли на месте. Только звезды мечутся вокруг, превращаясь в светящиеся пятна и полосы. Они не остановятся. Они даже не замедлят движения. А потом откажет обогревательная система скафандра, затем кончится кислород — вы будете умирать очень, очень медленно. У вас будет масса времени на раздумья. Ну а если захочется покончить со всем этим поскорее, можно расстегнуть скафандр. Только удовольствия вы все равно не получите. Я видел лица тех, у кого скафандры порвались в результате несчастного случая, — ужасающее зрелище. С другой стороны, разумеется, быстро. А потом...

Портер отвернулся и нетвердыми шагами отошел от Стюарта. Тот спокойно, почти весело продолжал:

— Еще одна неудача. Ну, кто готов заплатить самую высокую цену за то, чтобы стать героем?

— Давай, давай, болтай, мистер Трепло, — сказал Полиоркет, и его резкий голос сделал слова еще злее. — Давай, пустозвон, чего замолк? Очень скоро я выбью тебе все зубы, подожди чуть-чуть. Я думаю, кое-кто с удовольствием ко мне присоединится, а, мистер Портер?

Портер посмотрел на Стюарта, словно соглашаясь с Полиоркетом, но промолчал.

— А ты, Полиоркет? Ты же у нас парень что надо, крутой мужик. Помочь тебе надеть скафандр?

— Я скажу, когда мне понадобится твоя помощь

— Лебланк?

Молодой человек отшатнулся от него

— Вы же хотите вернуться к Маргарет.

Лебланк только покачал головой.

— А как насчет вас, Мален?

— Ну, я попробую.

— Что?

— Я сказал «да», я попробую. Ведь это же я все придумал.

— Вы что, серьезно? — Стюарт был потрясен. — Почему?

Мален поджал губы:

— Потому что никто другой не хочет.

— Но это же не уважительная причина. Особенно для вас. Мален пожал плечами.

За спиной Стюарта застучала по полу алюминиевая палка Уиндема.

— Вы действительно намерены туда отправиться?

— Да, полковник.

— В таком случае, проклятье, я хочу пожать вашу руку. Вы... вы настоящий представитель Земли, клянусь небесами. Сделайте это, одержите победу или умрите, я буду свидетелем вашего подвига.

Мален смущенно вытащил руку из трепещущей от энтузиазма ладони полковника Уиндема.

А Стюарт просто стоял и смотрел. Он попал в весьма затруднительную ситуацию. По правде говоря, он оказался в самом необычном из всех положений на свете. Такого с ним еще никогда не случалось.

Он не знал, что сказать.

Атмосфера, в которой пребывали пленники, изменилась. Вместо отчаяния и мрачной тоски всех охватило взволнованное единение заговорщиков. Даже Полиоркет принялся рассматривать скафандры и высказался — коротко, хриплым голосом, — какой считает самым подходящим.

У Малена возникли проблемы — скафандр висел на нем мешком, даже несмотря на то что все застежки были затянуты на максимум.

Стюарт неловко держал тяжелый шлем, искусственные руки были не в состоянии надежно за него ухватиться.

— Если у вас чешется нос, лучше почесать его сейчас, — посоветовал он. — Боюсь, следующая возможность представится не скоро. — Он не сказал: «Возможно, никогда».

— Думаю, следует взять запасной баллон с кислородом, — бесцветным голосом проговорил Мален.

— Хорошая идея.

— С ограничивающим подачу кислорода вентилем.

Стюарт кивнул.

— Да, да, понятно. Если вас отбросит от корабля, вы попробуете воспользоваться запасным баллоном в качестве реактивного двигателя, при помощи которого можно будет попытаться вернуться к кораблю.

Они надели шлем Малену на голову и прикрепили ему на пояс запасной баллон. Полиоркет и Лебланк подняли бухгалтера над отверстием С-шлюза. Внутри царил пугающий мрак, поскольку металлическая обшивка была выкрашена в черный похоронный цвет. Стюарту показалось, что он уловил какой-то специфический запах — всего лишь шутки чересчур разгулявшегося воображения.

Когда Мален уже почти был в трубе, Стюарт неожиданно постучал рукой по шлему:

— Вы меня слышите?

Мален кивнул.

— Воздух поступает нормально? Никаких проблем?

Мален жестом успокоил его.

— В таком случае не забудьте: вы не должны пользоваться радиоприемником, вмонтированным в скафандр. Клоро могут уловить сигнал.

Стюарт неохотно отошел в сторону.

Сильные руки Полиоркета опустили Малена, и наконец они услышали, как металлические подошвы коснулись внутренней стенки шлюза. Внешняя крышка захлопнулась, силиконовая прокладка с тихим шуршанием встала на место, надежно запечатала С-шлюз.

Стюарт стоял возле рубильника, контролирующего выход из шлюза. Потянул рубильник на себя, и стрелка прибора, определяющего давление внутри трубы, метнулась к нулю. Крошечная красная точка показывала, что шлюз открыт. Потом точка погасла, а стрелка медленно добралась до отметки пятнадцать фунтов.

Они снова открыли крышку, труба была пуста.

Первым заговорил Полиоркет.

— Вот так коротышка! — Фермер с изумлением огляделся по сторонам. — Такой невзрачный, а с характером!

— Послушайте, давайте-ка подготовимся, — перебил его Стюарт. — Существует вероятность, что клоро заметили, как мы открывали и закрывали шлюз. Если это так, они обязательно захотят проверить, что тут происходит, нужно будет прикрыть Малена.

— Каким образом? — спросил Уиндем.

— Они заметят, что Малена нигде нет. Мы скажем, что он вышел ненадолго. Клоро знают, что земляне обладают весьма странным качеством — обожают в полнейшем одиночестве

проводить время в туалете. Так что не станут проверять. Если нам удастся их в этом убедить...

— А если они захотят подождать, пока Мален вернется, или пересчитают скафандры? — спросил Портер.

— Будем надеяться, что они не станут этого делать, — пожал плечами, ответил Стюарт. — И вот еще что, Полиоркет, постарайся вести себя тихо, когда они появятся.

— Когда этот парень там? — фыркнул Полиоркет. — Ты думаешь, я кто? — Он без всякой злобы посмотрел на Стюарта и почесал затылок. — Знаешь, я ведь потешался над ним. Считал, что он... ну, вроде старой бабы. Стыдно как-то.

Стюарт откашлялся и сказал:

— Знаете, я тут говорил всякое разное, теперь мне кажется, что забавного в моих речах было маловато. Я хочу извиниться.

Он отвернулся и с мрачным видом отошел к своей койке. Услышал, что за ним кто-то идет; его дернули за рукав. Оказалось, что это Лебланк.

— Я постоянно думаю о том, что мистер Мален пожилой человек, — сказал Лебланк.

— Ну уж это точно. Кажется, ему лет сорок пять или все пятьдесят.

— Как вы полагаете, мистер Стюарт, может быть, мне следовало пойти вместо него? — спросил Лебланк. — Я ведь здесь самый молодой. Мне совсем не нравится мысль о том, что я позволил пожилому человеку... отправиться туда и не пошел сам. Я чувствую себя ужасно.

— Понимаю. Если он погибнет, это будет настоящей трагедией.

— Но ведь он сам вызвался. Мы же его не заставляли, правда?

— Не пытайтесь снять с себя ответственность, Лебланк. Вам от этого легче не станет. Потому что у него-то как раз было меньше всего причин, чтобы рисковать жизнью, меньше, чем у всех остальных.

Стюарт сидел и молча думал.

Ноги Малена потеряли опору, и он начал соскальзывать вниз, все быстрее и быстрее. Он знал, что воздух выталкивает его наружу, тащит за собой, поэтому изо всех сил уперся руками и ногами в стену, чтобы немного замедлить движение. Предполагается, что трупы выбрасывают в открытый космос, подальше от корабля, но он-то не был трупом — пока еще.

Ноги его свободно болтались. Затем раздался щелчок — ботинок с магнитом на подошве прилепился к корпусу корабля, в то время как все остальное тело напоминало пробку, которая вылетела из бутылки с шампанским. Мален на мгновение застыл на краю открытого шлюза — неожиданно произошла смена ориентации, теперь он почему-то смотрел на корабль сверху вниз — потом сделал шаг назад, и в этот момент крышка шлюза аккуратно и совершенно самостоятельно вернулась на свое место.

Малена охватило ощущение нереальности всего происходящего. Неужели это он стоит на внешней обшивке корабля? Нет, конечно же, не Рэндольф Ф. Мален. Совсем немногие могут похвастаться тем, что им довелось выходить в открытый космос. Даже те, кто почти всю свою жизнь провел на космических кораблях.

Вдруг он понял, что испытывает боль. Выскочив из шлюза так, что одна нога оказалась прочно прикрепленной к корпусу, Мален словно сложился пополам. Он попытался пошевелиться, очень осторожно, и обнаружил, что его движения стали какими-то беспорядочными и что он практически не в состоянии их контролировать. Вроде бы ничего себе не сломал, хотя все мышцы с левой стороны отчаянно болели.

Тут Мален окончательно пришел в себя и заметил, что небольшие фонарики, встроенные в комбинезон возле запястий, зажжены. Именно благодаря их свету удалось разглядеть внутренности С-шлюза. Он с опаской подумал, что юбке на борту корабля могут заметить два крошечных световых пятна,двигающихся вдоль корпуса. И нажал на кнопку у себя на поясе.

Мален и представить себе не мог, что, стоя на корабле, не сможет разглядеть его корпус. Но вокруг царил полнейший мрак. Были, конечно, звезды — яркие крошечные точки, лишённые измерения. И больше ничего. Нигде. Внизу же не было даже звезд — не удавалось разглядеть собственные ноги.

Мален отклонился назад, чтобы посмотреть на звезды, и у него тут же закружилась голова. Звезды медленно плыли. Точнее, звезды стояли на месте, а вращался корабль, но Мален никак не мог заставить себя в это поверить. Они плыли. Он проследил глазами — вниз, за корабль. На другой стороне появились другие звезды. Черный, пустой горизонт. О существовании корабля можно было догадываться лишь по темному пятну, где царила абсолютная тьма.

Хотя.. Да вот же одна звезда, почти у него под ногами! Он, наверное, мог бы до нее дотянуться; и тут Мален понял, что

это отражение на сверкающей, словно зеркало, металлической поверхности.

Они неслись вперед со скоростью несколько тысяч миль в час — звезды, корабль, он сам. Впрочем, разве это имеет какое-нибудь значение? Для него существовали только тишина, мрак и медленное вращение ярких точек. Он не мог отвести от них взгляда...

Неожиданно Мален ударился головой, упрямой в шлем, о корпус корабля — раздался тихий звон маленьких колокольчиков.

Его охватила паника, и он принялся водить вокруг себя онемевшими руками в грубых силиконовых перчатках. Снабженные мощными магнитами ботинки по-прежнему надежно удерживали его на корпусе, зато все остальное тело откинулось назад так, что колени согнулись почти под прямым углом. Вне корабля не существовало никакой силы тяжести. Если отклониться назад, никакая сила не станет тянуть верхнюю часть тела вниз и не подскажет суставам, что они принимают неестественное положение.

Он отчаянно прижался к корпусу, и тогда его торс метнулся вверх, но не прекратил своего движения, заняв вертикальное положение, — теперь Мален упал вперед.

Он попытался повторить свое упражнение, только очень медленно, развел руки в стороны, чтобы сохранить равновесие, прижал их к корпусу корабля и вскоре сумел сесть на корточки. Осторожно начал выпрямляться. Медленно. Еще чуть-чуть. И еще. Руки помогают удержаться в вертикальном положении...

И вот он уже стоит, его немного подташнивает и кружится голова.

Мален огляделся по сторонам. О Господи, а где же паровые трубы? Не видно. Черное на черном, пустота на пустоте.

На одно короткое мгновение пришлось включить фонарики на запястьях. В космосе не возникло никаких лучей, только эллиптические, резко очерченные пятна голубой стали подмигивали ему, отражая свет. Там, где лучи попадали на клепку, появлялась тень — черная, как сам космос, похожая на острый нож. А световые пятна были четкими, ясными и не рассеивались.

Мален пошевелил руками; его тело тут же чуть качнулось в противоположную сторону — действие и противодействие. И тут он увидел паровую трубу, ее гладкие, цилиндрические бока.

Он было двинулся к ней, но магниты прочно держали ноги. Тогда он напряг правую, потянул, с трудом приподнял, не

забывая ни на минуту, что должен контролировать еще и положение тела. Нога висела всего в трех дюймах над корпусом, действие магнитов почти прекратилось; шесть дюймов — и Малену показалось, что нога, вдруг став самостоятельной, вот-вот улетит в непроглядный мрак.

Он снова начал медленно ее опускать, почувствовал действие магнита. Когда подошва находилась в двух дюймах от поверхности, он потерял над ней контроль, и нога снова намертво приклеилась к корпусу; раздался резкий гудящий звук. Его скафандр еще больше усиливал вибрацию, отчего в ушах Малена зазвенело.

Он остановился, охваченный ужасом. Дегидраторы, которые контролировали атмосферу внутри скафандра, не справились со своей задачей — лоб и подмышки Малена покрылись потом.

Он подождал несколько секунд, а потом снова поднял ногу — всего на один дюйм, усилием воли постарался удержать ее в этом положении, затем передвинул горизонтально вперед. Это оказалось совсем легко — движение шло перпендикулярно линиям распространения магнитного поля, — только приходилось постоянно следить за тем, чтобы нога не падала на обшивку корабля резко: требовалось делать все очень медленно, осторожно.

Мален тяжело дышал, каждый шаг давался с трудом, причинял отчаянные страдания. Коленные сухожилия скрипели, бок пронзала нестерпимая боль.

Мален остановился, подождал, чтобы высох пот. Если изнутри запотеет шлем скафандра, он окажется совершенно беспомощным. Затем снова включил фонарики и увидел впереди паровую трубу.

На корабле их было четыре, располагались они по кольцу под углом девяносто градусов друг к другу и служили для «точной регулировки» курса корабля. Грубая регулировка производилась мощными двигателями, находящимися спереди и сзади, которые позволяли набирать необходимую скорость и обеспечивали торможение, а для совершения гиперпространственных скачков имелись гиператомные устройства. Однако время от времени возникала необходимость уточнения направления полета, и тогда за дело принимались паровые трубы. Они могли изменить движение корабля — отправить его вверх, вниз, направо или налево. Используя их попарно, при определенном соотношении мощности каждого двигателя можно было направить корабль в любую сторону.

Это приспособление не удавалось улучшить вот уже несколько веков, поскольку оно было невероятно простым. Атом-

ный котел нагревал воду, содержащуюся в закрытом резервуаре, она превращалась в пар, менее чем за секунду пар достигал таких температур, что разлагался на кислород и водород, а затем на электроны и ионы. Устройство функционировало превосходно, поэтому никого не интересовало, какие именно процессы там идут.

В определенный момент срабатывал клапан, пар начинал вырываться наружу, возникал короткий, невероятно сильный импульс. А корабль, словно по волшебству, поворачивался в противоположном направлении относительно собственного центра тяжести. Как только корабль занимал нужное положение, его фиксировал другой, такой же мощный, импульс, направленный в противоположную сторону, который компенсировал вращательный момент. Корабль продолжал движение на той же скорости, только в противоположном направлении.

Мален подобрался к краю паровой трубы. И неожиданно посмотрел на себя со стороны — крошечная пылинка, балансирующая на яйце, несущемся сквозь космос со скоростью десять тысяч миль в час.

Впрочем, потоков воздуха, которые могли бы сорвать и унести его с поверхности этого яйца, не было, а магнитные подшвы держали даже слишком надежно.

Снова включив фонарик, Мален наклонился, чтобы заглянуть в трубу, и корабль резко ушел вниз — человек снова потерял ориентацию. Он всплеснул руками, машинально пытаясь удержаться, и тут понял, что вовсе не падает. В космосе вообще нет ни верха, ни низа, а есть только то, что растерявшийся разум определяет как верх и низ.

Труба была достаточных размеров, чтобы туда мог забраться человек, ведь иногда возникает необходимость проведения ремонтных работ. В свете своих фонариков Мален заметил ступеньки внутри, совсем рядом с тем местом, где он находился. Он с облегчением вздохнул, хотя теперь и само дыхание давалось ему с трудом. В некоторых кораблях лестниц не было.

Мален подобрался поближе, чувствуя, как корабль раскачивается, пытаясь выскользнуть из-под него. Снова иллюзия. Затем он нащупал ступеньку рукой, оторвал ноги от обшивки и забрался внутрь трубы.

Отвратительный комок в желудке, появившийся там с самого начала, теперь причинял невыносимые мучения. Если сейчас клоро вздумают изменить направление движения корабля, если пар начнет вырываться наружу.

Он этого все равно не услышит и ничего не узнает. Вот он держится рукой за ступеньку, пытается осторожно, ощупью отыскать следующую... — а через мгновение окажется в открытом космосе, один, не сводя глаз с черной точки, пустоты среди звезд, которая только что была кораблем. Возможно, на короткие секунды его окружит рой пляшущих ледяных кристаллов, переливающихся радужным сиянием в свете его наручных фонариков; они медленно приблизятся к нему и исполнят свой изысканный танец, привлеченные массой тела, словно крошечные планеты к такому же крошечному Солнцу.

Мален почувствовал, как весь снова покрылся испариной, а еще он понял, что ужасно хочет пить. Заставил себя не думать об этом. Придется подождать до того момента, когда можно будет снять скафандр — если до этого вообще когда-нибудь дойдет дело.

Ступенька... следующая... еще одна. Сколько их здесь? Рука соскользнула, и Мален с изумлением посмотрел на сверкающую в свете фонарика перчатку.

Лед?

А почему бы ему не быть? Перегретый пар, хотя и обладает невероятно высокой температурой, входит в соприкосновение с металлом при практически абсолютном нуле. Импульс занимает всего долю секунды, за это время металл не успевает нагреться выше температуры замерзания воды. Образуется слой льда, который постепенно испаряется в вакуум. Только скорость, с которой происходит процесс, предотвращает плавление труб и резервуара с водой.

Наконец рука Малена коснулась последней ступеньки. Он снова включил фонарики. И с нарастающим ужасом посмотрел на отверстие диаметром всего в полдюйма, из которого вырывается пар. Сейчас оно казалось совершенно безобидным, мертвым. Впрочем, достаточно микросекунды, чтобы все изменилось...

Отверстие закрывал внешний клапан, который крепился на центральной втулке, на пружинах, подсоединенных к корпусу корабля. Под могучим натиском пара пружины разжимались перед тем, как преодолевалась огромная инерция всего корабля. Пар проникал во внутреннюю камеру, и, хотя общее количество энергии не менялось, она прикладывалась в течение некоторого времени, так что существенно уменьшалась опасность того, что корпус будет пробит.

Мален крепко уперся ногами в ступеньку и нажал на внешний клапан, так что тот слегка поддался. Пружина была очень жесткой, но Малену требовалось лишь немного отжать ее для того, чтобы просунуть отвертку.

Он еще раз напрягся, надавил сильнее, чувствуя, как тело начинает вращаться в противоположном направлении. Уперся изо всех сил и аккуратно переключил контрольное реле, освобождающее пружину. Как здорово, что он запомнил все инструкции из книг!

Наконец Мален оказался в переходном шлюзе, довольно просторном — опять же для удобства проведения ремонтных работ. Теперь его не выбросит в открытый космос. Если паровая установка и заработает, Малена только прижмет к внутренней стене — достаточно сильно, чтобы превратить в бесформенную массу. Он умрет быстро и, по крайней мере, совсем ничего не почувствует.

Очень медленно Стюарт отцепил запасной баллон с кислородом. Теперь между ним и рубкой управления был только внутренний люк. Он открывался наружу, в космос, а во время движения пара закрывался еще плотнее, никакой опасности. И никакой возможности открыть снаружи.

Мален приподнялся, прижав согнутую спину к стенке. Дышать стало тяжелее. Запасной кислородный баллон висел под странным углом. Мален взял в руки металлический шланг и принялся колотить по крышке люка. Вибрация стала распространяться по корпусу корабля. Снова и снова...

Это должно привлечь внимание клоро. Им придется выяснить, что здесь происходит.

У него, конечно же, нет никакой возможности узнать, когда они соберутся это сделать. Обычно полагается заполнить воздухом переходный шлюз, чтобы надежно закрыть внешний люк. Но в данный момент внешний люк был распахнут, так что разность давлений будет недостаточной, чтобы заставить его захлопнуться. Воздух просто выйдет наружу.

Мален продолжал стучать. Посмотрят ли клоро на манометр, заметят ли, что стрелка стоит практически на нуле, или посчитают, что так и должно быть?

— Он ушел полтора часа назад, — сказал Портер.

— Знаю, — отозвался Стюарт.

Они нервничали, не находили себе места, но напряженность в отношениях исчезла. словно все чувства сейчас были сосредоточены на том, что происходило снаружи, на корпусе корабля.

Портеру было ужасно не по себе. Его жизненная философия не отличалась особой сложностью: позаботься о себе сам, поскольку никто другой за тебя этого не сделает. Теперь

он уже не был так уверен в справедливости своего постулата, и это его раздражало.

— Думаете, они его поймали? — спросил он.

— Ну, если бы это произошло, мы бы узнали, — ответил Стюарт.

Портер понял, что остальные не рвутся вступать с ним в беседу, и ему стало жаль себя. Он прекрасно понимал товарищей, потому что ничем не заслужил их уважения. В течение нескольких секунд Портер приводил самому себе доводы, оправдывавшие его поведение. Ведь и остальные тоже были напуганы. Человек имеет право бояться. Никто не хочет умереть. По крайней мере, он не сломался, как Аристид Полиоркет. И не плакал, как Лебланк. Он...

Но ведь Мален находится сейчас там, снаружи, в паровой трубе.

— Послушайте, почему он это сделал? — Остальные пленники повернулись к нему, не понимая, но Портеру было все равно. Его настолько беспокоил этот вопрос, что он больше не мог сдерживаться. — Я хочу знать, почему Мален рискует жизнью?

— Этот человек, — ответил ему Уиндем, — настоящий патриот.

— Нет, ничего подобного! — Портер был близок к истерике. — У коротышки нет никаких чувств. Им двигают только уважительные причины, и я хочу знать какие, потому что...

Он не закончил предложения. Мог ли он сказать вслух, что, если эти причины достаточно серьезны для бухгалтера средних лет, они могут оказаться серьезными и для него?

— Он просто невероятно храбрый человек, хоть и ростом не вышел, — сказал Полиоркет.

Портер вскочил на ноги.

— Подождите, — быстро проговорил он, — Мален может там застрять. Что бы он ни делал, возможно, ему не справиться одному. Я... я готов пойти за ним.

Его трясло, он со страхом ждал реакции острого на язык, язвительного Стюарта. Стюарт не сводил с него глаз — вероятно, был удивлен.

— Давайте дадим ему еще полчаса, — тихо ответил Стюарт.

Портер с изумлением огляделся по сторонам. На лице Стюарта не было ничего похожего на насмешку. Оно даже показалось Портеру дружелюбным. Вообще все смотрели на него дружелюбно.

— А потом...

— А потом желающие пойти вслед за Маленом будут бросать жребий. Есть еще добровольцы, кроме Портера?

Все подняли руки. И Стюарт тоже.

Но Портер был счастлив. Он вызвался первым. И с нетерпением ждал, когда пройдут эти полчаса.

Клоро застал Малена врасплох. Внешний люк распахнулся, и в нем появилась длинная, тощая, змеиная, практически безголовая шея клоро, который был не в силах бороться с потоком вырывающегося наружу воздуха.

Кислородный баллон Малена отлетел в сторону, почти оторвался. Прошло всего одно короткое мгновение паники, а потом он подтянул баллон к себе, против воздушного потока, подождал немного, пока первая ярость немного улеглась, и с силой обрушил на врага.

Мален попал прямо по тонкой жилистой шее, сломал ее. Сам он забрался повыше, так что воздушный поток не представлял для него никакой опасности, снова поднял баллон и на этот раз нанес удар по голове, превратив уставившиеся на него глаза в отвратительную, жидкую массу. Из того, что осталось от шеи, брызнула зеленая жидкость.

Малена затошнило, но он держался изо всех сил.

Отвернувшись, сделал несколько шагов назад и, схватившись одной рукой за рукоятку запорного устройства, начал его вращать. Через несколько мгновений, когда резьба кончилась, автоматически сработала пружина, и крышка захлопнулась. Теперь включатся насосы, и вскоре рубка управления снова заполнится воздухом.

Мален переполз через изуродованного клоро в рубку. Она была пуста.

Он не успел этого до конца осознать, потому что тут же упал на колени. Подняться ему удалось с большим трудом. Переход из состояния невесомости в поле тяготения застал его врасплох. Кроме того, сила тяжести здесь была привычной для клоро, а это означало, что скафандр и обмундирование весили на пятьдесят килограммов больше, чем могло выдержать хрупкое человеческое тело. К счастью, тяжелые, с металлическими подошвами ботинки не приклеивались к полу — это давало маленькую надежду на спасение. Полы и стены внутри корабля были сделаны из сплава алюминия с пробковым покрытием.

Мален медленно обошел рубку. Клоро со сломанной шеей упал и теперь лежал на полу, лишь время от времени у него подергивались разные части тела — только так и можно было догадаться, что совсем недавно он был живым существом.

Мален с отвращением перешагнул через него и закрыл крышку паровой трубы.

В рубке царила какая-то неприятная, чужая атмосфера, горели желто-зеленые огни. Конечно же, клоро чувствовали себя здесь прекрасно.

Мален с удивлением и невольным восхищением подумал о том, что клоро, вероятно, знают способ уберечь материалы от окисления под влиянием хлора. Даже карта Земли на стене, напечатанная на блестящей глянцевитой бумаге, казалась совершенно новенькой и нетронутой. Он подошел поближе, стараясь разглядеть знакомые очертания континентов...

Краем глаза заметил движение. Тяжелый скафандр делал его неповоротливым, но он все равно постарался быстро развернуться — насколько это было возможно. И дико завопил. Клоро, которого он считал мертвым, медленно поднимался на ноги.

Его безжизненная шея висела под странным углом, во все стороны торчали порванные, изуродованные ткани, но руки были вытянуты вперед, щупальца на груди извивались, точно змеиные жала.

Клоро, конечно же, был слеп. Сломав ему шею, Мален лишил его всех органов чувств, а частичная асфиксия на некоторое время вывела клоро из строя. Но мозг, расположенный в районе живота, остался в целости и сохранности. Клоро был жив.

Мален отшатнулся от него. Обошел, стараясь — неуклюже и не очень успешно — ступать на цыпочках, хотя и знал, что раненый клоро лишен способности слышать тоже. Инопланетянин, спотыкаясь, не разбирая пути, метался по рубке. Налетел на стену и начал сползать на пол.

Мален отчаянно оглядывался по сторонам в поисках оружия, но ничего не нашел. У клоро была кобура, но он не решался к ней потянуться. И почему он только не схватился за нее сразу? Идиот!

Дверь в рубку открылась почти бесшумно. Мален повернулся, его трясло.

Вошел второй клоро, живой, абсолютно целехонький. Он постоял в дверном проеме несколько мгновений, щупальца у него на груди замерли и напряглись, длинная, похожая на стебель шея вытянута вперед. Мерзкие, пугающие глаза сначала усталились на Малена, затем на полуживого товарища.

Потом он потянулся за оружием.

Мален, полностью не отдавая себе в этом отчета, сделал такое же быстрое и совершенно рефлекторное движение. Он вытянул трубку шланга запасного кислородного баллона, который снова закрепил у себя на поясе, когда вошел в рубку, и

повернул кран. Даже не стал уменьшать давления. Струя кислорода вырвалась с такой силой, что Мален с трудом удержался на ногах.

Он видел струю кислорода — бледное облако на зеленом фоне. Враг, который пытался выстрелить, так и не успел вытащить своего оружия.

Клоро вскинул вверх руки. Широко раскрыл маленький клюв, но не произнес ни звука. Покачнулся и упал, несколько раз дернулся, а потом замер. Мален подошел к нему и провел струей кислорода вдоль тела, словно пытался погасить пожар. А потом поднял ногу в тяжелом ботинке и с силой ударил по шее, растоптав ее.

И снова повернулся к первому клоро. Тот неподвижно лежал на полу.

Рубку заполнил кислород — его количества хватило бы, чтобы прикончить целую армию клоро, а баллон Малена опустел.

Он перешагнул через мертвого врага, вышел из рубки и по главному коридору направился к каюте, где томились пленники.

Наступила реакция — Мален всхлипывал от ослепляющего, бессмысленного ужаса.

Стюарт устал. Неживые руки, да и все остальное — он снова вел корабль. К ним направлялись два земных легких крейсера. Почти двадцать четыре часа Стюарт провел в капитанской рубке, управляя кораблем практически в одиночку. Он выбросил все оборудование клоро, привел в порядок приборы, следящие за составом атмосферы, определил местоположение корабля, попытался рассчитать новый курс и послал в космос осторожные сигналы — и вскоре они получили ответ.

Так что когда дверь в рубку открылась и вошел Мален, Стюарт почувствовал раздражение. Он ужасно устал, ему было не до разговоров.

— Ради всех святых, отправляйтесь-ка обратно в постель! — сказал Стюарт.

— Мне надоело спать, — ответил Мален, — хотя совсем недавно казалось, что и жизни не хватит, чтобы отоспаться.

— Как вы себя чувствуете?

— Все тело болит. Особенно бок. — Он поморщился и огляделся по сторонам.

— Клоро здесь нет, — успокоил его Стюарт. — Мы выбросили их за борт. — Он покачал головой. — Мне было их страшно жаль. С их точки зрения, они являются человеческими суще-

ствами, а мы — инопланетяне. Естественно, меня бы не устроило, если бы они убили вас; надеюсь, вы это понимаете.

— Понимаю.

Стюарт искоса посмотрел на маленького человечка, который изучал карту Земли.

— Я должен принести вам свои глубочайшие извинения, Мален. Потому что не воспринимал вас всерьез.

— Вы имели на это полное право, — ответил Мален сухим, бесцветным голосом.

— Нет, не имел. Никто не имеет права презирать другого человека. Это может быть хоть в какой-то степени оправдано только после длительного общения.

— Вы много об этом думали?

— Да, целый день. Наверное, я не смогу вам всего объяснить. Дело в моих руках, — он вытянул вперед руки. — Мне было трудно жить с мыслями о том, что у других людей они настоящие, свои. Я должен был сделать все, что в моих силах, чтобы принизить мотивы поведения окружающих, указать на ошибки, слабости, продемонстрировать миру их глупость. Я должен был постоянно доказывать себе, что они не достойны моей зависти.

Мален смущенно поерзал на месте:

— Не надо ничего объяснять.

— Нет, надо! Надо! — Стюарт подбирал слова, чтобы пояснее выразить свои мысли. — Уже много лет назад я оставил все надежды встретить благородного человека... А потом вы отправились в С-шлюз.

— Думаю, мне следует объяснить, что мной двигали исключительно практические и эгоистичные побуждения. Я не позволю вам выставять меня в героическом свете, да еще в моих собственных глазах.

— А это и не входит в мои намерения. Мне известно, что вы не станете ничего делать без уважительной причины. Гораздо важнее то, как изменились все остальные в результате вашего поступка. Компания идиотов и фальшивок превратилась в компанию приличных людей. И никакое это не волшебство. На самом деле они всегда были приличными людьми. Просто у них перед глазами не было примера для подражания, а вы как раз и стали таким примером. И я — один из таких людей. Мне тоже нужно будет многое сделать, чтобы стать похожим на вас. Возможно, на это уйдет вся жизнь.

Мален отвернулся, ему было явно не по себе. Он попытался разглядеть рукав своего пиджака, который был в идеальном порядке. А потом показал пальцем на карту:

— Знаете, я родился в Ричмонде, штат Вирджиния. Вот здесь. И решил отправиться туда в самую первую очередь. А вы где родились?

— В Торонто, — ответил Стюарт.

— А это вот здесь. По карте получается совсем рядом, правда?

— Вы ответите на мой вопрос? — спросил Стюарт.

— Если смогу.

— Почему вы вызвались пойти в санитарный шлюз?

Мален сжал губы, а потом сухо проговорил:

— А не может так сложиться, что моя достаточно прозаическая причина разрушит тот эффект, который произвел на вас этот поступок?

— Ну, называйте мой вопрос интеллектуальным любопытством. В сущности, у каждого из нас были такие очевидные причины вызваться на подвиг. Портер до смерти боялся плена; Лебланк умирал от желания вернуться к своей любимой; Полиоркет мечтал прикончить клоро; а Уиндем, с его собственной точки зрения, был самым настоящим патриотом. Что касается меня... боюсь, я считал себя благородным идеалистом. И тем не менее ни у кого мотивация не была столь сильной, чтобы заставить надеть скафандр и отправиться в С-шлюз. Так по какой же причине на это решились вы, именно вы?

— А что значит «именно вы»?

— Не обижайтесь, мистер Мален, но вы кажетесь человеком, лишенным каких бы то ни было эмоций.

— Неужели? — Голос Малена не изменился. Он по-прежнему оставался тихим, однако в нем возникло какое-то напряжение. — Тут дело в тренировке, мистер Стюарт, и в самодисциплине, а вовсе не в моей природе. Маленький человек, человек моих размеров, не может иметь респектабельных эмоций. Разве не смешон я был бы, если бы впал в состояние слепой ярости? Мой рост — пять футов и поддюйма, вешу я сто два фунта, если вас, конечно, интересуют точные цифры. Я настаиваю на одной второй дюйма и двух фунтах.

Могу я выглядеть благородно? А как насчет гордости? Выпрямиться в полный рост и стать смешным? Где найти женщину, которая не оттолкнет меня, смеясь в лицо? Естественно, мне пришлось научиться не проявлять каких бы то ни было эмоций.

Вы говорите об уродстве... Никто и не обратил бы внимания на ваши руки, никто не заметил бы, что они чем-то отличаются от рук остальных людей, если бы вы сами не сообщали о них всем и каждому. Неужели вы считаете, что есть способ скрыть

низкорослость? Именно это-то люди и замечают в первую очередь, стоит им только посмотреть в мою сторону.

Стюарту стало стыдно. Он вторгся в личные, самые сокровенные мысли человека — а этого не следовало делать.

— Простите меня... — проговорил он.

— За что?

— Зря я вынудил вас говорить об этом. Нужно было самому понять, что вы... что вы...

— Что? Попытался утвердиться таким образом? Хотел показать, что я, несмотря на свое убогое тело, обладаю сердцем отважного великана?

— Я не стал бы над этим смеяться.

— А почему? Это глупая идея, и я сделал то, что сделал, совсем по иной причине. Чего бы я добился, если бы мной двигали подобные побуждения? Как вы думаете, что произойдет на Земле? Меня поставят перед телевизионными камерами, опустив их пониже, конечно, чтобы можно было показать лицо крупным планом? Или заставят взгромоздиться на стул — а потом приколют на грудь медаль?

— Очень даже может быть.

— Ну и какая мне от этого польза? Все только станут причитать: «Ой-ой-ой, какой он маленький». А потом? Я что, должен буду говорить каждому встречному: «Знаешь, я тот самый парень, которого наградили за невероятное мужество и отвагу в прошлом месяце?» Мистер Стюарт, сколько нужно медалей, чтобы компенсировать недостающие восемь дюймов роста?

— Да, я понимаю, — задумчиво ответил Стюарт.

Мален заговорил быстрее; в его голосе появилось сдержанное волнение, так что теперь он немного дрожал.

— Были дни, когда я думал, что смогу доказать им, таинственным «им», которые и были всем остальным миром... Я собирался покинуть Землю и открыть новые миры. Я стал бы вторым Наполеоном. Я оставил Землю и направился к Арктуру. Ну и что я делал на Арктуре такого, чего не мог бы сделать на Земле? Ничего. Вел бухгалтерские книги. Так что, мистер Стюарт, я расстался с тщеславными мечтами и больше не встаю на цыпочки, чтобы казаться выше.

— В таком случае почему же именно вы решились выйти в шлюз?

— Я покинул Землю, когда мне было двадцать восемь лет. Все это время я провел в системе Арктура. Это мой первый отпуск, и впервые за долгие годы я возвращаюсь на Землю. Собирался провести там шесть месяцев. А вместо этого нас поймали клоро и бесконечно держали бы в плену. Но я не мог...

Они помешают мне попасть на Землю! Я должен был изменить ситуацию, и риск здесь не имел никакого значения. Не любовь к женщине, не страх, не идеализм и даже не ненависть — ничего подобного. Мои чувства были гораздо сильнее всего этого.

Он замолчал и протянул руку, словно хотел приласкать карту на стене.

— Мистер Стюарт, — тихо спросил Мален, — разве вы никогда не скучали по дому?

ПРИХОД НОЧИ

ПРИХОД НОЧИ

Написание «Прихода ночи» стало водоразделом в моей профессиональной карьере. Когда я написал его, мне только что исполнился двадцать один год, я уже писал профессионально (в том смысле, что посылал свои рассказы в журналы и время от времени продавал их) вот уже два с половиной года, но особых успехов не добился. Десяток моих рассказов опубликовали и примерно столько же отвергли.

Как раз тогда Джон У. Кэмпбелл-младший, редактор «Astounding Science Fiction», и показал мне цитату Эмерсона, которой начинается «Приход ночи». Мы ее обсудили, потом я пошел домой и в течение двух недель написал этот рассказ.

А теперь давайте поговорим начистоту. Я написал рассказ точно так же, как писал предыдущие свои рассказы, или, если уж на то пошло, свои последующие. В том, что касается писательства, я полный и законченный примитив. Я этому нигде и никогда не учился и до сих пор не знаю Как Надо Писать.

Поэтому я пишу по старинке: у меня в голове появляются фразы, а я их с такой же скоростью печатаю.

Именно так я и написал «Приход ночи».

Мистер Кэмпбелл не посылал авторам уведомлений о том, что их произведения приняты. Вместо этого он посылал им чеки, причем очень быстро, и это превосходный способ вести дела. Он всегда приводил меня в восхищение. Я получил чек за «Приход ночи», но моя радость сразу оказалась испорчена тем фактом, что мистер Кэмпбелл сделал ошибку

Nightfall

© 1941 by Isaac Asimov

Приход ночи

© Д. Жуков, перевод, 1965

Стандартная авторская ставка в те времена была впечатляющей — один цент за слово. (Никаких жалоб, грузья; я был рад получать столько.) В рассказе было двенадцать тысяч слов, поэтому я ожидал чек на сто двадцать долларов, но он оказался на сто пятьдесят.

Я застал. Конечно, совсем нетрудно было обналичить чек, не задавая вопросов, но Десять заповедей, накрепко вбитых в меня суровым отцом, заставили меня немедленно позвонить мистеру Кэмпбеллу и попросить его, чтобы он прислал мне новый чек на меньшую сумму.

И тут выяснилось, что никакой ошибки нет. Рассказ показался Кэмпбеллу настолько хорошим, что он заплатил мне четверть цента за слово премияльных.

Прежде я никогда не получал такого огромного гонорара ни за один свой рассказ, и это оказалось лишь началом. Когда рассказ был опубликован, он стоял в журнале первым, а название вынесено на обложку.

Более того, внезапно меня стали воспринимать всерьез, а мир научной фантастики узнал о моем существовании. Когда прошли годы, выяснилось, что я написал «классику». Рассказ появился, насколько мне известно, в десяти антологиях, включая британскую, голландскую, немецкую, итальянскую и русскую.

Надо сказать, что со временем меня начало несколько раздражать, когда мне вновь и вновь повторяли, что «Приход ночи» был моим лучшим рассказом. Мне казалось, в конце концов, что, хотя я ныне знаю о Писательстве не больше, чем тогда, одна лишь практика с каждым годом позволяла мне писать все лучше, хотя бы технически.

По сути, это обстоятельство не давало мне покоя, пока у меня не родилась идея этого сборника.

Я никогда не включал «Приход ночи» в свои авторские сборники рассказов, потому что мне всегда казалось, что его настолько часто включали в антологии, что все мои читатели с ним знакомы. Но, возможно, это не так. Многие из моих читателей еще даже не родились, когда рассказ был впервые напечатан, а немалое их число могло и не прочесть те антологии.

Кроме того, если это мой лучший рассказ, то ему самое место в моем сборнике. А к нему я смогу добавить и другие рассказы, оказавшиеся успешными в том или ином отношении, но не публиковавшиеся в моих прежних сборниках.

Поэтому, с любезного разрешения издательства «Double-day», я и подготовил сборник «Приход ночи и другие рассказы», где все произведения расположены по хронологии публи-

кации. Сам «Приход ночи» стоит первым, так что вы сами сможете проверить, улучшилось или ухудшилось с годами мое писательское мастерство. А потом сами решайте, почему (если это так) «Приход ночи» лучше всех остальных.

Сам-то я недоспатоchno разбираюсь в Писательстве, и сказать этого не могу.

Если бы звезды вспыхивали в ночном небе лишь раз в тысячу лет, какой горячей верой проникались бы люди, в течение многих поколений сохраняя память о граде божьем!

Эмерсон

Атон 77, ректор Сароского университета, воинственно оттопырил нижнюю губу и в бешенстве уставился на молодого журналиста.

Термон 762 и не ждал ничего другого. Когда он еще только начинал и статьи, которые теперь перепечатывали десятки газет, были только безумной мечтой желторотого гонца, он уже специализировался на «невозможных» интервью. Это стоило ему кровоподтеков, синяков и переломов, но зато он научился сохранять хладнокровие и уверенность в себе при любых обстоятельствах.

Поэтому он опустил протянутую руку, которую так демонстративно отказались пожать, и спокойно ждал, пока гнев престарелого ректора остынет. Все астрономы — чудаки, а Атон, если судить по тому, что он вытворял в последние два месяца, чудаки из чудаков.

Атон 77 снова обрел дар речи, и, хотя голос прославленного астронома дрожал от сдерживаемой ярости, говорил он по своему обыкновению размеренно, тщательно подбирая слова.

— Явившись ко мне с таким наглым предложением, сэр, вы проявили дьявольское нахальство...

— Но, сэр, в конце концов... — облизнув пересохшие губы, робко перебил его Бини 25, широкоплечий телефотограф обсерватории.

Ректор обернулся, одна седая бровь поползла кверху.

— Не вмешивайтесь, Бини. Я готов поверить, что вы привели сюда этого человека, руководствуясь самыми добрыми намерениями, но сейчас я не потерплю никаких пререканий.

Термон решил, что ему пора принять участие в этом разговоре.

— Ректор Атон, если вы дадите мне возможность догово-

— Нет, молодой человек, — возразил Атон, — все, что вы могли сказать, вы уже сказали за эти последние два месяца в своих ежедневных статьях. Вы возглавили широкую газетную кампанию, направленную на то, чтобы помешать мне и моим коллегам подготовить мир к угрозе, которую теперь уже нельзя предотвратить. Вы не остановились перед сугубо личными оскорбительными нападками на персонал обсерватории и старались сделать его посмешищем.

Ректор взял со стола экземпляр саросской «Хроники» и свирепо взмахнул им.

— Даже такому известному наглецу, как вы, следовало бы подумать, прежде чем являться ко мне с просьбой, чтобы я разрешил именно вам собирать здесь материал для статьи о том, что произойдет сегодня. Именно вам из всех журналистов!

Атон швырнул газету на пол, шагнул к окну и сцепил руки за спиной.

— Можете идти, — бросил он через плечо. Он утрюмо смотрел на горизонт, где садилась Гамма, самое яркое из шести солнц планеты. Светило уже потускнело и пожелтело в дымке, затянувшей даль, и Атон знал, что если увидит его вновь, то лишь безумцем.

Он резко обернулся.

— Нет, погодите! Идите сюда! — сделав властный жест, сказал Атон. — Я дам вам материал.

Журналист, который и не собирался уходить, медленно подошел к старику. Атон показал рукой на небо.

— Из шести солнц в небе осталась только Бета. Вы видите ее?

Вопрос был излишним. Бета стояла почти в зените; по мере того как сверкающие лучи Гаммы гасли, красноватая Бета окрашивала все кругом в непривычный оранжевый цвет. Бета находилась в афелии. Такой маленькой Теремон ее еще никогда не видел. И только она одна светила сейчас на небе Лагаша.

Собственное солнце Лагаша, Альфа, вокруг которого обращалась планета, находилось по другую ее сторону, так же как и две другие пары дальних солнц. Красный карлик Бета (ближайшая соседка Альфы) осталась в одиночестве, в зловещем одиночестве.

В лучах солнца лицо Атона казалось багровым.

— Не пройдет и четырех часов, — сказал он, — как наша цивилизация кончит свое существование. И это произойдет потому, что Бета, как вы видите, осталась на небе одна. — Он утрюмо улыбнулся. — Напечатайте это! Только некому будет читать.

— Но если пройдет четыре часа... и еще четыре.. и ничего не случится? — вкрадливо спросил Теремон.

— Пусть это вас не беспокоит. Многое случится.

— Не спорю! И все же... если ничего не случится?

Бини 25 рискнул снова заговорить:

— Сэр, мне кажется, вы должны выслушать его.

— Не следует ли поставить этот вопрос на голосование, ректор Атон? — сказал Теремон.

Пятеро ученых (остальные сотрудники обсерватории), до этих пор сохранявшие благоразумный нейтралитет, насторожились.

— В этом нет необходимости, — отрезал Атон. Он достал из кармана часы. — Раз уж ваш друг Бини так настаивает, я даю вам пять минут. Говорите.

— Хорошо! Ну что изменится, если вы дадите мне возможность описать дальнейшее как очевидцу? Если ваше предсказание сбудется, мое присутствие ничему не помешает: ведь в таком случае моя статья так и не будет написана. С другой стороны, если ничего не произойдет, вы должны ожидать, что над вами в лучшем случае будут смеяться. Так не лучше ли, чтобы этим смехом дирижировала дружеская рука?

— Это свою руку вы называете дружеской? — огрызнулся Атон.

— Конечно! — Теремон сел и закинул ногу за ногу. — Мои статьи порой бывали резковаты, но каждый раз я оставлял вопрос открытым. В конце концов, сейчас не тот век, когда можно проповедовать Лагашу «приближение конца света». Вы должны понимать, что люди больше не верят в Книгу откровений и их раздражает, когда ученые поворачивают на сто восемьдесят градусов и говорят, что хранители Культа были все-таки правы...

— Никто этого не говорит, молодой человек, — перебил его Атон. — Хотя многие сведения были сообщены нам хранителями Культа, результаты наших исследований свободны от культового мистицизма. Факты суть факты, а так называемая мифология Культа, бесспорно, опирается на определенные факты. Мы их объяснили, лишив былой таинственности. Заверяю вас, хранители Культа теперь ненавидят нас больше, чем вы.

— Я не питаю к вам никакой ненависти. Я просто пытаюсь доказать вам, что широкая публика настроена скверно. Она раздражена.

Атон насмешливо скривил губы:

— Ну и пусть себе раздражается.

— Да, но что будет завтра?

— Никакого завтра не будет.

— Но если будет? Предположим, что будет... Только подумайте, что произойдет. Раздражение может перерасти во что-

нибудь серьезное. Ведь, как вам известно, деловая активность за эти два месяца пошла на убыль. Вкладчики не очень-то верят, что наступает конец мира, но все-таки предпочитают пока держать свои денежки при себе. Обыватели тоже не верят вам, но все же откладывают весенние покупки... так, на всякий случай. Вот в чем дело. Как только все это кончится, биржевые воротилы возьмутся за вас. Они скажут, что раз сумасшедшие прощу прощения... способны в любое время поставить под угрозу процветание страны, изрекая нелепые предсказания, то планете следует подумать, как их унять. И тогда будет жарко, сэр.

Ректор смерил журналиста суровым взглядом:

— И какой же выход из положения предлагаете вы?

Термон улыбнулся:

— Я предлагаю взять на себя освещение вопроса в прессе. Я могу повернуть дело так, что оно будет казаться только смешным. Конечно, выдержать это будет трудно, так как я сделаю вас скопищем идиотов, но, если я заставляю людей смеяться над вами, их гнев остынет. А взамен мой издатель просит одного — не давать сведений никому, кроме меня.

— Сэр, — кивнув, выпалил Бини, — все мы думаем, что он прав. За последние два месяца мы предусмотрели все, кроме той миллионной доли вероятности, что в нашей теории или в наших расчетах может крыться какая-то ошибка. Это мы тоже должны предусмотреть.

Остальные одобрительно зашумели, и Атон поморщился так, будто во рту у него была страшная горечь.

— В таком случае можете оставаться, если хотите. Однако, пожалуйста, постарайтесь не мешать нам. Помните также, что здесь руководитель я, и, какой бы точки зрения вы ни придерживались в своих статьях, я требую содействия и уважения к...

Он говорил, заложив руки за спину, и его морщинистое лицо выражало твердую решимость. Он мог бы говорить бесконечно долго, если бы его не перебил новый голос.

— Ну-ка, ну-ка, ну-ка! — раздался высокий тенор, и пухлые щеки вошедшего растянулись в довольной улыбке. — Почему у вас такой похоронный вид? Надеюсь, все сохраняют спокойствие и твердость духа?

Атон недоуменно нахмурился и спросил раздраженно:

— Какого черта вам тут понадобилось, Ширин? Я думал, вы собираетесь остаться в Убежище.

Ширин рассмеялся и плюхнулся на стул.

— Да провались оно, это Убежище! Оно мне надоело. Я хочу быть здесь, в центре событий. Неужто, по-вашему, я совершенно нелюбопытен? Я хочу увидеть Звезды, о которых без конца твердят хранители Культа. — Он потер руки и добавил уже более серьезным тоном: — На улице холодно. Ветер такой, что на носу повисают сосульки. Бета так далеко, что совсем не греет.

Седовласый ректор вдруг вспыхнул:

— Почему вы изо всех сил стараетесь делать всякие нелепости, Ширин? Какая польза от вас тут?

— А какая польза от меня там? — В притворном смирении Ширин развел руками. — В Убежище психологу делать нечего. Там нужны люди действия и сильные, здоровые женщины, способные рожать детей. А я? Для человека действия во мне лишних фунтов сто, а рожать детей я вряд ли сумею. Так зачем там нужен лишний рот? Здесь я чувствую себя на месте.

— А что такое Убежище? — деловито спросил Термон.

Ширин как будто только теперь увидел журналиста. Он нахмурился и надул полные щеки.

— А вы, рыжий, кто вы такой?

Атон сердито сжал губы, но потом неохотно пробормотал:

— Это Термон 762, газетчик. Полагаю, вы о нем слышали.

Журналист протянул руку:

— А вы, конечно, Ширин 501 из Сароского университета. Я слышал о вас. — И он повторил свой вопрос: — Что такое Убежище?

— Видите ли, — сказал Ширин, — нам все-таки удалось убедить горстку людей в правильности нашего предсказания... э... как бы это поэффектнее выразиться... рокового конца, и эта горстка приняла соответствующие меры. В основном это семьи персонала обсерватории, некоторые преподаватели университета и кое-кто из посторонних. Всех вместе их сотни три, но три четверти этого числа составляют женщины и дети.

— Понимаю! Они спрятались там, где Тьма и эти... э... Звезды не доберутся до них, и останутся поэтому целы, когда весь остальной мир сойдет с ума. Если им удастся, конечно. Ведь это будет нелегко. Человечество потеряет рассудок, большие города запылают — в такой обстановке выжить будет трудно. Но у них есть припасы, вода, надежный приют, оружие...

— У них есть не только это, — сказал Атон. — У них есть все наши материалы, кроме тех, которые мы соберем сегодня. Эти материалы жизненно необходимы для следующего цикла, и именно они должны уцелеть. Остальное неважно.

Термон протяжно присвистнул и задумался. Люди, стоявшие у стола, достали доску для коллективных шахмат и начали

играть вшестером. Ходы делались быстро и молча. Все глаза были устремлены на доску.

Теремон несколько минут внимательно следил за игроками, а потом встал и подошел к Атону, который сидел в стороне и шепотом разговаривал с Ширином.

— Послушайте, — сказал он. — Давайте пойдем куда-нибудь, чтобы не мешать остальным. Я хочу спросить вас кое о чем.

Престарелый астроном нахмурился и утрюмо посмотрел на него, но Ширин ответил весело:

— С удовольствием. Мне будет только полезно немного поболтать. Атон как раз рассказывал мне, какой реакции, по вашему мнению, можно ожидать, если предсказание не сбудется... и я согласен с вами. Кстати, я читаю ваши статьи довольно регулярно и взгляды ваши мне в общем нравятся.

— Прошу вас, Ширин... — проворчал Атон.

— Что? Хорошо-хорошо. Мы пойдем в соседнюю комнату. Во всяком случае, кресла там помягче.

Кресла в соседней комнате действительно были мягкими. На окнах там висели тяжелые красные шторы, а на полу лежал палевый ковер. В красновато-кирпичных лучах Беты и шторы и ковер приобрели цвет запекшейся крови.

Теремон вздрогнул:

— Я отдал бы десять бумажек за одну секунду настоящего, белого света. Жаль, что Гаммы или Дельты нет на небе.

— О чем вы хотели нас спросить? — перебил его Атон. — Пожалуйста, помните, что у нас мало времени. Через час с четвертью мы поднимемся вверх, и после этого разговаривать будет некогда.

— Ну так вот, — сказал Теремон, откинувшись на спинку кресла и скрестив руки. — Вы все здесь так серьезны, что я начинаю верить вам. И я бы хотел, чтобы вы объяснили мне, в чем, собственно, все дело?

Атон вспыхнул:

— Уж не хотите ли вы сказать, что вы осыпали нас насмешками, даже не узнав как следует, что мы утверждаем?

Журналист смущенно улыбнулся:

— Ну, не совсем так, сэр. Общее представление я имею. Вы утверждаете, что через несколько часов во всем мире наступит Тьма и все человечество упадет в буйное помешательство. Я только спрашиваю, как вы объясняете это с научной точки зрения.

— Нет, так вопрос не ставьте, — вмешался Ширин. — В этом случае, если Атон будет расположен ответить, вы утонете в море цифр и диаграмм. И так ничего и не поймете. А вот если спросите меня, то услышите объяснение, доступное для простых смертных.

— Ну хорошо, считайте, что я спросил об этом вас.

— Тогда сначала я хотел бы выпить.

Он потер руки и взглянул на Атона.

— Воды? — ворчливо спросил Атон.

— Не говорите глупостей!

— Это вы не говорите глупостей! Сегодня никакого спиртного! Мои сотрудники могут не устоять перед искушением и напиться. Я не имею права рисковать.

Психолог что-то проворчал. Обернувшись к Теремону, он устремил на него пронзительный взгляд и начал:

— Вы, конечно, знаете, что история цивилизации Лагаша носит циклический характер... Повторяю, циклический!

— Я знаю, — осторожно заметил Теремон, — что это распространенная археологическая гипотеза. Значит, теперь ее считают абсолютно верной?

— Пожалуй. В этом нашем последнем столетии она получила общее признание. Этот циклический характер является... вернее, являлся одной из величайших загадок. Мы обнаружили ряд цивилизаций — целых девять, но могли существовать и другие. Все эти цивилизации в своем развитии доходили до уровня, сравнимого с нашим, и все они, без исключения, погибали от огня на самой высшей ступени развития их культуры. Никто не может сказать, почему это происходило. Все центры культуры выгорали дотла, и не оставалось ничего, что подсказало бы причину катастроф.

Теремон внимательно слушал.

— А разве у нас не было еще и каменного века?

— Очевидно, был, но практически о нем известно лишь то, что люди тогда немногим отличались от очень умных обезьян. Таким образом, его можно не брать в расчет.

— Понимаю. Продолжайте.

— Прежние объяснения этих повторяющихся катастроф носили более или менее фантастический характер. Одни говорили, что на Лагаш периодически проливались огненные дожди, другие утверждали, что Лагаш время от времени проходит сквозь солнце, третьи — еще более нелепые вещи. Но существовала теория, совершенно отличающаяся от остальных, она дошла до нас из глубины веков.

— Я знаю, о чем вы говорите. Это миф о Звездах, который записан в Книге откровений хранителей Культа.

— Совершенно верно, — с удовлетворением отметил Ширин. — Хранители Культа утверждают, будто каждые две с половиной тысячи лет Лагаш попадал в колоссальную пещеру, так что все солнца исчезали и на весь мир опускался полный мрак. А потом, говорят они, появлялись так называемые

Звезды, которые отнимали у людей души и превращали их в неразумных скотов, так что они губили цивилизацию, созданную ими же самими. Конечно, хранители Культа разбавляют все это невероятным количеством религиозной мистики, но основная идея такова.

Ширин помолчал, переводя дух.

— А теперь мы подходим к Теории Всеобщего Тяготения.

Он произнес эту фразу так, словно каждое слово начиналось с большой буквы, — и тут Атон отвернулся от окна, презрительно фыркнул и сердито вышел из комнаты.

Ширин и Термон посмотрели ему вслед.

— Что случилось? — спросил Термон.

— Ничего особенного, — ответил Ширин. — Еще двое его сотрудников должны были явиться сюда несколько часов назад, но их все еще нет. А у него каждый человек на счету: все, кроме самых нужных специалистов, ушли в Убежище.

— Вы думаете, они дезертировали?

— Кто? Фаро и Йимот? Конечно, нет. И все же, если они не вернутся в течение часа, это усложнит ситуацию. — Он неожиданно вскочил на ноги, и его глаза весело блеснули. — Однако раз уж Атон ушел...

Подойдя на цыпочках к ближайшему окну, он присел на корточки, вытащил бутылку из шкафчика, встроенного под подоконником, и встряхнул ее — красная жидкость в бутылке соблазнительно булькнула.

— Я так и знал, что Атону про это не известно, — заметил он, поспешно возвращаясь к своему креслу. — Вот! У нас только один стакан — его, поскольку вы гость, возьмете вы. Я буду пить из бутылки. — И он осторожно наполнил стаканчик.

Термон встал, собираясь отказаться, но Ширин смерил его строгим взглядом:

— Молодой человек, старших надо уважать.

Журналист сел с мученическим видом.

— Тогда продолжайте рассказывать, старый плут.

Психолог поднес ко рту горлышко бутылки, и кадык его задержался. Затем он довольно крикнул, чмокнул губами и продолжал:

— А что вы знаете о тяготении?

— Только то, что оно было открыто совсем недавно и теория эта почти не разработана, а формулы настолько сложны, что на Лагаше постигнуть ее способны всего двенадцать человек.

— Чепуха! Ерунда! Я изложу сущность этой теории в двух словах. Закон всеобщего тяготения утверждает, что между всеми телами Вселенной существует связующая сила и что величина силы, связующей два любых данных тела, пропор-

циональна произведению их масс, деленному на квадрат расстояния между ними.

— И все?

— Этого вполне достаточно! Понадобилось четыре века, чтобы открыть этот закон.

— Почему же так много? В вашем изложении он кажется очень простым.

— Потому что великие законы не угадываются в минуты вдохновения, как это думают. Для их открытия нужна совместная работа ученых всего мира в течение столетий. После того как Генови 41 открыл, что Лагаш вращается вокруг солнца Альфа, а не наоборот (а это произошло четыреста лет назад), астрономы поработали очень много. Они наблюдали, анализировали и точно определили сложное движение шести солнц. Выдвигалось множество теорий, их проверяли, изменяли, отвергали и превращали во что-то еще. Это была чудовищная работа.

Термон задумчиво кивнул и протянул стаканчик. Ширин нехотя наклонил бутылку, и на доньшко упало несколько рубиновых капель.

— Двадцать лет назад, — продолжал он, промочив горло, — было наконец доказано, что закон всеобщего тяготения точно объясняет орбитальное движение шести солнц. Это была великая победа.

Ширин встал и направился к окну, не выпуская из рук бутылки.

— А теперь мы подходим к главному. За последнее десятилетие орбита, по которой Лагаш обращается вокруг солнца Альфа, была вновь рассчитана на основе этого закона, и оказалось, что полученные результаты не соответствуют реальной орбите, хотя были учтены все возмущения, вызываемые другими солнцами. Либо закон не был верен, либо существовал еще один, неизвестный фактор.

Термон подошел к Ширину, который стоял у окна и смотрел на шпили Саро, кроваво пылавшие на горизонте за лесистыми склонами холмов. Бросив взгляд на Бету, журналист почувствовал возрастающую неуверенность и тревогу. Ее крохотное красное пятнышко зловеще рдело в зените.

— Продолжайте, сэр, — тихо сказал он.

— Астрономы целые годы топтались на месте, и каждый предлагал теорию еще более несостоятельную, чем прежние, пока... пока Атон по какому-то наитию не обратился к Культ. Глава Культа, Сор 5, располагал сведениями, которые значительно упростили решение проблемы. Атон пошел по новому

пути. А что, если существует еще одно, несветящееся планетное тело, подобное Лагашу? В таком случае оно, разумеется, будет сиять только отраженным светом, и если поверхность этого тела сложена из таких же голубоватых пород, как и большая часть поверхности Лагаша, то в красном небе вечное сияние солнц сделало бы его невидимым... как бы поглотило его.

Теремон присвистнул:

— Что за нелепая мысль!

— По-вашему, нелепая? Ну, так слушайте. Предположим, что это тело вращается вокруг Лагаша на таком расстоянии, по такой орбите и обладает такой массой, что его притяжение в точности объясняет отклонения орбиты Лагаша от теоретической... Вы знаете, что бы тогда случилось?

Журналист покачал головой.

— Время от времени это тело заслоняло бы собой какое-нибудь солнце, — сказал Ширин и залпом осушил бутылку.

— И наверно, так и происходит, — решительно сказал Теремон.

— Да! Но в плоскости его обращения лежит только одно солнце, — Ширин показал на маленькое солнце, — Бета! И было установлено, что затмение происходит, только когда из солнц над нашим полушарием остается лишь Бета, находящаяся при этом на максимальном расстоянии от Лагаша. А луна в этот момент находится от него на минимальном расстоянии. Видимый диаметр луны в семь раз превышает диаметр Беты, так что тень ее закрывает всю планету и затмение длится половину суток, причем на Лагаше не остается ни одного освещенного местечка. *И такое затмение случается каждые две тысячи сорок девять лет!*

На лице Теремона не дрогнул ни один мускул.

— Это и есть материал для моей статьи?

Психолог кивнул:

— Да, тут все. Сначала затмение (оно начнется через три четверти часа)... потом всеобщая Тьма и, быть может, пресловутые Звезды... потом безумие и конец цикла.

Ширин задумался и добавил утрировано:

— У нас в распоряжении было только два месяца (я говорю о сотрудниках обсерватории) — слишком малый срок, чтобы доказать Лагашу, какая ему грозит опасность. Возможно, на это не хватило бы и двух столетий. Но в Убежище хранятся наши записи, и сегодня мы сфотографируем затмение. Следующий цикл с самого начала будет знать истину, и, когда наступит следующее затмение, человечество наконец будет готово к нему. Кстати, это тоже материал для вашей статьи.

Теремон открыл окно, и сквозняк всколыхнул шторы. Холодный ветер трепал волосы журналиста, а он смотрел на свою руку, освещенную багровым солнечным светом. Внезапно он обернулся и сказал возмущенно:

— Почему вдруг я должен обезуметь из-за этой Тьмы?

Ширин, улыбаясь какой-то своей мыслью, машинально вертел в руке пустую бутылку.

— Молодой человек, а вы когда-нибудь бывали во Тьме?

Журналист прислонился к стене и задумался.

— Нет. Пожалуй, нет. Но я знаю, что это такое. Это... — он неопределенно пошевелил пальцами, но потом нашелся: — Это просто когда нет света. Как в пещерах.

— А вы бывали в пещере?

— В пещере? Конечно, нет!

— Я так и думал. На прошлой неделе я попытался — чтобы проверить себя... Но попросту сбежал. Я шел, пока вход в пещеру не превратился в пятнышко света, а кругом все было черно. Мне и в голову не приходило, что человек моего веса способен бежать так быстро.

— Ну, если говорить честно, — презрительно кривя губы, сказал Теремон, — на вашем месте я вряд ли побегал бы.

Психолог, досадливо хмурясь, пристально посмотрел на журналиста:

— А вы хвастунишка, как я полагаю. Ну-ка попробуйте задержать шторы.

Теремон с недоумением посмотрел на него:

— Для чего? Будь в небе четыре или пять солнц, может быть, и стоило бы умерить свет, но сейчас и без того его мало.

— Вот именно. Задержите шторы, а потом идите сюда и сядьте.

— Ладно.

Теремон взялся за шнурок с кисточкой и дернул. Медные кольца просвистели по палке, красные шторы закрыли окно, и комнату сдавил красноватый полумрак.

В тишине глухо прозвучали шаги Теремона. Но на полпути к столу он остановился.

— Я вас не вижу, сэр, — прошептал он.

— Идите ощупью, — напряженным голосом посоветовал Ширин.

— Но я не вижу вас, сэр, — тяжело дыша, сказал журналист. — Я ничего не вижу.

— А чего же вы ожидали? — утрировано спросил Ширин. — Идите сюда и садитесь!

Снова раздались медленные, неуверенные шаги. Слышно было, как Теремон ощупью ищет стул. Журналист сказал хрипло:

— Добрался. Я... все нормально.

— Вам это нравится?

— Н-нет. Это отвратительно. Словно стены... — Он замолк. — Словно стены сдвигаются. Мне все время хочется раздвинуть их. Но я не схожу с ума! Да и вообще это ощущение уже слабеет.

— Хорошо. Теперь отдерните шторы.

В темноте послышались осторожные шаги и шорох задетой материи. Теремон нащупал шнур, и раздалось победное «з-з-з» отдергиваемой портьеры. В комнату хлынул красный свет, и Теремон радостно вскрикнул, увидев солнце.

Ширин тыльной стороной руки отер пот со лба и дрожащим голосом сказал:

— А это была всего-навсего темнота в комнате.

— Вполне терпимо, — беспечно произнес Теремон.

— Да, в комнате. Но вы были два года назад на Выставке столетия в Джонглоре?

— Нет, как-то не собрался. Ехать за шесть тысяч миль, даже ради того, чтобы посмотреть выставку, не стоит.

— Ну а я там был. Вы, наверное, слышали про «Таинственный туннель», который затмил все аттракционы... во всяком случае в первый месяц?

— Да. Если не ошибаюсь, с ним связан какой-то скандал.

— Не ошибаетесь, но дело замяли. Видите ли, этот «Таинственный туннель» был обыкновенным туннелем длиной в милю... но без освещения. Человек садился в открытый вагончик и пятнадцать минут ехал через Тьму. Пока это развлечение не запретили, оно было очень популярно.

— Популярно?

— Конечно. Людям нравится ощущение страха, если только это игра. Ребенок с самого рождения инстинктивно боится трех вещей: громкого шума, падения и отсутствия света. Вот почему считается, что напугать человека внезапным криком — это очень остроумная шутка. Вот почему так любят кататься на досках в океанском прибое. И вот почему «Таинственный туннель» приносил большие деньги. Люди выходили из Тьмы, трясаясь, задыхаясь, полумертвые от страха, но продолжали платить деньги, чтобы попасть в туннель.

— Погодите-ка, я, кажется, припоминаю. Несколько человек умерли, находясь в туннеле, верно? Об этом ходили слухи после того, как туннель был закрыт.

— Умерли двое-трое, — сказал психолог пренебрежительно. — Это пустяки! Владельцы туннеля выплачивали компенсацию семьям умерших и убедили муниципалитет Джонглора не принимать случившееся во внимание: в конце концов, если

людям со слабым сердцем вздумалось прокатиться по туннелю, то они сделали это на свой страх и риск, ну а в будущем это не повторится! В помещении кассы с тех пор находился врач, осматривавший каждого пассажира, перед тем как тот садился в вагончик. После этого билеты и вовсе расхватавались!

— Так какой же вывод?

— Видите ли, дело этим не исчерпывалось. Некоторые из побывавших в туннеле чувствовали себя прекрасно и только отказывались потом заходить в помещения — в любые помещения: во дворцы, особняки, жилые дома, сараи, хижины, шалаши и палатки.

Теремон воскликнул с некоторой брезгливостью:

— Вы хотите сказать, что они отказывались уходить с улицы? Где же они спали?

— На улице.

— Но их надо было заставить войти в дом.

— О, их заставляли! И у этих людей начиналась сильнейшая истерика, и они изо всех сил старались расколотить себе голову о ближайшую стену. В помещении их можно было удержать только с помощью смиренной рубашки и инъекции морфия.

— Просто какие-то сумасшедшие!

— Вот именно. Каждый десятый из тех, кто побывал в туннеле, выходил оттуда таким. Власти обратились к психологам, и мы сделали единственную возможную вещь. Мы закрыли аттракцион.

Ширин развел руками.

— А что же происходило с этими людьми? — спросил Теремон.

— Примерно то же, что с вами, когда вам казалось, будто в темноте на вас надвигаются стены. В психологии есть специальный термин, которым обозначают инстинктивный страх человека перед отсутствием света. Мы называем этот страх клаустрофобией, потому что отсутствие света всегда связано с закрытыми помещениями и бояться одного — значит бояться другого. Понимаете?

— И люди, побывавшие в туннеле?..

— И люди, побывавшие в туннеле, принадлежали к тем несчастным, чья психика не может противостоять клаустрофобии, которая овладевает ими во Тьме. Пятнадцать минут без света — это много; вы посидели без света всего две-три минуты и, если не ошибаюсь, успели утратить душевное равновесие. Эти люди заболели так называемой устойчивой клаустрофобией. Их скрытый страх перед Тьмой и помещениями вырвался наружу, становился активным и, насколько мы можем

судить, постоянным. Вот к чему могут привести пятнадцать минут в темноте.

Наступило долгое молчание. Теремон нахмурился:

— Я не верю, что дело обстоит так скверно.

— Вы хотите сказать, что не желаете верить, — отрезал Ширин. — Вы боитесь поверить. Поглядите в окно.

Теремон поглядел в окно, а психолог продолжал:

— Вообразите Тьму повсюду. И нигде не видно света. Дома, деревья, поля, земля, небо — одна сплошная чернота и вдобавок еще, может быть, Звезды... какими бы они там ни были. Можете вы представить себе это?

— Да, могу, — сердито заявил Теремон.

Ширин с неожиданной горячностью стукнул кулаком по столу.

— Вы лжете! Представить себе этого вы не можете. Ваш мозг устроен так, что в нем не укладывается это понятие, как не укладывается понятие бесконечности или вечности. Вы можете только говорить об этом. Крохотная доля этого уже угнетает вас, и, когда оно придет по-настоящему, ваш мозг столкнется с таким явлением, которое не сможет осмыслить. И вы сойдете с ума, полностью и навсегда! Это несомненно!

И он грустно добавил:

— И еще два тысячелетия отчаянной борьбы окажутся напрасными. Завтра на всем Лагаше не останется ни одного неразрушенного города.

Теремон немного успокоился.

— Почему вы так считаете? Я все еще не понимаю, отчего я должен сойти с ума только потому, что на небе нет солнца. Но даже если бы это случилось со мной и со всеми, то каким образом от этого пострадали бы города? Мы будем их взрывать, что ли?

Но Ширин рассердился и вовсе не был склонен шутить.

— Находясь во Тьме, чего бы вы жаждали больше всего? Чего бы требовали ваши инстинкты? Света, черт вас побери, света!

— А как бы вы добыли свет?

— Не знаю, — признался Теремон.

— Каков единственный способ получить свет, если не считать солнца?

— Откуда мне знать?

Они стояли лицом к лицу.

— Вы бы что-нибудь сожгли, уважаемый! — сказал Ширин. — Вы когда-нибудь видели, как горит лес? Вы когда-нибудь отправлялись в далекие прогулки и варили обед на костре? А ведь горящее дерево дает не только жар. Оно дает свет, и

люди знают это. А когда темно, им нужен свет, и они ищут его.

— И для этого жгут дерево?

— И для этого жгут все, что попадет под руку. Им нужен свет. Им надо что-то сжечь, и, если нет дерева, они жгут что попало. Свет во что бы то ни стало... и все населенные центры погибают в пламени!

Они смотрели друг на друга так, словно все дело было в том, чтобы доказать, чья воля сильнее, а затем Теремон молча опустил глаза. Он дышал хрипло, прерывисто и вряд ли заметил, что за закрытой дверью, ведущей в соседнюю комнату, раздавался шум голосов.

— По-моему, это голос Йимота, — сказал Ширин, стараясь говорить спокойно. — Наверно, они с Фаро вернулись. Пойдемте узнаем, что их задержало.

— Хорошо, — пробормотал Теремон. Он глубоко вздохнул и как будто очнулся. Напряжение рассеялось.

В соседней комнате было очень шумно. Ученые сгрудились возле двух молодых людей, которые снимали верхнюю одежду и одновременно пытались отвечать на град вопросов, сыпавшийся на них. Атон протолкался к ним и сердито спросил:

— Вы понимаете, что осталось меньше получаса? Где вы были?

Фаро 24 сел и потер руки. Его щеки покраснели от холода.

— Йимот и я только что закончили небольшой сумасшедший эксперимент, который мы предприняли на свой страх и риск. Мы пытались создать устройство, имитирующее появление Тьмы и Звезд, чтобы заранее иметь представление, как все это выглядит.

Эти слова вызвали оживление вокруг, а во взгляде Атона вдруг появился интерес.

— Вы об этом раньше ничего не говорили. Ну и что вы сделали?

— Мы с Йимотом обдумывали это уже давно, — сказал Фаро, — и готовили эксперимент в свободное время. Йимот присмотрел в городе одноэтажное низкое здание с куполообразной крышей... по-моему, там когда-то был музей. И вот мы купили этот дом...

— А где вы взяли деньги? — бесцеремонно перебил его Атон.

— Мы забрали из банка все свои сбережения, — буркнул Йимот 70. — У нас было около двух тысяч. — И добавил, оправ-

дываясь: — Ну и что? Завтра наши две тысячи превратились бы в пачку бесполезных бумажек.

— Конечно, — подтвердил Фаро. — Мы купили дом и затянули все внутри черным бархатом, чтобы создать наибольшую возможную Тьму. Потом мы проделали крохотные отверстия в потолке и крыше и прикрыли их металлическими заслонками, которые можно было сдвинуть одновременно, нажав кнопку. Вернее сказать, мы делали это не сами, а наняли плотника, электрика и других рабочих — денег мы не жалели. Важно было добиться того, чтобы свет, проникая через отверстия в крыше, создавал звездоподобный эффект.

Все слушали, затаив дыхание. Атон сказал сухо:

— Вы не имели права делать самостоятельные...

— Я знаю, сэр, — смущенно сказал Фаро, — но, откровенно говоря, мы с Йимотом думали, что эксперимент может оказаться опасным. Если бы эффект действительно сработал, то, по теории Ширина, мы должны были бы лишиться рассудка. Мы думали, что это весьма вероятно. И мы хотели взять на себя весь риск. Возможно, нам удалось бы, — конечно, в том случае, если бы мы сохранили рассудок, — выработать у себя иммунитет против того, что должно произойти — и тогда мы обезопасили бы этим способом всех вас. Но эксперимент вообще не получился...

— Но что же произошло?

На этот раз ответил Йимот:

— Мы заперлись там и дали своим глазам возможность привыкнуть к темноте. Это совершенно ужасное ощущение — в полной Тьме кажется, будто на тебя валятся стены и потолок. Но мы преодолели это чувство и привели в действие механизм. Заслонки отодвинулись, и по всему потолку засверкали пятнышки света...

— Ну?

— Ну... и ничего. Вот что самое обидное. Ничего не произошло. Это была просто крыша с дырками, и только так мы ее и воспринимали. Мы проделывали опыт снова и снова... потому мы и задержались... но никакого эффекта не получилось.

Потрясенные услышанным, все молча повернулись к Ширину, который слушал с открытым ртом, словно окаменев.

Первым заговорил Теремон.

— Ширин, вы понимаете, какой удар это наносит вашей теории? — облегченно улыбаясь, сказал он.

Но Ширин нетерпеливо поднял руку:

— Нет, погодите. Дайте подумать. — Он щелкнул пальцами, поднял голову, и в его глазах уже не было выражения неуверенности или удивления. — Конечно...

Но он не договорил. Откуда-то сверху донесся звон разбитого стекла, и Бини, пробормотав: «Что за черт?», бросился вверх по лестнице.

Остальные последовали за ним.

Дальнейшее произошло очень быстро. Оказавшись в куполе, Бини с ужасом увидел разбитые фотографические пластинки и склонившегося над ними человека. В бешенстве бросившись на незваного гостя, он мертвой хваткой вцепился ему в горло. Они покатались по полу, но тут в купол вбежали остальные сотрудники обсерватории и незнакомец оказался буквально погребенным под десятком навалившихся на него разъяренных людей.

Последним в купол поднялся запыхавшийся Атон.

— Отпустите его! — сказал он.

Все неохотно подались назад, и незнакомца поставили на ноги. Он хрипло дышал, лоб у него был в синяках, а одежда порвана. Его рыжеватая борода была тщательно завита по обычаю хранителей Культа.

Бини схватил его за шиворот и с ожесточением потряс:

— Что ты задумал, мерзавец? Эти пластинки...

— Я пришел сюда не ради них, — холодно сказал хранитель Культа. — Это была случайность.

Бини увидел, куда направлен его злобный взгляд, и зарычал:

— Понятно. Тебя интересовали сами фотоаппараты. Твое счастье, что ты уронил пластинки. Если бы ты коснулся «Ментальной Берты» или какой-нибудь другой камеры, ты бы у меня умер медленной смертью. Ну а теперь...

Он занес кулак, но Атон схватил его за рукав.

— Прекратите! Отпустите его! — приказал он.

Молодой инженер заколебался и нехотя опустил руку. Атон оттолкнул его и стал перед незванным гостем.

— Вас ведь зовут Латимер?

Хранитель Культа слегка поклонился и показал символ на своем бедре:

— Я Латимер 25, помощник третьего класса его святости Сора 5.

Седые брови Атона поползли вверх.

— И вы были здесь с его святостью, когда он посетил меня неделю назад?

Латимер снова поклонился.

— Так чего же вы хотите?

— Того, что вы мне не дадите добровольно.

— Наверно, вас послал Сор 5... Или это ваша собственная инициатива?

— На этот вопрос я отвечать не буду.

— Мы должны ждать еще посетителей?

— И на этот вопрос я не отвечаю.

Атон посмотрел на свои часы и нахмурился:

— Что вашему господину понадобилось от меня? Свои обязательства я выполнил.

Латимер едва заметно улыбнулся, но ничего не ответил.

— Я просил его, — сердито продолжал Атон, — сообщить мне сведения, которыми располагает только Культ, и эти сведения я получил. За это спасибо. В свою очередь я обещал доказать, что догма Культа в существе своем истинна.

— Доказывать это нет нужды, — гордо возразил Латимер. — Книга откровений содержит все необходимые доказательства.

— Да. Для горстки верующих. Не делайте вид, что вы меня не понимаете. Я предложил обосновать ваши верования научно. И я это сделал!

Глаза хранителя Культа злобно сузились.

— Да, вы сделали это... но с лисым лукавством, ибо ваши объяснения, якобы подтверждающие наши верования, в то же время устранили всякую необходимость в них. Вы превратили Тьму и Звезды в явления природы, и они лишились своего подлинного значения. Это кощунство!

— В таком случае это не моя вина. Существуют объективные факты. И мне остается только констатировать их.

— Ваши «факты» — заблуждение и обман.

Атон сердито топнул ногой:

— Откуда вы это знаете?

— Знаю! — последовал ответ, исполненный слепой веры.

Ректор побагровел, и Бини что-то настойчиво зашептал ему на ухо. Но Атон жестом потребовал, чтобы он замолчал.

— И чего же хочет от нас Сор 5? Наверно, он все еще думает, что, пытаясь уговорить мир принять меры против угрозы безумия, мы мешаем спасению бесчисленных душ. Если это так важно для него, то пусть знает, что нам это не удалось.

— Сама попытка уже принесла достаточный вред, и вашему нечестивому стремлению получить сведения с помощью этих дьявольских приборов необходимо воспрепятствовать. Мы выполняем волю Звезд, и я жалею только о том, что из-за собственной неуклюжести не успел разбить ваши проклятые приборы.

— Это вам дало бы очень мало, — возразил Атон. — Все собранные нами данные, кроме тех, которые мы получим сегодня путем непосредственного наблюдения, уже надежно спрятаны, и уничтожить их невозможно. — Он утрюмо улыбнулся. — Но это не меняет того факта, что вы проникли сюда как взломщик, как преступник! — Он обернулся к людям, стоявшим позади: — Вызовите кто-нибудь полицию из Саро.

— Черт возьми, Атон! — поморщившись, воскликнул Ширин. — Что с вами? У нас нет на это времени. — Он торопливо протолкался вперед. — Его я беру на себя.

Атон высокомерно посмотрел на психолога:

— Сейчас не время для ваших выходов, Ширин. Будьте так добры, не вмешивайтесь в мои распоряжения. Вы здесь совершенно посторонний человек, не забывайте.

Ширин выразительно скривил губы:

— С какой стати пытаться вызвать полицию сейчас, когда до затмения Беты остались считанные минуты, а этот молодой человек готов дать честное слово, что он не уйдет отсюда и будет вести себя тихо.

— Я не дам никакого слова, — немедленно заявил Латимер. — Делайте что хотите, но я откровенно предупреждаю вас, что, как только у меня появится возможность, я сделаю то, ради чего я здесь. Если вы рассчитываете на мое честное слово, то лучше зовите полицию.

— Вы решительный малый, — дружелюбно улыбаясь, сказал Ширин. — Ладно, я вам кое-что разъясню. Видите молодого человека у окна? Он очень силен и умеет работать кулаками, а кроме того, он тут посторонний. Когда начнется затмение, ему нечего будет делать, кроме как присматривать за вами. К тому же я и сам... хоть я и толстоват для драки, но помочь ему сумею.

— Ну и что? — холодно спросил Латимер.

— Выслушайте меня и все узнаете, — ответил Ширин. — Как только начнется затмение, мы с Теремоном посадим вас в чуланчик без окон и с дверью, снабженной хорошим замком. И вы будете сидеть там, пока все не кончится.

— А потом, — тяжело дыша, сказал Латимер, — меня некому будет выпустить. Я не хуже вас знаю, что значит появление Звезд... я знаю это куда лучше вас! Все вы потеряете рассудок, и меня никто не освободит. Вы предлагаете мне смерть от удущья или голодную смерть. Чего еще можно ждать от ученых? Но слова своего я не дам. Это дело принципа, и говорить об этом я больше не намерен.

Атон, по-видимому, смутился. В его блеклых глазах была тревога.

— И в самом деле, Ширин, запирайте его...

Ширин замахал на него руками:

— Погодите! Я вовсе не думаю, что дело может пойти так далеко. Латимер попробовал — довольно ловко — обмануть нас, но я психолог не только потому, что мне нравится звучание этого слова. — Он улыбнулся хранителю Культа. — Неужели вы думаете, что я способен прибегнуть к столь примитивной угрозе, как голодная смерть? Дорогой Латимер, если я запру вас в чулане, то вы не увидите Тьмы, не увидите Звезд. Самого поверхностного знакомства с догмами Культа достаточно, чтобы понять, что, спрятав вас, когда появятся Звезды, мы лишим вашу душу бессмертия. Так вот, я считаю вас порядочным человеком. Я поверю вам, если вы дадите честное слово не предпринимать никаких попыток мешать нам.

На виске Латимера задергалась жилка, и он, как-то весь сжавшись, хрипло сказал:

— Даю! — И затем яростно добавил: — Но меня утешает то, что все вы будете прокляты за ваши сегодняшние дела.

Он резко повернулся и зашагал к высокому табурету у двери.

Ширин кивнул журналисту и сказал:

— Сядьте рядом с ним, Теремон... так, формальности ради. Эй, Теремон!

Но журналист не двигался с места. Он побелел как полотно.

— Смотрите.

Палец его, показывавший на небо, дрожал, а голос звучал силно и надтреснуто.

Они поглядели в направлении вытянутого пальца и ахнули. Несколько секунд все не дыша смотрели на небо.

Край Беты исчез!

Клочок напозавшей на солнце черноты был шириной всего, пожалуй, с ноготь, но смотревшим на него людям он казался тенью Рока. Все стояли неподвижно лишь какое-то мгновение, потом началась суматоха. Она прекратилась еще быстрее и сменилась четкой лихорадочной работой: каждый занялся своим делом. В этот критический момент было не до личных чувств. Теперь это были ученые, поглощенные своей работой. Даже Атон уже не замечал, что происходит вокруг.

— Затмение началось, по-видимому, минут пятнадцать назад, — деловито сказал Ширин. — Немного рановато, но достаточно точно, если принять во внимание приблизительность расчетов.

Он поглядел вокруг, подошел на цыпочках к Теремону, который по-прежнему смотрел в окно, и легонько потянул его за рукав.

— Атон разъярен, — прошептал он. — Держитесь от него подальше. Он проглядел начало из-за возни с Латимером. И если вы подвернетесь ему под руку, он велит выбросить вас в окно.

Теремон кивнул и сел. Ширин посмотрел на него с удивлением.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Вы дрожите.

— А? — Теремон облизал пересохшие губы и попытался улыбнуться. — Я действительно чувствую себя не очень хорошо.

Психолог прищурил глаза:

— Немножко струсил?

— Нет! — с негодованием крикнул Теремон. — Дайте мне прийти в себя. В глубине души я так и не верил в этот вздор... до последней минуты. Дайте мне время свыкнуться с этой мыслью. Вы же подготавливались больше двух месяцев.

— Вы правы, — задумчиво сказал Ширин. — Послушайте! У вас есть семья — родители, жена, дети?

Теремон покачал головой:

— Вы, наверно, имеете в виду Убежище? Нет, не беспокойтесь. У меня есть сестра, но она живет в двух тысячах миль отсюда и я даже не знаю ее точного адреса.

— Ну а вы сами? У вас еще есть время добраться туда. У них все равно освободилось одно место, поскольку я ушел. В конце концов, здесь вы не нужны, зато там можете очень пригодиться...

Теремон устало посмотрел на Ширину:

— Вы думаете, у меня дрожат коленки? Так слушайте же, вы! Я газетчик, и мне поручено написать статью. И я напишу ее.

Психолог едва заметно улыбнулся:

— Я вас понимаю. Профессиональная честь, не так ли?

— Можете называть это и так. Но я отдал бы сейчас правую руку за бутылку спиртного, пусть даже она будет наполовину меньше той, что вы вылакали. Никогда еще так не хотелось выпить...

Он внезапно умолк, так как Ширин подтолкнул его локтем.

— Вы слышите? Послушайте!

Теремон посмотрел туда, куда ему показал Ширин, и увидел хранителя Культа, который, забыв обо всем на свете, стоял лицом к окну и в экстазе что-то бормотал.

— Что он говорит? — прошептал журналист.

— Он цитирует Книгу откровений, пятую главу, — ответил Ширин и добавил сердито: — Молчите и слушайте!

«И случилось так, что солнце Бета в те дни все дольше и дольше оставалось в небе совсем одно, а потом пришло время, когда только оно, маленькое и холодное, светило над Лагашем.

И собирались люди на площадях и дорогах, и дивились люди тому, что видели, ибо дух их был омрачен. Сердца их были смущены, а речи бессвязны, зане души людей ожидали пришествия Звезд.

И в городе Тритоне, в самый полдень, вышел Вендрет 2, и сказал он людям Тритона: "Внемлите, грешники! Вы презираете пути праведные, но пришла пора расплаты. Уже грядет Пещера, дабы поглотить Лагаш и все, что на нем!"

Он еще не сказал слов своих, а Тьма Пещеры уже заслонила край Беты и скрыла его от Лагаша. Громко кричали люди, когда исчезал свет, и велик был страх, овладевший их душами.

И случилось так, что Тьма Пещеры пала на Лагаш, и не было света на всем Лагаше. И люди стали как слепые, и никто не видел соседа, хотя и чувствовал его дыхание на лице своем.

И в этот миг души отделились от людей, а их покинутые тела стали как звери, да, как звери лесные; и с криками рыскали они по темным улицам городов Лагаша.

А со Звезд пал Небесный Огонь, и где он коснулся Лагаша, там обращались в пепел города его, и ни от человека, ни от дел его не осталось ничего. И в час тот...»

Что-то изменилось в голосе Латимера. Он продолжал неотрывно смотреть в окно и все же почувствовал, с каким вниманием его слушают Ширин и Теремон. Легко, не переводя дыхания, он чуть изменил тембр голоса, и его речь стала более напевной.

Теремон даже вздрогнул от удивления. Слова казались почти знакомыми. Однако акцент неуловимо изменился, сместились ударения — ничего больше, но понять Латимера было уже нельзя.

— Он перешел на язык какого-то древнего цикла, — хитро улыбнувшись, сказал Ширин, — может быть, на язык их легендарного второго цикла. Именно на этом языке, как вы знаете, была первоначально написана Книга откровений.

— Это все равно, с меня достаточно — Теремон отодвинул свой стул и пригладил волосы пальцами, которые уже не дрожали. — Теперь я чувствую себя гораздо лучше.

— Неужели? — немного удивленно спросил Ширин.

— Несомненно. Хотя несколько минут назад и перепугался. Все эти ваши рассказы о тяготении, а потом начало затмения чуть было совсем не выбили меня из колеи. Но это... — Он презрительно ткнул пальцем в сторону рыжебородого хранителя Культа, — это я слышал еще от няньки. Я всю жизнь

посмеивался над этими сказками. Пугаться их я не собираюсь и теперь.

Он глубоко вздохнул и добавил с нервной усмешкой:

— Но чтобы опять не потерять присутствия духа, я лучше отвернусь от окна.

— Прекрасно, — сказал Ширин. — Только лучше говорите потише. Атон только что оторвался от своего прибора и бросил на вас убийственный взгляд.

— Я забыл про старика, — с гримасой сказал Теремон.

Он осторожно переставил стул, сел спиной к окну и, с отвращением посмотрев через плечо, добавил:

— Мне пришлось в голову, что очень многие должны быть невосприимчивы к этому звездному безумию.

Психолог ответил не сразу. Бета уже прошла зенит, и кроваво-красное квадратное пятно, повторявшее на полу очертания окна, переползло теперь на колени Ширин. Он задумчиво поглядел на этот тусклый багрянец, потом нагнулся и взглянул на само солнце.

Чернота уже поглотила треть Беты. Ширин содрогнулся, и, когда он снова выпрямился, его румяные щеки заметно побледнели.

Со смущенной улыбкой он тоже сел спиной к окну.

— Сейчас в Саро, наверно, не менее двух миллионов людей возвращаются в лоно Культа, который переживает теперь свое великое возрождение, — заметил Ширин. — Культу предстоит целый час небывалого расцвета, — добавил он иронически. — Думаю, что его хранители извлекают из этого срока все возможное. Простите, вы сейчас что-то сказали?

— Вот что: каким образом хранители Культа умудрялись передавать Книгу откровений из цикла в цикл и каким образом она была вообще написана? Значит, существует какой-то иммунитет — если все сходило с ума, то кто же все-таки писал эту книгу?

Ширин грустно посмотрел на Теремона:

— Ну, молодой человек, очевидцев, которые могли бы ответить на этот вопрос, не существует, но мы довольно точно представляем себе, что происходило. Видите ли, имеются три группы людей — они пострадают по сравнению с другими не так сильно. Во-первых, это те немногие, которые вообще не увидят Звезд; к ним относятся слепые и те, кто напьется до потери сознания в начале затмения и протрезвится, когда все уже кончится. Этим мы считать не будем, так как, в сущности, они не очевидцы. Затем дети до шести лет, для которых весь мир еще слишком нов и неведом, чтобы они испугались Звезд

и Тьмы. Они просто познакомятся с еще одним явлением и без того удивительного мира. Согласны?

Теремон неуверенно кивнул:

— Пожалуй.

— И, наконец, тугодумы, слишком тупые, чтобы лишиться своего неразвитого рассудка... например, старые, замученные работой крестьяне. Ну, у детей остаются только отрывочные воспоминания, и вкупе с путаной, бессвязной болтовней полусматривших тупиц они-то и легли в основу Книги открытий. Естественно, первый вариант книги был основан на свидетельствах людей, меньше всего годившихся в историки, то есть детей и полуидиотов; но потом ее, наверно, тщательно редактировали и исправляли в течение многих циклов.

— Вы думаете, — сказал Теремон, — они пронесли книгу через циклы тем же способом, которым мы собираемся передать следующему циклу секрет тяготения?

Ширин пожал плечами:

— Возможно. Не все ли равно, как они это делают. Как-то умудряются. Я хочу только сказать, что эта книга полна всяческих искажений, хотя в основу ее и легли действительные факты. Например, вы помните эксперимент Фаро и Йимота с дырками в крыше, который не удался?..

— Да.

— А вы знаете, почему он не...

Он замолчал и в тревоге поднялся со стула: к ним подошел Атон. На его лице застыл ужас.

— Что случилось? — почти крикнул Ширин.

Атон взял Ширина под локоть и отвел в сторону. Психолог чувствовал, как дрожат пальцы Атона.

— Говорите тише! — хрипло прошептал Атон. — Я только что получил известие из Убежища.

— У них что-нибудь неладно? — испуганно спросил Ширин.

— Не у них, — сказал Атон, сделав ударение на местном имени. — Они только что заперлись и выйдут наружу только послезавтра. Им ничто не грозит. Но город, Ширин... в городе кровавый хаос. Вы не представляете себе...

Он говорил с трудом.

— Ну? — нетерпеливо перебил его Ширин. — Ну и что? Будет еще хуже. Почему вы так дрожите? — И, подозрительно посмотрев на Атона, он добавил: — А как вы себя чувствуете?

При этом намеке в глазах Атона мелькнул гнев, но тут же вновь сменился мучительной тревогой.

— Вы не понимаете. Хранители Культа не дремлют. Они призывают людей напасть на обсерваторию, обещая им не-

медленное отпущение грехов, обещая спасение души, обещая все что угодно. Что нам делать, Ширин?

Ширин опустил голову и отсутствующим взглядом долго смотрел на носки своих башмаков. Задумчиво постучав пальцем по подбородку, он наконец поднял глаза и сказал решительно:

— Что делать? А что вообще можно сделать? Ничего! Наши знают об этом?

— Конечно, нет!

— Хорошо! И не говорите им. Сколько времени осталось до полного затмения?

— Меньше часа.

— Нам остается только рискнуть. Чтобы организовать действительно опасную толпу, понадобится время, и сюда они не скоро дойдут. До города добрых миль пять...

Он посмотрел в окно на поля, спускавшиеся по склонам холмов к белым домам пригорода, на столицу, которая в тусклых лучах Беты казалась туманным пятном на горизонте.

— Понадобится время, — повторил он, не оборачиваясь. — Продолжайте работать и молитесь, чтобы полное затмение опередило толпу.

Теперь Бета была разрезана пополам и выпнутая граница черноты вторгалась на вторую, еще светлую половину. Словно гигантское веко наискосок смыкалось над источником вселенского света.

Психолог уже не слышал приглушенных звуков кипящей вокруг работы и ощущал только мертвую тишину, опустившуюся на поля за окном. Даже насекомые испуганно замолчали, и все вокруг потускнело.

Над ухом Ширина раздался чей-то голос. Он вздрогнул.

— Что-нибудь случилось? — спросил Теремон.

— Что? Нет. Садитесь. Мы мешаем работать.

Они вернулись в свой угол, но психолог некоторое время молчал. Он пальцем оттянул воротник и повертел головой, но легче от этого не стало. Вдруг он взглянул на Теремона:

— А вам не трудно дышать?

Журналист широко открыл глаза и сделал несколько глубоких вдохов.

— Нет. А что?

— Наверно, я слишком долго смотрел в окно. И на меня действовал полумрак. Затруднение дыхания — один из первых симптомов приступа клаустрофобии.

Теремон сделал еще один глубокий вдох.

— Ну, на меня он еще не действовал. Смотрите, кто-то идет

Между ними и окном, заслоняя тусклый свет, встал Бини, и Ширин испуганно взглянул на него:

— А, Бини!

Астроном переступил с ноги на ногу и слабо улыбнулся:

— Вы не будете возражать, если я немного посижу тут с вами? Мои камеры подготовлены, и до полного затмения мне делать нечего.

Он замолчал и посмотрел на Латимера, который минут за пятнадцать перед тем достал из рукава маленькую книгу в кожаном переплете и углубился в чтение.

— Этот мерзавец вел себя тихо?

Ширин кивнул. Расправив плечи и напряженно хмурясь, он заставляла себя ровно дышать.

— Бини, а вам не трудно дышать? — спросил он.

Бини в свою очередь глубоко вздохнул:

— Мне не кажется, что здесь душно.

— У меня начинается клаустрофобия, — виновато объяснил Ширин.

— А-а-а! Со мной дело обстоит по-другому. У меня такое ощущение, будто что-то случилось с глазами. Все кажется таким неясным и расплывчатым... И холодно.

— Да, сейчас действительно холодно. Уж это-то не иллюзия, — поморщившись, сказал Термон. — У меня так замерзли ноги, будто их только что доставили сюда в вагоне-холодильнике.

— Нам необходимо, — вмешался Ширин, — говорить о чем-нибудь нейтральном. Я же объяснил вам, Термон, почему эксперимент Фаро с дырками в крыше окончился неудачей...

— Вы только начали, — откликнулся Термон. Обняв руками колено, он уперся в него подбородком.

— Ну так вот: они слишком уж буквально толковали Книгу открытий. Вероятно, вовсе не следует считать Звезды физическим феноменом. Дело в том, что полная Тьма, возможно, заставляет мозг, так сказать, творить свет. Наверно, Звезды и есть эта иллюзия света.

— Другими словами, — добавил Термон, — Звезды, по вашему мнению, результат безумия, а не его причина? Зачем же тогда Бини фотографировать небо?

— Хотя бы для того, чтобы доказать, что Звезды — это иллюзия. Или чтобы доказать обратное — я ведь ничего не утверждаю наверняка. Или, наконец...

Но его перебил Бини, подвинувший свой стул поближе:

— Я рад, что вы заговорили об этом, — оживленно сказал он, сощурив глаза и подняв вверх палец. — Я думал об этих Звездах и пришел к довольно любопытным выводам. Конечно,

все это построено на песке, но кое-что интересное, как мне кажется, в этом есть... Хотите послушать?

Бини, видимо, тут же пожалел о сказанном, но Ширин, откинувшись на спинку стула, попросил:

— Говорите. Я слушаю.

— Так вот: предположим, что во Вселенной есть другие солнца, — смущенно произнес Бини — То есть такие солнца, которые находятся слишком далеко от нас и потому почти не видны. Наверно, вам кажется, что я начитался научной фантастики...

— Почему же? Но разве подобная возможность не опровергается тем фактом, что по закону тяготения об их существовании должно было бы свидетельствовать их притяжение?

— Оно не скажется, если эти солнца достаточно далеко, — ответил Бини, — хотя бы на расстоянии четырех световых лет от нас или еще дальше. Мы не можем заметить такие возмущения, потому что они слишком малы. Предположим, что на таком расстоянии от нас имеется много солнц... десятков или даже два...

Термон переливчато присвистнул.

— Какую статью можно было бы соорудить из этого для воскресного приложения! Два десятка солнц во Вселенной на расстоянии восьми световых лет друг от друга. Конфетка! Таким образом, наша Вселенная превращается в пылинку! Читатели будут в восторге.

— Это ведь только предположение, — улыбнулся Бини, — а вывод из него такой: во время затмения эти два десятка солнц стали бы видимы, исчез бы солнечный свет, в блеске которого они тонут. Поскольку они очень далеко, то будут казаться маленькими, как камешки. Конечно, хранители Культа говорят о миллионах Звезд, но это явное преувеличение. Миллион Звезд просто не уместится во Вселенной — они касались бы друг друга!

Ширин слушал Бини со все возрастающим интересом.

— В этом что-то есть, Бини. Преувеличение... именно это и случается. Наш мозг, как вы, очевидно, знаете, не способен сразу осознать точное число предметов, если их больше пяти; для большего числа у нас существует понятие «много». А десяток таким же образом превращается в миллион. Чертовски интересная мысль!

— Мне пришло в голову еще одно любопытное соображение, — продолжал Бини. — Вы когда-нибудь задумывались над тем, как упростилась бы проблема тяготения, если бы мы имели дело с относительно несложной системой? Представьте себе Вселенную, в которой у планеты только одно солнце.

Планета обращалась бы по правильной эллиптической орбите, и точная природа силы тяготения была бы очевидной и без доказательств. Астрономы такого мира открыли бы тяготение, пожалуй, даже прежде, чем изобрели бы телескоп. Оказалось бы достаточным простое наблюдение невооруженным глазом.

— Но была бы такая система динамически стабильна? — усомнился Ширин.

— Конечно! Это так называемый случай двух тел. Математически это было исследовано, но меня интересует философская сторона вопроса.

— Как приятно оперировать такими изящными абстракциями, — признал Ширин, — вроде идеального газа или абсолютного нуля.

— Разумеется, — продолжал Бини, — беда в том, что жизнь на такой планете была бы невозможна. Она не получала бы достаточно тепла и света, и, если бы она вращалась, на ней была бы полная тьма половину каждого суток, так что жизнь, первым условием существования которой является свет, не могла бы там развиваться.

— Атон принес светильники, — перебил его Ширин, вскочив так резко, что стул упал.

Бини осекся. Обернувшись, он улыбнулся с таким облегчением, что рот его растянулся до ушей.

В руках Атона был десяток стержней длиной с фут и толщиной с дюйм. Он свирепо взглянул поверх стержней на собравшихся вокруг сотрудников обсерватории.

— Немедленно возвращайтесь на свои места! Ширин, идите сюда, помогите мне!

Ширин подбежал к старику, и в полной тишине они принялись вставлять стержни в самодельные металлические держатели, висевшие на стенах.

С таким видом, словно он приступал к свершению главного таинства какого-нибудь священного ритуала, Ширин чиркнул большой неуклюжей спичкой и, когда она, брызгая искрами, загорелась, передал ее Атону, который поднес пламя к верхнему концу одного из стержней.

Пламя сначала тщетно лизало конец стержня, но затем неожиданная желтая вспышка ярко осветила сосредоточенное лицо Атона. Он отвел спичку в сторону, и в комнате раздался такой восторженный вопль, что зазвенели стекла.

Над стержнем поднимался шестидюймовый колеблющийся язычок пламени! Один за другим были зажжены остальные стержни, и шесть огней залили желтым светом даже дальние углы комнаты.

Свет был тусклый, уступавший даже лучам потемневшего солнца. Пламя металось, рождая пьяные, раскачивающиеся тени. Факелы отчаянно чадили, и в комнате пахло, словно на кухне в неудачный для хозяйки день. Но они давали желтый свет.

Желтый свет показался особенно приятным после того, как в небе уже четыре часа тускнела угрюмая Бета. Даже Латимер оторвался от книги и с удивлением смотрел на светильник.

Ширин грел руки у ближайшего огонька, не обращая внимания на то, что кожу уже покрывал сероватый слой копоти.

— Прелестно! Прелестно! Никогда не думал, что желтый цвет так красив, — бормотал он в восторге.

Но Теремон глядел на факелы с подозрением. Морщась от едкой вони, он спросил:

— Что за штуки?

— Дерево, — коротко ответил Ширин.

— Ну нет. Они же не горят. Обуглился только конец, а пламя продолжает вырываться из ничего.

— В этом-то вся и прелесть. Это очень эффективный механизм для получения искусственного света. Мы изготовили их несколько сотен, но большая часть, конечно, отнесена в Убежище. — Тут Ширин повернулся и вытер платком почерневшие руки. — Принцип такой: берется губчатая сердцевина тростника, высушивается и пропитывается животным жиром. Потом она зажигается, и жир понемногу горит. Эти факелы будут гореть безостановочно почти полчаса. Остроумно, не правда ли? Это изобретение одного из молодых ученых Сароского университета.

Вскоре оживление в куполе угасло. Латимер поставил свой стул прямо под факелом и, шевеля губами, продолжал монотонно читать молитвы, обращенные к Звездам. Бини опять отошел к своим камерам, а Теремон воспользовался возможностью пополнить свои заметки для статьи, которую он собирался на другой день написать для «Хроники». Последние два часа он занимался этим аккуратно, старательно и, как он хорошо понимал, беспечно.

Однако (это, видимо, заметил и Ширин, поглядывавший на него с усмешкой) это занятие помогало ему не думать о том, что небосвод постепенно приобретает отвратительный красновато-лиловый оттенок свежеччищенной свеклы, — и таким образом оправдывало себя.

Воздух, казалось, стал плотнее. Сумрак, как осязаемая материя, вползал в комнату, и танцующий круг желтого света все

резче выделялся среди сгущающейся мглы. Пахло дымом, потрескивали факелы; кто-то осторожно, на цыпочках обошел стол, за которым работали; время от времени кто-нибудь сдержанно вздыхал, стараясь сохранять спокойствие в мире, уходящем в тень.

Первым услышал шум Теремон. Он даже не услышал, а смутно почувствовал какие-то звуки, которых никто не заметил бы, если бы в куполе не стояла мертвая тишина.

Журналист выпрямился и спрятал записную книжку. Затаив дыхание, он прислушался, а потом, пробравшись между солароскопом и одной из камер Бини, нехотя подошел к окну.

Тишину расколол его внезапный крик:

— Ширин!

Все бросили работу. В одну секунду психолог очутился рядом с журналистом. Затем к ним подошел Атон. Даже Йимот 70, который примостился на маленьком сиденье высоко в воздухе, возле окуляра громадного солароскопа, опустил голову и поглядел вниз.

От Беты остался только тлеющий осколок, бросавший последний отчаянный взгляд на Лагаш. Горизонт на востоке, где находился город, был поглощен Тьмой, а дорога от Саро к обсерватории стала тускло-красной полоской, по обе стороны которой тянулись рощицы. Отдельных деревьев уже нельзя было различить, они слились в сплошную темную массу.

Но именно дорога приковала к себе внимание всех, потому что на ней грозно кипела другая темная масса

— Сумасшедшие из города! Они уже близко! — крикнул прерывающимся голосом Атон.

— Сколько осталось до полного затмения? — спросил Ширин.

— Пятнадцать минут, но... но они будут здесь через пять.

— Неважно. Проследите, чтобы все продолжали работать. Мы их не пустим. У этого здания стены, как у крепости. Атон, на всякий случай не спускайте глаз с нашего незваного гостя. Теремон, идите со мной.

Теремон выбежал из комнаты вслед за Шириним. Лестница крутой спиралью уходила вниз, в сырой и жуткий сумрак.

Не задерживаясь ни на секунду, они по инерции успели еще спуститься ступенек на сто, но тусклый, дрожащий желтый свет, падавший из двери купола, исчез и со всех сторон сомкнулась густая зловещая тень.

Ширин остановился и схватился пухлой рукой за грудь. Глаза его выкатились, а голос напоминал сухой кашель:

— Я не могу... дышать... ступайте вниз... один. Заприте все двери...

Теремон спустился на несколько ступенек и обернулся.

— Погодите! Вы можете продержаться минуту? — крикнул он.

Он и сам задыхался. Воздух набирался в легкие очень медленно и был густ, словно патока, а при мысли, что надо одному спуститься в таинственную Тьму, он ощутил панический страх.

Значит, все-таки темнота внушала ужас и ему.

— Стойте здесь, — сказал он. — Я сейчас вернусь.

Перескакивая через ступеньки, он помчался наверх. У него бешено колотилось сердце — и не только от физических усилий. Он ворвался в купол и выхватил из подставки факел. Факел вонял, дым слепил глаза, но Теремон, радостно сжимая его в руке, уже мчался вниз по лестнице.

Когда Теремон склонился над Шириним, тот открыл глаза и застонал. Теремон сильно встряхнул его:

— Ну, возьмите себя в руки! У нас есть свет!

Он поднял факел как можно выше и, поддерживая спотыкающегося психолога под локоть, направился вниз, стараясь держаться в середине спасительного кружка света.

В кабинеты на первом этаже еще проникал тусклый свет с улиц, и Теремону стало легче.

— Держите, — грубо сказал он и сунул факел Ширину. — Слышите их?

Они прислушались. До них донеслись бессвязные, хриплые вопли.

Ширин был прав: обсерватория напоминала крепость. Воздвигнутое в прошлом веке, когда безобразный неогавотский стиль достиг наивысшего расцвета, здание ее отличалось не красотой, а прочностью и солидностью постройки.

Окна были защищены железными решетками из толстых прутьев, глубоко утопленных в бетонную облицовку. Каменные стены были такой толщины, что их не могло бы сокрушить даже землетрясение, а парадная дверь представляла собой массивную дубовую доску, обитую железом. Теремон задвинул засовы.

В другом конце коридора тихо рутался Ширин. Он показал на дверь черного хода, замок которой был аккуратно выломан.

— Вот каким образом Латимер проник сюда, — сказал он.

— Ну так не стойте столбом! — нетерпеливо крикнул Теремон. — Помогите мне тащить мебель... И уберите факел от моих глаз. Этот дым меня задушит.

Говоря это, журналист с грохотом волок к двери тяжелый стол; за две минуты он соорудил баррикаду, которой не хватало

красоты и симметрии, что, однако, с избытком компенсировалось ее массивностью.

Откуда-то издали донесся глухой стук кулаков по парадной двери; слышались вопли, но все это было как в полусне.

Толпой, которая бросилась сюда из Саро, руководили только стремление разрушить обсерваторию, чтобы обрести обещанное Культом спасение души, и безумный страх, лишивший ее рассудка. Не было времени подумать о машинах, оружии, руководстве и даже организации. Люди бросились к обсерватории пешком и пытались разбить дверь голыми руками.

Когда они достигли обсерватории, Бета сократилась до последней рубиново-красной капли пламени, слабо мерцавшей над человечеством, которому оставался только всеобъемлющий страх...

— Вернемся в купол! — простонал Термон.

В куполе только один Йимот продолжал сидеть на своем месте, у солароскопа. Все остальные сгрудились у фотоаппаратов. Хриплым, напряженным голосом Бини давал последние указания.

— Пусть каждый уяснит себе... Я снимаю Бету в момент наступления полного затмения и меняю пластинку. Каждому из вас поручается одна камера. Вы все знаете время выдержки...

Остальные шепотом подтвердили это.

Бини провел ладонью по глазам:

— Факелы еще горят? Хотя... я и сам вижу.

Он крепко прижался к спинке стула.

— Запомните, не... не старайтесь получить хорошие снимки. Не тратьте времени, пытайтесь снять одновременно две звезды. Одной достаточно. И... и если кто-нибудь почувствует, что с ним началось это, пусть немедленно отойдет от камеры!

— Отведите меня к Агону. Я не вижу его, — шепнул Термону Ширин.

Журналист откликнулся не сразу. Он уже не видел людей, а только расплывчатые смутные тени: желтые пятна факелов над головой почти не давали света.

— Темно, — пожаловался он.

Ширин вытянул вперед руку и сказал:

— Агон.

Он неуверенно шагнул вперед.

— Агон!

Термон взял его за локоть:

— Погодите, я отведу вас.

Кое-как ему удалось пересечь комнату. Он зажмурил глаза, отказываясь видеть Тьму, отказываясь верить, что им овладевает смятение. Никто не услышал их шагов, не обратил на них никакого внимания. Ширин наткнулся на стену.

— Агон!

Психолог почувствовал, как его коснулись дрожащие руки, и услышал шепот:

— Это вы, Ширин?

— Агон! — сказал Ширин, стараясь дышать ровно. — Не бойтесь толпы. Она сюда не ворвется.

Латимер, хранитель Культа, встал — его лицо искажала гримаса отчаяния. Он дал слово, и нарушить его значило подвергнуть свою душу смертельной опасности. Но ведь слово вырвали у него силой, он не давал его добровольно. Вскоре появятся Звезды; он не может стоять в стороне и позволить... И все же... слово было дано.

Лицо Бини, подставленное под последний луч Беты, казалось темно-багровым, и Латимер, увидев, как он склонился над фотоаппаратом, принял решение. От волнения ногти его впились в мякоть ладони.

Шатаясь из стороны в сторону, он бросился вперед. Перед ним не было ничего, кроме теней; даже сам пол под ногами, казалось, перестал быть материальным. А затем кто-то набросился на него, повалил и вцепился ему в горло.

Латимер согнул ногу и изо всех сил ударил противника коленом.

— Пустите меня, или я убью вас!

Термон вскрикнул, затем, преодолевая волны мучительной боли, пробормотал:

— Ах ты, подлая крыса!

Его сознание, казалось, воспринимало все сразу. Он услышал, как Бини прохрипел: «Есть! К камерам, все!» — и тут же каким-то образом осознал, что последний луч солнечного света истончился и исчез.

Одновременно он услышал, как перехватило дыхание у Бини, как странно вскрикнул Ширин, как оборвался чей-то истерический смешок... и как снаружи наступила тишина, странная, мертвая тишина.

Термон почувствовал, что разжимает руки, но и тело Латимера вдруг обмякло и расслабилось. Заглянув в глаза хранителя Культа, он увидел в них остекленевшую пустоту, в которой отражались желтые кружочки факелов. Он увидел,

что на губах Латимера пузырится пена, услышал тихое звериное повизгивание.

Оцепенев от страха, он медленно приподнялся на одной руке и посмотрел на ледящую кровь черноту в окне.

За окном сияли Звезды!

И не каких-нибудь жалких три тысячи шестьсот слабеньких звезд, видимых невооруженным глазом с Земли. Лагаш находился в центре гигантского звездного роя. Тридцать тысяч ярких солнц сияли с потрясающим душу великолепием, еще более холодным и устрашающим в своем жутком равнодушии, чем жестокий ветер, пронизывавший холодный, уродливо-сумрачный мир.

Теремон, шатаясь, вскочил на ноги; горло его сдавило так, что невозможно было дышать; от невыносимого ужаса все мускулы тела свело судорогой. Он терял рассудок и знал это, а последние проблески сознания еще мучительно сопротивлялись, тщетно пытаясь противостоять волнам черного ужаса. Было очень страшно сходиться с ума и знать, что сходишь с ума... знать, что через какую-то минуту твое тело будет по-прежнему живым, но ты сам, настоящий ты, исчезнешь навсегда, погрузишься в черную пучину безумия. Ибо это был Мрак... Мрак, Холод и Смерть. Светлые стены Вселенной рухнули, и их страшные черные обломки падали, чтобы раздавить и уничтожить его.

Теремон споткнулся о какого-то человека, ползущего на четвереньках, и едва не упал. Прижимая руки к сведенному судорогой горлу, Теремон заковывал к пламени факелов, застывшему от его безумных глаз весь остальной мир.

— Свет! — закричал Теремон.

Где-то, как испуганный ребенок, захлебывался плачем Атон.

— Звезды... все Звезды... мы ничего не знали. Мы совсем ничего не знали. Мы думали шесть звезд это Вселенная что-то значит для Звезд ничего Тьма во веки веков и стены рушатся а мы не знали что мы не могли знать и все...

Кто-то попытался схватить факел — он упал и погас. И сразу же страшное великолепие равнодушных Звезд совсем надвинулось на людей.

А за окном на горизонте, там, где был город Саро, поднималось, становясь все ярче, багровое зарево, но это не был свет восходящего Солнца.

Снова пришла долгая ночь.

ЗЕЛЕННЫЕ ПЯТНА

Однажды утром в 1948 году я прочел в «Нью-Йорк таймс», что издательство «Street & Smith Publications» отказалось от выпуска литературных научно-фантастических журналов.

Поскольку «Поразительная научная фантастика» являлась одним из популярных журналов «Street & Smith Publications», в глазах у меня потемнело. Не удивительно: в течение шести лет, с 1943 по 1948 годы включительно, я опубликовал тридцать научно-фантастических рассказов, причем все до единого я продал «Поразительной фантастике». Все эти годы меня преследовала мысль, что на самом деле никакой я не писатель, а просто удачливый человек, натолкнувшийся на незанятый рынок сбыта, и если что-нибудь случится с «Поразительной» или с ее редактором мистером Кэмпбеллом, мне конец.

Я с трудом дочитал статью и лишь в самом конце (чуть ли не в примечании) обнаружил, что для «Поразительной фантастики» сделали исключение. Это был единственный журнал, который «Street & Smith» решили оставить.

Приговор отложили, но мне по-прежнему было не по себе. С «Поразительной фантастикой» и мистером Кэмпбеллом может что-то случиться. (До сих пор, кстати, с журналом ничего не случилось! Прошло уже двадцать лет с того дня, как я прочитал напугавшую меня статью; «Поразительная фантастика» по-прежнему процветает, хотя у нее грустой издатель, да и название изменили на «Аналог». А вот редактором работает все тот же неутомимый мистер Кэмпбелл.)

Green Patches
© 1950 by World Editions, Inc
Зеленые пятна
© М. Гутов, перевод, 1997

С 1949 по 1950-й я напечатал в «Поразительной» еще четыре рассказа, после чего наступил перерыв. В 1950 году неожиданно начал выходить новый журнал научной фантастики под энергичным руководством редактора Горация Л. Голда.

В период подготовки журнала мистер Голд напряженно искал оригинальные рассказы и поинтересовался, не могу ли я что-либо предложить. Я не был уверен, что мистеру Голду понравится моя писанина. К тому же я не знал, как я переживу отказ, который окончательно подтвердит, что никакой я не писатель, а так, автор одного редактора.

Как бы то ни было, мистер Голд настоял на своем. Я написал два рассказа, и он оба взял.

Полагаю, первый рассказ он принял под давлением обстоятельств; рассказ был запланирован на первый номер, который выходил в страшной спешке. Второй рассказ вышел во втором номере, другими словами, явной необходимости его покупать у редактора не было. Я воспринял его продажу как признание моего литературного дара. На этом длившиеся семь лет терзания и сомнения завершились. Перед вами именно второй мой рассказ.

И еще. Редактора жить не могут без того, чтобы не поменять название рассказа. Бог знает, что ими руководит! У некоторых редакторов получается лучше, у других — хуже. Мистер Голд представлял особый случай.

Я назвал этот рассказ «Зеленые пятна». Почему, вы поймете, когда дочитаете до конца. По непонятной причине название мистеру Голду не понравилось, и он заменил его на «Незаконнорожденный миссионер». Не понимаю, чем этот вариант мог прийтись по душе здравомыслящему человеку (разве что обилием удвоенных согласных).

Итак, пользуясь случаем, я меняю заголовок на первоначальный. Надеюсь, никто не упрекнет меня в поспешности. Я ждал этой возможности восемнадцать лет.

Он проскользнул на борт корабля. Десятки других остались ждать за энергетическим барьером, но он вовремя понял, что ожидание ни к чему не приведет. Улучил момент, когда барьер на пару минут забарахлил (что лишний раз продемонстрировало превосходство цельных организмов над живыми фрагментами), и проскочил.

Из оставшихся никто не сумел отреагировать так быстро и воспользоваться сбоем, но его это не волновало. Проскочил — и ладно.

Постепенно радость утасла, и навалилось одиночество. Ужасно плохо и неестественно, оказывается, отделиться от остальных цельных организмов и самому стать живым фрагментом. Как только эти пришельцы могут существовать отдельно друг от друга?

Он искренне посочувствовал пришельцам. Испытав на себе состояние фрагментации, он впервые ощутил невыносимое одиночество, которое внушало им такой ужас. Именно страх перед непреодолимой изоляцией и диктовал пришельцам их поступки. Что, как не безумный ужас, могло заставить их превратить огромную площадь диаметром в квадратную милю в раскаленный докрасна круг? В результате взрыва погибли даже организмы, обитающие на глубине десяти футов.

Он включил восприятие, жадно прислушался, позволяя мыслям пришельцев пропитать его сознание. Он наслаждался прикосновением чужой жизни. Придется ограничить эту радость. Нельзя забывать себя.

Но никакого вреда от слушания мыслей не бывает. Отдельные фрагменты на корабле мыслили довольно четко для таких примитивных и несовершенных созданий. Их мысли напоминали крошечные колокольчики...

— Я чувствую себя зараженным. Постоянно ощущаю грязь, — сказал Роджер Олден. — Понимаете, о чем я? Мою руки чуть ли не каждую минуту, но это не помогает.

Джерри Торн терпеть не мог драматичных заявлений и даже не взглянул в сторону Роджера. Корабль по-прежнему маневрировал в стратосфере планеты Сэйбрук, и Джерри предпочитал не отрываться от приборов.

— Не вижу причин для беспокойства. Ничего ведь не произошло.

— Надеюсь, что нет, — вздохнул Олден. — По крайней мере все скафандры оставили в шлюзовой камере для полной дезинфекции. И всех, кто выходил наружу, подвергли радиационному душу.

— Тогда чего ты нервничаешь?

— Не знаю. Барьер все-таки ломался.

— Понятно, что лучше бы ему не ломаться. Всегда что-то выходит из строя.

— Непонятно другое, — раздраженно сказал Олден. — Я ведь был там, когда это произошло. Барьер полетел во время моей смены. Не было никакой причины перегружать сеть. А оказалось, что к ней подключили совершенно постороннее оборудование. Совершенно.

— Бывает. Знаешь, какие у нас бестолковые люди.

— Непохоже. Я слышал, как Старик проводил расследование. Никто не смог объяснить, как такое могло случиться. От линии энергетического барьера запитали сварочные агрегаты, которые забирают на себя по две тысячи ватт. Причем всю прошлую неделю пользовались второй подстанцией. Почему они ни с того ни с сего перешли на эту, никто не знает.

— А ты знаешь?

— Нет, но я думаю, может, вся бригада оказалась... — Олден запнулся, подыскивая нужное слово, — загнипнотизирована. Этими тварями.

Торн посмотрел Олдену прямо в глаза:

— Я бы не стал повторять эту версию. Барьер полетел всего на две минуты. Если бы хоть одна травинка просочилась на корабль, это бы в течение получаса засветилось на бактериальном уровне. Через несколько дней мы бы определили проникновение по колониям фруктовых мушек. Короче, к нашему возвращению это отразилось бы на хомяках, кроликах, может быть, козах. Ты усвой одно, Олден: ничего не случилось. Ничего.

Олден развернулся на каблуках и вышел из рубки. При этом его нога пронеслась в двух футах от лежащего в углу существа.

Он отключил центры восприятия, и чужие мысли потекли мимо. В любом случае эти живые куски не имеют большой ценности, поскольку непригодны для продолжения жизни. Даже как отдельные фрагменты, они были недоделаны и требовали завершения.

Теперь следующий тип живых кусков... эти уже совсем другие. С ними надо быть осторожнее. Искушение может оказаться непреодолимым, а ему нельзя выдать свое присутствие на борту корабля до тех пор, пока они не приземлятся на свою родную планету.

Он сосредоточился на других отсеках корабля, поражаясь разнообразию живых форм. Причем каждое существо, каким бы крошечным оно ни казалось, было самодостаточным. Он с трудом заставлял себя об этом думать, пока ему не стало невыносимо противно и не захотелось вернуться к нормальной жизни.

Как и следовало ожидать, мысли маленьких кусочков оказались несущественными и поверхностными. Извлечь из них было нечего, что лишний раз подчеркивало необходимость завершения. Именно это задевало его острее всего.

Один живой кусочек сидел на корточках и перебирал лапками окружающую его сеточку. Мысли его были прозрачны, но ограничены. Главным образом они касались ломтика желтого фрукта, который поедал соседний фрагмент. Живой кусочек очень хотел получить этот ломтик. И лишь тонкая сеточка, разделяющая фрагменты, удерживала его от того, чтобы наброситься на соседа и отобрать желанную еду силой.

Он отключил восприятие, не в силах терпеть отвращение. Фрагменты соперничали из-за пищи!

Он попытался дотянуться до мирной гармонии родного дома, но их уже разделяло огромное расстояние. Он мог дотянуться только до пустоты, которая отсекала его от разума и здравого смысла.

На мгновение он затосковал даже по ощущению мертвой земли между барьером и кораблем. Прошлой ночью он ползком преодолел это расстояние. Участок был мертв, но даже по другую сторону барьера он все еще чувствовал успокаивающее дыхание организованной жизни родной планеты.

Он хорошо помнил сам момент проникновения на корабль. Когда открылся воздушный шлюз, у него едва не оторвались присоски. Потом он осторожно пробрался в помещение, стараясь не попасть под многочисленные ноги. Позже пришлось миновать еще один шлюз. И вот он лежит, сам превратившийся в живой фрагмент, неподвижный и незаметный.

Он осторожно подключил прием в прежней фокусировке. Сидящий на корточках кусок жизни яростно тянул за свою сеточку, по-прежнему стремясь к чужой еде, хотя из них двоих был менее голоден.

Ларсен сказал:

— Прекрати кормить эту сволочь. Она вовсе не голодна; просто взбесилась из-за того, что Тили решилась поесть. Жадная обезьяна! Скорей бы домой, чтобы не видеть больше этих тварей.

Он погрозил старшей самке шимпанзе, и та возмущенно зашамкала в ответ.

— Хорошо, хорошо, — проворчал Ризо. — Тогда какого черта мы тут околачиваемся? Время кормежки закончилось. Пошли.

Они миновали загоны с козами, клетки с кроликами и хомяками.

— Вызвались добровольцами в исследовательскую экспедицию, — с горечью произнес Ларсен. — Герои. Провожали с речами... а потом заставили работать смотрителем в зоопарке.

— Тебе платят двойную зарплату.

— Ну и что? Я ведь не за деньги сюда записался. На первой встрече нам сказали: пятьдесят на пятьдесят, что мы можем не вернуться и закончим как Сэйбрук. Я пошел потому, что хотел чего-то важного и значительного.

— Что там говорить, ты у нас просто герой, — пробурчал Ризо.

— Я не хочу быть сиделкой при животных.

— Эй, — Ризо остановился, вытащил из клетки хомяка и погладил его. — Тебе не приходило в голову, что, может быть, внутри одного из них сейчас образуются крошечные малыши?

— Умник! Их же каждый день тестируют.

— Ладно, ты прав. — Он потрепал зверька за морду, и тот потешно сморщил носик. — Просто представь: однажды утром ты заходишь, и видишь, что они уже здесь. Новые крошечные хомячки таращатся на тебя мягкими, зелеными пятнышками меха, который растет у них в том месте, где должны быть глаза.

— Заткнись, ради памяти Майка! — заорал Ларсен.

— Маленькие, мягкие, зеленые пятна блестящего меха, — пробормотал Ризо и с неожиданным отвращением швырнул хомяка в клетку.

Он снова подключил восприятие и изменил фокус. Каждому фрагменту жизни дома находилось грубое соответствие на корабле.

Были подвижные бегуны разной формы, подвижные пловцы и подвижные летуны. Среди летунов попадались крупные существа с четкими мыслями, но были и маленькие с прозрачными крылышками. Последние передавали только обрывки чувственных восприятий, причем даже их умудрялись исказить. Собственного интеллекта у них практически не было.

Местные неподвижные походили на домашних неподвижных, были такими же зелеными и существовали за счет воздуха, воды и почвы. Здесь наблюдался умственный пробел. Они могли лишь смутно, смутно ощущать свет, влажность и притяжение.

При этом каждый фрагмент, как подвижный, так и неподвижный, жил своей потешной жизнью.

Еще нет. Еще нет...

Он решительно подавил свои чувства. Как-то раз эти фрагменты уже прилетали; тогда остальные попытались им помочь, но... поторопились. Ничего не вышло. На этот раз нужно подождать.

Лишь бы только его не обнаружили.

Пока все шло нормально. Главное, его не заметили в штурманской рубке. Он прижался к полу, стараясь поскорее забиться в угол. Никто не наклонился, не поднял и не уничтожил его. Ему пришлось долго не двигаться. Иначе любой мог повернуться и увидеть жесткий, похожий на червяка предмет длиной чуть меньше шести дюймов. Вначале взгляд, потом крики и... все кончено.

Но в этот раз, похоже, он выждал хорошо. Корабль давно взлетел. Штурманская рубка опустела, пульт заперт.

Он быстро нашел трещинку в стальном кожухе, под которым проходили мертвые провода.

Передняя часть его тела была острой и жесткой, как рапира. Он выбрал провод нужного ему диаметра и рассек его одним прикосновением; отступив на шесть дюймов, перерезал его еще раз. Вырезанный кусок он толкал перед собой, пока не задвинул в самый угол панели, где никто не смог бы его обнаружить. С внешней стороны провод был покрыт эластичным коричневым материалом, а сердцевина его была сделана из блестящего, гибкого металла. На сердцевину он, конечно, не походил, ну и ладно. Достаточно, что покрывающая его кожа напоминала поверхность провода.

Он вернулся и ухватился за обрезанные концы спереди и сзади. Крошечные диски-присоски вступили в действие, тело напряглось и вытянулось, исчезли даже швы в тех местах, где он присоединился к обрезанному проводу.

Теперь они ни за что его не найдут. Будут смотреть прямо на него и видеть сплошной длинный провод.

Если, конечно, не станут присматриваться очень тщательно. Тогда в определенном месте заметят два крошечных пятнышка мягкого, блестящего, зеленого меха.

— Примечательно, — заметил доктор Вайс, — что эти зеленые волосики обладают такими колоссальными возможностями.

Капитан Лоринг осторожно разлил бренди. В некотором смысле событие надлежало отметить. Через два часа закончится подготовка к прыжку через гиперпространство, а после этого, еще через два дня, они вернутся на Землю.

— Значит, вы убеждены, что зеленый мех — это орган восприятия?

— Именно так, — кивнул Вайс. От спиртного лицо его пошло пятнами, но он понимал, что повод действительно есть, очень хорошо понимал. — Эксперименты прошли с большими трудностями, но получены чрезвычайно важные результаты

Капитан жестко улыбнулся:

— С большими трудностями... Можно, наверное, сказать и так. Только я бы на вашем месте ни за что не пошел на такой риск.

— Чепуха. Мы здесь все герои. Все, кто полетел на этом корабле — добровольцы и храбрецы, достойные барабанов, фанфар и труб. Вы тоже рисковали, прилетев сюда.

— Вы первым пересекли барьер.

— Да риска-то особого и не было, — пожал плечами Вайс. — Я же предварительно выжег перед собой всю землю, не говоря о том, что меня окружал передвижной барьер. Это все чепуха, капитан. Не будем считать, кто сделал меньше, а кто больше. Помимо всего прочего, я мужчина.

— Так-то оно так, но бактерий в вас не меньше, чем в женщине. А значит, вы одинаково уязвимы.

В разговоре наступила пауза, необходимая для того, чтобы выпить.

— Хотите еще? — спросил капитан.

— Нет, спасибо. Я свою норму уже превысил.

— Давайте по последней, за космический путь. — Капитан поднял бокал в сторону уже пропавшей из виду планеты Сэйбрука. Только ее солнце сияло самой яркой звездой на видеозэкране. — За маленькие зеленые волосики, благодаря которым Сэйбрук все понял.

Вайс кивнул.

— Планету, конечно, надо поставить на карантин.

— По-моему, это не выход. Рано или поздно кто-то приземлится там по ошибке. И может случиться, что у этих людей не окажется ни прозорливости Сэйбрука, ни его мужества. Предположим, они не взорвут свой корабль, как это сделал Сэйбрук, а вернутся в какое-либо необитаемое место.

Капитан помрачнел.

— Как вы думаете, сумеют ли эти существа когда-нибудь наладить собственные межзвездные перелеты?

— Сомневаюсь. Доказательств, конечно, нет. У них ведь совершенно иная ориентация. При их жизненном укладе инструменты оказались совершенно излишними. Насколько нам известно, на всей планете не сыщешь даже каменного топора.

— Надеюсь, вы правы. Да, чуть не забыл, Вайс, не уделите ли немного времени Дрейку?

— Это парень из «Галактик пресс»?

— Да. Когда мы вернемся, о планете Сэйбрука узнает широкая публика, и я бы не хотел, чтобы репортаж получился излишне эмоциональный. Я попросил Дрейка обратиться к вам

за консультацией. Вы достаточно авторитетный биолог, с вашим мнением считаются все. Не возражаете?

— Помогу с удовольствием.

Капитан устало закрыл глаза и покачал головой.

— Головная боль, капитан?

— Нет. Просто подумал о бедном Сэйбруке.

Корабль ему надоел. Недавно возникло такое чувство, словно его вывернули наизнанку. Это встревожило, и он обратился за объяснением к сознанию четко мыслящих. Очевидно, корабль перескочил через безмерный океан пустого космоса, называемого еще «гиперпространством». Четко мыслящие знали все.

Но... корабль ему надоел. Поразительный в своей бесполезности феномен. Живые фрагменты были довольно умело сработаны, но в конце концов это лишний раз доказывало их несчастье. Они из кожи вон лезли, чтобы завладеть большим количеством неодушевленного вещества, какового в них самих не содержалось. Подсознательно стремясь к полноте, они настроили механизмов и без усталости мотались по космосу, пытаясь найти, найти...

Эти существа не могли найти того, что искали, в силу собственной природы. И не найдут, пока он им не позволит.

При этой мысли он слегка вздрогнул.

Полнота!

Эти куски даже не знали такого понятия. Слово «полнота» имело у них отрицательный оттенок.

В своем невежестве они могли даже с ней сражаться. До них прилетал еще один корабль с большим количеством четко мыслящих фрагментов. Они подразделялись на два типа: производители жизни и стерильные. (Второй корабль в этом отношении отличался разительно. Все четко мыслящие были стерильны, в то время как остальные, смутно мыслящие и немыслящие, оказались производителями жизни. Это было странно.)

Как радостно приветствовала тот первый корабль вся планета!.. Он хорошо помнил, какой все испытали шок, когда оказалось, что пришельцы были не цельным организмом, а отдельными, не связанными друг с другом кусками. Шок уступил место жалости, после чего решили перейти к действиям. Оставалось неясным, как они приживутся в сообществе, но колебаний не было. Всякая жизнь священна, нашлось бы место и для них для всех, от огромных четко мыслящих и до крошечных существ, размножающихся в темноте.

Однако случилась ошибка — неверно просчитали способ мышления фрагментов. Четко мыслящие поняли, что произошло, и

воспротивились. Конечно, они перепугались и не разобрались до конца.

Вначале они установили барьер, а потом уничтожили сами себя, распылив корабль на атомы.

Бедные, глупые фрагменты.

По крайней мере на этот раз все будет по-другому. Их ждет спасение, хотя они того или нет.

Джон Дрейк не любил распространяться на эту тему, но в душе чрезвычайно гордился тем, что успел в свое время овладеть искусством фотопечати. У него была походная модель аппарата, представляющая собой темную пластмассовую коробку размерами шесть на восемь дюймов с цилиндрическими наплывами с каждой стороны, в которые вкладывались ролики тонкой бумаги. Все помещалось в коричневый кожаный футляр с ремешком, что позволяло носить его либо на поясе, либо на бедре. Весь прибор весил не более фунта.

Дрейк мог работать на нем обеими руками. Пальцы его легко и стремительно перемещались по поверхности футляра, надавливали на нужные точки, и на бумаге бесшумно появлялись слова.

Он задумчиво взглянул на свой очерк, потом поднял глаза на доктора Вайса:

— Что скажете, док?

— Начало хорошее.

Дрейк кивнул:

— Я вообще хотел начать с самого Сэйбрука. У нас на Земле до сих пор ничего не знают об этом деле. Эх, если бы удалось почитать его отчеты!.. Как, кстати, ему удалось их передать?

— Насколько мне известно, всю последнюю ночь он передавал их по субэфиру. А закончив, закоротил двигатели, и спустил миллионную долю секунды корабль превратился в прозрачное облачко. Вместе с командой и самим Сэйбруком.

— Вот человек!.. Вы ведь с самого начала занимались этим делом, док?

— Не с начала, — мягко поправил Вайс. — С момента получения отчетов Сэйбрука.

Он невольно вспомнил то время. Прочитав первое донесение, он понял, какой прекрасной должна была показаться эта планета исследовательской экспедиции Сэйбрука. Она почти в точности повторяла Землю, отличаясь лишь изобилием растительной жизни и исключительно вегетарианской диетой животных.

Странными показались только небольшие пятна зеленого меха (как часто ему приходилось употреблять это сочетание вслух и про себя!). И еще — ни у одного живого существа на планете не было глаз. Вместо них рос мех. Даже растения имели на каждом цветочке или листике по два ярких зеленых пятнышка.

Затем Сэйбрук, к величайшему своему изумлению, обнаружил, что на планете нет соперничества из-за пищи. У всех растений были мясистые придатки, которые охотно поедали животные. В течение нескольких часов придатки отрастали заново; к другим частям животные не прикасались. Казалось, растения кормили животных, следуя установленному самой природой порядку. При этом нигде не было густых, непроходимых зарослей. Создавалось впечатление, что кто-то старательно возделывал насаждения, настолько равномерно и разумно они были распределены по поверхности планеты.

Интересно, думал Вайс, сколько времени Сэйбрук наблюдал за царящим в этом мире странным порядком? Как он объяснял себе, почему не растет число насекомых, хотя птицы их не едят, почему в отсутствие хищников не расплодилось грызуны?

Затем произошел инцидент с белыми крысами...

Вайс вздрогнул и произнес:

— Да, одна поправка, Дрейк. Первыми животными были не хомяки. Первыми были белые крысы.

— Белые крысы, — повторил Дрейк, делая исправления в записях.

— На борту каждого исследовательского корабля, — пояснял Вайс, — находятся белые крысы. С их помощью проверяется инопланетная пища. С точки зрения питания крысы мало чем отличаются от людей. На борт, естественно, берутся исключительно самки белых крыс. Таким образом стараются исключить опасность неконтролируемого размножения в случае, если животные попадут в благоприятные условия. Нечто подобное произошло в свое время с кроликами в Австралии.

— А почему, кстати, берут не самцов, а самок? — поинтересовался Дрейк.

— Самки более приспособлены. В конечном счете это сыграло на руку, ибо помогло прояснить ситуацию. Неожиданно выяснилось, что все крысы беременны.

— Да-да. Вот этот момент я очень хотел уточнить. Объясните, док, каким образом Сэйбрук узнал, что они собираются принести потомство?

— Разумеется, случайно. В ходе экспериментов с питанием крыс вскрывают на предмет обнаружения внутренних изменений. Так что их состояние не могло остаться незамеченным.

Сколько бы крыс ни разрезали, результат был один и тот же. В конце концов оставшиеся в живых принесли потомство. При том, что на корабле не было ни одного самца!

— И у всех малышей были крошечные пятна зеленого меха вместо глаз?

— Совершенно верно. Сэйбрук доложил о происшествии, и мы подтвердили его данные. После крыс воздействию подверглась кошка, которую протаскил на корабль какой-то ребенок. Когда она окотилась, у котят вместо закрытых глазок были маленькие пятна зеленого меха. Кота на борту не было.

Тогда Сэйбрук проверил женщин. Он не стал объяснять им причину, поскольку боялся паники. Оказалось, что все до единой находятся на ранней стадии беременности, не говоря о тех, кто успел забеременеть раньше. Разумеется, Сэйбрук не стал ждать рождения детей, и так понятно, что вместо глаз у них будут блестящие пятна зеленого меха.

Он препарировал даже бактериальные культуры (Сэйбрук был щепетильным человеком) и выяснил, что на каждой бактерии имелись микроскопические зеленые пятна.

— На брифинге нам такого не говорили, — взволнованно произнес Дрейк, — во всяком случае на том, куда меня приглашали. Но если верно, что жизнь на планете Сэйбрука организована в единое целое, как это могло получиться?

— Как? Точно так же, как клетки вашего тела образуют единый организм. Возьмите отдельную клетку, даже клетку мозга. Что она представляет сама по себе? Ничего. Крошечный комок протоплазмы, в котором человеческого не больше, чем в амебе. А может, и меньше, поскольку клетка отдельно существовать не может. Но сложите эти клетки вместе, и вы получите существо, способное изобрести космический корабль и написать симфонию.

— Я понял, — пробормотал Дрейк.

— Вся жизнь на планете Сэйбрука, — продолжал Вайс, — это единый организм. В некотором смысле земная жизнь тоже единый организм, но у нас зависимость основана на соперничестве и конкуренции. Бактерии поглощают азот, растения — углекислый газ, животные едят растения и друг друга, и все заканчивается бактериальным распадом. Совершается полный кругооборот. Каждый ухватывает сколько сможет, а его, в свою очередь, ухватывает кто-то другой.

На планете Сэйбрука любой организм занимает свое место, наподобие клеток в нашем теле. Бактерии и растения производят пищу, избытком которой питаются животные, возвращающие взамен углекислый газ и азот. Все воспроизводится в строго необходимом количестве. Схема жизни разумно под-

гнана под местные условия. Ни одна из жизненных форм не размножается больше или меньше положенного предела, точно так же прекращают размножаться клетки нашего тела, когда их количество становится оптимальным для выполнения нужной функции. Неконтролируемое размножение мы называем раком. Этим, по сути дела, и является вся земная жизнь по сравнению с жизнью на планете Сэйбрука. Одним большим раком. Каждый вид, каждая отдельная особь пытается выжить за счет других видов и особей.

— Похоже, вы на стороне планеты Сэйбрука, док.

— В некотором смысле — да. Они живут разумнее. Я могу представить, каким представляется им наше существование. Вообразите, что одна из клеток вашего организма сумела оценить возможности всего человеческого тела по сравнению с ней самой. Потом ей стало известно о существовании клеток, живущих отдельно от других, просто живущих и ничего более. Она может испытать непреодолимое желание затянуть неприкаянных собратьев в единую систему. Она может испытать к ним жалость, может зажечься миссионерским духом. Существа с планеты Сэйбрука — или одно существо, можно сказать и так — вероятно, почувствовали нечто подобное.

— И пошли лепить непорочные зачатия, а, док? Здесь придется писать поосторожнее. Иначе цензура не пропустит.

— В этом нет ничего скабрезного, Дрейк. Оплодотворять без участия самцов яйцеклетки морских ежей, пчел и лягушек люди научились несколько сотен лет назад. Иногда оказывается достаточно один раз прикоснуться к яйцеклетке иглой или просто погрузить ее в соляной раствор нужной пропорции. Живущие на планете Сэйбрука могут совершать оплодотворение при помощи контролируемого потока энергии. Почему и возникла необходимость в энергетических барьерах, представляющих собой элементарные статистические помехи.

Выяснилось, однако, что они могут не только стимулировать деление и развитие неоплодотворенного яйца, но и наделить его на уровне протоплазмы ядра своими характеристиками. Таким образом, потомство появляется на свет с маленькими пятнами зеленого меха, служащего на этой планете органом чувств и средством общения. Другими словами, рождаются уже не отдельные особи, но части живого организма планеты Сэйбрука. Этот организм способен оплодотворять любые виды — растения, животных и даже микробов.

— Мощная штука, — пробормотал Дрейк.

— Чрезвычайно, — резко произнес Вайс. — Сверхмощная, универсальная система. И каждая ее часть столь же универсальна и всепроникающа. Единственная бактерия с планеты

Сэйбрука может со временем превратить в целостный организм всю Землю! И мы имеем тому экспериментальные доказательства.

— А знаете, док, — неожиданно произнес Дрейк, — я, похоже, стану миллионером. Вы умеете хранить тайну?

Вайс озадаченно кивнул.

— Я захватил сувенир с планеты Сэйбрука, — с улыбкой сообщил Дрейк. — Это всего-навсего камень, но после скандальной известности, которую получит эта планета, и карантина, который наверняка введут, этот камень окажется единственным сувениром! Сколько, по-вашему, я могу за него выручить?

— Камень? — опешил Вайс и вырвал из рук репортера небольшой овальный булыжник. — Вы не имели права этого делать, Дрейк! Вы грубейшим образом нарушили инструкцию!

— Я знаю. Поэтому и спросил у вас, умеете ли вы хранить тайны. Вот если бы получить на него официальное свидетельство о подлинности... В чем дело, док?

Вместо ответа Вайс пробормотал что-то нечленораздельное и вытянул в сторону камня трясущуюся руку. «Камень» ничуть не изменился.

Разве что когда свет падал под определенным углом, на нем появлялись два зеленых пятна. И если присмотреться, можно было разглядеть, что состоят эти пятна из крошечных зеленых шерстинок.

Он был встревожен. На корабле отчетливо ощущалась опасность. Фрагменты заподозрили его присутствие. Как такое могло случиться? Он ведь еще ничего не сделал. Может, еще кто-то из своих попал на борт и оказался менее осторожен? Но он бы обязательно об этом знал. Несмотря на тщательную проверку всего корабля, ему ничего не удалось обнаружить.

Подозрения помаленьку утихли, но полностью не пропали. Один из четко мыслящих приближался к разгадке.

Сколько осталось до приземления? Неужели мир живых фрагментов окажется лишен целостности?

Он еще крепче вцепился в обрезанные концы провода, боясь, что не сумеет довести до конца миссию спасения.

Доктор Вайс заперся в своей каюте. Корабль уже вошел в Солнечную систему. Через три часа должно состояться приземление. Надо думать. На решение оставалось три часа.

Дьявольский «камень» Дрейка являлся, разумеется, частью организованной жизни планеты Сэйбрука, но он был мертв. «Камень» был мертв, когда он впервые его увидел, и, уж конечно, погиб окончательно, когда его забросили в гиператомный двигатель. Да и бактерии при проверке оказались нормальными.

Вайса тревожило другое.

Дрейк поднял «камень» в последние часы пребывания на планете Сэйбрука, вскоре после поломки барьера. Что, если поломка явилась следствием медленного и ненавязчивого давления на сознание людей со стороны живущего на планете существа? Что, если составляющие его организмы дожидались поломки барьера? «Камень» попал в зону после восстановления барьера и был тут же убит. Поэтому он и лежал, дожидаясь, пока Дрейк его не увидит и не поднимет с земли.

«Камень», а не естественная форма жизни. Но не могло ли так случиться, что это была особая форма жизни? Существо, специально созданное организмом планеты похожим на камень, безобидное с виду, не вызывающее подозрений. Замаскированное настолько четко и грамотно, что становилось страшно.

Сколько еще замаскированных созданий пересекли барьер, прежде чем его удалось восстановить, и пробрались на корабль под видом различных предметов, выхваченных из сознания людей читающим мысли организмом планеты? Не пора ли искать их среди вазочек для карандашей? Или декоративных медных гвоздей в сработанном под старину кресле капитана? И как их вообще разглядеть? Неужели придется осматривать весь корабль в поисках предательских зеленых пятен? Весь, вплоть до населяющих его микробов?

И почему они решили замаскироваться? Хотят остаться незамеченными? Как долго? Зачем? А может, они намеревались высадиться на Землю?

Тогда взрывать корабль поздно. Первыми будут инфицированы земные бактерии, мхи, лишай, простейшие. Спустя год миллионами начнут рождаться новые жители Земли.

Вайс прикрыл глаза, повторяя, что такого просто не может быть. Болезней тоже, кстати, больше бы не было, поскольку ни одна бактерия не стала бы размножаться в ущерб своему хозяину. Вместо этого микроорганизмы стали бы довольствоваться тем, что есть в их распоряжении. С перенаселением было бы покончено; человеческие орды сократились бы до количества разумного, с точки зрения запасов продовольствия. Исчезли бы войны, преступления, жадность.

Вместе с тем исчезло бы и понятие индивидуальности

Человечество обрело бы покой и безопасность, став крошечным винтиком в огромном биологическом механизме. Сам же человек стал бы братом микробу и одноклеточному организму.

Вайс вскочил. Он обязан переговорить с капитаном Лорингом. Они отправят отчет о проделанной экспедиции и взорвут корабль, как сделал это Сэйбрук.

Он снова опустился в кресло. У Сэйбрука были доказательства, в то время как у него нет ничего, кроме глупых предположений, порожденных перепутанным сознанием, и камня с двумя зелеными крапинками. Уничтожить корабль и убить двести человек из-за неподтвержденного подозрения?

Надо думать!

Он весь дрожал. Почему он должен ждать? Ему так хотелось поприветствовать всех, кто находился на борту корабля. Сейчас!

Между тем более холодная и рассудительная его часть говорила, что время еще не пришло. Те, которые плодятся в темноте, выдадут его присутствие через пятнадцать минут, а четко мыслящие постоянно их контролируют. Даже когда до поверхности их планеты останется одна миля, будет все равно рано, ибо они успеют уничтожить и себя и корабль.

Надо дожидаться, когда откроются воздушные шлюзы и миллионы крошечных плодящихся ворвутся внутрь корабля. Лучше поприветствовать каждого из них в отдельности и поздравить со вступлением в братство организованной жизни. А потом этот рой полетит дальше, распространяя послание...

Вот тогда — все! Еще один организованный, полный мир.

Он ждал. Слышалось глухое гудение могучих двигателей, замедляющих спуск космического корабля, затем шорох и треск, последовавшие в момент соприкосновения с поверхностью планеты. Затем...

Он настроился на радость четко мыслящих, и их торжество слилось с его собственным. Скоро они смогут воспринимать мир так же полно, как и он. Может, не именно эти фрагменты, но другие, которые вырастут из пригодных для продолжения жизни особей.

Скоро откроются главные шлюзы...

Мысли оборвались.

Черт бы все побрал, опять что-то не так, подумал Джерри Торн.

— Простите, — проворчал он, обращаясь к капитану Лорингу. — Кажется, произошел обрыв в сети. Шлюзы не открываются.

— Вы уверены, Торн? Лампочки горят.

— Да, сэр. Мы пытаемся выяснить, в чем дело.

Торн вышел и присоединился к Роджеру Олдену, вскрывшему кожух с идущей к шлюзу проводкой.

— Ну что там?

— Подожди, дай разобраться. — Роджер возился с проводами. Затем он пробормотал: — Хочешь верь, хочешь нет, но в двадцатиамперном проводе не хватает шести дюймов.

— Чего?!

Олден поднял вверх аккуратно перерезанные концы провода.

К ним подошел доктор Вайс. Выглядел он изможденным, а изо рта сильно пахло бренди.

— В чем дело? — нетвердым голосом поинтересовался он.

Ему объяснили причину поломки. В самом углу кожуха нашелся вырезанный конец.

Вайс наклонился. На полу валялся черный кусочек. Он прикоснулся к нему пальцем. Кусок оказался грязным, на подушке пальца осталось пятно, как от сажи. Доктор рассеянно потер его о ладонь. Очевидно, вместо недостающего куска провода находилось что-то другое. Оно только внешне походило на провод, а на самом деле было живым, и когда по цепи пошел ток, вспыхнуло, сторело и обуглилось.

— Как бактерии? — хрипло спросил Вайс.

Кто-то из команды проверил и доложил:

— Все в порядке, док.

Между тем провод заменили, шлюзы открылись, и вскоре доктор Вайс оказался в полном анархии мире Земли.

— Анархия, — произнес он и диковато рассмеялся. — И так будет всегда.

ХОЗЯЙКА

В конце 1950 года мы с женой пришли к печальному и неприятному заключению, что детей у нас не будет. Врачи никаких отклонений не находили, а детей все не было и не было.

Супруга моя помаленьку смирилась с бездетностью и готовилась посвятить себя моей писательской карьере. Работая в команде, казалось нам, мы добьемся больших результатов. Предполагалось, что я буду диктовать свои рассказы, а она станет их печатать.

Затея вызывала определенные сомнения. Теоретически все звучало великолепно, на деле же мне никогда не приходилось диктовать. Я привык печатать свои рассказы и видеть, как предложения выползают на бумагу слово за словом. Поэтому я не стал сгоряча покупать диктофон, а уговорил продавца отдать его мне на тридцать дней на пробу.

В течение следующего месяца я наговорил на машинку три рассказа, в том числе и «Хозяйку». Кошмарный опыт кое-чему меня научил. Один раз, например, когда жена заявила, что ничего не может разобрать, я понял, что играю в повествовании большую роль, чем предполагал.

Я прослушал отрывок, вызвавший у нее сомнения. Тот самый, где два героя ссорятся между собой, проявляя при этом все большую и большую злобность. Оказалось, что по мере того как персонажи распаляются, завожусь и я. К тому моменту когда ссора достигла пика, я издавал нечленораздельные вопли ярости. Пришлось наговаривать отрывок еще раз. Ничего подобного не происходило, когда я печатал!..

Hostess

© 1951 by Isaac Asimov

Хозяйка

© М. Гуттов, перевод, 1997

Тем не менее затея удалась. Рассказы выглядели так, словно я с самого начала печатал их сам. (Таково, во всяком случае, мое мнение. Прочтите «Хозяйку» и судите сами.)

Естественно, я был доволен. Отправившись к продавцу, я объявил ему, что покупаю диктофон, и тут же выписал чек на всю сумму.

Спустя неделю, как выяснилось из последующих подсчетов, нам удалось зачать ребенка. Когда сие событие стало бесспорным, между нами произошел разговор, мое участие в коем ограничивалось главным образом периодическими восклицаниями типа «Не может быть!»

Так или иначе, диктофоном мы больше не пользовались, хотя он до сих пор с нами. Спустя четыре месяца после опубликования «Хозяйки» на свет появился мой сын Дэвид.

Роуз Смоллет была счастлива, она просто торжествовала. Стянув перчатки и отбросив в сторону шляпку, она сияющими глазами смотрела на мужа.

— Дрейк, он придет к нам домой!

Дрейк взглянул на супругу с раздражением:

— Ты пропустила ужин. Я ждал тебя к семи.

— Ой, ну какая разница! Я перекусила по дороге. Дрейк, он придет к нам домой!

— Кто еще к нам придет?

— Доктор с планеты Гаукина! Ты что, не понял, о чем шла речь на конференции? Мы целый день только об этом и говорим. Я даже мечтать не могла о подобном!

Дрейк Смоллет выгасил трубку изо рта. Вначале он долго смотрел на трубку, потом перевел взгляд на супругу:

— Давай по порядку. Когда ты говоришь о докторе с планеты Гаукина, ты имеешь в виду гаукинянина из вашего института?

— Ну конечно! Кого же еще?

— Тогда позволь поинтересоваться, что значит: «он придет к нам домой»?

— Дрейк, ты разве не понял?

— Что я должен понимать? Этим существом занимается твой институт. Мне он тысячу лет не нужен. При чем тут мы?

— Послушай, дорогой, — терпеливо произнесла Роуз, — гаукинянин хочет пожить в частном доме, где его не будут донимать официальными церемониями и где он сможет делать все так, как он привык и как ему нравится. Мне, например, это вполне понятно.

— Да, но почему он выбрал именно наш дом?

— Потому что наш дом идеально подходит для этой цели. Меня спросили, не стану ли я возражать, и я, — тут голос Роуз обрел неожиданную твердость, — сочла за честь...

— Послушай! — Дрейк взъерошил каштановые волосы. — У нас с тобой чудесное местечко, никто не спорит! Самый элегантный домик на всем земном шаре — но он хорош для нас двоих. Во всяком случае я не вижу, где мы с тобой найдем место для внеземного существа.

Роуз начала волноваться. Она сняла очки и уложила их в футляр.

— Доктор может остановиться в свободной комнате. Он в состоянии сам за собой ухаживать. Я с ним говорила, и он произвел на меня прекрасное впечатление. По сути дела, от нас не требуется ничего, кроме элементарной приспособляемости.

— Всего-то! — хлопнул себя по ляжкам Дрейк. — Да эти гаукиняне дышат цианидом!.. Интересно, как мы к этому приспособимся?

— Он носит цианид в маленьком цилиндрике. Ты его даже не заметишь.

— Чего еще я не замечу?

— Больше ничего. Они совершенно безобидны. Господи, они даже вегетарианцы.

— То есть? Мы должны скармливать ему за обедом стог сена?

Нижняя губка Роуз задрожала.

— Дрейк, ты умышленно выводил меня из себя! На Земле полно вегетарианцев, и никто из них не ест сено.

— Ну а мы как будем питаться? Он ведь посчитает нас каннибалами, если мы станем есть мясо. Я не собираюсь ради него переходить на салаты, предупреждаю!

— Ты просто смешон!

Роуз почувствовала себя беспомощной. Она сравнительно поздно вышла замуж. Карьера к тому времени была почти сделана, ей ничего не хотелось менять. Она занималась биологией на отделении естественных наук в институте Дженикса и имела на своем счету свыше двадцати публикаций. Другими словами, линия жизни была намечена, тропа проложена, она готовила себя к научной деятельности и вечному девичеству. Даже сейчас, в тридцать пять лет, спустя год после замужества, она по-прежнему удивлялась своему состоянию.

Временами Роуз впадала в растерянность, ибо не имела ни малейшего понятия, как надо обходиться с мужем. Что вообще надо делать, если супруг начинает упрямиться, как осел? Об этом не упоминалось ни в одном из ее курсов. Женщина с

независимым умом и блестящей карьерой, она не могла заставить себя прибегнуть к лести.

Поэтому Роуз смерила мужа пристальным взглядом и отчетливо произнесла:

— Это очень многое для меня значит.

— Почему?

— Потому, Дрейк, что, если он проведет здесь хоть немного времени, я смогу по-настоящему его изучить. Биология и психология конкретных гаукинян, как, впрочем, и других представителей внеземного разума, почти не изучались. Мы приблизительно знакомы с их историей и социологией — но и все. Не понимаю, как ты можешь не видеть значимости этого события. Он поживет с нами, мы будем за ним присматривать, разговаривать с ним, изучать его повадки...

— Меня не интересуют его повадки.

— О, Дрейк, я перестаяю тебя понимать.

— Другими словами, я не такой, как всегда?

— Да.

Некоторое время Дрейк молчал. Его высокие скулы и крупный подбородок застыли в глубоком раздумье.

Наконец он произнес:

— Послушай, мне приходилось слышать о гаукинянах по роду моей деятельности. Ты говоришь, что велось исследование в области их социологии, но не биологии. Естественно. Причина в том, что гаукиняне не любят, когда их изучают как вид; впрочем, не любим такого и мы. Мне приходилось беседовать с людьми, обеспечивающими безопасность различных гаукинянских миссий на Земле. Как правило, инопланетяне находят в отведенных им помещениях и покидают их только в случае крайней необходимости. Им нечего делать в обществе землян. Несомненно, мы вызываем у них такое же отвращение, какое они вызывают лично у меня.

И я не понимаю, чем твой гаукинянин отличается от всех остальных. Их вообще запрещено приглашать в гости, а уж допустить, чтобы он жил в доме землянина... Вообще ни в какие ворота не лезет!

— Все не так, — устало произнесла Роуз. — Я удивлена, что ты до сих пор не понял, Дрейк. Он — доктор. Он прилетел к нам, чтобы провести необходимые медицинские исследования. Да, пребывание рядом с людьми для него мучительно. Но он должен завершить свою работу! По-моему, нашим докторам доставляет удовольствие ездить в тропики и подставлять себя под укусы комаров?

— При чем здесь комары? — резко спросил Дрейк. — Комары-то здесь при чем?

— Ни при чем, — опешила Роуз. — Просто я о них подумала, вот и все. Вспомнила Рида и его эпопею с желтой лихорадкой

— Поступай как знаешь, — пожал плечами Дрейк.

Поколебавшись, Роуз пролепетала:

— Ты же на меня не сердишься, правда? — Ей показалось, что эту фразу произнесла маленькая девочка.

— Нет.

Но она поняла, что на самом деле муж очень сердит

Роуз с сомнением оглядела себя в высокое зеркало. Она никогда не отличалась особой красотой и давно с этим смирилась, тем более что внешность не играла в ее жизни никакой роли. Менее всего внешность могла повлиять на общение с обитателем планеты Гаукина. Роуз мучило другое. Как справиться с ролью хозяйки, тактичной по отношению к внеземному существу и собственному мужу одновременно? Интересно, что в результате окажется более сложным?

Дрейк предупредил, что задержится на работе. До его прихода оставалось более получаса. Роуз склонялась к мысли, что он нарочно все подстроил, дабы оставить жену наедине с проблемой. Ее охватило легкое раздражение.

Еще до полудня он позвонил ей в институт и сухо осведомился:

— Когда ты его привезешь?

— Часа через три, — так же коротко ответила она.

— Хорошо. Как его зовут? Его гаукинянское имя?

— Зачем это тебе? — Роуз не удалось скрыть холодные нотки в голосе.

— Будем считать, что я провожу свое собственное исследование. В конце концов, он собирается заявиться в мой дом

— Ради всего святого, Дрейк! Не переноси свои служебные проблемы домой!

— Почему же? — тонким и гаденьким голоском поинтересовался муж. — Разве ты не делаешь то же самое?

Все обстояло именно так, и Роуз покорно предоставила ему требуемую информацию.

Впервые в жизни между ними возникло подобие ссоры.

Усевшись перед высоким, размером с человеческий рост, зеркалом, Роуз задумалась. Не стоит, наверное, даже пытаться увидеть проблему с его точки зрения. Дело было в том, что она вышла замуж за полицейского. Конечно, Дрейк был не простым полицейским, он был членом Всемирной Комиссии по безопасности.

Узнав об их союзе, друзья Роуз просто опешили. Сам по себе брак явился огромным сюрпризом. Но если уж она решила выйти замуж, рассуждали друзья, то почему не за другого биолога, не за химика, наконец? Как ей вообще пришло в голову связать свою жизнь с полицейским? Никто, конечно, не высказывал своих соображений вслух, однако...

Поначалу она решительно отметала подобные сомнения. Человек волен заключать брак по своему выбору и усмотрению, и нет ничего предосудительного в том, что женщина, доктор философии, выбирает в супруги человека, не преодолевшего даже начальных рубежей высшего образования. Кому какое дело? Он был красив, по-своему умен и вполне устраивал Роуз.

И тем не менее полностью отделаться от снобистских мыслей не удавалось. Она свято верила, что ее работа и биологические исследования гораздо важнее деятельности мужа, строго ограниченной пределами его крошечного кабинета в здании ООН на Ист-Ривер.

Разводновавшись, Роуз подскочила со стула, глубоко вздохнула и решила больше об этом не думать. Она отчаянно пыталась избежать ссоры. Роуз мечтала, чтобы гаукинянин пожил у них в гостях, но в остальном ей бы не хотелось ни в чем стеснять Дрейка. Он и так пошел на серьезные уступки.

Харг Толан спокойно стоял посреди гостиной, когда она спустилась по лестнице. Он не сидел, поскольку не мог сидеть в силу своего анатомического строения, а стоял на двух парах конечностей, расположенных довольно близко друг от друга. Третья пара имела существенные отличия и свисала с той части тела, которая у человека называлась бы грудной клеткой. Кожа его была твердой, блестящей и бугристой, а в лице присутствовало что-то чужое, бычье. При этом он не был откровенно отвратителен и даже прикрыл одеждой нижнюю часть тела, дабы не смущать пригласивших его людей.

— Миссис Смоллет, — произнес доктор, — я ценю ваше гостеприимство гораздо выше, чем могу выразить средствами вашего языка. — При этом гаукинянин поклонился, и передние конечности на мгновение коснулись пола.

Роуз знала, что этот жест на планете Гаукина означает благодарность. Больше всего ее радовало, что он неплохо изъясняется по-английски. Строение рта и отсутствие резцов придавали присвист всем шипящим звукам.

— Мой муж придет с минуты на минуту, — сказала она. — Тогда мы сядем есть.

— Ваш муж? — В течение некоторого времени гость молчал, потом добавил: — Да, конечно.

Роуз пропустила его замечание мимо ушей. Среди пяти населяющих обозримую галактику мыслящих рас существовал постоянный источник взаимного непонимания. Он касался половой жизни и сопутствующих ей социальных институтов. Так, например, понятие жены и мужа существовало только на Земле. Прочие расы могли осознать его только на интеллектуальном уровне, на эмоциональном это не удавалось никому.

— Я посоветовалась насчет меню с сотрудниками нашего института, — сказала она. — Надеюсь, вы не будете сильно разочарованы.

Гаукинянин стремительно заморгал. Роуз вспомнила, что это означало крайнее изумление.

— Белки, конечно, вещь полезная, дорогая миссис Смоллет, — ответил он, — но все, чего мне не хватает в вашей пище, я прихватил с собой в форме концентратов.

Белки действительно были полезны, и Роуз ни секунды не сомневалась в истинности этого утверждения. За диету гостя она переживала чисто формально. Открытие жизни на других планетах позволило вывести интересную закономерность. Несмотря на то что в основе жизни могли лежать не белковые и даже не углеродные соединения, все цивилизации имели исключительно белковое происхождение. Это означало, что каждая из пяти форм разумной жизни могла продержаться достаточно долго на пище других четырех.

Роуз услышала, как Дрейк вставил ключ в замочную скважину, и невольно напряглась.

Надо признать, вел он себя правильно. Решительно войдя в комнату, Дрейк без колебаний вытянул руку в сторону гаукинянина и громко произнес:

— Добрый вечер, доктор Толан.

Гаукинянин вложил в его ладонь огромную и неуклюжую с виду переднюю конечность, и они вроде бы как пожали друг другу руки. Роуз уже прошла через подобную процедуру и знала жутковатое ощущение, которое испытывает человек, дотрагиваясь до руки гаукинянина. Кажется, прикасаешься к чему-то шершавому, сухому и горячему. Соответственно, сообщила она, гаукинянину их руки должны казаться холодными и скользкими.

Пока совершался ритуал приветствия, Роуз воспользовалась случаем и внимательно рассмотрела конечность пришельца, являвшую собой великолепный пример конвергенционной эволюции. Морфологическое развитие пошло по совершенно

иному, по сравнению с человеческой кистью, пути, и тем не менее определенное сходство было налицо.

Палец состоял из пяти независимых шарнирных суставов. Таким образом, отсутствие большого пальца компенсировалось способностью имеющихся пальцев изгибаться наподобие щупалец. Наиболее же интересным ей как биологу показалось то, что каждый палец заканчивался крошечным рудиментарным копытцем, неразличимым для глаза любителя. Совершенно ясно, что некогда эти копытца использовались для бега, как руки людей были изначально приспособлены для лазания по деревьям.

Дрейк достаточно дружелюбно поинтересовался:

— Не испытываете ли вы каких-либо неудобств, сэр?

— Что вы, — откликнулся гаукинянин. — Ваша супруга чрезвычайно предусмотрительна.

— Не желаете ли выпить?

Гаукинянин не ответил, но взглянул на Роуз, слегка наморщив лцевые мышцы, что выражало определенную эмоцию, содержание которой было ей, к сожалению, незнакомо.

Она нервно произнесла:

— На Земле существует обычай пить жидкости, содержащие этиловый спирт. Они оказывают на нас стимулирующее воздействие.

— О, понятно. Боюсь, что мне придется отказаться. Этиловый спирт весьма отрицательно повлияет на мой метаболизм.

— На землян он действует точно так же, — кивнул Дрейк. — Не возражаете, если я выпью?

— Разумеется, нет.

Проходя к серванту, Дрейк оказался очень близко от Роуз, и она уловила только одно слово.

— Боже! — произнес он сдавленным шепотом, умудрившись, однако, поставить в конце семнадцать восклицательных знаков.

Гаукинянин за столом стоял. Управляясь с приборами, пальцы его совершали чудеса ловкости. Роуз старалась не смотреть, как он ест. Каждый раз, когда гаукинянин закладывал в широкий беззубый рот пищу, ей казалось, что лицо его треснет. При жевании огромные челюсти двигались из стороны в сторону. Это лишний раз доказывало, что их гость произошел от копытных животных. Она поймала себя на том, что пыталась представить, как, оставшись наедине, гаукинянин начнет пережевывать собственную отрыжку. Потом она с ужасом

подумала, что произойдет, если подобная мысль придет в голову ее мужу. Дрейк, тем не менее, воспринимал происходящее довольно спокойно.

Он даже поинтересовался:

— Полагаю, доктор Толан, цилиндр на вашем боку содержит цианистый калий?

Роуз вздрогнула. Цилиндр вообще ускользнул от ее внимания. Плоский, полукруглый металлический предмет, похожий на флягу для воды, помещался на боку гаукинянина и был наполовину скрыт складками одежды. Недаром Дрейк служил в полиции.

— Совершенно верно, — ответил гость, ничуть не смутившись. Пальцы с копытцами продемонстрировали уходящий в угол широкого рта тонкий гибкий шланг, выкрашенный под желтоватую кожу. Роуз почувствовала неловкость, как будто ей показали интимную часть туалета.

— Там в самом деле чистый цианистый калий? — спросил Дрейк.

Гаукинянин смешно заморгал.

— Надеюсь, вы не усматриваете в этом угрозу жителям Земли. Я знаю, что этот газ для вас опасен, но мне достаточно очень малого количества. В цилиндре пять процентов водородного цианида, остальное — кислород. Время от времени мне необходимо пососать трубку, утечка при этом совершенно исключена.

— Понятно. Вы в самом деле без него не можете?

Роуз похолодела. Подобные вопросы не задаются без тщательной предварительной подготовки. Нельзя предугадать, где находятся болевые точки чуждой психологии. Похоже, Дрейк сознательно шел на конфликт. Он мог с тем же успехом получить ответ и от нее. Или решил к ней не обращаться?

Гаукинянин сохранял видимое спокойствие.

— Вы, кажется, не биолог, мистер Смоллет?

— Нет, доктор Толан.

— Но у вас тесные связи с миссис доктором Смоллет?

Дрейк подавил улыбку.

— Да, я состою в браке с миссис доктором, но это не делает из меня биолога. Я мелкий государственный служащий. Друзья моей жены, — добавил он, — называют меня полицейским.

Роуз прикусила с внутренней стороны щеку. В данном случае гаукинянин затронул болезненную струнку чуждой ему психологии. На планете Гаукина существовала строгая кастовая иерархия, межкастовые взаимоотношения были сильно ограничены. Дрейк об этом ничего не знал.

Гаукинянин повернулся к Роуз:

— С вашего разрешения, доктор Смоллет, я немного расскажу вашему мужу о нашей биохимии. Вам это покажется неинтересным, поскольку, я уверен, вы прекрасно в ней разбираетесь.

— Несомненно, доктор Толан, — пробормотала она.

— Видите ли, мистер Смоллет, — заговорил он, — дыхательный процесс вашего организма, равно как и прочих дышащих воздухом существ на Земле, зависит от определенных металло-содержащих ферментов. Это, как правило, железо, хотя иногда встречается и медь. Так или иначе, мельчайшие добавки цианида вступают в реакцию с данными металлами и парализуют дыхательную функцию земного организма. Прекращается поступление кислорода, а спустя несколько минут наступает смерть.

На моей планете жизнь устроена по-иному. Ключевые ферменты не содержат ни железа, ни меди. По сути дела, в них вообще нет металлов. Поэтому моя кровь бесцветна. Зато в нашей крови содержатся органические присадки, которые могут существовать лишь при определенной концентрации цианистого калия. Несомненно, подобный тип белка возник в результате миллионов лет эволюции в мире, атмосфера которого содержит в естественном состоянии несколько десятых процента водородного цианида. Его наличие в нашем воздухе поддерживается за счет биологического цикла. Различные микроорганизмы выделяют цианид в виде свободного газа.

— В вашем изложении мне все понятно и интересно, доктор Толан, — сказал Дрейк. — А что произойдет, если вы не будете им дышать? Вот так просто погибнете? — Он громко щелкнул пальцами.

— Не совсем. Это нельзя сравнивать с попаданием цианида в вашу атмосферу. В моем случае его отсутствие будет скорее напоминать медленное удушение. У нас такое иногда случается в плохо проветриваемых помещениях. Бывает, что цианид поглощается и его концентрация падает ниже необходимого уровня. Последствия подобного несчастья весьма болезненны и трудно поддаются лечению.

Роуз отметила, что Дрейк выслушал ответ с искренним интересом. Пришелец, слава Богу, очень спокойно воспринял расспросы.

Остаток обеда прошел спокойно и был почти приятен.

Весь вечер Дрейк именно таким и оставался: заинтересованным; более того, поглощенным происходящим. Он полностью завладел беседой, не давая Роуз и рта открыть. Он и в

самом деле затмевал супругу, которую выручала лишь профессиональная подготовка.

Роуз смерила его мрачным взглядом и подумала: «Зачем вообще он на мне женился?»

Дрейк сидел, закинув ногу на ногу, легонько барабанил пальцами по подбородку и с любопытством разглядывал гаукинянина. Пришелец стоял, широко расставив четыре ноги.

— Мне довольно сложно думать о вас, как о докторе, — произнес Дрейк.

— Прекрасно понимаю, — весело заморгал гаукинянин. — Мне тоже трудно думать о вас, как о полицейском. В моем мире полицейские очень своеобразные и выдающиеся люди.

— Вот как? — сухо откликнулся Дрейк и переменил тему: — Как я понял, вы здесь не на отдыхе?

— Нет, я весьма загружен делами. Собираюсь исследовать эту странную планету, которую вы называете Земля. У нас ею никто по-настоящему не занимался.

— Странную? — переспросил Дрейк. — В чем же странность?

Гаукинянин взглянул на Роуз:

— Он знает об Ингибиционной Смерти?

— У моего мужа очень важная работа, — смутилась она, — боюсь, у него нет времени выслушивать подробности моих исследований.

Роуз понимала, что ведет себя неадекватно, и вновь почувствовала неясную эмоцию гаукинянина.

Пришелец повернулся к Дрейку:

— Меня всегда поражало, как мало вы, земляне, знаете о собственных необычных свойствах. Вот смотрите. Галактику населяют пять разумных рас. Все они развивались независимо и тем не менее сумели прийти к общему пониманию. Похоже, что для окончательного расцвета разума требуется приложить немного косметики. Оставляя этот вопрос философам. Думаю, мне не стоит вам растолковывать такие моменты, поскольку вы прекрасно разбираетесь в этом сами.

Так вот, когда различия между мыслящими расами были тщательно изучены, оказалось, что именно вы, земляне, наиболее уникальны. Так, например, только на Земле жизнь зависит от влияющих на процесс дыхания металлических ферментов. И только для вас водородный цианид является ядом. Только вы произошли не от жвачных животных. И, самое, пожалуй, интересное: вы — единственная форма разумной жизни, которая прекращает расти с достижением зрелости.

Дрейк улыбнулся. Роуз почувствовала, как забилося ее сердце. Самым красивым в Дрейке была его улыбка, и он так умело ею пользовался. Это была не фальшивая и не натянутая улыбка. Муж привыкал к присутствию существа из другого мира. Он старался ему понравиться, он делал это для нее. Мысль так пришла ей по сердцу, что Роуз несколько раз повторила ее про себя. Он старается ради нее, он любезничает с гаукинянином!

Продолжая улыбаться, Дрейк произнес:

— Вы не выглядите слишком крупным, доктор Толан. По моему, вы выше меня на один дюйм, другими словами, в вас шесть футов и два дюйма. Означает ли это, что вы еще молоды, или остальные обитатели вашего мира еще меньше?

— Ни то ни другое, — ответил гаукинянин. — С годами мы растем медленнее. В моем возрасте на один дюйм уходит около пятнадцати лет, но — и это важно — мы никогда не перестаем расти окончательно. Ну и, разумеется, мы никогда окончательно не умираем.

Дрейк вытаращил глаза, и даже Роуз непроизвольно выпрямилась и оцепенела. Это было что-то новое. Ни о чем подобном не докладывала ни одна из отправлявшихся на планету Гаукина экспедиций. Роуз едва не завизжала от волнения, но вовремя сдержалась и предоставила возможность говорить Дрейку.

— Никогда окончательно не умираете? — переспросил он. — Не хотите ли вы сказать, сэр, что обитатели планеты Гаукина бессмертны?

— Никто не может быть бессмертным в истинном смысле этого слова. Всегда есть несчастные случаи, а если с ними не везет, то можно помереть со скуки. Немногие из нас живут более нескольких ваших столетий. Между тем крайне неприятно думать, что смерть может наступить не по твоей воле. Нам это представляется ужасным. Одна мысль о том, что смерть способна прийти вопреки моему желанию, вызывает у меня дрожь.

— Мы к этому привыкли, — безрадостно проворчал Дрейк.

— Вы, земляне, живете с этой мыслью, мы — нет. Поэтому нас тревожит тот факт, что за последние годы частота Ингибиционной Смерти заметно возросла.

— Вы мне еще не объяснили, — заметил Дрейк, — что такое Ингибиционная Смерть. Но позвольте я выскажу свою догадку. Является ли Ингибиционная Смерть патологическим прекращением роста?

— Именно так.

— Как скоро наступает смерть после прекращения роста?

— В течение года. Это тяжелая, трагическая и абсолютно неизлечимая болезнь.

— Что является ее причиной?

Гаукинянин долго молчал, а когда заговорил, голос его звучал сдавленно и тревожно:

— Мистер Смоллет, нам ничего неизвестно о причинах этой болезни.

Дрейк задумчиво кивнул. Роуз следила за разговором, словно зритель на теннисном корте.

— Почему для изучения болезни вы прилетели на Землю? — спросил Дрейк.

— В силу уникальности землян. Они — единственная мыслящая раса, которая обладает иммунитетом. Ингибиционной Смерти подвержены все остальные цивилизации. Ваши биологи об этом знают, миссис Смоллет?

Он обратился к Роуз так неожиданно, что она вздрогнула.

— Нет, не знают.

— Не удивительно. Это стало известно благодаря последним открытиям. При Ингибиционной Смерти легко ошибиться в диагнозе, к тому же на других планетах она встречается гораздо реже. Это весьма странная вещь, тут можно пофилософствовать. Заметьте, заболеваемость Смертью самая высокая в моем мире, ближайшем к Земле. С удалением от вашей планеты заболеваемость понижается, реже всего Смерть встречается на планетах Темпоры, при этом сама Земля обладает иммунитетом. И секрет его следует искать в биохимии землян. Представляете, о каком важном открытии может идти речь?

— Послушайте, — остановил его Дрейк. — Наверное, утверждать, что земляне обладают иммунитетом, нельзя. С моей точки зрения, у нас этой болезнью поражены сто процентов населения. Все земляне перестают расти и все земляне умирают. Другими словами, мы все страдаем Ингибиционной Смертью.

— Вовсе нет. Земляне живут еще семьдесят лет после прекращения роста. Это не та Смерть, с которой приходится иметь дело нам. У вас скорее противоположная проблема — неконтролируемый рост клеток, который вы называете раком. Но я, кажется, вас утомил.

Роуз энергично запротестовала. Дрейк ее поддержал, однако гаукинянин решительно сменил тему разговора.

Именно тогда Роуз почувствовала первые уколы подозрительности, ибо Дрейк начал запутывать Харга Толана, раздражать его, дразнить, отчаянно пытаясь вернуть разговор в прежнее русло. Делал он это весьма профессионально и не навязчиво, но Роуз хорошо знала своего супруга и понимала,

к чему он клонит. Да и к чему он мог клонить, как не к тому, чего требовала его профессия.

Словно в ответ на ее мысли гаукинянин произнес фразу, которая тут же принялась крутиться в мозгу Роуз, как треснувшая пластинка.

Он спросил:

— Вы, кажется, полицейский?

— Да, — коротко ответил Дрейк.

— В таком случае я хочу обратиться к вам с просьбой. Я весь вечер собирался заговорить на эту тему, но не решался, поскольку не хотел обременять пригласивших меня в гости людей.

— Мы сделаем все, что в наших силах.

— Я очень интересуюсь жизнью землян. Полагаю, большинство моих соотечественников не разделяют подобного любопытства. Мне бы хотелось побывать в одном из полицейских участков вашей планеты.

— Я не работаю в полиции в том смысле, как вы себе это представляете, — осторожно ответил Дрейк. — Хотя у меня хорошие связи с Управлением полиции Нью-Йорка. Я легко могу все устроить. Завтра?

— Это было бы замечательно. Смогу ли я посетить Бюро пропавших без вести?

— Что?

Гаукинянин подобрал под себя все четыре ноги; казалось, он пытается сосредоточиться.

— Видите ли, это мое давнишнее хобби. Такой вот причудливый интерес. Полагаю, у вас есть группа офицеров, в чьи обязанности входит розыск пропавших мужчин?

— А также детей и женщин, — добавил Дрейк. — Но почему это вас так интересует?

— Опять-таки в силу вашей уникальности. На нашей планете не существует такого понятия, как пропавший без вести. Вряд ли я сумею объяснить вам весь механизм, но жители других миров чувствуют присутствие друг друга, особенно если между ними существует сильная эмоциональная привязанность. Мы всегда знаем точно, кто где находится, о какой бы части планеты ни шла речь.

Роуз снова заволновалась. Все научные экспедиции на планету Гаукина сталкивались с непреодолимыми трудностями, связанными с эмоциональными проблемами местных жителей, и вот перед ней существо, которое говорит об этом совершенно свободно, более того, хочет все объяснить!

Она позабыла о Дрейке и вмешалась в беседу:

— Вы и сейчас чувствуете присутствие своих соплеменников? На Земле?

— Вы имеете в виду на таком расстоянии? — уточнил гаукинянин. — Нет, боюсь, что нет. Но вы понимаете важность затронутой проблемы. Я хочу связать воедино все уникальные особенности Земли. Кто знает, может быть, если нам удастся выяснить, почему вы не ощущаете присутствие других людей, мы сумеем найти и секрет иммунитета к Ингибиционной Смерти. Кроме того, мне представляется чрезвычайно интересным, как вообще мог возникнуть разум среди существ, не способных ощущать друг друга. Как, например, может землянин знать, что он создал дружную, удачную ячейку общества, семью? Откуда, например, вы двое, знаете, существует ли между вами истинная связь?

Роуз произвольно кивнула. Как ей не хватало такого чувства!

Дрейк ограничился улыбкой.

— У нас есть свои способы. Нам так же трудно объяснить значение слова «любовь», как вам — передать суть ваших ощущений.

— Полагаю. И все же, мистер Смоллет, скажите откровенно, если миссис Смоллет выйдет из этой комнаты и зайдет в другую, а вы не будете этого видеть, вы действительно не сможете определить, где она находится?

— Не смогу.

— Поразительно!.. — пробормотал гаукинянин. После некоторого колебания он добавил: — Пожалуйста, не обижайтесь, но мне это крайне неприятно.

После того как свет в спальне был погашен, Роуз трижды подходила к двери, приоткрывала ее и выглядывала в щелку. Она чувствовала, что Дрейк на нее смотрит. Наконец с искренним недоумением в голосе он поинтересовался:

— В чем дело?

— Я хочу с тобой поговорить, — прошептала она.

— Боишься, что наш приятель подслушивает?

Роуз вернулась к кровати и положила голову на его подушку, чтобы шептать еще тише.

— Почему ты заговорил с доктором Толаном об Ингибиционной Смерти?

— Меня интересует твоя работа, Роуз. Ты всегда хотела, чтобы я проявлял к ней интерес.

— Мне не нравится твой сарказм, — яростно прошипела она. Прошептать это еще яростнее не удалось бы никому. —

Я знаю, что у тебя здесь свой интерес. Полицейские штучки. Да?

— Поговорим завтра, — ответил Дрейк.

— Нет, сейчас.

Он просунул руку под голову жены и приподнял ее. На какой-то сумасшедший момент ей показалось, что сейчас он ее поцелует, просто поцелует, повинувшись импульсу, как иногда поступают мужья... или как ей казалось, они поступают. Дрейк никогда так не делал. Не сделал он этого и на сей раз.

Он просто придвинул ее к себе и прошептал:

— Почему тебя это так взволновало?

Рука его больно давила на шею, Роуз напряглась и попыталась отстраниться.

— Прекрати, Дрейк. — Теперь она говорила уже не шепотом.

— Не задавай никаких вопросов и вообще не вмешивайся, — произнес он. — Ты делаешь свою работу, а я — свою.

— В моей работе все открыто. У меня нет никаких секретов.

— В моей все по-другому, как и следует из ее сути. Но кое-что я тебе скажу. Наш шестиногий друг находится в этом доме по вполне определенной причине. Тебя выбрали не случайно, и вовсе не как биолога, занимающегося данной проблемой. Известно ли тебе, что два дня назад он наводил обо мне справки в Комиссии?

— Ты шутишь?

— Не верь ему ни на секунду. Здесь такие глубины — тебе и не снилось. Но это уже мое дело, и распространяться я не собираюсь. Ты поняла?

— Нет, но, если ты настаиваешь, я не стану задавать вопросов.

— Тогда спи.

Она лежала на спине, боясь пошевелиться, в то время как минуты текли, слагаясь в четверти часа. Роуз пыталась собрать случившееся в цельную картинку; даже после слов Дрейка формы и цвета не совпадали. Интересно, что сказал бы муж, если бы узнал, что она записала весь разговор на пленку!

В этот момент она отчетливо вспомнила один эпизод, в то время воспринятый как шутка. В конце долгого вечера гаукинянин повернулся в ее сторону и мрачно произнес:

— Доброй ночи, миссис Смоллет. Вы самая очаровательная хозяйка.

Тогда она едва удержалась от смеха. Ну как он может называть ее очаровательной хозяйкой? Для него она могла быть только ужасом, уродом с недостающими конечностями и отвратительно узким лицом.

Но едва гаукинянин разродился этой совершенно бессмысленной фразой вежливости, Дрейк побледнел! В глазах его промелькнул неприкрытый ужас.

Никогда раньше Роуз не видела, чтобы ее муж проявлял страх или нечто подобное, и картина внезапной паники оставалась перед ее глазами до тех пор, пока она не впала в сонное забытие.

Только к полудню следующего дня Роуз добралась до своего кабинета. Она дождалась, пока Дрейк и гаукинянин уйдут по делам, ибо не хотела отцеплять при них крошечный магнитофон, который прикрепила накануне вечером к спинке кресла Дрейка. Она не собиралась делать запись тайком от мужа, просто он задержался на работе, а сказать про магнитофон при гаукинянине она, конечно, не могла. Позже, когда все уляжется...

Использование магнитофона не считалось чем-то особенным. Надо было записать выражения и интонацию гостя для дальнейшего изучения специалистами института. А спрячала Роуз его для того, чтобы никто лишний раз не волновался и все вели себя естественно. Теперь же она решила не относить магнитофон в институт вообще. Он послужит другой цели. Бесма неприглядной цели.

Она решила проследить за Дрейком.

Роуз прикоснулась пальцами к маленькой коробочке и непроизвольно подумала, как пройдет этот день у ее мужа. Социальные контакты между различными мирами еще не стали обыденностью, и появление на улицах города гаукинянина могло собрать толпы народа. Но Дрейк выдержит, в этом она не сомневалась. Дрейк все выдержит.

Роуз еще раз прослушала звуки прошедшего вечера, повторяя наиболее любопытные места. Слова Дрейка ее разочаровали. С чего бы это гаукинянин заинтересовался ими персонально? С другой стороны, врать ей Дрейк не станет. Хорошо бы перепроверить информацию через Комиссию по безопасности... Нет! Она почувствовала неловкость от одной лишь этой мысли; Дрейк никогда бы не стал ее обманывать.

А в общем-то... Ну почему бы Харгу Толану не навести о них справки? Он мог точно так же поинтересоваться данными остальных биологов института. Нет ничего необычного в стремлении подобрать себе дом, приятный по собственным меркам, какими бы те ни были.

А даже если он... даже если он наводил справки только о них... почему это вызвало такую перемену в Дрейке: от край-

ней враждебности до крайней заинтересованности? Несомненно, Дрейк многого не договаривал. Один Бог знает, как много.

Мысли Роуз медленно вращались вокруг возможности межзвездных интриг. До сих пор среди пяти населяющих галактику мыслящих рас не наблюдалось никаких проявлений враждебности или взаимной неприязни. Может быть, в силу того, что жили они достаточно далеко друг от друга. Расстояние делало невозможными даже поверхностные контакты. Ни экономические, ни политические интересы разных миров не пересекались.

Но таково ее личное мнение. Роуз не являлась членом Комиссии по безопасности. И если конфликт все-таки имел место, если существовала опасность и были основания полагать, что гаукинянин прибыл с немирной целью, — Дрейк бы об этом знал.

Хотя, как сказать? Вряд ли он занимает достаточно высокую должность, чтобы его информировали об опасностях, связанных с визитом доктора с планеты Гаукина. Роуз всегда представляла его мелким клерком, и он не пытался развеять этот образ. И тем не менее...

А вдруг он далеко не мелкий клерк?

От одной мысли ее передернуло. Это уже походило на шпионские романы с переодеваниями, которые так любили в двадцатом веке, когда еще существовали такие понятия, как «атомные секреты».

Мысль о переодеваниях оказалась решающей. В отличие от Дрейка, она не была настоящим полицейским и не могла даже представить, как поступил бы полицейский на ее месте. Но Роуз знала, как проворачивались такие дела в старинных романах.

Она положила перед собой лист бумаги, взяла карандаш и провела вертикальную черту посередине. Одну половину листа она озаглавила «Харг Толан», вторую — «Дрейк». Под «Харгом Толаном» написала: «профессия», после чего задумчиво добавила три вопросительных знака. В конце концов, никто ведь не знал, доктор он или межзвездный агент. Какими доказательствами располагал в этом отношении институт? Никакими, кроме собственных же утверждений гостя. Может быть, поэтому Дрейк так упорно расспрашивал его об Ингибиционной Смерти? Заранее проработал эту тему и пытался поймать гаукинянина на ошибке?

Просто голова кругом!..

Роуз вскочила и решительно вышла из кабинета. Покидая институт, она никому не сказала ни слова, даже не предупредила секретаря, куда она отправилась и когда вернется.

Выйдя на улицу, она тут же спустилась на третий уровень подземки и дождалась пустого купе. Последующие две минуты показались ей вечностью. Непослушными губами Роуз произнесла в микрофон над сиденьем:

— Нью-йоркская медицинская академия.

Дверцы кабинки закрылись, поезд понесся вперед, с шипением рассекая воздух.

За последние двадцать лет нью-йоркская медицинская академия значительно выросла как вширь, так и в высоту. Одна библиотека занимала целое крыло на третьем этаже. Разумеется, если бы все содержащиеся в ней книги, брошюры и журналы хранились в их первоначальной печатной форме, не хватило бы и всего здания. Ходили слухи, что количество печатной периодики будет ограничено последними пятью годами вместо десяти, как было сейчас.

Как член академии, Роуз имела свободный доступ ко всем материалам. Она стремительно направилась в отдел внеземной медицины. К огромной ее радости, там никого не оказалось.

Наверное, умнее было бы прибегнуть к помощи библиотечкаря, но Роуз решила этого не делать. Чем тоньше и уже будет ее след, тем труднее будет Дрейку его взять.

Она самостоятельно бродила вдоль полок, тревожно перебирая пальцами корешки книг и журналов. Литература была главным образом на английском, хотя попадалось много книг на немецком и русском языках. По странной иронии не оказалось ни одной, написанной внеземными символами. Где-то они, конечно, хранились, но доступ к ним имели только официальные переводчики.

Блуждающий взгляд и палец Роуз остановились. Она нашла то, что искала.

Вытащив со стеллажа с полдюжины томов, она разложила их на небольшом темном столике, открыла первый том: «Очерки по Ингибиции». Быстро пролистав книгу, она обратилась к списку авторов. Среди них был и Харг Толан.

Роуз просмотрела подряд все сноски, затем вернулась к полкам в поисках переводов.

В Академии она провела более двух часов. Под конец ей удалось установить следующее — на планете Гаукина жил и работал доктор по имени Харг Толан, считающийся специалистом по Ингибиционной Смерти. Он был связан с гаукинским научно-исследовательским обществом, с которым их институт вел активную переписку. Разумеется, побывавший у

них пришелец мог просто выдавать себя за доктора Харга Толана с целью втереться в доверие.

Роуз вытащила лист бумаги и там, где стояло слово «профессия» с тремя вопросительными знаками, заглавными буквами написала «ДА». Затем вернулась в институт. В четыре часа вечера она снова сидела за своим столом. Она перезвонила в приемную и предупредила, что не будет отвечать ни на какие звонки, после чего заперла дверь.

В колонке, озаглавленной «Харг Толан», возникли два вопроса:

«Почему Харг Толан прилетел на Землю один?»

Оставив достаточно места, Роуз приписала: «Почему его интересует Бюро пропавших без вести?»

Несомненно, об Ингибиционной Смерти он рассказал ей всю правду. Из того, что она вычитала в Академии, выходило, что Смерть представляла серьезнейшую проблему для медицины планеты Гаукина. Ее боялись больше, чем на Земле боятся рака. Если бы гаукинцы всерьез полагали, что ответ может быть найден на Земле, они бы прислали хорошо укомплектованную научную экспедицию. Неужели недоверие и подозрение побудили их ограничиться только одним исследователем?

О чем еще говорил накануне гость? Заболеваемость Смертью самая высокая в его мире, ближайшем к Земле, и самая низкая в наиболее удаленной от Земли цивилизации. Если присовокупить сюда вычитанную в библиотеке информацию о том, что частота заболевания резко возросла с момента установления с Землей межзвездных контактов...

Роуз медленно и неохотно приходила к страшному выводу. Жители планеты Гаукина могли решить, что Земля сумела справиться с Ингибиционной Смертью и теперь преднамеренно распространяет это заболевание среди народов галактики, намереваясь стать звездным лидером.

Роуз в ужасе отбросила эту мысль. Подобное было совершенно исключено. Во-первых, Земля никогда не пошла бы на такой поступок, во-вторых, она не смогла бы осуществить подобный замысел с технической точки зрения.

В плане научного развития обитатели планеты Гаукина ни в чем не уступали землянам. Смерть пришла на их планету более тысячи лет назад, и медицина гаукинцев оказалась совершенно бессильна. Разумеется, Земля не успела бы за короткий срок провести успешные биохимические исследования. Вообще, насколько было известно Роуз, никто из земных биологов и врачей никогда не занимался патологией гаукинцев.

Между тем все указывало на то, что Харг Толан прибыл на Землю с сильными подозрениями — и с такими же подозрениями был на Земле принят.

Роуз осторожно вывела под вопросом «Почему Харг Толан прилетел на Землю один?» ответ: «На планете Гаукина считают, что Земля распространяет Ингибиционную Смерть».

Но что тогда означали его расспросы о Бюро пропавших без вести? Как ученый, Роуз относилась к собственным теориям с беспощадной строгостью. В общую схему должны укладываться все факты, все, до единого, а не только некоторые.

Бюро пропавших без вести!.. Если это хитрый ход, придуманный, чтобы пустить Дрейка по ложному следу, то сделан он был спустя всего час после обсуждения Ингибиционной Смерти.

А может, замысел состоял в том, чтобы изучить Дрейка? Если так, то зачем? Или это и есть главная цель гостя? Гаукиннин наводил о Дрейке справки, прежде чем прийти к ним в дом. Может быть, для него важно, что Дрейк полицейский и имеет доступ в Бюро без вести пропавших?

Но почему? Зачем?

Роуз сдалась и перешла к колонке, озаглавленной «Дрейк».

И тогда вопрос оформился самостоятельно, не при помощи чернил, ручки и бумаги, а яркими, сияющими в сознании буквами: «Почему он на мне женился?»

Роуз прикрыла глаза руками, чтобы приглушить неприятный, режущий свет.

Они повстречались совершенно случайно, около года назад, когда Дрейк переехал в ее многоквартирный дом. Вежливые приветствия мало-помалу переросли в дружеские беседы, которые, в свою очередь, перешли в совместные обеды в ближайшем ресторанчике. Все было очень приятно, нормально и здорово. Роуз не успела оглянуться, как влюбилась.

Когда он сделал ей предложение, она обрадовалась... и растерялась. Хотя тогда это показалось ей вполне естественным. Он оценил ее ум и манеры. Она была симпатичной девушкой. Из нее вышла бы хорошая супруга и отличный спутник жизни.

Роуз перепробовала все объяснения и наполовину поверила в каждое из них. Ей не хватало только другой половины.

Не то чтобы она видела в Дрейке серьезные недостатки. Как супруг, он всегда был внимателен, заботлив и воспитан. Их семейная жизнь строилась не на страсти, но вялые эмоциональные запросы женщины тридцати с лишним лет худо-бедно удовлетворялись. В конце концов, ей не девятнадцать. Чего она ждала?

Вот и ответ. Ей не девятнадцать. Она не красива, не очаровательна и не ослепительна. Чего она ждала? Могла ли она рассчитывать на Дрейка — красивого, крутого парня, не обременяющего себя интеллектуальными поисками? За все месяцы совместной жизни он ни разу не поинтересовался ее делами и ни разу не поделился своими проблемами. Почему, в самом деле, он на ней женился?

На этот вопрос она не находила ответа; впрочем, вопрос и не имел отношения к тому, что она собиралась сделать. Все это лишнее, яростно убеждала себя Роуз; все это детские отговорки, отвлекающие от конкретной задачи, которую она перед собой поставила. В результате она вела себя как девятнадцатилетняя девушка, не имея к этому никаких хронологических оснований.

Роуз заметила, что грифель карандаша сломался, и взяла новый. В колонке, озаглавленной «Дрейк», она написала: «Почему он подозревает Харга Толана?» и провела стрелку, указывающую на другую колонку.

Написанное там являлось вполне удовлетворительным объяснением. Если Земля распространяет Ингибиционную Смерть, или властям известно, что ее подозревают в подобном деянии, тогда естественно, что правительство ожидает ответных действий со стороны других цивилизаций. В этом случае все походило на подготовку к первой в истории межзвездной войне. Ужасно, но, по крайней мере, укладывается в определенную схему.

Теперь оставался второй вопрос, тот, на который Роуз не находила ответа. Она медленно написала на листе. «Почему Дрейк испугался, когда Толан сказал: "Вы самая очаровательная хозяйка"?»

Попробуем восстановить эту сцену. Гаукиннин произнес фразу самым безобидным, вежливым, будничным тоном — и Дрейк застыл от ужаса. Роуз снова и снова прослушивала записанный разговор. Землянин мог произнести нечто подобное, покидая заурядную вечеринку. Пленка не сохранила выражения лица Дрейка, но Роуз очень хорошо его запомнила. Глаза Дрейка вспыхнули ненавистью и страхом, а Дрейк никогда ничего не боялся. Что же он нашел страшного во фразе «Вы самая очаровательная хозяйка»? Что могло так вывести его из себя? Ревность? Абсурд. Или ему показалось, что это сказано в насмешку? Возможно, но маловероятно. Похоже, Толан говорил искренне.

Роуз сдалась и поставила под вторым вопросом огромный вопросительный знак. Теперь на ее листке стояло два вопроса, один в графе «Харг Толан», другой — в графе «Дрейк». Была

ли связь между интересом Толана к пропавшим без вести и реакцией Дрейка на его вежливую фразу? Роуз ее не видела.

Она опустила голову на руки. В кабинете темнело, и вдруг как-то внезапно навалилась усталость. Какое-то время Роуз пребывала в причудливом состоянии между сном и бодрствованием, когда мысли и слова вырываются из-под контроля сознания и произвольно бродят в голове. Но как бы они ни скакали, какие бы сюрреалистические фигуры ни вытанцовывали, все возвращалось к одной-единственной фразе: «Вы самая очаровательная хозяйка». Временами ее произносил сухой, безжизненный голос Харга Толана, иногда — дрожащий, взволнованный голос Дрейка. Когда говорил Дрейк, голос его был полон любви, той самой, о которой она никогда от него не слышала. Ей нравилось, когда фразу произносил Дрейк.

Роуз вздрогнула и пробудилась. В кабинете стемнело, и она зажгла настольный свет, заморгав и нахмурившись. Очевидно, в полудреме ей пришла в голову новая мысль. Была еще одна фраза, которая чрезвычайно расстроила Дрейка... Какая же?

Роуз задумалась, лоб ее пересекла морщинка. Это произошло не вчера. И на пленку не попало, а значит, все случилось раньше...

Ничего не лезло в голову, и Роуз начала нервничать.

Взглянув на часы, она обмерла — почти восемь. Ее уже ждут. Домой, однако, не хотелось.

Роуз медленно взяла со стола лист, на котором записывала пришедшие за день мысли, порвала его на мелкие клочки и бросила в маленькую атомную пепельницу на столе. Последовала мгновенная вспышка, и от них не осталось даже пепла.

Если бы еще и от мыслей ничего не осталось!..

Бесполезно. Все равно надо идти домой.

Как оказалось, ее не ждали. Выходя из подземки, она увидела, как Дрейк и гаукинянин выбираются из гиротакси. Таксист в последний раз ошеломленно взглянул на своих пассажиров, после чего поднялся в воздух и пропал из виду. Следуя молчаливому соглашению, никто из троих не проронил ни слова до тех пор, пока все не вошли в дом.

— Надеюсь, у вас был удачный день, доктор Толан? — равнодушно поинтересовалась Роуз.

— Очень. А также, как мне кажется, весьма примечательный и продуктивный.

— Удалось ли вам перекусить? — Несмотря на то что сама она с самого утра ничего не ела, голода Роуз совершенно не испытывала.

— Да, конечно.

— Нам прислали обед и чай, и еще сэндвичи, — устало сказал Дрейк.

— Здравствуй, Дрейк, — поприветствовала его Роуз, впервые обратившись лично к нему.

— Ага, — бросил он, не глядя в ее сторону.

— Ваши помидоры — замечательная вещь, — заметил гаукинянин. — Ни один из наших овощей не сравнится с ними по вкусу. Я, кажется, проглотил не меньше двух дюжин, кроме того, выпил бутылку томатного сока.

— Кетчупа, — уточнил Дрейк.

— Как прошло посещение Бюро пропавших без вести, доктор Толан? — спросила Роуз. — В самом деле продуктивно?

— Совершенно верно. Да.

Поправляя подушки на диване, Роуз повернулась к гостю спиной.

— В чем же?

— Весьма примечательно, что большинство пропавших без вести людей — мужчины. Как правило, жены заявляют о пропаже мужей. Обратного почти никогда не происходит.

— О, тут нет ничего загадочного, доктор Толан. Вы просто не знаете сложившейся на Земле экономической ситуации. На этой планете ведущую роль в семье играет, как правило, мужчина. Именно его труд позволяет содержать семью. Жена тоже работает, но в ее обязанности входит, главным образом, забота о доме и детях.

— Вот уж действительно, никогда бы не подумал!

— Бывают исключения, — вставил Дрейк. — Моя жена, например, в состоянии жить совершенно самостоятельно.

Роуз бросила на него быстрый взгляд. Нет ли здесь сарказма?

— Значит, вы полагаете, миссис Смоллет, — произнес гаукинянин, — что женщине сложнее потеряться в силу ее экономической зависимости от мужчины?

— Вы весьма обтекаемо выразились, — улыбнулась Роуз, — но в принципе все правильно.

— Считаете ли вы нью-йоркское Бюро по розыску пропавших без вести типичным примером подобных учреждений по всей планете?

— Да, пожалуй.

Неожиданно резко гаукинянин спросил:

— Тогда существует ли экономическое обоснование того факта, что с началом межзвездных полетов процент пропавших молодых мужчин резко возрос?

На этот раз ответил Дрейк:

— Боже милосердный, да здесь все еще проще! Теперь для беглецов открыт космос. Чтобы избавиться от всех проблем сразу, человеку достаточно подняться на борт любого грузового корабля. Они постоянно набирают команды, не задают лишних вопросов, и, если беглец действительно решил выпасть из поля зрения, разыскать его практически невозможно. Кстати, подобные мысли нередко приходят людям в голову на первом году семейной жизни.

Роуз неожиданно рассмеялась:

— Ну да, тот самый период, когда человеку все его беды кажутся непреодолимыми. Если удастся продержаться первый год, бежать уже нет смысла.

Дрейку ее шутка не понравилась. Роуз снова задумалась, в чем причина его усталости и дурного расположения духа. Почему он так хочет нести свой груз в одиночку? А может, вдруг подумала она, это его долг?

Неожиданно гаукинянин произнес:

— Вас не обидит, если я на некоторое время отключусь?

— Совсе нет, — заверила его Роуз. — Надеюсь, вы не сильно переутомились. Вы прибыли с планеты, где сила притяжения больше, чем на Земле. Боюсь, мы поспешили с выводом, что у нас вы не будете уставать.

— Да я, собственно, физически и не устал. — Гость посмотрел на свои ноги и быстро заморгал, что означало удивление. — Знаете, когда я в первый раз увидел ваши опорные конечности, я был уверен, что земляне то и дело падают вперед или назад. Простите, если мое замечание покажется вам слишком фамильярным, но я подумал об этом, когда вы вспомнили про меньшую силу тяжести на Земле. На моей планете двух ног просто не хватило бы. Хотя к делу, конечно, это не относится. Мне здесь приходится усваивать столько много нового и необычного, что временами тянет ненадолго отключиться.

В душе Роуз пожалала плечами. Как удалось выяснить экспедициям на планету Гаукина, гаукиняне обладали способностью отключать сознание от прочих функций организма и погружаться в медитацию, которая могла длиться несколько земных дней. Гаукиняне находили это занятие весьма приятным, а временами и необходимым, однако земляне так толком и не поняли, какую функцию оно выполняет.

Точно так же землянам не удавалось объяснить гаукинянам, равно как и прочим внесемным существам, понятие сна. То, что земляне называли сном, для гаукинян являлось тревожным сигналом умственного распада.

Еще одна уникальная особенность жителей Земли, с тревогой подумала Роуз.

Гость попятился и вежливо поклонился, коснувшись передними конечностями пола. Дрейк сухо кивнул, прищелец скрылся за поворотом коридора. Слышно было, как открылась и закрылась дверь его комнаты, после чего наступила тишина.

Молчание становилось невыносимым. Дрейк нервно передернулся, и стул под ним резко заскрипел. Роуз с легким ужасом заметила, что на губах мужа выступили капельки крови.

«У него серьезные неприятности. Я должна с ним поговорить. Я не могу этого так оставить!» — подумала она и сказала:

— Дрейк!

Казалось, он смотрел на нее откуда-то издалека. Наконец Дрейк произнес:

— Что? Твой день тоже закончился?

— Нет. Хочешь мне что-то объяснить?

— Не понял?

— Вчера ночью ты сказал, что поговоришь со мной завтра. Я готова.

Дрейк нахмурился. Глаза мужа исчезли под нависшими бровями, и Роуз почувствовала, как ее решимость улетучивается.

— Я думал, мы договорились о том, что ты не станешь соваться в мои дела, — произнес он.

— Поздно. Я уже слишком много знаю о твоих делах.

— Что ты имеешь в виду? — закричал он, вскакивая на ноги. В следующую секунду Дрейк впился в плечи Роуз и тихо повторил: — Что ты имеешь в виду?

Роуз разглядывала безвольно лежащие на коленях руки. Не обращая внимания на боль в плечах, она медленно произнесла: — Доктор Толан считает, что Земля умышленно распространяет Ингибиционную Смерть. Это так?

Роуз ждала. Постепенно захват ослаб, он уронил руки и застыл перед ней с несчастным и побитым видом.

— С чего ты взяла?

— Это правда или нет?

Нестесненным, безжизненным голосом Дрейк произнес:

— Я хочу знать точно, почему ты так решила. И не вздумай корчить из себя дуру.

— Если я скажу, ответишь на один вопрос?

— Какой вопрос?

— Правда ли то, что Земля действительно распространяет Ингибиционную Смерть?

Дрейк простер руки к небу:

— Ради всего святого, Роуз!

Он опустился на колени. Потом взял ее за руки, и она почувствовала, как муж дрожит. Мягким, заботливым голосом Дрейк сказал:

— Послушай, Роуз, дорогая, тебе удалось раскопать жареный факт, и ты думаешь, что сумеешь с его помощью меня подразнить, как это порой бывает между супругами. Не надо. Я прошу у тебя самую малость. Ты просто объясни мне подробно, почему ты сказала то, что только что сказала. — В словах его звучала неподдельная искренность.

— Сегодня я была в нью-йоркской медицинской академии. Кое-что почтала.

— Но почему? Что тебя заставило туда поехать?

— Во-первых, ты слишком заинтересовался Ингибиционной Смертью. Во-вторых, доктор Толан заявил, что заболеваемость резко возросла с началом межзвездных контактов, а их планета к нам ближайшая...

Роуз замолчала.

— Что ты вычитала? — подсказал он. — Расскажи, что ты вычитала, Роуз.

— Все подтверждается, — произнесла она. — Я просмотрела направления исследований гаукинян последние десятилетия. Мне стало ясно, что по крайней мере некоторые из их ученых считают, что Ингибиционная Смерть возникла на Земле.

— Они это утверждают?

— Нет. Во всяком случае прямых утверждений я не нашла. — Она удивленно посмотрела на мужа. Если бы все действительно было так, правительство давно бы перепроверило исследования гаукинян по данному вопросу. Она осторожно поинтересовалась:

— Ты разве незнаком с результатами их работы, Дрейк? Правительство...

— Какое там правительство! — Муж снова резко повернулся к ней. Глаза его сверкали. Возбужденно, словно он только что совершил важное открытие, Дрейк воскликнул: — Послушай, а ведь ты в этом разбираешься!

В самом деле? Неужели он только сейчас понял, как она ему нужна?

Ноздри Роуз раздулись, и она торжественно объявила:

— Я — биолог.

— Ну да, я знаю, — сказал он. — Я имел в виду, что ты как раз занимаешься проблемой роста. Помнишь, ты мне как-то говорила, что занимаешься ростом?

— Ну, можно, наверное, выразиться и так. В рамках предоставленного мне гранта от «Общества по исследованию рака»

я опубликовала двадцать статей, посвященных зависимости эмбрионального развития от кислотной структуры клеточного ядра.

— Это хорошо. Да, теперь вспомнил... — Новая волна возбуждения охватила Дрейка. — Скажи мне, Роуз... Послушай, мне очень жаль, что я не сдержался минуту назад. Ты ведь можешь оценить направление их исследований лучше, чем кто-либо другой, так?

— Я оценю их достаточно профессионально, да.

— Тогда объясни мне, как, по мнению гаукинян, распространяется болезнь? Мне нужны детали.

— Ты просишь слишком много. Я провела в библиотеке всего несколько часов. Для ответа на твой вопрос мне нужно гораздо больше времени.

— Ну, выдай, по крайней мере, компетентную догадку. Ты даже не представляешь, насколько это важно.

Роуз с сомнением произнесла:

— Попробую. «Очерки по Ингибиции» являются важнейшим трудом в данной области. В них содержится итог всех проведенных исследований.

— Вот как? Насколько это современно?

— Я просматривала периодику. Последний номер примерно годовой давности.

— Приводится ли там список его трудов? — Дрейк ткнул пальцем в сторону комнаты Харга Толана.

— Более чем кого-либо другого. Он выдающийся исследователь данной проблемы. Я особо тщательно просмотрела его работы.

— Что он думает о происхождении этой болезни? Постарайся вспомнить, Роуз.

Она покачала головой:

— Готова поклясться, что он винит в этом Землю, но вместе с тем он признает, что им ничего неизвестно о способах распространения болезни. В этом я тоже могу поклясться.

Дрейк стоял перед ней, стиснув могучие кулаки, и бормотал едва различимо:

— Все может измениться в любую минуту...

Он резко повернулся к двери.

— Я выясню это прямо сейчас. Спасибо тебе за помощь, Роуз.

— Что ты собираешься делать? — воскликнула она, бросаясь следом за мужем.

— Задам ему пару вопросов. — Дрейк выдвинул ящик комода, порывшись в нем и вытащил пистолет-инжектор.

— Нет! — завизжала она.

Он грубо отшвырнул ее в сторону и зашагал по коридору. Дрейк распахнул дверь и вошел в комнату пришельца. Роуз суежилась сзади, пытаясь схватить его за руку. Он замер, глядя на Харга Толана.

Гаукинянин стоял без движения, взгляд его блуждал в пространстве, а четыре опорных конечности были растопырены в разные стороны.

Роуз смутилась. Ей показалось, что своим вторжением они нарушили глубоко интимный ритуал. Но Дрейк, которому, судя по его виду, было на все наплевать, подошел к пришельцу на расстояние четырех футов и остановился. Они стояли лицом к лицу, при этом Дрейк держал пистолет-инжектор на уровне центра туловища гаукинянина.

— Теперь спокойно, — процедил Дрейк. — Он постепенно начинает чувствовать мое присутствие.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю! — рявкнул Дрейк. — Убирайся!

Роуз, однако, не пошевелилась, а Дрейк был слишком поглощен, чтобы обращать на нее внимание.

На лице гаукинянина задрожали складки кожи. Зрелище было отвратительным, и Роуз невольно отвернулась.

Неожиданно Дрейк произнес:

— Достаточно, доктор Толан. Не стоит подключать конечности. Нам хватит органов восприятия и голосовых связок.

— Почему вы вошли в мою комнату отключения? — тихим голосом спросил гаукинянин. — И почему вы вооружены? — добавил он уже громче.

Голова его слабо заворочалась на еще безжизненном торсе. Очевидно, он послушался Дрейка и не подключил конечности. Интересно, подумала Роуз, откуда Дрейк узнал о возможности частичного подключения? Она об этом ничего не слышала.

— Чего вы хотите? — спросил гаукинянин.

— Ответа на некоторые вопросы, — произнес Дрейк.

— С пистолетом в руке? Я не собираюсь потакать вашему хамству.

— Вы мне не потакаете. Считайте, что вы спасаете свою жизнь.

— В данных обстоятельствах она не играет для меня большой роли. Очень жаль, мистер Смоллет, что на Земле столь превратно толкуют понятие гостеприимства.

— Вы не являетесь моим гостем, доктор Толан, — возразил Дрейк. — Вы проникли в мой дом под ложным предлогом. Вы преследовали грязные цели и намеревались использовать меня в своих интересах. Теперь я без утрызнений совести поверну этот процесс в обратную сторону.

— Лучше застрелите меня. Не стоит терять время.

— Уверены, что не станете отвечать на мои вопросы? Это подозрительно само по себе. Выходит, ответы для вас важнее жизни?

— Для меня важны понятия порядочности. Вам, землянину, это трудно понять.

— Наверное, трудно. Но, будучи землянином, я понял другое.

Дрейк резко метнулся вперед. Роуз не успела воскликнуть, а гаукинянин не успел пошевелить конечностями, как в руке Дрейка оказался гибкий конец цилиндра с цианистым калием. В углу широкого рта, в том месте, где был закреплен шланг, грубая кожа гаукинянина треснула и разорвалась. Из раны вытекло небольшое количество бесцветной жидкости; по мере окисления она медленно превращалась в коричневую желеобразную массу.

Дрейк дернул за шланг, и цилиндр вылетел из крепления. В следующий миг Дрейк нажал на контролирующую клапан кнопку, и тихое шипение прекратилось.

— Не думаю, чтобы утечка оказалась для нас опасной, — сказал он. — Надеюсь, теперь вы наконец поймете, что с вами произойдет, если вы не станете отвечать на мои вопросы, причем так, чтобы у меня не возникло сомнений в вашей искренности.

— Верните цилиндр, — медленно произнес гаукинянин. — Если вы этого не сделаете, я буду вынужден на вас напасть, и вам придется убить меня.

— Не обязательно, — сказал Дрейк, отступив на несколько шагов. — Попробуйте напасть — и я отстрелю вам ноги; если понадобится, то все четыре. Умереть вы не умрете, но будет мучительно больно. Погибнете вы позже, от нехватки цианида. Вас ждет крайне неприятная смерть. Я всего лишь землянин и не могу оценить всего ее ужаса, но вы, я надеюсь, понимаете, о чем идет речь?

Гаукинянин разинул пасть, внутри которой шевелилось что-то желто-зеленое. Роуз едва не стошнило. Ей хотелось завизжать: «Дрейк, отдай цилиндр!», но она не смогла даже повернуть головы.

— Полагаю, пройдет около часа, доктор Толан, прежде чем процесс станет необратимым. Говорите, и получите свой цилиндр назад.

— А потом.

— Потом будет лучше. Даже если я вас пристрелю, вы умрете достойно, а не задохнетесь от нехватки цианида.

Похоже, с гаукинянином что-то начало происходить. Голос его сделался утробным, а слова слились в сплошную кашу.

словно ему уже не хватало энергии на английское произношение.

— Что вы хотите узнать? — промывчал он, не сводя глаз с цилиндра.

Дрейк поднял цилиндр и потряс им перед лицом гаукинина.

— Расскажите о своей теории Ингибиционной Смерти. Зачем вы на самом деле прилетели на Землю? Почему заинтересовались Бюро пропавших без вести?

Роуз замерла в тревожном ожидании. Ей тоже хотелось задать эти вопросы. Разумеется, в другой обстановке, но в работе Дрейка необходимость считалась более важным понятием, чем доброта и человечность.

Она несколько раз повторила эту мысль, стараясь унять поднимающуюся в душе ненависть к мужу за то, как он обращается с доктором Толаном.

— Серьезный ответ займет более отведенного мне часа. Вы смертельно унизили меня, заставив говорить под принуждением. На моей планете такое невозможно ни при каких обстоятельствах. Только в вашем омерзительном мире меня могли лишить цианида.

— Вы впустую тратите свой час, доктор Толан.

— Рано или поздно я все сказал бы сам, мистер Смоллет. Мне нужна ваша помощь. За этим я и прилетел.

— Вы по-прежнему не отвечаете на мои вопросы.

— Отвечу. Несколько лет помимо своей обычной научной деятельности я занимался изучением клеток больных, страдающих Ингибиционной Смертью. Методы, которыми я пользуюсь, вызывают осуждение у большинства моих сограждан, поэтому мне приходилось работать без помощников в обстановке строгой секретности. Думаю, что в вашем обществе так же неприязненно относятся к вивисекции людей. По этой причине я хотел подтвердить полученные результаты здесь, на Земле, прежде чем предоставить их на суд моих коллег.

— В чем заключается ваша теория? — спросил Дрейк. Глаза его вновь загорелись яростным огнем.

— Чем больше я работал, тем яснее мне становилось, что исследования Ингибиционной Смерти идут в неверном направлении. В физическом плане проблема решения не имеет. Ингибиционная Смерть является исключительно болезнью сознания.

— Конечно, это не психосоматическая болезнь, доктор Толан, — вмешалась Роуз.

Тонкая серая пленка затянула глаза гаукинина. Он больше не смотрел в их сторону. Слабеющим голосом прищелец пробормотал:

— Да, миссис Смоллет, это не психосоматическое заболевание. Это настоящая болезнь разума, умственная инфекция. У моих больных было двойное сознание. Под обычным, нормальным сознанием находился чужой разум. Я работал с пациентами разных рас, страдающими Ингибиционной Смертью, и повсеместно наблюдал ту же самую картину. Другими словами, мыслящих рас в галактике не пять, а шесть. И шестая является паразитом.

— Но это дико... и невозможно! — воскликнула Роуз. — Вы ошибаетесь, доктор Толан!

— Нет. До прилета на Землю я еще допускал возможность ошибки. Но, побывав в институте и проведя исследование в Бюро пропавших без вести, я убедился в своей правоте. Почему концепция паразитического разума представляется вам невозможной? Если его единственная функция заключается в добывании пищи за счет умственной деятельности других созданий, такой паразит не оставит после себя ни останков, ни прочих продуктов жизнедеятельности.

Несложно представить, что паразитический разум за миллионы лет эволюции мог утратить все физические атрибуты, сохранив за собой единственную необходимую функцию. В качестве примера можно привести обитающего на Земле ленточного червя, не способного ни к чему, кроме размножения. Существование паразитического разума неизбежно предполагает исчезновение со временем его физических атрибутов. В результате не останется ничего, кроме чистого сознания, существующего за счет пока не ясной для нас функции чужого интеллекта. В частности, интеллекта землян.

— Почему именно землян? — спросила Роуз.

Дрейк отступил еще на один шаг, замер и вопросов больше не задавал. Он был доволен, что гаукинин наконец заговорил.

— Неужели вам не приходило в голову, что шестой разум зародился на Земле? Человечество с самого начала жило с ним, адаптировалось к нему и перестало его замечать. В этом и заключается причина того, что высшие животные Земли, в том числе и человек, перестают расти с достижением зрелости, а потом умирают от так называемой естественной смерти. Это результат всеобщей паразитической инфекции. Отсюда и ваш сон со сновидениями. Сон как раз и есть тот период, когда кормится разум-паразит; может быть, в эти минуты вы хотя бы относительно осознаете его присутствие. Этим же объясняется,

что земное сознание — единственное нестабильное сознание из всех известных. Где еще во всей галактике вы найдете раздвоение личности и прочие подобные проявления? Да что там говорить, посмотрите вокруг, и вы заметите немало людей, чье сознание поражено разумом-паразитом!

Каким-то образом разуму-паразиту удалось пересечь пространство. В физическом плане он ничем не ограничен. Он способен впадать в спячку и в этом состоянии пересекать огромные расстояния. Почему это сделал первый из них, я не знаю; вероятно, этот вопрос так и останется тайной. Но едва стало ясно, что в галактике существуют другие мыслящие миры, обозначился слабый, но устойчивый поток паразитического сознания через космос. Очевидно, мы, представители других мыслящих рас, оказались для паразита неслыханным лакомством, ибо ему надо прилагать чудовищные усилия, чтобы до нас добраться. Полагаю, далеко не всем удастся преодолеть немислимый путь, но те, кто достиг цели, считают, что игра стоила свеч.

Однако мы, как и жители других миров, не жили с паразитом в течение миллионов лет, в отличие от человека и его предков. Мы не успели адаптироваться. Наши слабые особи не вымирали на протяжении сотен поколений, пока не остались лишь самые выносливые. Другими словами, если земляне способны переносить инфекцию десятилетиями, прочие мыслящие существа погибают в течение года.

— Поэтому вы связываете рост заболеваний с началом межзвездных контактов между Землей и другими мирами?

— Да. — На некоторое время наступило молчание, затем гаукинянин встрепенулся и неожиданно энергично произнес: — А теперь верните мой цилиндр. Я ответил на ваш вопрос.

— Как насчет Бюро пропавших без вести? — холодно поинтересовался Дрейк. Он снова потряс цилиндром, но на этот раз гаукинянин на него даже не взглянул. Серая пленка на его глазах загустела. Роуз не могла понять, что это — обычная усталость или первые признаки недостатка цианида.

Гаукинянин сказал:

— Точно так же, как мы не приспособлены к разуму, паразитирующему на людях, так и инфекция еще не приспособилась к нам. Сознание-паразит может существовать в нашем мозгу, но не может размножаться, имея нас в качестве единственного хозяина и носителя. Другими словами, Ингибиционная Смерть не является непосредственным заразным заболеванием для нашего народа.

Роуз в ужасе уставилась на пришельца:

— К чему вы клоните, доктор Толан?

— Жители Земли остаются основными хозяевами паразита. Землянин может заразить любого из нас при непосредственном контакте. Но поселившийся в нашем сознании, паразит не способен размножаться. Для этого ему надо любой ценой попасть снова к землянину. До начала межзвездных контактов ему приходилось отправляться обратно через космическое пространство, что существенно сдерживало распространение болезни. Сегодня мы заражаемся, в том числе и повторно, благодаря путешествующим по галактике землянам.

— А пропавшие без вести.. — едва слышно пробормотала Роуз.

— Являются промежуточными хозяевами. Конечно, я еще не разобрался в точном механизме этого процесса. Но, похоже, сознание землян мужского пола лучше приспособлено для этой цели. Помните, мне сообщили в институте, что средняя продолжительность жизни мужчины на три года меньше, чем у женщины. Как только происходит размножение, инфицированный мужчина покидает Землю и отправляется на космическом корабле в другие миры. Он исчезает.

— Но это невозможно, — возразила Роуз. — Ваши слова означают, что сознание-паразит контролирует поступки хозяина! Если бы это было так, на Земле давно бы заметили присутствие чужаков.

— Подобный контроль, миссис Смоллет, заметить почти невозможно, более того, он скорее всего осуществляется исключительно в период активного воспроизведения. Я не случайно обратился в Бюро пропавших без вести. Почему исчезают молодые мужчины? У вас существуют на этот счет экономические и психологические объяснения, но их явно недостаточно... Я очень плохо себя чувствую и больше не могу говорить. Скажу лишь одно. Ваш и мой народы имеют в лице паразитирующего сознания общего врага. Земляне тоже не должны погибать против своей воли. Поскольку мои результаты были добыты не стандартными методами, меня бы вряд ли поняли на Гаукине. Я хотел представить их властям Земли и обратиться к ним за помощью в искоренении болезни. Представьте мою радость, когда я узнал, что супруг одного из биологов института является членом важнейшей правительственной силовой структуры. Естественно, я сделал все, что было в моих силах, чтобы попасть в ваш дом на правах гостя. Я хотел переговорить с вами в частном порядке, убедить вас в ужасной правде и использовать положение мужа для атаки на паразитов.

Теперь, конечно, это невозможно. Я вас не виню. Нельзя было ожидать, что земляне поймут психологию моей расы. Так

или иначе, вы должны усвоить следующее. После того, что случилось, я не могу с вами общаться. Более того, я не намерен больше оставаться на Земле.

— Выходит, — произнес Дрейк, — что вы один из всего вашего народа знакомы со своей теорией?

— Я один.

Дрейк протянул цилиндр:

— Ваш цианид, доктор Толан.

Гаукинянин жадно вытянул передние конечности. Его гибкие пальцы умело манипулировали со шлангом и выпускным клапаном. Спустя десять секунд он приладил трубку и принялся жадно вдыхать газ.

Дрейк дождался, когда его дыхание успокоится, а потом хладнокровно поднял пистолет и выстрелил. Роуз завизжала.

Гаукинянин продолжал стоять. Его четыре конечности не могли согнуться, но голова отвалилась вбок, а из отвисшего дряблого рта вывалился шланг с цианистым калием. Дрейк снова заткнул клапан, отшвырнул цилиндр в сторону и мрачно уставился на мертвое существо.

По внешнему виду никоим образом нельзя было догадаться, что оно убито. Крошечная пулька из пистолета-инжектора, еще меньшая, чем диаметр иглы, давшей название этому оружию, бесшумно и легко пробила тело и разорвалась в брюшной полости, причинив страшные повреждения.

Роуз с диким криком выскочила из комнаты. Дрейк кинулся следом и схватил ее за руку. Она слышала тяжелые, мощные шаги его ладони по своему лицу, но боли не ощущала. Потом Роуз разрыдалась.

— Я тебе говорил, не суйся в это дело, — прорычал Дрейк. — Что ты теперь собираешься делать?

— Пусти меня! — выкрикнула она. — Я хочу уйти. Я хочу уйти навсегда!

— Из-за того, что я выполнил свой долг? Ты же слышала, что наговорил этот монстр. По-твоему, я мог позволить ему улететь и распространять эти враки дальше? Представь, что произойдет, если ему поверят? Ты в состоянии вообразить результаты межзвездной войны? А если им придет в голову уничтожить нас всех, чтобы остановить эту болезнь?

С усилием, от которого все внутри нее перевернулось, Роуз взяла себя в руки. Она твердо посмотрела в глаза Дрейку и произнесла:

— То, что сказал доктор Толан, не ложь и не ошибка, Дрейк.

— Ладно, хватит глупостей. Тебе надо поспать.

— Я знаю, что он сказал правду, потому что в Комиссии по безопасности знакомы с этой теорией и признают ее правоту.

— Откуда ты взяла эту чушь?

— Ты сам дважды проговорился.

— Сядь, — приказал Дрейк. Роуз опустилась на диван, и он вопросительно на нее посмотрел. — Значит, я дважды прокололся, так? У тебя выдался сложный денек, дорогая. Похоже, ты запуталась в своем расследовании. Есть вещи, которые следует хранить в тайне — Он тоже сел и скрестил ноги.

Да, подумала Роуз, денек выдался нелегкий. Со своего места она могла видеть электрические часы на кухонной стене; они показывали два часа после полуночи. Тридцать пять часов назад Харг Толан вошел в их дом. Теперь он мертвый валялся в отведенной ему спальне.

— Ну, — произнес Дрейк, — расскажи мне, где же я допустил промах?

— Ты побледнел, когда Харг Толан назвал меня очаровательной хозяйкой. Слово «хозяйка» имеет два значения, Дрейк. Хозяин — это еще и тот, за чей счет существует паразит.

— Раз, — кивнул Дрейк. — А еще?

— Это произошло до прихода Харга Толана. Ты, наверное, забыл, Дрейк. Ты говорил о том, как неприятно для гаукинянина общаться с землянами, а я сказала, что Харг Толан — доктор и это его работа. Потом я спросила, неужели ты думаешь, что нашим докторам нравится ездить в тропики и позволять комарам пить их кровь. Помнишь, как ты разозлился?

Дрейк рассмеялся.

— Вот уж не думал, что меня так легко расколоть. Комары — это хозяева для паразитов малярии и желтой лихорадки. — Он вздохнул. — Я всеми силами старался держать тебя подальше от этого дела. Я очень не хотел пускать гаукинянина в наш дом. Я даже попробовал тебя запугать. Теперь мне не остается ничего другого, как сказать тебе правду. Я вынужден это сделать, поскольку только правда или смерть могут тебя успокоить. А убивать тебя я не хочу.

Роуз вытаращила глаза и забилась в самый угол дивана.

— Комиссия знает все, — проговорил Дрейк. — Но никакой пользы нам от этого нет. Мы можем лишь не допустить распространения информации среди других миров.

— Правду нельзя прятать вечно! Харг Толан ее узнал. Ты убил его, но другой пришелец повторит его открытие, а потом третий, четвертый... Нельзя убить их всех.

— И это мы знаем, — сказал Дрейк. — У нас нет выбора.

— Почему? — крикнула Роуз. — Харг Толан предложил выход. Он ничего не говорил об угрозах и войне миров. Он предложил нам объединить усилия с учеными других цивилизаций и вместе истребить паразита. Мы в состоянии это

сделать! Если мы, в содружестве с остальными, приложим все усилия...

— Хочешь сказать, что им можно верить? Он что, говорил от имени своего правительства или правительств других миров?

— Мы были обязаны пойти на риск!

— Ты просто не понимаешь, — Дрейк наклонился и взял в свои ладони ее непослушные, холодные руки. — Может, тебе покажется смешным, что я берусь учить тебя твоей же специальности, но я хочу, чтобы ты меня выслушала. Харг Толан был прав. Человек и его доисторические предки жили с паразитическим разумом в течение бесчисленных столетий, гораздо дольше, чем существует вид *Homo sapiens*. За это время мы не только к нему адаптировались, мы стали от него зависеть. Это уже не паразит. Это пример взаимного сотрудничества. У вас, биологов, существует специальный термин.

Роуз выдернула руку.

— О чем ты говоришь? О симбиозе?

— Именно. Не забывай, что у нас есть свое заболевание, прямо противоположное тому, которым страдают остальные разумные расы, — неконтролируемый рост клеток. Мы уже упоминали о нем по контрасту с Ингибиционной Смертью. Ну, теперь скажи мне, что является причиной рака? Сколько лет биологи, физиологи, биохимики и все прочие работают над этой проблемой? И многого ли достигли? А почему? Можешь ответить?

— Нет, — медленно произнесла Роуз, — не могу. К чему ты клонишь?

— К тому, что, если мы сумеем избавиться от паразита, мы получим вечный рост и вечную жизнь, во всяком случае до тех пор, пока нам не надоест расти, или жить, после чего мы всегда сможем поставить аккуратную точку. Но с тех пор как человеческое тело утратило способность к неограниченному росту, прошло слишком много миллионов лет. Сможет ли оно вернуться в прежний режим? Готово ли оно к этому химически? Достаточно ли у него... ну, как вы их называете.

— Ферментов, — прошептала Роуз.

— Да, ферментов. Так вот, для нас это стало невозможным. Если в силу каких-либо причин паразитический разум, как называет его Харг Толан, действительно покинет тело человека или окажутся нарушены его взаимоотношения с человеческим сознанием, рост, конечно, начнется, только не тот, который нам нужен. У нас такой рост называется раком. Вот и все. Мы не можем избавиться от паразита. Мы с ним повязаны навечно. Чтобы покончить с Ингибиционной Смертью, жителям других

миров придется стереть с лица Земли всех позвоночных. У них нет другого выхода, и мы не должны допустить, чтобы они это поняли. Теперь тебе ясно?

Пересохшими губами Роуз с трудом произнесла:

— Я поняла, Дрейк. — Она заметила, что лоб его был мокрым и на щеках остался след от ручейков пота. — Теперь тебе придется вытащить труп из дома.

— Время позднее, проблем с этим не будет. Начиная с этой минуты, — муж пристально посмотрел ей в глаза, — я не знаю, когда я вернусь.

— Я поняла, Дрейк, — повторила Роуз.

Харг Толан оказался тяжелым. Дрейку пришлось волочить его через всю квартиру. Роуз с содроганием отвернулась. Она не открывала глаз, пока не услышала, как закрылась входная дверь. Затем она еще раз прошептала:

— Я поняла, Дрейк.

Было три часа утра. Прошел почти час с тех пор, как за Дрейком и его ношей мягко защелкнулся замок. Она не знала, куда он пошел и что собирался делать.

Роуз тупо смотрела в одну точку. Ни спать, ни вообще шевелиться не хотелось. Она гоняла мысли по тесному кругу, стараясь не думать о том, что узнала и что хотела узнать.

Сознание-паразит! Случайность или причудливая расовая память, тонкий, стойкий аромат традиций и озарений, уходящих в глубины неправдоподобных тысячелетий, поддерживали странный миф о происхождении человека? Прежде всего, на Земле было две мыслящих расы: люди в садах Эдема — и змей «хитрее любого зверя в полях». Змей заразил человека и потерял из-за этого свои конечности. Его физические атрибуты оказались лишними. А человек вследствие заражения потерял райский сад и вечную жизнь. В мир пришла смерть.

Несмотря на все усилия Роуз, круг ее мыслей расширился и тяготел к Дрейку. Она прогоняла эти мысли, но они возвращались. Она начинала считать про себя и перечислять названия предметов, находящихся в поле зрения. Под конец она стала выкрикивать «Нет, нет, нет», но мысли возвращались, и спасения от них не было.

Дрейк ее обманул. Его версия выглядела вполне правдоподобно и вполне сошла бы за правду при других обстоятельствах, но Дрейк не был биологом. Рак не может быть болезнью, обусловленной утраченной способностью к нормальному росту. Раком заболевают еще растущие дети, он способен порадовать даже эмбриональную ткань. Он встречается у рыб, которые, как мыслящие существа с других планет, растут всю жизнь и умирают только из-за болезни или несчастного случая.

Рак поражает не обладающие сознанием растения, на которых нельзя паразитировать. Рак не зависит от роста или его отсутствия, это универсальная болезнь всего живого. Ни одна ткань и ни один многоклеточный организм не обладают против него полным иммунитетом.

Не стоило Дрейку утруждать себя враньем. Он не имел права на сентиментальную слабость. Он должен был убить ее. Она расскажет обо всем в институте. Паразит может быть побежден. Его отсутствие не вызовет заболевания раком. Но кто ей поверит?

Роуз прикрыла глаза руками. Пропавшие без вести молодые мужчины находились, как правило, на первом году семейной жизни. Каким бы ни был процесс размножения сознания-паразита, он должен включать в себя близкий контакт с другим паразитом, — другими словами, между их хозяевами должно существовать близкое и продолжительное общение. Такое обычно бывает на первом году совместной жизни.

Роуз чувствовала, как ее мысли медленно отключаются. К ней придут. Ее спросят: «Где Харг Толан?» А она ответит: «С моим мужем». Только они все равно спросят: «А где ваш муж?» — потому что его тоже не будет. Она ему больше не нужна. Он никогда не вернется. И они никогда его не найдут, потому что он улетит в космос. А она заявит в Бюро пропавших без вести сразу о двоих: Дрейке Смоллете и Харге Толане.

И тогда она начала смеяться. Роуз хотела остановиться, но ничего не получалось, уж очень все вышло смешно. Она искала ответы на множество вопросов и нашла их все. Она даже нашла ответ на вопрос, который считала не относящимся к делу.

Она наконец поняла, зачем Дрейк на ней женился.

БЛАГОЕ НАМЕРЕНИЕ

Читатели часто спрашивают, совпадают ли изложенные в повести взгляды со взглядами автора. Отвечаю: «Не обязательно». Тем не менее следует добавить короткую фразу: «...но чаще всего — да».

Когда я пишу повесть, в которой противоположные характеры выражают противоположные взгляды, я делаю все, что в моих силах, чтобы дать каждому из них возможность высказать свою точку зрения.

Немногие готовы заявить, как Ричард III в пьесе Шекспира:

«Раз не дано любовными речами
Мне занимать болталивый пышный век,
Решился стать я подлецом и проклял
Ленивые забавы мирных дней»*.

Неважно, каким злодеем может показаться Том Духу, наверняка найдутся аргументы, при помощи которых Том сумеет убедить себя, что на самом деле он человек добрый. Таким образом, мне представляется нелепым заставлять злодея вести себя по-злодейски (если, конечно, вы не обладаете гением Шекспира и умеете изобразить что угодно. Боюсь, что не могу сказать этого о себе).

И все же, как бы я ни старался быть справедливым и честно представлять различные точки зрения, я не в силах принудить себя излагать взгляды, которые не разделяю, столь же убедительно, как те, в которые верю. Кроме того, развитие

«In a Good Cause...»
©1951 by Henry Holt and Company, Inc.
Благое намерение
©М Готов, перевод, 1997

* Перевод А. Радловой.

моих рассказов обычно происходит так, как мне самому того хочется, и победа в любом случае достается полюбожившимся мне героям. Даже если все заканчивается трагически, общий смысл произведения — терпеть не могу слова «мораль»! — как правило, меня удовлетворяет.

Короче, если вы опустите мелкие детали любого моего рассказа и посмотрите на него в целом, думаю, вы испытаете то же чувство, что и я. Речь не идет о сознательной пропаганде, просто когда я испытываю определенные чувства, не в моих силах сделать так, чтобы они не проявились в повествовании.

Но бывают и исключения.

В 1951 году мистер Рэймонд Ф. Хили, известный составитель антологий, решил издать сборник научно-фантастических рассказов и обратился ко мне с просьбой написать для этого сборника рассказ. Хили ограничился единственным пожеланием. Ему был нужен оптимистический рассказ, такой, который бы я, в своей упрощенной манере, назвал бы «рассказом со счастливой концовкой».

Счастливую концовку я придумал, но, следуя врожденной привычке из чистой бравады нарушать установленные правила, я попытался сделать так, чтобы читатель до самого конца не понял, в чем же заключается счастливая концовка.

Только после того как я удачно (как мне кажется) справился с этой задачей и рассказ был опубликован, я понял, что мое увлечение технической стороной проблемы существенно повлияло на содержание. Получилось, что именно этот рассказ, под названием «Благое намерение», не отражает моих собственных чувств.

Покойный Гроф Конклин, проницательнейший критик научной фантастики, как-то заметил, что рассказ ему понравился, хотя он не согласен с его философией. Вынужден со смущением признать, что именно так отношусь к «Благому намерению» и я

В Великом Суде, представляющем собой тихий оазис посреди пятидесяти сумасшедших квадратных миль, занятых небоскребами Объединенных Миров Галактики, есть одна статуя.

Она поставлена так, чтобы ночью ей было видно звезды. Есть и другие статуи, они стоят по кругу, но эта одиноко возвышается в самом центре

Статуя не очень удачная. Чересчур благородному лицу недостает жизни. Брови чуть выше, нос чуть симметричнее, а

одежда чуть аккуратнее, чем бывает на самом деле. В результате статуя кажется слишком святой и не настоящей. Наверное, в реальной жизни этот человек мог нахмуриться и икнуть, но статуя всем своим видом демонстрировала, что подобного никогда не случалось.

Все это, конечно, вполне понятная суперкомпенсация. При жизни этому человеку статуй не возводили. Последующие поколения взирали на него с исторической перспективы и терзались виной

Надпись на пьедестале гласит: «Ричард Сайама Альтмайер». Ниже идет короткая фраза, рядом вертикально стоят три даты. Фраза звучит так: «Благое намерение не знает неудач». Даты таковы: 17 июня 2755 года, 5 сентября 2788 года, 21 декабря 2800 года; по летоисчислению того периода, начиная с первого атомного взрыва, случившегося в 1945 году прежней эры.

Ни одна из приведенных дат не соответствует рождению или смерти этого человека. Не соответствуют они также ни свадьбе, ни вообще какому-либо значительному событию, каковым могли бы гордиться жители Объединенных Миров. Они символизируют вину и скорбь.

Указанные даты означают дни, когда Ричарда Сайаму Альтмайера бросали за его взгляды в тюрьму

17 июня 2755 года

Несомненно, в возрасте двадцати двух лет Дик Альтмайер был способен испытывать ярость. Волосы его тогда имели темно-коричневый цвет, и усов, которые позже стали неотъемлемой принадлежностью его облика, он еще не отрастил. Конечно, у него и тогда был тонкий нос с горбинкой. Пройдет немало лет, прежде чем все усиливающаяся худоба щек превратит его нос в настоящий хребет, который навсегда запечатлится в умы миллиардов школьников.

Грегори Сток стоял на пороге и взирал на учиненный другой погром. Круглое лицо и холодный цепкий взгляд уже узнавались, а вот военная форма, в которой ему предстояло провести остаток жизни, была еще не пошита.

— Великая Галактика! — воскликнул он.

— Привет, Джеф, — поднял голову Альтмайер.

— Что происходит, Дик? Я думал, твои принципы, дружище, противостоят всякого рода разрушениям. А этот व्यюер, похоже, сильно пострадал. — Он поднял с пола обломок.

— Я держал व्यюер в руках, когда мне сбросили на приемник официальное извещение. Сам знаешь какое.

— Знаю. Я получил такое же. Где оно?

— На полу. Сорвал с катушки, как только его изрыгнули. Подожди, сейчас я брошу его в атомную мусорку!

— Эй, остынь. Мы не можем...

— Почему?

— Потому, что так ты ничего не добьешься. Каждый обязан отслужить свой срок.

— Ты так и не понял моих мотивов.

— Не будь ослом, Дик.

— Клянусь космосом, это дело принципа.

— Глупости! Нельзя сражаться со всей планетой. Твоя болтовня о коварных правителях, втягивающих невинных людей в войну, — самая настоящая звездная пыль. Думаешь, если сейчас объявить всеобщее голосование, большинство не поддержало бы войну?

— Это ни о чем не говорит, Джеф. Правительство контролирует...

— Средства пропаганды. Да, знаю. Ты мне все уши прожужжал. Только я не понимаю, почему ты так настроен против службы?

Альтмайер отвернулся.

— Во-первых, — продолжил Сток, — ты можешь просто не пройти медицинскую комиссию.

— Пройду. Я был в космосе.

— Не обольщайся. Если доктора пропустили тебя на лайнер, значит, у тебя нет явных сердечных заболеваний и отека легких. Для воинской службы этого недостаточно. Вдруг ты действительно не пройдешь?

— Речь о другом, Джеф. Я ведь не боюсь сражаться.

— Надеешься остановить таким способом войну?

— Было бы здорово. — Голос Альтмайера задрожал от волнения. — Я верю в то, что человечество должно объединиться. Нам не нужны ни войны, ни вооруженные до зубов космические армады. Галактика готова открыть свои тайны объединенным усилиям человеческой расы. Мы же целых две тысячи лет враждуем сами с собой и отдаем Галактику другим.

Сток рассмеялся:

— В этом мы преуспели. На сегодняшний день существует более восьмидесяти независимых планетных систем.

— Мы забыли, что существуют и другие разумные цивилизации.

— Вспомнил своих любимых диаволов? — Сток прижал кулаки к вискам и покрутил указательными пальцами.

— И твоих тоже, — огрызнулся Альтмайер. — У них одно правительство контролирует больше планет, чем драгоценные восемьдесят независимых, вместе взятые.

— Правильно. Не забывай, что их ближайшая планета находится в полутора тысячах световых лет от Земли. В любом случае они не смогут жить на кислородных планетах.

Теря дружеское расположение духа, Сток резко добавил:

— Послушай, я, собственно, заглянул, желая сообщить тебе, что на следующей неделе прохожу медкомиссию. Идешь со мной?

— Нет.

— Твердо решил?

— Абсолютно.

— Ты ничего не добьешься. Пламя на Земле не возгорится. Миллионы молодых людей не пойдут за тобой на антивоенные выступления. Тебя просто упекут в тюрьму.

— В тюрьму, так в тюрьму.

Так и вышло. Ричард Сайама Альтмайер угодил за решетку. 17 июня 2755 года атомной эры после короткого судебного заседания, на котором он отказался от всякой защиты, его приговорили к заключению сроком на три года — или на время военных действий, смотря по тому, что продлится дольше.

Он отсидел немногим более четырех лет и двух месяцев. Ровно столько потребовалось, чтобы сантаниане потерпели серьезное, хотя и не окончательное поражение. В результате Земля установила контроль над несколькими спорными астероидами, получила определенные коммерческие привилегии и добилась ограничения сантанианского космического флота.

Общие потери составили чуть больше двух тысяч кораблей экипажами плюс несколько миллионов человек, погибших при бомбардировке планет из космоса. Космические флоты обеих сторон достаточно успешно справились с защитой, вынуждая противника расстреливать боезапасы на дальних подступах к Земле и Сантане.

Благодаря войне Земля стала считаться сильнейшей военной диктатурой.

Джеффри Сток воевал от начала до конца, не раз принимал участие в боевых действиях, но, несмотря на это, остался жив. Войну Джеффри закончил майором. Он участвовал в первой дипломатической миссии, отправленной с Земли в цивилизацию диаволов. Это был его первый шаг в большой военной и политической карьере.

5 сентября 2788 года

Они были первыми диаволами, ступившими на поверхность Земли. Федералистская партия старалась разъяснить драматизм ситуации тем, кто его еще не почувствовал. На проекци-

онных плакатах и в выпусках новостей снова и снова прокручивалась хронология событий.

Впервые исследователи с Земли столкнулись с диaboлами в начале века. Это была разумная раса, вступившая в эру межзвездных перелетов независимо от людей и немного раньше их. К моменту описываемых событий они контролировали большую, чем человечество, часть Галактики.

Регулярные дипломатические отношения между диaboлами и представителями крупнейших человеческих колоний начались двадцать лет назад, сразу же после войны между Землей и Сантаной. Уже в то время опорные пункты диaboлов находились на расстоянии двадцати световых лет от наиболее отдаленных центров человечества. Диaboлы бороздили космос во всех направлениях, перехватывали выгодные торговые контракты и получали концессии на разработку незанятых астероидов.

И вот они прибыли на саму Землю. Правители крупнейшего человеческого центра Галактики принимали их как равных, а может быть, даже и лучше. Федералисты надрылись, трубя о страшной статистике. А факты были таковы: несмотря на то что люди численно превосходили диaboлов, человечество колонизовало за пятьдесят лет всего пять новых миров, в то время как диaboлы захватили почти пятьсот.

— Сто — один в их пользу, — кричали федералисты, — потому что у них единая политическая организация, а у нас их сто.

Тем не менее мало кто на Земле, а тем более в других частях Галактики, обращал внимание на призывы федералистской партии к созданию Галактического Союза.

Вдоль улиц, по которым пятеро диaboлов почти ежедневно добиралась от специально оборудованного в лучшем отеле номера до министерства обороны, выстраивались толпы землян. Между тем общее настроение было отнюдь не враждебным. Люди приходили в основном из любопытства, хотя многие испытывали к пришельцам откровенное отвращение.

Смотреть на диaboлов было неприятно. Крупнее и массивнее землян, при ходьбе они опирались на четыре толстые ноги, помимо которых у чужаков имелись по две руки с подвижными и гибкими пальцами. Одежды они не носили и ничем не прикрывали морщинистых складок кожи. С точки зрения землян, их широкие, плоские лица не имели никакого выражения, зато над глазами с огромными зрачками росли короткие рога. Благодаря последним эти существа и получили свое прозвище. Поначалу их попросту называли чертями, затем перешли на более вежливый латинский эквивалент.

На спине у каждого была закреплена пара цилиндров, из которых тянулись к ноздрям гибкие шланги. Плотные, закрепленные на ноздрах трубки были заполнены гашеной известью, поглощающей ядовитый для инопланетян углекислый газ. Они явно страдали от нехватки серы; время от времени стоящие в первых рядах зрители улавливали смрадный запах выдыхаемого диaboлами сероводорода.

В толпе находился и лидер федералистов. Он стоял чуть поодаль, дабы не привлекать особого внимания полиции. Стражи порядка натянули вдоль пути следования гостей веревки и смотрели за порядком с небольших роллеров, на которых они могли мгновенно рассеять любую толпу. У лидера федералистов было худое лицо, тонкий, выдающийся нос и прямые седеющие волосы.

— Не могу смотреть. Противно, — произнес он и отвернулся. Его спутник отозвался более философски:

— По духу они ничуть не уродливее некоторых наших красавцев-политиков. Эти, по крайней мере, соответствуют своему виду.

— К сожалению, ты прав. У нас все готово?

— Полностью. Ни один из них не вернется домой живым.

— Хорошо! Я останусь здесь и отсюда подам сигнал.

Диaboлы тоже вели между собой беседу. Люди этого заметить не могли, даже те, кто стоял совсем рядом. Натянутая между рогами кожа пришельцев обладала способностью быстро вибрировать с помощью мыщ, аналогов которым в человеческом теле не имелось. Возникающие при этом колебания воздуха могли уловить лишь самые чувствительные земные приборы. Так или иначе, в тот момент на Земле об этом еще не подозревали.

При помощи вибрации прозвучал вопрос:

— Все знают, что именно эта планета — родина двуногих?

— Нет, — ответило несколько вибраций, после чего одна вибрация поинтересовалась:

— Ты понял это благодаря тому, что освоил их способ общения?

— Кстати, этим делом не мешало бы заняться нам всем, вместо того чтобы в один голос твердить о бессмысленности двуногой культуры. Я не говорю о том, что с двуногими гораздо легче иметь дело, когда хоть что-то о них знаешь. У них жуткая, но интересная история. Я не жалею, что довелось повидать все своими глазами.

— Предыдущие контакты с двуногими свидетельствуют, что они не знают, с какой планеты они произошли, — возразила другая вибрация. — Во всяком случае, никакого почтения этой

планете они не оказывают. Не существует посвященных ей торжественных ритуалов. Между прочим, отсутствие ритуалов и тот факт, что Земля менее всего напоминает святыню, вполне понятно в свете истории двуногих. Живущие на других планетах двуногие не признают первенства Земли. Они рассматривают ее лидерство как ущемление собственной независимости и достоинства.

— Непонятно.

— Я тоже не сразу разобрался, пришлось несколько дней почитать их прессу. Теперь, кажется, начинаю кое-что схватывать. Похоже, до начала межзвездных полетов двуногие имели единое политическое устройство.

— Естественно.

— Только не для двуногих. Это был как раз необычный период в их истории, который, кстати, долго и не продлился. Стоило образовавшимся в различных мирах колониям окрепнуть, как они тут же старались порвать с родным домом. К этому периоду относится первая волна межзвездных войн двуногих.

— Ужасно Просто каннибалы.

— Иначе и не скажешь. Когда я все это читал, у меня даже аппетит испортился, а отрывка несколько дней горчила. Как бы там ни было, колонии завоевали независимость, и сложилась нынешняя ситуация. Все эти королевства, республики и прочие государственные формирования двуногих на деле представляют собой крошечные миры, каждый из которых состоит из главенствующего образования и нескольких подчиненных. При этом подчиненные миры без конца пытаются оторваться от главного или перейти в другое подчинение.

Земля является сильнейшим миром, хотя контролирует менее дюжины прочих образований.

— Даже не верится, что эти существа настолько слепы к своим собственным интересам. Разве у них не сохранилось традиции единого правительства, которое существовало в тот период, когда они обитали на одной планете?

— Я уже говорил, им это не свойственно. Единое правительство просуществовало несколько десятилетий. А раньше они даже на одной планете умудрились создать несколько враждующих политических формирований.

— Никогда ни о чем подобном не слышал — На время колебания нескольких существ заглушили друг друга.

— Удивительно, но такова природа этих тварей.

Тут пришельцы подошли к министерству обороны.

Пятеро диаволов рядом выстроились возле стола. Они стояли, поскольку не могли сидеть в силу своего анатомического устройства.

По другую сторону стола, также стоя, находились пятеро землян. Людям было бы естественнее сидеть, но им не хотелось еще больше усугублять недостаток роста.

Стол был довольно широк; собственно говоря, шире достать просто не удалось. От ширины стола зависело самочувствие и настроение людей, ибо от диаволов исходил почти незаметный при дыхании, но весьма сильный при разговоре запах сероводорода. С подобными сложностями дипломатам прежде сталкиваться не приходилось.

Как правило, встречи длились не более получаса, после чего диаволы без церемоний заканчивали беседу и удалялись. На этот раз, однако, произошла задержка. В зал вошел человек, и пятеро ведущих переговоры землян тут же посторонились, уступая ему место.

Он был высок — выше, чем любой из присутствующих людей — и носил военную форму с легкостью, которая приходит лишь с годами. У него было круглое лицо и холодные, цепкие глаза. Черные волосы начали редеть, но седина их еще не тронула. Неровный шрам пересекал челюсть и убежал за высокий коричневый воротник — такие шрамы остаются от удара лучом из ручного стрелкового оружия. Скорее всего он получил эту рану в давно забытом бою в одной из пяти войн, в которых принимал активное участие.

— Господа, — торжественно произнес главный из ведущих переговоры землян, — позвольте представить вам нашего министра обороны.

Диаволы несколько растерялись, хотя по выражению их лиц заметить этого было нельзя. Звуковые пленки на лбах завибрировали. Они уважительно относились к служебной и официальной иерархии, которая оказалась неожиданным образом нарушена. Понятно, что этот министр всего-навсего двуногий, но по принятым у двуногих стандартам он превосходил их в звании и должности. Они не могли вести с ним переговоры на официальном уровне.

Министр понимал их смятение, но не имел другого выбора. Диаволов требовалось задержать хотя бы минут на десять, и это был единственный способ.

— Господа, — обратился он к пришельцам, — я прошу вас сегодня ненадолго задержаться.

Стоящий посередине диавол ответил на сравнительно неплохом английском; лучше, наверное, с его голосовыми связками сказать было невозможно. Фактически диаволы имели по два рта. Один помещался на конце челюстной кости и использовался при еде. Людям редко приходилось видеть эту процедуру, поскольку диаволы предпочитали есть исключительно в

своей компании. Более узкое ротовое отверстие, не превышающее, по сути, двух дюймов, служило для произнесения звуков. Когда диаволы открывали рот, в глаза землянам бросалось отсутствие передних резцов. В процессе речи рот оставался постоянно открытым, необходимые для произнесения согласных преграды формировались при помощи неба и спинки языка. В результате получались грубые, плохо различимые звуки, но общаться было можно.

Диавол произнес:

— Вы нас извините, нам уже трудно. — При помощи пластинки на лбу он передал: — Они решили уморить нас в своей вонии. Пора заказывать ядопоглощающие цилиндры большего размера.

— Я с сочувствием отношусь к вашей ситуации, — сказал министр обороны, — но боюсь, у нас не будет другой возможности для общения. Надеюсь, вы окажете нам честь и отобедаете с нами.

Стоящий рядом с министром землянин не сумел побороть гримасу отвращения. Быстро набросав на листике несколько слов, он передал его министру.

Записка гласила: «Ни в коем случае. Они жрут пропитанное серой сено. Мы задохнемся». Министр скомкал листик и бросил его на пол.

— Это честь для нас, — ответил диавол. — Если бы мы только могли дольше переносить вашу необычную атмосферу, мы бы с радостью приняли ваше приглашение.

Лобной пластинкой он раздраженно передал:

— Они сами не пойдут на то, чтобы мы ели вместе. Мы же увидим, как они пожирают трупы мертвых животных. Я все-таки опасаясь за свою отрыжку. Она навсегда потеряет сладость.

— Мы уважаем ваши проблемы, — улыбнулся министр. — Давайте поговорим о деле. В ходе переговоров нам так и не удалось добиться от вашего правительства, каковое вы здесь представляете, ответа на вопрос о границах вашего влияния. Мы выступили с целым рядом предложений.

— В отношении всех земных территорий мы давно определились и четко высказали свою позицию, — ответил диавол.

— Надеюсь, вы понимаете, что этого недостаточно. Границы Земли и ваши владения нигде не пересекаются. До сего времени мы ограничивались лишь констатацией данного факта. Однако вопрос гораздо серьезнее.

— Не совсем ясно. Вы предлагаете обсудить наши границы с Вегой? Это королевство населено людьми, но оно давно обрело независимость от Земли.

— Именно так.

— Это исключено, сэр. Вы, безусловно, понимаете, что все моменты, касающиеся нас и независимого мира Вегги, не имеют к Земле никакого отношения. Мы намерены говорить о них только с Веггой.

— В таком случае вам придется вести сотни переговоров с сотней населенных людьми мировых систем.

— Ничего не поделаешь. Отмечу лишь, что эта необходимость продиктована не нами, а сложившейся природой ваших человеческих взаимоотношений.

— В этом случае круг обсуждаемых вопросов резко сужается, — рассеянно произнес министр обороны. Казалось, он прислушивается не к собеседнику, а к происходящим на улице событиям.

Снаружи действительно что-то происходило. Сквозь толстые стены здания доносился едва различимый гул голосов, далекий треск лучевых пистолетов и рев полицейских роллеров.

Диаволы хранили полное спокойствие. Это могло быть либо очередным проявлением воспитанности, либо доказательством того, что, обладая повышенной чувствительностью к ультразвуку, они плохо слышат в обычном диапазоне.

Ведущий переговоры диавол произнес:

— Я искренне удивлен. Мы считали, что это все вам известно.

В дверях появился человек в полицейской форме. Министр обороны повернулся в его сторону. Едва заметно кивнув, полицейский исчез.

Тогда министр неожиданно громко и энергично сказал:

— Ну и отлично. Я просто хотел лишний раз убедиться. Надеюсь, вы готовы возобновить наши переговоры завтра?

— Разумеется, сэр.

Один за другим, медленно, как и подобает наследникам вселенной, диаволы покинули зал переговоров.

— Хорошо, что они отказались с нами есть, — пробормотал землянин.

— Я знал, что они откажутся, — задумчиво произнес министр. — Они вегетарианцы. При одной мысли о поедании мяса им становится дурно. Я ведь видел, как они едят; кстати, не многие могут этим похвастаться. Так вот, едят они наподобие нашего скота. Сваливают еду в кучу, становятся крутом и задумчиво пережевывают собственную отрыжку. Возможно, при этом они общаются неизвестным для нас способом. Жуют так: нижняя челюсть описывает горизонтальные круги...

В дверях снова появился полицейский.

- Всех взяли? — поинтересовался министр.
- Так точно, сэр.
- И Альтмайера?
- Да, сэр.
- Хорошо.

К тому моменту когда диаволы появились на ступеньках здания министерства обороны, вокруг снова собралась толпа народа. График никогда не нарушался. Ежедневно, ровно в три часа, инопланетяне покидали свой номер в отеле и тратили пять минут на дорогу до министерства. В три тридцать пять они выходили из здания и возвращались в отель по охраняемому полицией пути. Они торжественно и чинно шествовали по широкому проспекту. Со стороны казалось, что в поступи их есть что-то от механических роботов.

Когда позади осталась половина пути, раздался шум и крики. Толком было непонятно, кто и почему кричит, но треск лучевых пистолетов и бледно-голубые разряды над головами заметили все. Полиция тут же устремилась к месту происшествия, роллеры подлетали в воздух футов на семь, после чего плавно опускались в толпу, никому, однако, не причиняя вреда, и снова взмывали вверх. Народ бросился врассыпную, все потонуло в шуме и гаме.

Посреди этого беспорядка диаволы продолжали механически топтать в нужную им сторону. Либо они действительно ничего не слышали, либо обладали поистине завидным самообладанием.

У дальнего края площади, напротив того места, где начались беспорядки, довольно потирал нос Ричард Сайама Альтмайер. Строгая пунктуальность диаволов позволяла рассчитать акцию до секунды. Первые беспорядки преследовали своей целью отвлечь внимание полиции. И вот сейчас...

Он произвел оглушительный, но безвредный выстрел в воздух.

В ту же секунду со всех сторон загремели залпы разрывных снарядов. С крыш стоящих вдоль дороги домов заработали снайперы. Пули пробивали тела диаволов и разрывались у них внутри, разнося на куски все органы. Один за другим пришельцы валились на землю.

Неожиданно, откуда ни возьмись, появилась полиция. Альтмайер изумленно уставился на кинувшихся к нему офицеров.

Мягко, ибо за двадцать лет он утратил всю свою ярость, Альтмайер произнес, показывая на разорванных пришельцев:

— На сей раз вы сработали оперативно, но все равно опоздали.

В толпе началась паника. Подоспевшие в рекордно короткие сроки дополнительные подразделения полиции направляли потоки бегущих по безопасным направлениям.

Схвативший Альтмайера полицейский имел чин капитана.

— А мне кажется, вы ошиблись, мистер Альтмайер, — жестко произнес он. — Не показалось ли вам странным, что на убитых нет крови? — При этом он тоже махнул рукой в сторону лежащих на земле диаволов.

Альтмайер вздрогнул и побледнел. Пришельцы валялись на земле, некоторые были разорваны на части, доски кожи болтались на погнутых ребрах каркаса. В одном капитан полиции оказался прав. Не было ни крови, ни мяса.

Белые, окаменевшие губы Альтмайера не могли выговорить ни слова.

Капитан усмехнулся:

— Правильно догадались, сэр. Это роботы.

В этот момент из дверей министерства обороны показались настоящие диаволы. Полиция дубинками расчистила им путь в противоположную сторону, чтобы гостям не пришлось проходить мимо искалеченных чучел из пластмассы и алюминия, которые в течение трех минут исполняли роль живых существ.

— Рекомендую вести себя разумно, мистер Альтмайер, — произнес капитан полиции. — С вами желает переговорить министр обороны.

— Я готов, сэр. — На Альтмайера начало наваливаться каменное безразличие.

Джеффри Сток и Ричард Альтмайер вновь увидели друг друга спустя четверть века. Встреча состоялась в частном кабинете министра обороны. Обстановка удивляла суровостью: стол, кресло и два стула. Темно-коричневая мебель была обита губчатой пленкой; удобно, но без лишней роскоши. На столе лежал микровьюер и небольшой ящик, в котором могли поместиться несколько десятков кассет. На противоположной от стола стене красовалось трехмерное изображение «Бесстрашного» — первого корабля, которым довелось командовать министру обороны.

— Нелепая у нас получилась встреча, — смущенно пробормотал Сток. — После столько лет... Мне жаль.

— Чего тебе жаль, Джеф? — попытался улыбнуться Альтмайер. — Мне вот ничего не жаль, кроме того, что я попался на твою удочку с роботами.

— Трюк не хитрый, — сказал Сток, — и прекрасная возможность потрясти твою партию. Не сомневаюсь, что после такого прокола она надолго потеряет авторитет. Пацифисты пытаются развязать войну; апостол мягкости покушается на убийство.

— Войну с истинными врагами, — печально уточнил Альтмайер. — Но ты прав. На такое можно пойти только с отчаяния. Кстати, откуда ты узнал о моих планах?

— Ты по-прежнему переоцениваешь человечество, Дик. Слабость любого заговора заключается в людях, которые его замышляют. У тебя было двадцать пять сообщников. Неужели тебе не пришлось в голову, что по крайней мере один из них информатор, а может, и мой агент?

Щеки Альтмайера загорелись пунцовым огнем.

— Кто? — спросил он.

— Извини. Он нам еще пригодится.

Альтмайер устало откинулся на спинку стула.

— Ну и чего ты достиг?

— Сам-то ты чего достиг? Такой же непрактичный, как в последний день нашей встречи. Помнишь, когда ты решил отправиться в тюрьму, вместо того чтобы записаться на военную службу?.. Ты не изменился.

Альтмайер покачал головой:

— Истина не меняется.

— Если это истина, — нетерпеливо перебил его Сток, — объясни мне, почему у вас все всегда проваливается? Ты отмотал срок, но ничего не добился. Война все равно началась. Ни одной жизни ты не спас. С тех пор ты основал политическую партию, но все ваши начинания тоже пошли прахом. И заговор твой лопнул как мыльный пузырь. Тебе скоро пятьдесят, Дик, а чего ты достиг? Ничего.

— А ты отправился на войну, — сказал Альтмайер, — дослужился до командира корабля, затем получил портфель в правительстве. Поговаривают, что ты станешь следующим Координатором. Ты-то добился многого. И все же успех и неудача не могут существовать сами по себе. Да и успех ли это? В чем? В дальнейшем развале человечества? Неудача в чем? Благое намерение не знает неудач, речь может идти только об отсрочке успеха.

— А если тебя казнят за то, что ты сегодня сделал?

— Даже если меня казнят. Мое дело продолжит другой, и его успех станет моим успехом.

— И как же ты его себе представляешь? Неужели ты действительно веришь в союз миров, Галактическую Федерацию? Неужели ты хочешь, чтобы сантаниане занимались нашими вопросами? Или чтобы вегийцы диктовали, что нам

следует делать? Скажи, неужели ты согласишься, чтобы судьба Земли зависела от случайной комбинации политических сил?

— Мы будем зависеть от них не больше, чем они от нас.

— За исключением того, что мы богаче их всех. Они будут нас грабить, чтобы поддержать разрушенную экономику миров Сириуса.

— Мы легко рассчитаемся за счет средств, сэкономленных на не случившихся войнах.

— У тебя на все вопросы есть ответы, Дик?

— За двадцать лет мне задали все вопросы, Джеф.

— Тогда ответь мне, как ты заставишь свой союз выступить против врагов человечества?

— Для этого я и хотел убить диаволов. — Впервые с начала разговора Альтмайер проявил раздражение. — Это привело бы к войне, в которой все человечество объединилось бы против общего врага. Все наши политические и идеологические разногласия отошли бы на второй план.

— Ты в самом деле так считаешь? Между прочим, диаволы еще ни разу не ущемили наших интересов. Они просто не могут жить в наших мирах. Они вынуждены обитать на планетах с сернистой атмосферой и океанами из сернокислого натрия.

— Человечество само разберется, Джеф. Диаволы переползают с одного мира на другой, как раковая опухоль. Они блокируют полеты в регионы с незанятыми кислородными планетами, такими, которые подходят нам. Они думают о будущем, о расселении грядущих поколений бесчисленных диаволов, в то время как мы забились в угол Галактики и бьемся друг с другом смертным боем. Через тысячу лет мы станем их рабами, через десять тысяч лет вымерем совсем. Поверь, они наш общий враг. И человечество об этом знает. Ты поймешь свою ошибку раньше, чем думаешь.

— Твои партийные активисты без конца твердят о Древней Греции доатомной эры, — сказал министр обороны. — Утверждают, что греки были прекрасными людьми, самым культурным и образованным народом своего времени, а может, и всех времен. Древние греки вывели человечество на дорогу, с которой оно окончательно не сошло до сих пор. У них был лишь один недостаток: они не могли объединиться. Потом их завоевали, а сами они вымерли. И мы следуем их путем, так?

— Ты хорошо усвоил урок, Джеф.

— А ты, Дик?

— Что ты имеешь в виду?

— Был ли у греков общий враг, против которого им следовало объединиться?

Альтмайер молчал.

— Греки сражались с Персией, могучим общим врагом. При этом немало греческих государств сражались на стороне персов.

— Да, так, — промолвил наконец Альтмайер. — Некоторые считали победу персов неизбежной и хотели оказаться на стороне победителя.

— С тех пор люди не изменились, Дик. Почему, по-твоему, диаволы прибыли к нам? Что мы с ними обсуждаем?

— Я не вхожу в правительство.

— Не входишь, — прорычал Сток. — А я вхожу!.. И знаю, что Лига Веги вступила в союз с диаволами.

— Не может быть! Никогда не поверю!

— Может. И есть. Диаволы согласились предоставить им пятьсот кораблей в любой момент, как только они вступят в войну с Землей. Взамен Вега отказывается от всех притязаний на Нигеланское звездное скопление. Так что, если бы тебе удалось убить диаволов, война бы, конечно, началась, но половина человечества сражалась бы на стороне так называемого общего врага. Мы пытаемся этого не допустить.

— Я готов к суду, — медленно проговорил Альтмайер. — Или меня казнят без него?

— Как был дураком, так дураком и остался! — сплюнул Сток. — Если мы тебя расстреляем, ты станешь мучеником. А вот когда мы расстреляем всех твоих помощников, тебя заподозрят в сотрудничестве с государственными службами. Как предатель, ты будешь для нас совершенно безвреден.

Таким образом, пятого сентября 2788 года Ричард Сайама Альтмайер после короткого тайного судебного заседания был приговорен к пяти годам тюремного заключения. Он отбыл полный срок. В год, когда он вышел на свободу, Джеффри Сток был избран Координатором планеты Земля.

21 декабря 2800 года

Симон Девуар не находил себе места. Это был маленький человечек с песочными волосами и покрытым веснушками румяным лицом. Он произнес:

— Жаль, что я согласился встретиться с вами, Альтмайер. Вам это не принесет никакой пользы. А мне может навредить.

— Я уже старик, — ответил Альтмайер. — Никакого вреда вам не причиню.

Он и в самом деле стал стариком. К началу нового века он прожил две трети столетия, но выглядел гораздо старше, да и внутренне изрядно поизносился. Одежда болталась на нем, как на вешалке. Не постарел лишь его нос — по-прежнему тонкий, аристократический, хищный нос Альтмайера.

— Я боюсь не вас, — поморщился Девуар.

— Почему? Может, вы думаете, что я предал своих людей на процессе восемьдесят восьмого года?

— Нет, конечно, нет. Просто времена федералистов прошли.

Альтмайер попытался улыбнуться. Он был голоден, ибо за весь день так и не успел перекусить. Значит, времена федералистов прошли? Наверное, со стороны многим именно так и кажется. Движение осмеяли. Провалившийся заговор и «безнадежное дело» нередко привлекают романтиков, о нем помнят спустя многие поколения; главное, чтобы проигрыш оказался достойным. Но открыть пальбу по чучелам, дать обвести себя вокруг пальца, выставить себя на посмеище — это погибель. Это хуже, чем предательство, ошибка и грех. Не многие поверили в то, что Альтмайер купил себе жизнь, выдав товарищей, но всеобщий смех добил федерализм.

Лишь Ричард Альтмайер хранил упрямое достоинство.

Он произнес:

— Времена федералистов никогда не пройдут. Движение будет жить, пока живет человечество.

— Слова, — нетерпеливо перебил его Девуар — В молодости я еще мог ими увлечься. Сейчас я устал.

— Симон, мне нужен выход на всегалактическую систему.

Лицо Девуара окаменело.

— И ты вспомнил обо мне... Извини, Альтмайер, я не позволю тебе использовать мои передачи.

— Ты же был федералистом.

— И что теперь? — огрызнулся Девуар. — Это было давно. Теперь я... теперь я никто. Девуарист, может быть. Я хочу жить.

— Под пятой диаволов? Хочешь жить, пока они тебе позволяют, и умереть по их приказу?

— Слова!

— Ты одобряешь всегалактическую конференцию?

Девуар покраснел гуще своего обычного розового цвета. На мгновение Альтмайеру показалось, что в его собеседнике слишком много крови.

— А почему бы и нет? Неужели так важно, каким способом мы установим Федерацию Человека? — ядовито поинтересовался.

вался Девуар. — Если ты остался федералистом, ты не можешь выступать против объединенного человечества.

— Объединенного диaboлами?

— Какая разница? Человечество не способно объединиться своими силами. Пусть нам помогут, хотя бы на первоначальном этапе. Мне это все надоело, Альтмайер. Мне надоела наша бестолковая история. Я устал быть идеалистом, когда нет никаких идеалов. Люди остаются людьми, и это самое неприятное. Наверное, нам действительно нужен хороший кнут. Если так, то я не возражаю, чтобы его применили диaboлы.

— Ты поразительно глуп, Девуар, — мягко произнес Альтмайер. — Настоящего союза не получится, пойми! Диaboлы созывают конференцию, чтобы выступить в роли арбитров в межчеловеческих распрях и сохранить за собой функцию верховного суда навечно. Они не заинтересованы в образовании реального единого человеческого правительства. Все пойдет по-прежнему, населенные людьми миры будут отстаивать каждый свои интересы. Зато мы начнем привыкать по малейшему пустяку обращаться за помощью к диaboлам.

— С чего ты взял, что все будет именно так?

— А как еще может быть?

— По-разному, — Девуар пожевал нижнюю губу.

— Посмотри в окно, Симон. Мы потеряем последние остатки независимости.

— Много нам было проку с той независимости? А потом, в чем смысл? Мы все равно ничего не сможем изменить. Не думаю, чтобы Координатор Сток радовался этой конференции больше тебя, но и он здесь бессилен. Если Земля откажется участвовать в работе конференции, союз будет сформирован без нас, после чего нам придется воевать с остальным человечеством и диaboлами. Это, кстати, грозит всем проигнорировавшим конференцию мирам.

— А теперь представь, что все правительства откажутся в ней участвовать! Тогда конференция лопнет сама по себе!

— Хотя раз было такое, чтобы все человеческие правительства сделали что-нибудь вместе? Ты так ничему и не научился, Альтмайер.

— Появились новые факторы.

— Как например? Я знаю, что спрашивать глупо, но все равно расскажи.

— В течение двадцати лет большая часть Галактики была закрыта для пилотируемых людьми кораблей. Тебе это известно. Никто из нас не имеет малейшего понятия о том, что происходит на контролируемой диaboлами территории. Между тем внутри их сферы влияния есть человеческие колонии.

— Ну?

— Время от времени жителям этих миров удается вырваться в свободные зоны. Правительство Земли получает сообщения, которые оно боится публиковать. Однако не все члены правительства готовы вечно терпеть подобную трусость. Я кое с кем встречался. Разумеется, имя должно остаться в тайне. Так вот, у меня есть документы, Девуар, надежные, официальные, достоверные.

— Какие? — пожал плечами Девуар и повернул настольные часы так, чтобы Альтмайер мог видеть сверкающий металлический циферблат, на котором резко выделялись светящиеся красные цифры. Часы показывали 22.31; когда он их поворачивал, единичка погасла, а на ее месте засияла двойка.

— Существует планета, — сказал Альтмайер, — которую ее обитатели называют Чу Хси. Население ее невелико: может быть, миллиона два. Пятнадцать лет назад диaboлы захватили прилегающие к ней миры, и за все пятнадцать лет ни один пилотируемый людьми корабль не приземлился на поверхности этой планеты. В прошлом году на ней высадились сами диaboлы. Они привезли с собой гигантские грузовые корабли, полные сернокислого натрия и бактериальных культур, свойственных их родным мирам.

— Что?.. Ты не заставишь меня в это поверить.

— А ты постарайся, — иронично заметил Альтмайер. — Все просто. Сернокислый натрий растворится в океане любого мира. Затем в сернистом океане начнут расти и размножаться соответствующие бактерии. Они будут выделять сероводород, который заполнит все моря и атмосферу. После этого диaboлы смогут поселить там свои растения и животных, а потом поселятся и сами. Еще одна планета окажется пригодной для диaboлов и непригодной для людей. Конечно, потребуется время, но время у них есть. Они представляют собой объединенный народ и...

— Послушай! — Девуар раздраженно покачал пальцем. — Эти рассказы не проходят. У диaboлов множество планет, они даже не знают, что с ними делать.

— Сегодня — да. Но диaboлы — это раса, которая думает о будущем. У них высокая рождаемость, и рано или поздно они заполнят Галактику. Представь, насколько им будет легче, если кроме них во вселенной не будет другого разума.

— То, о чем ты рассказал, невозможно чисто с технической точки зрения. Представь, сколько потребуется миллионов тонн сернистого натрия, чтобы создать в океанах нужную им пропорцию?

— Очевидно, планетный запас.

— Правильно. Что же, по-твоему, они разорят один из своих миров, чтобы создать новый? Это бессмысленно

— Симон, Симон, в Галактике миллионы планет, по атмосферным условиям, температуре или силе притяжения не подходящих для жизни ни людей, ни диаволов. И многие из них чрезвычайно богаты серой.

— А что с людьми, которые жили на той планете?

— На Чу Хси? Их подвергли эвтаназии, всех, за исключением немногих, кто успел вовремя смотаться. Полагаю, все произошло быстро и безболезненно. Диаволы не проявляют ненужной жестокости, они просто деятельны и исполнительны.

Альтмайер ждал Девуар сжимал и разжимал кулак

— Опубликуй эту новость. Распространи ее по межзвездному эфиру. Передай документы в приемные центры различных миров. Ты сможешь это сделать, и тогда межгалактическая конференция лопнет.

Кресло Девуара резко закрипело. Он вскочил на ноги.

— У тебя есть доказательства?

— Ты сделаешь это?

— Я хочу видеть доказательства.

— Пойдем, — улыбнулся Альтмайер.

Его ждали в небольшой меблированной квартирке, где он проживал последнее время. Он ничего не заметил. Он даже не обратил внимания на небольшой автомобиль, который медленно сопровождал его на почтительном расстоянии. Альтмайер шел опустив голову, подсчитывая сколько времени потребуется Девуару, чтобы протолкнуть информацию через космические глубины; как скоро приемные станции на Веге, Сантане и Центавре распространят страшную новость по всей Галактике. Так он и вошел в подъезд, даже не взглянув на дежуривших на лестнице парней в штатском.

И только повернув ключ в замке, он почувствовал неладное, но люди в штатском были уже за его спиной. Альтмайер вошел в комнату и сел, неожиданно осознав, какой же он старый. Надо любой ценой задержать их на час десять минут, лихорадочно думал он.

Сидящий в темноте человек вытянул руку и щелкнул выключателем. В мягком, струящемся из стен свете его круглое лицо и лысеющая седая голова показались Альтмайеру до боли знакомыми.

— Кажется, сам Координатор оказал мне честь, — мягко сказал он.

— Мы с тобой старые друзья, Дик, — произнес Сток — Правда, встречаемся редко.

Альтмайер промолчал.

— У тебя хранятся кое-какие правительственные бумаги, Дик, — сказал Сток.

— Если ты в этом уверен, Джеф, тебе придется их поискать.

Сток устало поднялся с кресла.

— Давай без героики, Дик. Хочешь, я тебе расскажу, что это за бумаги? Это донесения о сульфации планеты Чу Хси. Не так ли?

Альтмайер взглянул на часы.

— Если ты собираешься тянуть время, то будешь сильно разочарован. Мы знаем, где ты был, знаем, что бумаги у Девуара, и точно знаем, что он собирается с ними делать.

Альтмайер окаменел. Тонкая кожа на его щеках задрожала.

— Давно знаете? — произнес он.

— Столько же, сколько и ты, Дик. Ты очень предсказуемый человек. По этой причине мы тебя и использовали. Неужели ты думаешь, что Фиксатор мог в самом деле прийти к тебе без нашего согласия?

— Не понимаю.

— Правительство Земли, — сказал Сток, — не заинтересовано в продолжении межгалактической конференции. Между тем мы не федералисты и знаем истинную цену человечеству. Что, по-твоему, произойдет, когда остальная часть Галактики узнает, что диаволы занимаются перегонкой соленых океанов в серно-кислые?

Не надо, не отвечай. Ты же Дик Альтмайер, и я не сомневаюсь, что сейчас ты закипишь благородным негодованием и провозгласишь, что все человеческие миры тут же покинут конференцию, объединятся в любящий, братский союз, дружно навалятся на диаволов и, конечно же, одолеют их.

Сток сделал длинную паузу, и Альтмайеру показалось, что он больше не заговорит. Но Координатор добавил, перейдя почти на шепот:

— Чепуха. Другие миры скажут, что правительство Земли, преследуя собственные корыстные цели, запустило фальшивку и изготовило поддельные документы с целью срыва конференции. Диаволы станут все отрицать, для большинства человеческих миров окажется выгоднее поверить не нам, а им. Они вспомнят о порочности и лживости Земли, забыв о порочности и лживости диаволов. Надеюсь, ты понимаешь, что мы не можем выступить с подобным обвинением.

Альтмайер почувствовал себя выжатым и ненужным.

— Значит, вы остановите Девуара. Ты всегда думаешь о людях настолько плохо, что даже самые ..

— Подожди! Разве я сказал, что собираюсь останавливать Девуара? Я только сказал, что правительство не может выступить с подобным обвинением, и мы действительно не станем этого делать. Но обвинение все равно прозвучит, разве что сразу после него мы арестуем тебя и Девуара и начнем все отрицать еще активнее, чем диаволы. Тогда дело примет другой оборот. Правительства населенных людьми миров решат, что ради достижения собственных эгоистических целей мы пытаемся скрыть действия диаволов и не иначе как вошли с ними в особый сговор. Этого они испугаются по-настоящему и тут же заключат против нас союз. Против нас — и против диаволов. Они станут настаивать на том, что предъявленное обвинение истинно, документы настоящие... и конференция не состоится.

— Это будет означать новую войну, — устало проговорил Альтмайер, — причем не с нашим истинным противником. Снова люди станут убивать друг друга, а победа, кто бы не победил, достанется диаволам.

— Войны не будет, — отрезал Сток. — Ни один мир не рискнет напасть на Землю, пока диаволы будут на нашей стороне. Они просто порвут с нами отношения и изменят пропагандистский уклон. Они начнут раздувать ненависть к диаволам. Позже, если нам придется воевать с диаволами, они, по крайней мере, сохранят нейтралитет.

«А он сильно постарел, — думал Альтмайер. — Мы все стали стариками. Пора на покой».

— С чего ты взял, что диаволы поддержат Землю? Ты можешь обмануть остальное человечество, сделав вид, что стараешься скрыть факты, касающиеся планеты Чу Хси, но диаволов ты никогда не проведешь. Они ни на секунду не поверят, что Земля в самом деле считает документы подделкой.

— Представь себе, поверят. — Джеффри Сток поднялся. — Видишь ли, документы на самом деле фальшивые. Диаволы только замышляют провести сульфацию планеты, но, насколько нам известно, еще не приступили к реализации проекта.

21 декабря 2800 года Ричард Сайама Альтмайер был посажен в тюрьму в третий и последний раз в своей жизни. Не было ни суда, ни определенного приговора, да и самого заключения в буквальном смысле этого слова тоже не было. Ему ограничили право передвижения и разрешили общаться только со строго определенным кругом чиновников. В остальном его удобства не нарушались. Разумеется, Альтмайера лишили доступа к средствам информации, таким образом, он не знал, что

на втором году его третьего заключения разразилась война между Землей и диаволами. Все началось неожиданной атакой земной эскадры на флот диаволов в районе Сириуса.

В 2802 году Джеффри Сток посетил находящегося в неволе Альтмайера. Старик удивленно поднялся поприветствовать неожиданного гостя.

— Хорошо выглядишь, Дик, — сказал Сток.

Сам он этим похвастаться не мог. Лицо Координатора посерело. Он по-прежнему носил форму космического флота, но тело его давно утратило военную выправку. Он должен был умереть через год, о чем знал и к чему относился спокойно. «Я прожил все эти годы, теперь пришло время умереть», — то и дело повторял про себя Сток.

Выглядевшему старше Альтмайеру предстояло прожить еще более девяти лет.

— Рад тебя видеть, Джеф, — воскликнул он, — тем более что на сей раз ты не сможешь меня арестовать! Я уже в тюрьме!

— Я пришел тебя освободить, если хочешь.

— С какой целью, Джеф? Ты ведь все делаешь с какой-то целью. Нашел способ меня использовать?

— Есть идея, — по губам Стока скользнула улыбка. — Думаю, тебе понравится. Мы воюем.

— С кем? — Альтмайер вздрогнул.

— С диаволами. Война идет уже шесть месяцев.

Альтмайер сцепил руки, пальцы его нервно переплелись.

— Ничего об этом не слышал.

— Я знаю. — Координатор заложил руки за спину и удивился, ибо они дрожали. — Мы с тобой проделали нелегкий путь, Дик. У тебя и у меня была одна цель... Нет, дай мне закончить. Я часто хотел объяснить тебе свою позицию, но ты ни разу не выслушал меня до конца. Тебя могли убедить только результаты. Мне было двадцать пять лет, Дик, когда я впервые попал на планету диаволов. Еще тогда я понял: либо они — либо мы.

— Я с самого начала это утверждал, — прошептал Альтмайер.

— Утверждать мало. Ты стремился к объединению человеческих правительств против диаволов, что было политической утопией. Более того, это оказалось бы нежелательно. Люди не диаволы. Среди диаволов индивидуальная совесть является крайне слабым, почти несуществующим понятием. У нас она играет довлеющую роль. У них нет такого понятия, как политика, у нас нет ничего другого. Они не знают

противоречий, у них не может быть двух правительств. Мы никак не можем прийти к соглашению; даже если бы мы жили на одном острове, мы бы разделили его как минимум на три части.

Однако в наших разногласиях заключается и наша сила! Твоя федералистская партия некогда много рассуждала о Древней Греции. Помнишь? Но вы всегда упускали самый важный момент. Греция не смогла объединиться, и из-за этого ее в конце концов покорили. Но даже в состоянии раздора ей удалось разбить гигантскую империю персов. Почему?

Да потому, что в течение столетий греческие города-государства воевали друг с другом. Они были вынуждены совершенствовать свое боевое мастерство и достигли не доступного персам высочайшего уровня. Это понимали даже персы, укомплектовывавшие в последнее столетие существования их империи наиболее боеспособные, элитные войска греческими наемниками.

То же самое можно сказать и о небольших национальных государствах доатомной Европы, которые за столетия непрерывных сражений довели свое воинское искусство до того уровня, который позволил им сдерживать многократно превосходящие их в численном отношении азиатские орды.

Это в равной степени относится и к нам. Дьяволы, владеющие гигантскими галактическими просторами, никогда не воевали. Их огромная военная машина не имеет опыта. За последние пятьдесят лет они с грехом пополам построили военный флот, пытаясь использовать опыт некоторых населенных людьми миров. Человечество, с другой стороны, ожесточенно совершенствовалось в военном искусстве. Правительства из кожи вон лезли, чтобы опередить соперников в военной науке. У людей не было выбора! В результате наша разобщенность привела к тому, что едва ли не каждый из человеческих миров мог на равных сразиться с дьяволами, при условии, что ни один из других миров не выступил бы на их стороне.

Именно на предотвращение подобного хода событий и была направлена вся земная дипломатия. До тех пор пока не существовало гарантии, что остальные миры сохраняют нейтралитет, Земля не могла начать войну с дьяволами. По той же причине мы не могли допустить единения человеческих миров, надо было поддерживать военное соперничество. Как только мы убедились, что после провала конференции, которая должна была состояться два года назад, остальные миры не вступят в конфликт на стороне дьяволов, мы стали искать повода к началу военных действий. Сегодня идет война.

Казалось, что Альтмайер застыл. Прошло немало времени, прежде чем он смог заговорить.

— Что, если дьяволы все-таки победят? — спросил он наконец.

— Не победят, — спокойно сказал Сток. — Две недели назад в бой вступили основные силы. Армады врага были полностью уничтожены, мы практически не понесли никаких потерь. Это при том, что они значительно превосходили нас в численности. Мы будто сражались с торговым флотом. Наше оружие оказалось мощнее и во много раз точнее. Мы почти в три раза превосходим их в скорости, поскольку у нас имеются антиакселерационные устройства, неизвестные дьяволам. После сражения с добрый десяток других населенных людьми миров решил присоединиться к побеждающей стороне и объявил войну дьяволам. Вчера дьяволы запросили перемирия. Война практически окончена, впредь дьяволам придется проживать исключительно на собственных планетах, а их дальнейшее распространение будет осуществляться под нашим строгим контролем.

Альтмайер пробормотал что-то нечленораздельное.

— И вот теперь возникла необходимость в союзе. После разгрома Персии греческие города-государства продолжали междоусобные войны и это их сгубило. Македоняне, а потом римляне завоевали их территории. После того как Европа колонизировала Америку, отсекла часть Африки и завоевала Азию, серия внутренних войн привела к полному упадку Европы.

Разобщенность до победы, после нее — союз! Теперь заключить его не сложно. Пусть мы добились успеха своими силами, плодами должны воспользоваться все человеческие миры. Древний писатель Тойнби первым указал на различие между так называемым «доминирующим меньшинством» и «творческим меньшинством».

Теперь мы стали творческим меньшинством. Различные человеческие правительства почти одновременно выступили за создание организации Объединенных Миров. Более семидесяти миров заявили о желании принять участие в первой сессии, на которой будет принята партия Федерации. Другие присоединятся позже, я в этом уверен. Мы хотим, чтобы ты вошел в состав делегации Земли, Дик.

Из глаз Альтмайера потекли слезы.

— Я.. я ничего не понимаю. Это... правда?

— Все обстоит именно так. Ты был гласом вопиющего в пустыне, Дик. Ты призывал нас к объединению. Твои слова

имеют огромный вес. Помнишь, как ты сказал однажды: «Благое намерение не знает неудач».

— Нет! — воскликнул Альтмайер с неожиданной энергией. — Это твое намерение оказалось благим.

— Ты никогда не понимал человеческой природы, Дик. — Окаменевшее лицо Стока не выражало никаких эмоций. — Когда Объединенные Миры станут реальностью и новые поколения мужчин и женщин обратят сквозь столетия спокойствия и мира свои взоры к сегодняшнему дню, они забудут, что я шел к той же, что и ты, цели. Для них я буду символизировать войну и смерть. А вот твой идеализм и призывы к союзу запомнятся им навсегда.

Он отвернулся, и Альтмайер едва разобрал последние слова Координатора.

— Они прославят историю в статуях, но мне не поставят ни одной.

В Великом Суде, представляющем собой тихий оазис посреди пятидесяти сумасшедших квадратных миль, занятых небоскребами Объединенных Миров Галактики, есть одна статуя...

ЧТО, ЕСЛИ...

Нетрудно понять, о чем чаще всего спрашивают любого автора-фантаста: «Где вы берете идеи?»

Полагаю, тот, кто задает вопрос, уверен, что существует некая таинственная разновидность вдохновения, которую можно вызвать лишь странными, а возможно, и недозванными способами, или же что писатель совершает для этого зловещий ритуал — не исключено, что и с вызовом дьявола.

Однако на этот вопрос есть единственный ответ: «Идею можно отыскать где угодно, если только у вас есть желание достаточно долго и упорно размышлять».

Похоже, эти «долго» и «упорно» разочаровывают спрашивающих. Восхищение вами заметно снижается, а у вас рождается ощущение, что вы публично признались в жульничестве. В конце концов, если весь секрет в «долго» и «упорно», то писать может каждый.

Странно, однако, что пишут лишь немногие.

Как бы то ни было, однажды моя жена не выдержала и задала мне этот вопрос, хотя знала, что я не люблю на него отвечать. В 1949 году, когда я получил должность в медицинском колледже Бостонского университета, мы переехали в окрестности Бостона и время от времени ездили на поездке в Нью-Йорк навестить ее или мою семью.

И вот однажды во время такой поездки она, наверное от скуки, и задала мне Тот Самый Вопрос. И я ответил:

— Да где угодно. Если захочу, я, может быть, смогу придумать рассказ о нашей поездке.

What If

© 1952 by Isaac Asimov

Что, если

© Нора Галь, перевод, 1997

— Так попробуй, — естественно, сказала она.

Тогда я хорошенько подумал и рассказал ей историю о поездке в поезде, которую после возвращения домой напечатал на машинке и назвал «What If...».

Этот рассказ необычен для меня и в другом смысле. В любовных историях я не силен. Почему это так, я предоставляю объяснять какому-нибудь салонному психиатру. Я лишь отмечаю сам факт.

Иногда в моих рассказах появляются женщины. В одном редком случае, в рассказе «Hostess», женщина даже стала героиней. Но и в этих случаях любовная линия в рассказах, если и появляется, то остается побоку.

Однако «What If...» — чисто романтическая история. Всякий раз, думая об этом, я поражаюсь. И считаю, что из всех моих многочисленных рассказов это единственный с серьезной (в противоположность непристойным) любовной линией. О, небеса!

Разумеется, Норман и Ливи опаздывали — когда спешить на поезд, в последнюю минуту непременно что-нибудь да задержит, — и в вагоне почти не осталось свободных мест. Пришлось сесть впереди, так что взгляд упирался в скамью напротив, обращенную спинкой к движению и примыкавшую к стенке вагона. Норман стал закидывать чемодан в сетку, и Ливи досадливо поморщилась.

Если какая-нибудь пара сядет напротив, придется всю дорогу до Нью-Йорка, несколько часов кряду, с глупейшим ощущением неловкости пялить глаза друг на друга, либо — что едва ли приятнее — оттородиться барьерами газетных листов. Но искать по всему поезду, не найдется ли еще где-нибудь свободной скамьи, тоже нет смысла.

Нормана, кажется, все это ничуть не трогало, и Ливи немножко огорчилась. Обычно они на все отзываются одинаково. Именно поэтому, как уверяет Норман, он и по сей день нимало не сомневается, что правильно выбрал себе жену.

«Мы подходим друг другу, Ливи, это главное, — говорит он. — Когда решаешь головоломку и один кусочек в точности подошел к другому, значит, он-то здесь и нужен. Никакой другой не подойдет. Ну а мне не подойдет никакая другая женщина».

А она смеется и отвечает:

«Если бы в тот день ты не сел в трамвай, мы бы, наверно, никогда и не встретились. Что бы ты тогда делал?»

«Остался бы холостяком, разумеется. И потом, не в тот день, так в другой, все равно я бы познакомился с тобой через Жоржетту».

«Тогда все вышло бы по-другому».

«Нет, так же».

«Нет, не так. И потом, Жоржетта ни за что бы меня с тобой не познакомилась. Она тебя приберегала для себя и уж постаралась бы не обзаводиться соперницей, не тот у нее характер».

«Что за чепуха».

И тут Ливи — в который уже раз — спросила:

— Слушай, Норман, а что, если бы ты пришел на угол минутой позже и сел бы не в тот трамвай, а в следующий? Как по-твоему, что бы тогда было?

— А что, если бы у всех рыб выросли крылья и они улетели бы на высокие горы? Что бы мы тогда ели по пятницам?

Но они тогда все-таки сели в тот самый трамвай, и у рыб не растут крылья, а потому они уже пять лет женаты и по пятницам едят рыбу. И так как они женаты уже целых пять лет, они решили это отпраздновать и едут на неделю в Нью-Йорк.

Тут она вернулась к настоящему:

— Неудачные нам все-таки попались места.

— Да, верно, — сказал Норман. — Но ведь напротив пока никого нет, так что мы более или менее одни хотя бы до Провиденса.

Но Ливи это не утешило, и недаром она огорчалась: по проходу шагал маленький кругленький человечек. Откуда он, спрашивается, взялся? Поезд прошел уже полпути между Бостоном и Провиденсом. Если этот человечек раньше где-то сидел, чего ради ему вздумалось менять место? Ливи достала пудреницу и погляделась в зеркало. Если не обращать внимания на этого коротышку, может, он еще и пройдет мимо. И она поправила свои светло-каштановые волосы, которые пучочку растрепались, пока они с Норманом бежали к поезду, и принялась изучать в зеркале голубые глаза и маленький пухлый рот — Норман уверяет, что губы ее всегда сложены для поцелуя.

Недурно, подумала она, глядя на свое отражение.

Потом она подняла глаза — тот человечек уже сидел напротив. Он встретился с нею взглядом и широко улыбнулся. От улыбки во все стороны разбежались морщинки. Он поспешно снял шляпу и положил ее на свой багаж — маленький черный ящик. Тотчас на голове у него вокруг голой, как пустыня, лысины вздыбился венчик седых волос.

Ливи невольно улыбнулась в ответ, но тут взгляд ее снова упал на черный ящик — и улыбка угасла. Она тронула Нормана за локоть.

Норман поднял глаза от газеты. Брови у него такие грозные — черные, сросшиеся, — что в пору испугаться. Но темные глаза из-под этих суровых бровей глянули на нее, как всегда, и ласково и словно бы чуть насмешливо.

— Что случилось? — спросил Норман. На человечка напротив он не взглянул.

Кивком, потом рукой Ливи попыталась незаметно показать, что именно ее поразило. Но толстяк не сводил с нее глаз, и она почувствовала себя преглупо, потому что Норман только уставился на нее, ничего не понимая. Наконец она притянула его к себе и шепнула на ухо:

— Ты разве не видишь? Смотри, что написано у него на ящике.

И сама посмотрела еще раз. Да, так и есть. Надпись была не очень заметна, но свет падал вкось и на черном фоне виднелось блестящее пятно, а на нем старательно, округлым почерком выведено:

ЧТО, ЕСЛИ

Человечек снова улыбался. Он торопливо закивал и несколько раз кряду ткнул пальцем в эту надпись, а потом себе в грудь.

Норман повернулся к жене и сказал тихонько:

— Наверно, его так зовут.

— Да разве такие имена бывают? — возразила Ливи.

Норман отложил газету.

— Сейчас увидишь. — И, наклонясь к человечку, сказал: — Мистер Если?

Тот с готовностью поглядел на него.

— Не скажете ли, который час, мистер Если?

Человечек вытащил из жилетного кармана большие часы и показал Норману циферблат.

— Благодарю вас, мистер Если, — сказал Норман. И шепнул жене: — Вот видишь.

Он уже хотел опять взяться за газету, но человечек стал открывать свой ящик и несколько раз многозначительно поднял палец, словно старался привлечь внимание Нормана и Ливи. Он достал пластинку матового стекла, примерно девяти дюймов в длину, шести в ширину и около дюйма толщиной. Края пластинки были скошены, углы закруглены, поверхность совершенно слепая и гладкая. Потом человечек вытащил проволочную подставку и надежно приладил к ней пластинку. Установил это сооружение у себя на коленях и гордо посмотрел на попутчиков.

Ливи вдруг ахнула:

— Смотри, Норман, это вроде кино!

Норман наклонился поближе. Потом поднял глаза на человечка:

— Что это у вас? Телевизор новой системы?

Человечек покачал головой, и тут Ливи сказала.

— Норман, да это мы с тобой!

— То есть как?

— Разве ты не видишь? Это тот самый трамвай. Вон ты сидишь на задней скамейке, в старой шляпе, уже три года, как я ее выкинула. А вот мы с Жоржеттой идем по проходу. И толстая дама загрозила дорогу. Вот, смотри! Это мы! Неужели не узнаешь?

— Какой-то обман зрения, — пробормотал Норман.

— Но ведь ты тоже видишь, правда? Так вот почему он это называет «Что, если». Эта штука нам сейчас покажет, что было бы, если.. если бы трамвай не качнуло на повороте.

Она ничуть не сомневалась. Она была очень взволнована и ничуть не сомневалась, что так оно и будет. Она смотрела на изображение в матовом стекле — и предвечернее солнце померкло, и невнятный гул голосов позади, в вагоне, начал стихать.

Как она помнила тот день! Норман был знаком с Жоржеттой и уже хотел встать и уступить ей место, но вдруг трамвай качнуло на повороте, Ливи пошатнулась — и шлепнулась прямо ему на колени. Получилось очень смешно и неловко, но из этого вышел толк. Она до того смутилась, что он поневоле должен был проявить какую-то учтивость, а потом и разговор завязался. И вовсе не потребовалось, чтобы Жоржетта их познакомила. К тому времени как они обе вышли из трамвая, Норман уже знал, где Ливи работает.

Она и по сей день помнит, какими злыми глазами смотрела на нее тогда Жоржетта, как натянуто улыбнулась, когда они стали прощаться. Потом сказала:

— Ты, кажется, понравилась Норману

— Что за глупости! — возразила Ливи. — Просто он человек вежливый. Но у него славное лицо, правда?

Всего через каких-нибудь полгода они поженились.

И вот он опять перед ними, тот трамвай, а в трамвае — Норман, она и Жоржетта. Пока она так думала, мерный шум поезда, торопливый перестук колес затихли окончательно. И вот она в тряском, тесном трамвайном вагоне. Они с Жоржеттой только что вошли.

Ливи покачивалась в лад ходу трамвая, как и остальные сорок пассажиров, — все они, стоя ли, сидя ли, подчинялись

одному и тому же однообразному и нелепому ритму. Потом она сказала:

— Тебе кто-то машет, Жоржи. Ты его знаешь?

— Мне? — Жоржетта бросила рассчитанно небрежный взгляд через плечо. Ее искусно удлиненные ресницы затрепетали. — Да, немного знаю. Как по-твоему, зачем мы ему понадобились?

— Давай выясним, — сказала Ливи с удовольствием и даже с капелькой ехидства. Всем известно, что Жоржетта никому не показывает своих знакомых мужчин, будто они — ее собственность, и очень приятно ее подразнить. Да и лицо у этого ее знакомого, кажется, очень... занятное.

Ливи стала пробираться вперед, Жоржетта нехотя двинулась следом. Наконец Ливи оказалась подле того молодого человека, и тут вагон сильно качнуло на повороте. Ливи отчаянно взмахнула рукой, стараясь ухватиться за петли. С трудом, самыми кончиками пальцев, все-таки поймала одну и удержалась на ногах. Не сразу ей удалось перевести дух. Как странно, ведь секунду назад ей казалось, что в пределах досягаемости нет ни одной петли. Почему-то у Ливи было такое чувство, что по всем законам физики она непременно должна была упасть.

Молодой человек на нее не смотрел. Он с улыбкой поднимался, уступая место Жоржетте. У него были необыкновенные брови, они придавали ему вид уверенный и властный. «Да, безусловно, он мне нравится», — подумала Ливи.

— Нет-нет, не беспокойтесь, — говорила между тем Жоржетта. — Мы скоро выходим, нам только две остановки.

И они вышли. Ливи сказала:

— А я думала, мы едем за покупками к Сэчу.

— Мы и поедем. Просто я вспомнила, что у меня тут есть еще одно дело. Ничего, мы и минуты не задержимся.

— Следующая станция — Провиденс! — завопило радио.

Поезд замедлял ход, прошлое вновь съезжилось и ушло в пластинку матового стекла. Человечек по-прежнему улыбался им обоим.

Ливи обернулась к Норману. Ей стало страшновато.

— С тобой тоже это было? — спросила она.

— Что такое стряслось со временем? — сказал Норман. — Неужели уже Провиденс? Невероятно! — Он взглянул на часы. — Нет, видно, так оно и есть. — И обернулся к Ливи: — На этот раз ты не упала.

— Значит, ты тоже видел? — Она нахмурилась. — Как это похоже на Жоржетту! Совершенно незачем было выходить на

той остановке, просто она не хотела, чтобы мы с тобой познакомились. А до этого ты долго был с ней знаком, Норман?

— Нет, не очень. Просто знал в лицо, и неудобно было не уступить ей место.

Ливи презрительно скривила губы. Норман усмехнулся:

— Не стоит ревновать к тому, чего не случилось, малышка.

И даже если бы случилось, какая разница? Ты все равно мне приглянулась, и уж я нашел бы способ с тобой познакомиться.

— Ты и не посмотрел в мою сторону.

— Просто не успел.

— Так как же ты бы со мной познакомился?

— Не знаю. Уж как-нибудь да познакомился бы. Но, согласись, довольно глупо сейчас об этом спорить.

Поезд отошел от Провиденса. Ливи была в смятении. А человечек все прислушивался к их шепоту, только улыбаться перестал, давая знать, что понял, о чем речь.

— Вы можете показать нам дальше? — спросила Ливи.

— Постой-ка, — прервал Норман. — А зачем тебе это?

— Я хочу увидеть день нашей свадьбы, — сказала Ливи. — Как бы это было, если бы в трамвае я не упала.

Норман с досадой поморщился:

— Слушай, это несправедливо. Может, мы бы тогда поженились не в тот день, а в другой.

Но Ливи сказала:

— Вы можете мне это показать, мистер Если?

Человечек кивнул.

Матовое стекло вновь ожило, слегка засветилось. Потом рассеянный свет ступил в яркие пятна, в отчетливые человеческие фигурки. В ушах у Ливи слабо зазвучал орган, хотя на самом деле никакой музыки не было слышно.

Норман вздохнул с облегчением:

— Ну вот, видишь, я на месте. Это наша свадьба. Ты довольна?

Шум поезда снова умолк; напоследок Ливи услышала собственный голос:

— Да, ты-то на месте. А где же я?

Ливи сидела в церкви на одной из последних скамей. Сперва она совсем не собиралась быть на этой свадьбе. В последнее время она, сама не зная почему, все больше отдалялась от Жоржетты. О ее помолвке она услышала случайно, от их общей приятельницы, и, конечно, Жоржетта выходила за Нормана. Ливи отчетливо вспомнила тот день, полгода назад, когда она впервые увидела его в трамвае. В тот раз Жоржетта

поспешила убрать ее с дороги. Потом Ливи еще несколько раз встречала Нормана, но он никогда не бывал один, между ними всегда стояла Жоржетта.

Что ж, тут и обижаться нечего, ведь Жоржетта первая с ним познакомилась. Она сегодня кажется куда красивее, чем обычно. А он всегда очень хорош.

Ей было грустно и как-то пусто на душе, словно случилась какая-то ошибка, а какая — она толком понять не могла. Жоржетта прошествовала по проходу, словно не заметив ее, но немного раньше Ливи встретила глазами с Норманом и улыбнулась ему. И, кажется, он улыбнулся в ответ.

Издали до нее донеслись слова священника: «Нарекаю вас мужем и женою...»

Вновь слышался стук колес. Какая-то женщина с маленьким сынишкой возвращалась по проходу на свое место, покачиваясь в такт движению поезда. В середине вагона, где сидели четыре девочки-подростка, поминутно раздавались взрывы звонкого смеха. Мимо, озабоченный какими-то своими таинственными делами, торопливо прошел кондуктор.

Все это мало трогало Ливи, она словно застыла.

Она сидела неподвижно, глядя в одну точку, а за окном, сливаясь в лохматую ярко-зеленую полосу, проносились деревья, мелькали, точно в скачке, телеграфные столбы.

Наконец она сказала:

— Так, значит, вот на ком ты женился!

Норман посмотрел на нее в упор, и уголок рта у него дрогнул. Он сказал беспечно:

— Это не совсем верно, Оливия. Все-таки моя жена — ты. Вспомни об этом, пожалуйста.

Она резко повернулась к нему:

— Да, ты женился на мне... потому что я свалилась к тебе на колени. А если бы я не упала, ты женился бы на Жоржете. А если бы она не захотела за тебя выйти, ты бы женился на ком-нибудь еще. На ком попало. Вот тебе и твоя головоломка!

— Черт... меня... побери!.. — медленно, с расстановкой сказал Норман и ладонями пригладил волосы — они были прямые, только над ушами чуть курчавились. Могло показаться, что это он схватился за голову от отчаяния. — Послушай, Ливи, — продолжал он, — глупо же поднимать шум из-за какого-то дурацкого фокуса. Не можешь ты осуждать меня за то, чего я не делал.

— Ты бы так и сделал.

— Почему ты знаешь?

— Ты сам видел.

— Я видел какую-то нелепость... наверно, это гипноз. — вдруг громко, голосом, в котором прорывалось бешенство, сказал человеку напротив: — Убирайтесь вон, мистер Если вы так как вас там! Вон отсюда. Вы тут не нужны. Убирайтесь, пока я не выкинул вас за окно вместе с вашей хитрой механикой!

Ливи дернула его за локоть.

— Перестань. Перестань сейчас же! Люди крутом!

Человек весь съежился, спрятал черный ящичек за спину, забился в угол. Норман поглядел на него, потом на Ливи, потом на пожилую даму, которая сидела по другую сторону прохода и смотрела на него с явным неодобрением.

Он покраснел и поперхнулся еще каким-то злым словом. В ледяном молчании доехали до Нью-Лондона, ни слова не сказали во время остановки.

Через четверть часа после того, как поезд отошел от Нью-Лондона, Норман позвал:

— Ливи!

Она не ответила. Она смотрела в окно, но ничего не видела — только стекло.

— Ливи, — повторил Норман. — Ливи! Да отзовись же!

— Что тебе? — глухо сказала она

— Послушай, это же нелепо. Я не знаю, как он это проделывает, но, даже если в этом есть на грош правды, все равно это несправедливо. Почему ты остановилась на полпути? Допустим, я и впрямь женился на Жоржете, ну а ты? Разве ты осталась одна? Откуда я знаю, может, ко времени моей предполагаемой женитьбы ты уже была замужем за другим. Может, потому я и женился на Жоржете.

— Я не была замужем.

— Откуда ты знаешь?

— Уж я бы разобралась. Я-то знаю, о чем я думала в то время.

— Ну, так вышла бы замуж не позже чем через год.

Ливи злилась все сильнее. Краешком сознания она понимала, что злиться нет причины, но это не утешало. Напротив, беда росла. И она сказала:

— А если бы и вышла, это бы тебя уже не касалось.

— Да, конечно. Но это бы только доказывало, что мы не можем отвечать за то, что было бы, если бы да кабы.

Ливи гневно раздула ноздри, но промолчала.

— Послушай, — продолжал Норман. — Помнишь, мы встречались у Винни позавчерашний Новый год? Было много народу и очень весело?

— Как не помнить! Ты мне устроил душ из коктейля.

— Это к делу не относится, да и коктейля-то было всего ничего. А я вот что хочу сказать: Винни ведь твоя лучшая подруга, вы с ней дружили давным-давно, когда мы с тобой еще не были женаты.

— Ну и что?

— И Жоржетта тоже с ней дружила, верно?

— Да.

— Ну так вот. И ты и Жоржетта все равно встречали бы у Винни Новый год, на ком бы я ни женился. Я тут ни при чем. Пускай он нам покажет, что было бы на этом вечере, если бы я женился на Жоржетте, и пари держу, ты там будешь либо с женихом, либо с мужем.

Ливи заколебалась. Честно говоря, именно это ее и пугало.

— Что, боишься рискнуть? — сказал Норман.

И, конечно, Ливи не стерпела. Она так и вскинулась:

— Ничего я не боюсь! Уж наверно я вышла замуж! Не сохнуть же по тебе! И любопытно посмотреть, как ты обольешь коктейлем Жоржетту. Она тебе при всех надает оплеух, не постесняется. Я ее знаю. Вот тогда ты увидишь, какой кусок в твоей головоломке подходящий.

И Ливи сердито скрестила руки на груди и устремила вперед взор, исполненный решимости.

Норман поглядел на человечка напротив, но просить ни о чем не пришлось. Тот уже установил на коленях матовое стекло. В окно косо светило закатное солнце, и венчик седых волос вокруг лысины человечка отливал розовым.

— Ты готова? — напряженным голосом спросил Норман.

Ливи кивнула, и они снова перестали слышать рокот колес.

Раскрасневшаяся с мороза, Ливи остановилась в дверях. Она только что сняла пальто, на котором таяли снежинки, и обнаженными рукам еще было зябко.

Ее встретили криками: «С Новым годом!» — и она ответила тем же, стараясь перекрыть радио, которое орало во всю мочь. Еще с порога она услышала пронзительный голос Жоржетты и теперь направилась к ней. Она больше месяца не видела ни Жоржетту, ни Нормана.

Жоржетта жеманно подняла одну бровь — это она в последнее время завела такую манеру — и спросила:

— Ты разве одна, Оливия?

Окинула взглядом тех, кто стоял поближе, и вновь посмотрела на Ливи. Та сказала равнодушно:

— Я думаю, Дик заглянет попозже. У него там еще какие-то дела.

Она не притворялась, ей и правда было все равно.

— Ну, зато Норман здесь, — сказала Жоржетта, натянуто улыбаясь. — Так что ты не будешь скучать, дорогая. По крайней мере раньше ты в таких случаях не скучала.

И тут из кухни лениво вышел Норман. В руке он держал шейкер, кубики льда в коктейле постукивали, точно кастаньеты, в такт словам:

— Эй вы, гуляки-выпивохи! Подходите, хлебните — от моего льда еще не так разгуляетесь... Ба, Ливи!

Он направился к ней, широко и радостно улыбаясь.

— Где вы пропадали? Я вас сто лет не видал. В чем дело? Дик решил вас спрятать от посторонних глаз?

— Налей мне, Норман, — резко сказала Жоржетта.

— Сию минуту, — не взглянув на нее, отозвался Норман. — Вам налить, Ливи? Сейчас найду бокал.

Он обернулся, и тут-то все и произошло.

— Осторожно! — вскрикнула Ливи.

Она видела, что сейчас будет, у нее даже возникло какое-то мутное чувство, словно так уже когда-то было, и все-таки это случилось, неизбежно и неотвратимо. Норман зацепился каблук за ковер, пошатнулся, тщетно пытаясь сохранить равновесие, и выронил шейкер. Тот словно выпрыгнул у него из рук — добрая пинта ледяного коктейля обдала Ливи, промочив ее нитки.

Она задохнулась. Вокруг стало тихо, и несколько невыносимых мгновений она тщетно пыталась отряхнуться, а Норман опять и опять все громче повторял:

— Черт подери! Ах, черт подери!

Жоржетта сказала холодно:

— Очень жаль, что так вышло, Ливи. С кем не случается. Но это платье как будто не очень дорогое.

Ливи повернулась и выбежала из комнаты. И вот она в спальне, тут по крайней мере никого нет и почти не слышно шума. При свете лампы на туалетном столике, затененной бажуром с бахромой, она в куче пальто, брошенных на кровать, стала отыскивать свое.

За нею вошел Норман.

— Послушайте, Ливи, не обращайтесь внимания на то, что она болтнула. Я просто в отчаянии. Конечно же, я заплачу...

— Пустяки. Вы не виноваты. — Она быстро заморгала, не глядя на него. — Поеду домой и переоденусь.

— Но вы вернетесь?

— Не знаю. Едва ли.

— Послушайте, Ливи...

Ей на плечи легли его горячие ладони...

Что-то странно оборвалось у нее внутри, словно она вырвалась из цепкой паутины, и...

...и снова слышался шум и рокот колес.

Все-таки, пока она была там... в матовом стекле... что-то пошло не так, как надо. Уже смеркалось. В вагоне зажглись лампочки. Но это неважно. И, кажется, мучительное, щемящее чувство внутри понемногу отпускает.

Норман потер пальцами глаза.

— Что случилось? — спросил он.

— Просто все кончилось, — сказала Ливи. — Как-то вдруг.

— Знаешь, мы уже подъезжаем к Нью-Хейвену, — растерянно сказал Норман. Он посмотрел на часы и покачал головой.

Ливи сказала с недоумением:

— Ты вылил коктейль на меня.

— Что ж, так было и на самом деле.

— Но на самом деле я твоя жена. На этот раз ты должен был облить коктейлем Жоржетту. Как странно, правда?

Но она все думала о том, как Норман пошел за нею и как его ладони легли ей на плечи...

Она подняла на него глаза и сказала с жаркой гордостью:

— Я не вышла замуж!

— Верно, не вышла. Но вот, значит, с кем ты повсюду разгуливала — с Диком Рейнхардтом?

— Да.

— Может, ты и замуж за него собиралась?

— А ты ревнуешь?

Норман как будто смутился.

— К чему ревную? К куску стекла? Нет, конечно!

— Не думаю, чтобы я вышла за Дика.

— Знаешь, — сказал Норман, — жалко, что это так вдруг оборвалось. Мне кажется, что-то должно было случиться... — Он запнулся, потом медленно договорил: — У меня было такое чувство, будто я предпочел бы выплеснуть коктейль на кого угодно, только не на тебя.

— Даже на Жоржетту?

— Я о ней и не думал. Ты мне, разумеется, не веришь.

— А может быть, и верю. — Ливи подняла на него глаза. — Я была глупая, Норман. Давай... давай жить нашей настоящей жизнью. Не надо играть тем, что могло бы случиться, да не случилось.

Но он порывисто взял ее руки в свои.

— Нет, Ливи. Еще только один раз, последний. Посмотрим, что бы мы делали вот сейчас, Ливи. В эту самую минуту! Что было бы с нами сейчас, если бы я женился на Жоржетте.

Ливи стало страшно.

— Не надо Норман!

Ей вспомнилось, каким смеющимся и жадным взглядом смотрел он на нее, держа в руках шейкер, а Жоржетту, которая стояла тут же, словно и не замечал. Нет, не хочет она знать, что было дальше. Пусть будет все как сейчас, в их настоящей, такой хорошей жизни.

Проехали Нью-Хейвен. Норман снова сказал:

— Я хочу попробовать, Ливи.

— Ну, если тебе так хочется...

А про себя она с ожесточением думала: это неважно! Это ничего не изменит, ничто не может измениться! Обеими руками она стиснула его руку выше локтя. Она крепко сжимала его руку и думала: что бы нам тут ни померещилось, никакие фокусы не отнимут его у меня!

— Заведите опять свою машинку, — сказал Норман человеку напротив.

В желтом свете ламп все шло как-то медленнее. Понемногу прояснилось матовое стекло, будто рассеялись облака, гонимые неощутимым ветром.

— Что-то не так, — сказал Норман. — Тут только мы двое, в точности как сейчас.

Он был прав. В вагоне поезда, на передней скамье, сидели две крохотные фигурки. Изображение ширилось, росло... они слились с ним. Голос Нормана затихал где-то вдалеке.

— Это тот самый поезд, — говорил он. — И в окне сзади такая же трещина...

У Ливи голова шла кругом от счастья.

— Скорей бы Нью-Йорк! — сказала она.

— Осталось меньше часа, любимая, — отвечал Норман. — И я буду тебя целовать. — Он порывисто наклонился к ней, словно не собирался ждать ни минуты.

— Не здесь же! Ну что ты, Норман, люди смотрят!

Он отодвинулся.

— Надо было взять такси, — сказал он.

— Из Бостона в Нью-Йорк?

— Конечно. Зато мы были бы только вдвоем.

Ливи засмеялась:

— Ты ужасно забавный, когда разыгрываешь пылкого любовника.

— А я не разыгрываю. — Голос его вдруг стал серьезнее, глуше. — Понимаешь, дело не только в том, что ждать еще целый час. У меня такое чувство, будто я жду уже пять лет.

— И у меня.

— Почему мы с тобой не встретились раньше? Сколько времени прошло понапрасну.

— Бедная Жоржетта, — вздохнула Ливи.

Норман нетерпеливо отмахнулся.

— Не жалея ее, Ливи. Мы с ней сразу поняли, что ошиблись. Она была только рада от меня избавиться.

— Знаю. Потому я и говорю — бедная Жоржетта. Мне ее жалко: она тебя не оценила.

— Ну, смотри, сама меня цени! — сказал Норман. — Цени меня высоко-высоко, безмерно, бесконечно высоко, больше того: цени меня по крайней мере вполтину так, как я ценю тебя!

— А не то ты и со мной тоже разведешься?

— Ну, уж это — только через мой труп! — заявил Норман.

— Как странно, — сказала Ливи. — Я все думаю, что, если бы тогда под Новый год ты не вылил на меня коктейль? Ты бы не пошел за мной, и ничего бы мне не сказал, и я бы ничего не знала. И все сложилось бы по-другому... совсем-совсем иначе...

— Чепуха. Было бы все то же самое. Не в этот раз, так в другой.

— Кто знает... — тихо сказала Ливи.

Стук колес того поезда перешел в нынешний стук колес. За окном замелькали огни, стало шумно, пестро — это был Нью-Йорк. В вагоне поднялась суета, пассажиры разбирали свои чемоданы.

В этой суматохе одна Ливи словно застыла. Наконец Норман тронул ее за плечо. Она подняла глаза.

— Все-таки головоломка складывается только так.

— Да, — сказал Норман.

Она коснулась его руки.

— И все равно вышло нехорошо. Напрасно я это затеяла. Я думала, раз мы принадлежим друг другу, значит, и все другие — те, какими стали бы мы, если бы жизнь сложилась по-иному, — тоже принадлежали бы друг другу. А на самом деле неважно, что могло бы быть. Довольно и того, что есть. Понимаешь?

Норман кивнул.

— Есть еще тысячи разных «если бы», — сказала Ливи. — И не хочу я знать, что бы тогда было. Никогда больше даже слов таких не скажу — что, если...

— Успокойся, родная, — сказал Норман. — Вот твоё пальто. И потянулся за чемоданами.

Ливи вдруг сказала резко:

— А где же мистер Если?

Норман медленно обернулся, напротив никого не было. Оба пытливо оглядели вагон.

— Может быть, он перешел в другой вагон? — сказал Норман.

— Но почему? И потом, он бы тогда не оставил шляпу. — Ливи наклонилась и хотела взять ее со скамьи.

— Какую шляпу? — спросил Норман.

Ливи замерла, рука ее повисла над пустотой.

— Она была тут... я чуть-чуть до нее не дотронулась! — Ливи выпрямилась. — Норман, а что, если...

Норман прижал палец к ее губам.

— Родная моя...

— Прости, — сказала она. — Дай-ка я помогу тебе с чемоданами.

Поезд нырнул в туннель под Парк-авеню, и перестук колес обратился в гром.

МУХИ

В конце 1949 года в киосках появился новый журнал под названием «Журнал фэнтези». Ко второму номеру название расширилось до «Журнала фэнтези и научной фантастики»; с тех пор журнал известен под аббревиатурой «Ф и НФ».

Поначалу название меня обескуражило. Мне показалось, что оно делает упор на стиль, а не на идею, а я не был уверен в том, что мне удастся выдержать стиль, к тому же я не вполне понимал, что это такое. Прошло всего несколько месяцев с тех пор, как в одном из критических обзоров некая дама написала обо мне «Он не стилист». Я немедленно послал ей письмо с просьбой объяснить, что же такое стилист, но ответа не получил, и, похоже, мне этого так и не узнать.

Как бы то ни было, после выхода «Хозяйки» соредактор журнала Энтони Бушер написал мне письмо, положившее начало нашей переписке. В «Хозяйке» я писал о том, что к сорока годам эмоциональные порывы бледнеют, и Тони, которому в то время исполнилось сорок, мягко пытался меня в этом разубедить. (Мне тогда было тридцать.) Он уверял, что впереди меня ждут восхитительные сюрпризы, и оказался совершенно прав.

Мы начали обмениваться письмами, мне это понравилось, и я перестал бояться «Ф и НФ». Впоследствии мне пришлось в голову, что пора написать рассказ, упор в котором будет

сделан на стиль, но, поскольку я не знал (ни тогда, ни сейчас), что такое стиль, я не имел ни малейшего понятия, удалось мне это или нет. Полагаю все-таки, что удалось, ибо рассказ «Мухи» был принят и опубликован мистером Бушером.

Так началось, хотя тогда я об этом еще не подозревал, счастливейшее в моей жизни сотрудничество с научно-фантастическим журналом. Я не в обиде ни на «Поразительную фантастику», ни на «Гэлакси», ни на какой-либо другой журнал, но «Ф и НФ» стал для меня чем-то особенным. И я честно вам в этом признаюсь.

Кстати, если кто-нибудь считает, что я настолько капризен, что не воспринимаю редакторских исправлений, то это не так. Они не доставляют мне радости (как и любому автору), но я очень часто с ними соглашаюсь. (Последняя фраза адресована моему брату, который работает редактором в газете и считает, что все писатели люто ненавидят редакторов из элементарной злобной глупости.)

Как бы то ни было, перед вами пример моей мягкости и уступчивости. Первый вариант «Мух» назывался «Король Лир, акт 4». Мистер Бушер написал мне испуганное письмо, в котором просил изменить название, которое, с его точки зрения, не имело смысла, поскольку все равно никто не станет искать нужное место в тексте.

По зрелому размышлению я понял, что он прав, и переименовал рассказ на «Мухи». Как бы то ни было, прочитав его, вы можете поискать рекомендованную цитату. Тогда вы поймете, что явился толчком для потока мыслей, завершившихся этим конкретным рассказом.

— Мухи! — устало простонал Кендел Кейси и взмахнул рукой. Муха взвилась, покружились и снова уселись на воротник его рубашки.

Откуда-то донеслось жужжание второй мухи.

— Не думал, что доведется с тобой встретиться, Кейси. И с тобой, Уинтроп. Или тебя уже положено называть преподобный Уинтроп?

— А ты, наверное, уже профессор Поллен? — поинтересовался Уинтроп, осторожно прикасаясь к золотоносной жиле старинной дружбы.

Собеседники пытались забраться в сброшенную двадцать лет назад оболочку. Извивались, корчились — и все равно не могли в нее влезть.

© Новые миры А. Азимова, т. 3

Fhes

©1953 by Fantasy House, Inc.

Мухи

©М. Готов, перевод, 1997

«За каким чертом, — раздраженно подумал Поллен, — понапридумывали эти встречи выпускников колледжа?»

Горячие синие глаза Кейси по-прежнему светились бесцельным гневом второкурсника, который одновременно открыл для себя ум, безысходность и мораль циничной философии.

Кейси! Самый язвительный в колледже!

Таким он и остался. Двадцать лет спустя он все тот же. Кейси, самый язвительный в колледже. Поллен определил это по его манере бесцельно шевелить пальцами и двигать телом.

А Уинтроп? Ну, постарел, округлился, помятчал. Все-таки двадцать лет... Кожа порозовела, глазки залоснились. А вот спокойной уверенности так и не обрел. Видно по быстрой улыбке, никогда не сходящей с лица, словно он боялся, что, если она исчезнет, останется только мягкая, безвольная плоть.

Поллен устал истолковывать бесцельные подергивания мышц; устал от этой ненужной встречи и всего, что ему наговорили.

А может, они тоже изучают его? Могли ли они по едва заметному беспокойству в глазах заметить охватившее его кислое раздражение?

«Проклятие, — подумал Поллен. — Зачем я сюда пришел?»

Так они и стояли втроем, ожидая, пока кто-нибудь что-нибудь скажет и им удастся перетащить через пропасть лет хотя бы кусочек общего прошлого.

Первым попытался Поллен.

— Ты по-прежнему занимаешься химией, Кейси? — спросил он.

— Да, по-своему, — упрямо ответил Кейси. — Я не такой ученый, какими считается вы. Работаю над средствами от насекомых для Е. Дж. Линка в Чэтхэме.

— Вот как? — сказал Уинтроп. — Да, ты говорил, что собираешься заняться инсектицидами. Помнишь, Поллен? Неужели мухи тебя по-прежнему преследуют, Кейси?

— Не могу от них избавиться, — проворчал Кейси. — Я в нашей лаборатории считаю лучшим подопытным существом. В моем присутствии на мух не действует ничего. Кто-то однажды сказал, что я привлекаю их запахом.

Поллен помнил, кто это сказал.

— А может... — начал Уинтроп.

Поллен почувствовал: надвигается! — и напрягся.

— А может, — закончил Уинтроп, — это проклятие?

Он улыбнулся, желая подчеркнуть, что это шутка и прошлые обиды забыты.

«Черт, — подумал Поллен, — у них даже слова не изменились».

И прошлое вернулось.

— Мухи, — сказал Кейси, отмахиваясь и пытаясь прихлопнуть хотя бы одну. — Ну надо же! Почему они не садятся на вас?

Джонни Поллен расхохотался. Тогда он часто смеялся.

— Все дело в запахе, Кейси. Ты можешь стать находкой для науки. Выясни природу вызывающих запахи химикатов, перемешай с ДДТ, и получится лучшее в мире средство от мух.

— Прекрасно. Чем же я, по-твоему, пахну? Мушиной самкой во время течки? Просто нелепо, что они выбрали меня, когда весь мир — сплошная навозная куча!

Уинтроп нахмурился и назидательно произнес:

— Запомни, Кейси, в глазах творца красота не самое главное.

Кейси не снизошел до ответа. Вместо этого он обратился к Поллену:

— Знаешь, что мне сказал вчера Уинтроп? Он сказал, что эти чертоты мухи — проклятие Вельзевула.

— Я пошутил

— Почему Вельзевула? — спросил Поллен.

— Получается игра слов, — пояснил Уинтроп. — Это одно из многочисленных презрительных прозвищ, которыми награждали древние евреи чужих богов. Имя состоит из двух частей: Ваал, что значит бог, и зевув, то есть муха. Бог мух.

— Ладно, Уинтроп, только не говори, что ты не веришь в Вельзевула.

— Я верю в существование зла, — твердо произнес Уинтроп.

— Нет, в Вельзевула. Живого. С рогами, с копытами.

— Ничего подобного, — еще жестче ответил Уинтроп — Зло краткосрочно. И в конце оно должно проиграть.

Поллен неожиданно резко сменил тему:

— Между прочим, я буду делать дипломную работу у Винера. Позавчера мы с ним поговорили, и он меня берет.

— Да ты что? Здорово! — Уинтроп засиял и похлопал Поллена по плечу. Он всегда охотно радовался успеху других людей. Кейси часто отмечал это его свойство.

— Винер — кибернетик. Ну что ж, главное, чтобы вы друг друга вытерпели.

— А что он думает о твоей идее? — продолжал Уинтроп — Ты ему рассказал?

— О какой идее? — спросил Кейси.

Поллен не хотел, чтобы Кейси знал слишком много. Но теперь, когда сам Винер познакомился с его замыслом и сказал, что это интересно, сухой ядовитый смешок Кейси был ему не страшен.

— Да ничего особенного. В общих словах речь идет о том, что эмоции, а не интеллект или разум, являются основой нашей жизни. В некотором смысле это очевидно. Невозможно определить, о чем думает ребенок, даже если он действительно думает, зато сразу видно, когда он сердится, пугается или радуется. Понятно?

То же самое с животными. Любому ясно, когда собака довольна или кошка испугана. Суть в том, что мы, попав в их обстоятельства, испытывали бы точно такие же эмоции.

— Ну? — насмешливо спросил Кейси. — И что дальше?

— Пока не знаю. Сейчас я могу лишь утверждать, что эмоции универсальны. Теперь предположим, что нам удастся правильно проанализировать все состояния людей и близких человеку животных, после чего приравнять их к видимой эмоции. Не исключено, что мы обнаружим тесное соответствие. Например, может выясниться, что эмоция А всегда вызывает за собой движение Б. Тогда мы сумеем применить эту теорию к животным, о чьих эмоциях нам трудно догадаться. Например, к змеям или крабам.

— Или мухам! — воскликнул Кейси и злобно хлопнул себя по плечу, после чего с торжественной яростью вытер ладонь. — Давай, Джони, — продолжал он. — Я буду поставлять мух, а ты веди эксперименты. Мы выступим основателями науки мухологии и приложим все силы, чтобы избавить мух от неврозов. В конце концов мы будем добиваться счастья для большинства, разве не так? Мух гораздо больше, чем людей.

— Хорошо, хорошо, — вздохнул Поллен.

— Слушай, Поллен, — поинтересовался Кейси, — а ты пытался заняться своей странной идеей? То есть мы все, конечно, знаем, что ты у нас кибернетическое светило, но я не читал твоих трудов. Существует так много способов убивать время, что некоторыми приходится жертвовать.

— Какой идеей? — равнодушно спросил Поллен.

— Перестань. Ты прекрасно помнишь. Эмоции животных и прочая чепуха. Ну, скажу я вам, были денечки! Тогда еще попадались сумасшедшие, теперь же одни идиоты.

— Да, Поллен, так оно все и было, — сказал Уинтроп. — Я хорошо помню. Первый год ты работал над собаками и кроликами. Наверное, попробовал и мух Кейси.

— Сама по себе идея ни к чему не привела, хотя и натолкнула на некоторые принципиально новые направления в кибернетике. Так что полным провалом я бы этот замысел не назвал.

Почему они об этом заговорили?

Эмоции! Да какое право имеют люди вмешиваться в эмоции? Они научились скрывать их при помощи слов. Именно страх перед первобытными эмоциями сделал язык первоочередной необходимостью.

Поллен знал. Его машины пробili экран вербализации и вытащили подсознание на свет Божий. Мальчик и девочка, сын и мать. А также кошка и мышка, змея и птичка. Данные сливались в своей универсальности, обрушивались на Поллена и текли сквозь его сознание, пока он вдруг не понял, что более не в состоянии выносить прикосновение жизни.

Последние годы он мучительно приучал себя к другим мыслям. И вот пришли эти двое и взбудоражили его сознание, подняв со дна всю муть.

Кейси рассеянно махнул рукой, стоня с носа муху.

— Плохо, — сказал он. — Мне казалось, ты мог бы добиться поразительных результатов, скажем, с крысами. Ну, не поразительных, но уж и не таких скучных, как с нашими почти что людьми. Я думал...

Поллен помнил, о чем он думал.

— Черт бы побрал этот ДДТ, — проворчал Кейси. — Мне кажется, мухи его жрут. Знаешь, я хочу писать дипломную по химии, а потом работать с инсектицидами. Помоги мне. Я лично заинтересован в том, чтобы поубивать этих тварей.

Они были в комнате Кейси. В ней пахло керосином, так как недавно опять распыляли средство от насекомых.

— Мух всегда можно перебить газетой, — пожал плечами Поллен.

Кейси подумал, что он над ним издевается, и неожиданно спросил:

— Как ты оцениваешь результаты своих исследований за год? Ну, помимо истинного итога, который для каждого учебного звучит одинаково: «ничего».

— Значит, ничего, — кивнул Поллен.

— Продолжай, — сказал Кейси. — Ты используешь больше собак, чем физиологи, а я готов поклясться, что собаки предпочли бы оказаться на их кафедре. И я их понимаю.

— Да оставь ты его! — воскликнул Уинтроп. — Дребезжишь как пианино, у которого расстроились все восемьдесят семь клавиш. Зануда!

Кейси такого говорить не следовало.

Неожиданно оживившись, он предусмотрительно отвернулся от Уинтропа и произнес:

— Я скажу, что ты скорее всего найдешь в животных, если хорошенько присмотришься. Религию.

— Какая глупость! — вспыхнул Уинтроп. — В тебя что, лукавый вселился?

— Спокойнее, Уинтроп, — улыбнулся Кейси. — Не забывай, что лукавый — это эвфемизм для дьявола, а ведь ты у нас не ругаешься.

— Не читай мне морали. И не богохульствуй.

— Что же тут богохульственного? Почему блоха не может почитать собаку и преклоняться перед нею? Она ведь для нее источник тепла, пищи и прочих блошиных благ.

— Я не собираюсь говорить на эту тему.

— Почему же? Тебе будет полезно. Можно также доказать, что муравьед является для муравья существом высшего порядка. Он слишком велик, чтобы его осознать, и слишком могуч, чтобы помышлять о сопротивлении. Он носится среди муравьев, подобно невиданному, необъяснимому урагану, сея вокруг разрушение и смерть. Но для муравьев это не горе. Они считают, что разрушения ниспосланы им в наказание за грехи. А сам муравьед так и не узнает, что был божеством. Да ему это и не надо.

Уинтроп поблел.

— Ты мелешь все это, лишь бы меня разозлить! Мне жаль, что ты рискуешь душой ради минутного развлечения. Позволь кое-что тебе сказать, — голос его задрожал. — Я буду говорить очень серьезно. Досаждающие тебе мухи — есть твое наказание в этой жизни. Вельзевул, равно как и прочие силы зла, может быть уверен, что он творит зло, но это не так. В результате оказывается, что он действовал во имя окончательного блага. Проклятие Вельзевула тяготеет над тобой ради твоей же пользы. Может быть, оно заставит тебя поменять образ жизни, пока еще не поздно.

Он выбежал из комнаты.

Кейси посмотрел ему вслед и рассмеялся:

— Говорил тебе, Уинтроп верит в Вельзевула. Как только люди не стараются скрыть свои суеверия! — Смех его оборвался неестественно резко.

В комнату влетели две мухи и тут же устремились через пары инсектицида напрямик к Кейси.

Поллен поднялся и вышел в тяжелом расстройстве. За год ему мало удалось узнать, но и этого оказалось достаточно,

чтобы он почти перестал смеяться. Только его машины могли правильно анализировать эмоции животных, сам же он начал слишком глубоко погружаться в эмоции людей.

Ему не нравилось видеть свирепую жажду убийства там, где для остальных налицо была лишь пустяковая ссора.

Неожиданно Кейси спросил:

— Слушай, раз уж мы об этом заговорили... Ты ведь пытался работать над моими мухами? Было такое?

— Над твоими мухами? Прошло двадцать лет, я не помню, — пробормотал Поллен.

— Должен помнить, — сказал Уинтроп. — Мы были в твоей лаборатории, и ты пожаловался, что мухи достают Кейси даже там. Он предложил тебе провести эксперимент, и ты согласился. Ты в течение получаса фиксировал их движение, жужжание и работу крылышек. Ты работал с целой дюжиной разных мух.

Поллен пожал плечами.

— Ну ладно, — сказал Кейси. — Какая разница. Рад был тебя повидать, дружище.

Крепкое рукопожатие, толчок в плечо, широкая улыбка... Для Поллена все это означало болезненное отвращение со стороны Кейси, вызванное тем, что Поллен все-таки добился успеха.

— Давай о себе знать, — сказал Поллен.

Слова глухими толчками сотрясали воздух. Они ничего не значили. Кейси это знал, Поллен это знал. Все это знали. Но слова предназначались для сокрытия эмоций, а когда не получалось, человечество все равно продолжало притворяться.

Рукопожатие Уинтропа было мягче.

— Вот и вспомнили старые времена, Поллен. Будешь в Цинциннати, заходи в наш клуб. Там тебе всегда рады.

Поллен услышал за этой фразой легкое облегчение. Уинтроп радовался его явной депрессии. Оказывается, и наука не знает ответа на многие вопросы; тревожному и мнительному Уинтропу было хорошо в его компании.

— Зайду, — сказал Поллен. Это была обычная вежливая форма отказа.

Он смотрел, как бывшие однокашники разбрелись по разным группкам.

Уинтроп никогда не узнает, Поллен был в этом уверен. Интересно, знает ли Кейси?.. Вот будет шутка, если нет.

Конечно же, он экспериментировал на мухах Кейси, и не раз, а очень много. И всегда получал один и тот же ответ! Один и тот же не подлежащий публикации ответ.

Поллен вдруг увидел оставшуюся в комнате муху, и его невольно пробрала холодная дрожь. Какое-то мгновение муха бесцельно кружилась, потом стремительно и преданно полетела в том направлении, куда удалился Кейси.

Мог ли Кейси не знать? Могло ли быть так, что смысла первородного наказания и заключался в том, что ему никогда не суждено узнать, что он и есть Вельзевул?

Кейси! Бог Мух!

ЗДЕСЬ НЕТ НИКОГО, КРОМЕ...

Полагаю, каждому из нас приходилось иногда произносить фразу: «Ну, и что он в ней нашел?» или: «Ну, и что она в нем нашла?».

Смешной вопрос, потому что то, что он видит в ней или она видит в нем, просто так, глазом, не увидишь. Это, вероятно, сами-прекрасно-знаете-что.

Сходным образом я столь же склонен фыркать, как любой из вас, и, когда я вижу фильм, где девушка влюбляется в типа без всяких видимых достоинств, если не считать того, что он высок, худощав, силен, бесстрашен и поразительно красив, меня, естественно, охватывает отвращение. «Да что она в нем нашла?» — спрашиваю я.

Если меня заставляют объяснять причину моего фырканья, я поясняю, что этот высокий, худощавый, сильный, бесстрашный и поразительно красивый тип почти неизменно обладает комариными мозгами. Вместо слов он хмыкает, а на мир смотрит тупыми глазами, за которыми спрятаны мозги слабоумного идиота. Он известен всем, а особенно девушке, что пытается скрыть свою безумную страсть к нему, под прозвищем «большой выпендрила» или, возможно, «большой увальень».

Эти выпендрилы, и увальни в особенности, лишены даже зачаточного понимания женской психологии, и чем больше они это доказывают, тем отчаяннее их любят.

Я вам заявляю: для меня это невыносимо. Мне чертовски хорошо известно, что если я попытаюсь завоевать расположение девушки, соревнуясь с одним из этих высоких худощавых

Nobody Here But ..
© 1953 by World Editions, Inc.
Здесь нет никого, кроме ..
© Р. Рыбакова, перевод, 1972

кретинов, то обязательно проиграю. Поэтому я избрал собственный способ мести. Я решил никогда не вставлять этих выпендрил в свои рассказы.

И я от своего решения, насколько мне известно, не отступал. Еще вчера я был готов в этом поклясться и поставить на свою правоту любые деньги. Но когда перечитал «Здесь нет никого, кроме...» — только что, перед тем как написать предисловие, — у меня дрогнуло сердце и я не поверил своим глазам. Оказывается, и у меня есть рассказ про увальня.

Боже мой!

Нашей вины тут нет. Нам и в голову не приходило, что все идет не так как следует, пока я не позвонил Клифу Андерсу и не поговорил с ним, когда его там не было. Да что там — я бы никогда и не узнал, что его там нет, если бы он вдруг не вошел в тот самый момент, когда я с ним разговаривал по телефону.

Господи, что это я несу — я всегда был отвратительным рассказчиком, мне никогда не удавалось рассказать все по порядку — я слишком возбуждаюсь. Ладно, начну с самого начала.

Я Билл Биллингс, Клиффорд Андерс мой друг. Я инженер-электротехник, он математик, и мы оба работаем в Среднезападном технологическом институте. Теперь вы знаете, кто мы такие. Как только Клиф и я сбросили с себя военные мундиры, мы занялись вычислительными машинами. Надеюсь, вы представляете, что это за сооружения, — Норбет Винер подробно описал их в своей «Популярной кибернетике». Они огромны, неуклюжи и занимают всю стену. К тому же они дороги.

У нас с Клифом появились некоторые идеи на этот счет. Понимаете, вычислительная машина громоздка и дорога потому, что в ней полно всяких реле и вакуумных трубок, позволяющих контролировать микроскопические электрические токи. В сущности эти микротоки и есть самое главное в машине, поэтому...

Говорю я однажды Клифу:

— А почему мы не можем управлять током без всего этого проволочного салата?

Клиф говорит:

— Действительно, почему? — И тут же занялся математическими выкладками.

Каким образом нам за два года удалось получить то, что мы получили, значения не имеет. Важно, что машина, которую

мы наконец построили, причинила-таки нам хлопоты. Когда мы ее закончили, она была примерно вот такая в высоту, почти такая в длину и примерно такая в глубину...

Ах да, я все забываю, что вы меня не видите. Придется дать вам размеры в цифрах: около трех футов в высоту, шесть футов в длину и два фута в глубину. Представляет? Ее с трудом поднимали два человека, но все же ее можно было поднять, а это самое главное. К тому же считала она и проделывала остальные фокусы не хуже, чем эти громадины размером с целую стену; не так быстро, пожалуй, но мы продолжали ее совершенствовать.

У нас имелись свои планы насчет этого сооружения. Грандиозные планы. Мы надеялись, что вскоре нам удастся установить его на самолетах и судах, а позднее, если доведем габариты до минимума, мы предложим его автомобилистам.

Автомобильный вариант казался нам привлекательнее других. Вы только вообразите себе крохотный электронный мозг, вмонтированный в рулевое управление и снабженный фотоэлектроглазом. Такой мозг выберет вам кратчайший путь, предотвратит столкновение, будет покорно останавливать машину перед красным светом, разовьет нужную скорость, а ты — сиди себе на заднем сиденье и наслаждайся мелькающим за окном пейзажем. Автомобильные катастрофы отойдут в область преданий.

Работа над прибором доставляла нам огромное удовольствие. Когда я вспоминаю, какую радость мы испытывали, решая тот или иной узел, я чуть не плачу от досады — ведь не сними я тогда трубку и не позвони в лабораторию...

В тот вечер я находился у Мэри Энн... Я вам о ней рассказывал, не правда ли? Нет? Конечно, нет.

Мэри Энн — это девушка, которая непременно стала бы моей невестой, не будь при этом двух «если». Во-первых, если бы она этого захотела, во-вторых, если бы у меня хватило смелости попросить ее об этом. У нее рыжие волосы, около 110 фунтов веса и не менее двух тонн энергии, заключенных в весьма привлекательный каркас высотой пять с половиной футов. Как вы уже догадались, я умирал от желания попросить Мэри Энн выйти за меня замуж, но всякий раз, как она появлялась в поле моего зрения, каждым своим жестом добавляя новую порцию горячего в костер, на котором поджаривалось мое сердце, я тут же сникал.

И не потому, что я урод; находятся люди, которые утверждают, что я ничего себе: ни малейших намеков на лысину и рост почти шесть футов. Я даже умею танцевать. Все дело в том, что мне ей нечего предложить. Вы ведь знаете, сколько

получает преподаватель в колледже — суший пустяк, принимая во внимание инфляцию и налоги. Конечно, если бы мы запатентовали нашу думающую машину, все бы изменилось. Но просить Мэри Энн подождать — нет, на это у меня не хватало духу. Вот когда все утрясется...

Об этом я и размышлял тогда в ее гостиной.

— Я готова. Пошли, Билл, — заявила Мэри Энн, появляясь в дверях.

— Минутку, — попросил я, — мне нужно позвонить Клифу.

Она нахмурилась:

— Это так срочно?

— Я обещал позвонить еще два часа назад, — объяснил я.

Все это не заняло и двух минут. Я набрал номер лаборатории. Клиф хотел задержаться, чтобы спокойно поработать, и тотчас снял трубку. Я что-то сказал ему, он мне ответил. Я попросил уточнить какие-то детали, он объяснил, — что именно, не имеет значения, но, как я уже говорил, в нашем содружестве он — мозг, а я — руки. Когда я составляю цепь и придумываю немислимые комбинации, это именно он, испирав страницы закорючками, решает, так ли уж они немислимы, как это кажется на первый взгляд.

И вот в тот момент, когда я закончил разговор и положил трубку на рычаг, раздался звонок в дверь.

Вначале я решил, что Мэри Энн пригласила еще кого-то, и почувствовал, как по спине у меня пробежал эдакий холодок. Механически записывая данные, сообщенные мне Клифом, я следил за тем, как она открывает входную дверь. Но это оказался всего-навсего Клиф.

Он сказал:

— Я так и знал, что застану тебя здесь. Хэлло, Мэри Энн! Послушай, ты же обещал позвонить в шесть! Ты так же надежен, как картонное кресло.

Клиф весь крутлый, коротышка и готов в любую минуту ввязаться в драку. Я на это не реагирую, я слишком хорошо его знаю.

Я пробормотал:

— Тут одно наскочило на другое, и я забыл. Не понимаю, чего ты кипятиться — ведь мы только что с тобой разговаривали.

— Разговаривали? Со мной? Когда?

Я хотел ответить и осекся. Тут было что-то не так. Звонок в дверь раздался в тот момент, когда я повесил трубку, а от лаборатории до дома Мэри Энн не менее шести миль. Я сказал:

— Я только что говорил с тобой.

Он еще ничего не понял и повторил:

— Со мной?

Я указал на телефон:

— По телефону. Я звонил в лабораторию. По этому телефону. — Теперь я указывал на него обеими руками. — Мэри Энн слышала, как я с тобой разговаривал. Мэри Энн, ты ведь слышала?..

Мэри Энн сказала:

— Я не знаю, с кем ты разговаривал. Ну что, мы идем наконец?

В этом вся Мэри Энн, она не терпит неточности.

Я сел. Я попытался быть хладнокровным и собранным. Я сказал:

— Клиф, минуту назад я набрал номер лаборатории, ты подошел к телефону, я спросил, какие результаты, и ты мне их продиктовал. Я их записал — вот они. Что, разве неверно?

И протянул ему бумажку с уравнениями. Клиф внимательно прочел их и сказал:

— Здесь все правильно. Но откуда они у тебя? Ты ведь не вывел их сам.

— Я же сказал тебе — ты их продиктовал по телефону.

Клиф покачал головой:

— Но я ушел из лаборатории в четверть восьмого. Там сейчас никого нет.

— Уверю тебя, я с кем-то разговаривал.

Мэри Энн нетерпеливо теребила перчатки.

— Мы опаздываем, — напомнила она.

Я махнул ей рукой — погоди минутку — и спросил у Клифа: — Послушай, а ты уверен...

— Да нет там никого, если не считать Малыша, конечно.

Малышом мы называли наш механический мозг.

Мы стояли, переводя взгляд с одного на другого. Носок туфельки Мэри Энн отстукивал чечетку — этакая бомба замедленного действия, готовая взорваться в любую минуту.

Вдруг Клиф расхохотался.

— Знаешь, о чем я думаю? — заявил он. — О карикатуре, которую недавно видел где-то: там был нарисован робот, отвечающий на телефонный звонок. Он говорил в трубку: «Честное слово, босс, в доме нет никого, кроме нас, думающих агрегатов».

Мне это показалось совсем не смешным.

Я сказал:

— Поехали в лабораторию.

Мэри Энн встрепенулась:

— Но мы не успеем на спектакль.

Я обернулся к ней:

— Послушай, Мэри Энн, это очень важно. Мы забежим на одну минутку. Поедем с нами, а оттуда прямо в театр.

— Спектакль начинается...

Она не закончила фразы, потому что я схватил ее за руку и потащил на улицу.

Вот вам доказательство того, насколько эта история выбила меня из колеи. В обычное время мне бы и в голову не пришло командовать ею. Я хочу сказать, что Мэри Энн настоящая леди. Просто у меня все смешалось в голове — я даже не помню, хватал ли я ее за руку вообще, но когда опомнился, мы все трое сидели в машине и она растирала правую кисть, бормоча что-то о громадных гориллах.

Я спросил:

— Надеюсь, я не причинил тебе боли, Мэри Энн?

Она ответила:

— Ну что ты, милый, мне ведь каждый день выдергивают руки из суставов — это такое удовольствие!

И носком туфли она пнула меня в икру.

Она сделала это потому, что у нее рыжие волосы. В сущности Мэри Энн добрая девушка. Но она вынуждена время от времени оправдывать миф о рыжеволосой фурии — положение обязывает. Я-то вижу ее насквозь, но подыгрываю ей, бедняжке.

Через двадцать минут мы подъехали к лаборатории.

По ночам институт пустует. Он кажется особенно пустым оттого, что предназначен для толп студентов, спящих по коридорам и заполняющих аудитории. Когда их нет, здание выглядит заброшенным и одиноким. А может быть, мне так казалось потому, что я страшился подняться вверх в свою лабораторию и увидеть то, что ожидало меня там. Как бы то ни было, шаги звучали до нелепости громко, а кабина лифта выглядела неприлично грязной и мрачной.

Я шепнул Мэри Энн:

— Это не займет много времени.

Но она только фыркнула, и это у нее получилось очень здорово. Она ничего не может с собой поделать — она всегда все делает здорово.

Пока Клиф отпирал дверь в лабораторию, я заглянул через его плечо, но ничего не увидел. Малыш находился на том же месте, на котором я оставил его. Если бы не светящаяся шкала, на которой сейчас ничего не отражалось, никто бы не догадался, что это думающий агрегат. Обыкновенный ящик, от которого к розетке в стене тянется черный провод.

Мы с Клифом обошли вокруг Малыша. Мне кажется, мы оба были готовы наброситься на него, сделай он хоть малейшую попытку сдвинуться с места. Но он был недвижим. Мэри Энн с любопытством разглядывала агрегат. Она даже провела

по его крышке указательным пальцем, а затем брезгливо стряхнула пыль.

Я воскликнул:

— Берегись, Мэри Энн, не подходи! Стой там, где стоишь.

Она сказала:

— Здесь ни капельки не чище.

Она в первый раз попала в нашу лабораторию, и ей было трудно понять, что сборочная мастерская — это совсем не то же самое, что, скажем, современная детская. Два раза в день к нам заглядывает сторож и опорожняет корзины для бумаг. Раз в неделю с помощью швабры и мокрой тряпки он оставляет лужи на полу и грязные разводы на столах и полках.

Клиф заявил:

— Телефон не на том месте, где я его оставил.

Я спросил:

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я оставил его там, — он указал рукой, где именно, — а теперь он здесь.

Если это так, то телефон переместился поближе к Малышу. Я проглотил слюну и заметил:

— Может быть, ты запомнил?

Я попытался рассмеяться как можно естественнее, но у меня это не получилось.

— Где отвертка?

— Что ты собираешься делать?

— Заглянуть внутрь. Для смеха.

Мэри Энн заметила:

— Ты испачкаешься. Надень халат.

Она очень заботливая девушка, Мэри Энн.

Я пустил в дело отвертку. Конечно, когда мы доведем Малыша до кондиции и пустим его в производство, наши модели будут заключены в сплошной литой ящик. Мы даже подумывали об обложке из цветного пластика для образцов домашнего типа. Однако наш лабораторный вариант держался на винтах, что позволяло нам всякий раз, когда было необходимо, разбирать его и снова собирать.

Впрочем, на этот раз винты не вывинчивались. Я пытался и сопел, но все было напрасно.

— Какой-то шутник приложил немало сил, чтобы вогнать их так глубоко, — пробормотал я.

Клиф заметил:

— Кроме тебя, никто не прикасался к этой штуке.

Он был прав, но от этого мне не стало легче. Я выпрямился, тыльной стороной ладони вытер лоб и протянул ему отвертку:

— Хочешь попробовать?

Он попробовал, но ничего не добился.

Он сказал:

— Забавно.

Я спросил:

— Что именно?

Он сказал:

— Винт повернулся. Он выступил на одну восьмую дюйма, и после этого отвертка сама выскользнула у меня из рук.

— И что же тут забавного?

Клиф отступил назад, подобрал отвертку и, держа ее на весу двумя пальцами, заметил:

— А то, что я видел, как винт ввернулся назад — на ту же восьмую дюйма — и плотно вошел в гнездо.

Мэри Энн начала терять терпение. Она сказала:

— Ох уж эти умники! Если вам так нужно его открыть, почему вы не воспользуетесь паяльной лампой?

На одной из скамеек действительно лежала паяльная лампа, и на нее-то и указывала Мэри Энн.

Вообще-то идея применить паяльную лампу к Малышу показалась бы мне такой же нелепой, как идея попробовать ее действие на самом себе. Но меня мучила одна мысль, которая, по-видимому, мучила и Клифа — мы оба думали об одном и том же. *Малыш не желал, чтобы его открывали!*

Клиф сказал:

— Что ты об этом думаешь, Билл?

Я сказал:

— Не знаю, Клиф.

Мэри Энн сказала:

— Поторопись, тупица, мы не попадем в театр.

Тогда я взял паяльную лампу и открыл кран кислородного баллона. Все это было похоже на убийство друга.

Но Мэри Энн остановила меня, заявив:

— До чего же глупы бывают мужчины! Смотрите, у вас все винты вывинчены. Вы, наверно, вертели отвертку в обратную сторону.

Вы, конечно, понимаете, что только идиот может вертеть отвертку в обратную сторону. Но я не люблю противоречить Мэри Энн, поэтому я сказал только:

— Мэри Энн, не стой так близко к Малышу. И вообще, почему бы тебе не подождать за дверью?

Но она воскликнула:

— Смотрите!

И на ладони у нее оказался винт, который она вытащила прямо так, руками, из наружной стенки Малыша.

Клиф сказал:

— Господи помилуй!

Они выползали — все двенадцать винтов, сами по себе, подобно крохотным червякам, медленно выворачиваясь из своих отверстий, а затем выпали. Я подобрал их все, за исключением одного, самого последнего, на котором висела, болтаясь, передняя панель, пока я не подхватил ее. Затем и этот винт выпал, и панель нежно плюхнулась в мои объятия. Я осторожно поставил ее на пол.

Клиф сказал:

— Он это сделал нарочно. Он услышал, как мы говорили о паяльной лампе, и сдался.

Его пухлое, обычно розовое лицо побелело. Я тоже чувствовал себя неважно.

Я сказал:

— Что он пытается скрыть от нас?

— Не имею ни малейшего представления.

Мы нагнулись над его открытым нутром и стали смотреть. Я слышал, как носок туфли Мэри Энн опять забарабанил по полу. Я взглянул на свои часы и самому себе был вынужден признаться, что времени у нас в обрез. В сущности у нас его совсем не оставалось. И вдруг я сказал:

— У него появилась диафрагма.

Клиф спросил:

— Где? — и склонился ниже.

Я указал.

— И громкоговоритель.

— Это ты их вставил?

— Конечно, нет.

Мне ли не знать, какие детали я вставляю.

— В таком случае как они сюда попали?

Мы сидели на корточках и препирались.

Я сказал:

— Наверно, он их сам вставил. Может, он их выращивает?

Посмотрим-ка.

Я указал на две спирали, расположенные на некотором расстоянии друг от друга и напоминавшие два тонких свернутых пожарных шланга. Только шланги эти были металлические. На концах каждая спираль разветвлялась на пять или шесть тончайших нитей, в свою очередь закрученных в спирали.

— И это тоже не твоя работа?

— Конечно, не моя.

— Что это такое?

Он знал, что это такое, и я знал. Что-то ведь должно было тянуться за необходимым материалом, из которого Малыш

мастерил себе детали, и что-то протянулось за телефоном, когда тот зазвонил. Я подхватил переднюю панель и еще раз осмотрел ее. В ней появились два отверстия, прикрытых квадратными кусочками металла, свободно укрепленными на шарнирах так, что их легко было отодвинуть. Я просунул в отверстие палец и пошевелил им перед носом Клифа, добавив:

— И это тоже не моя работа.

Мэри Энн выглядывала из-за моего плеча; вдруг, без всякого предупреждения, она протянула руку и...

Я в это время вытирал испачканные маслом пальцы о бумажную салфетку и не успел остановить ее. Я должен был быть осторожнее — я же знаю Мэри Энн, она всегда готова прийти людям на помощь.

Как бы то ни было, она протянула руку, чтобы коснуться — ну, этих, как их там — щупалец, что ли. Я так и не узнал толком, коснулась ли она их на самом деле или нет. Потом она утверждала, что не коснулась. Во всяком случае, она вскрикнула, а затем села на пол и стала растирать себе руку.

— За ту же самую, — жалобно протянула она, — сначала ты, потом этот.

Я помог ей подняться.

— Прости, Мэри Энн, я же предупреждал тебя, ты схватилась за оголенный конец провода...

Клиф прервал меня:

— Глупости. Никакой это не оголенный конец. Просто Малыш защищается.

Мне это и самому было ясно. Мне многое было ясно. Малыш был машиной нового типа. Математический принцип его действия отличался от всех других, когда-либо разработанных до него. Возможно, он обладал новой характеристикой, чем-то, чего не было в предыдущих думающих аппаратах. Может быть, ему захотелось стать живым и начать расти. Может быть, у него возникло желание создать много других себе подобных машин — целые миллионы их, так чтобы они заполнили всю Землю и стали драться с человеческими существами за право обладать ею.

Я открыл было рот, но Клиф, должно быть, знавший, что я собираюсь сказать, заорал:

— Нет, нет, не говори!

Но я не мог остановиться. У меня вырвалось.

— Послушай, его надо выключить. Эй, в чем дело?

Клиф заметил с укором:

— Он же слышит, о чем мы говорим, пустая твоя голова. Неужели ты не понял, что он услышал про паяльную лампу? Я собирался прокрасться сзади и вытянуть шнур из розетки,

но теперь он наверняка убьет меня, если я осмелюсь прикоснуться к кабелю.

Мэри Энн отряхивала пыль с юбки и возмущалась состоянием нашего пола. Я уверял ее, что мы тут ни при чем и что во всем виноват сторож. То есть я хотел сказать, что это он развозит грязь по полу.

Тогда она сказала:

— А почему ты не наденешь резиновые перчатки и не выдернешь шнур?

Я видел, что Клиф недоумевает, почему это не пришло в голову ему самому, но, так и не выяснив причины, он натянул перчатки и направился к Малышу.

Я завопил:

— Осторожно!

Глупейшее предупреждение. Ему приходилось быть осторожным — у него просто не было выбора. Одно из щупалец (теперь уже не возникало никаких сомнений на этот счет) выдвинулось вперед, спираль разжалась и легла между Клифом и электрическим кабелем. Она едва заметно вибрировала, и вместе с ней вибрировали ее шесть отростков. Трубки внутри Малыша начали светиться. Клиф и не пытался перешагнуть через препятствие. Он попятился, и спустя некоторое время спираль сжалась и улеглась на место. Клиф снял перчатки.

— Билл, — сказал он, — так мы ничего не добьемся. Эта штука оказалась умнее, чем мы предполагали. Она умудрилась использовать мой голос в качестве модели при постройке диафрагмы. Она достаточно умна, чтобы, — он понизил голос до шепота, — додуматься, как генерировать собственную энергию и стать самозаряжающимся аппаратом. Билл, мы должны положить этому конец, иначе когда-нибудь с Земли раздастся телефонный звонок: «Привет, босс, здесь нет никого, кроме нас, думающих агрегатов».

— Пойдем в полицию, — сказал я. — Мы им все объясним. Достаточно гранаты или...

Клиф покачал головой:

— Нельзя, чтобы о Малыше узнали. Кто-нибудь другой попытается воспроизвести его, а ведь он, как ты убедился, сулит всяческие неожиданности.

— Что же нам делать?

— Не знаю.

Я почувствовал резкий толчок в грудь, опустил глаза и увидел Мэри Энн, готовую взорваться. Она сказала:

— С меня хватит. Или ты идешь со мной, или не идешь. Решай.

Я пробормотал:

— Но, Мэри Энн...

Она сказала:

— Отвечай — да или нет? Я никогда не была в более идиотском положении. Оделась, чтобы идти в театр, а он меня тащит в захлавленную лабораторию и начинает возиться с дурацкой машиной и развлекать меня ее глупыми шутками.

— Уверяю тебя, Мэри Энн...

Но она не слушала, она говорила. Жаль, что я не запомнил всего, что она тогда обрушила на меня. Хотя, пожалуй, это и к лучшему — уж очень мало приятного было сказано по моему адресу. Время от времени я пытался вставить: «Но, Мэри Энн...», и всякий раз мои протесты тонули в новом шквале обвинений.

Мэри Энн в сущности добрая и деликатная девушка. Она теряет контроль над собой лишь тогда, когда возбуждается, и это объясняется только цветом ее волос. Как я уже говорил, ей приходится оправдывать репутацию рыжих фурий.

Во всяком случае, я опомнился в тот момент, когда она, наступив каблуком на носок моей правой туфли, повернулась, чтобы оставить лабораторию. Я бросился за ней со своим неизменным: «Но, Мэри Энн...»

И тут заорал Клиф. Как правило, он не обращал на нас никакого внимания, но на сей раз он не выдержал.

— Почему ты не попросишь ее выйти за тебя замуж, тупоголовый идиот? — завопил он.

Мэри Энн остановилась. Она стояла в дверях, не оборачиваясь, и ждала. Я тоже остановился, и слова комом застряли у меня в горле. Я был не в состоянии вымолвить даже: «Но, Мэри Энн...»

А Клиф продолжал кричать что-то, хотя его голос доносился до меня как будто бы с расстояния не меньше мили.

Наконец я разобрал его слова:

— Ну же! Ну же! — повторял он снова и снова.

И тут Мэри Энн обернулась. Она была так прекрасна... Не знаю, говорил ли я вам, что глаза у нее зеленые с синеватым оттенком?

Она сказала:

— Ты что-то хотел сказать мне, Билл?

Клиф вложил мне в голову необходимые слова, и я хриплым голосом произнес:

— Ты выйдешь за меня замуж, Мэри Энн?

И тут же пожалел о своей смелости, решив, что она не захочет меня больше видеть. Но уже через секунду я был рад, что решился произнести эти слова, ибо она обвила мою шею

руками и поднялась на носки, чтобы я мог поцеловать ее. Я настолько этим увлекся, что не сразу почувствовал, как Клиф трясет меня за плечо, пытаясь привлечь мое внимание.

Я обернулся и рывкнул:

— Какого черта?

Сознаюсь, я вел себя по-свински. Ведь если бы не он...

Он сказал:

— Смотри!

В руках он держал конец кабеля, соединявший Малыша с источником тока.

А я-то начисто забыл о Малыше!

Я сказал:

— Значит, ты отключил его?

— Полностью.

— Как это тебе удалось?

Он сказал:

— Малыш был так увлечен сражением, которое вы тут разыграли с Мэри Энн, что мне удалось подобраться незамеченным к розетке. Мэри Энн дала отличное представление.

Мне не очень-то понравилось его замечание о Мэри Энн. Она не из тех, кто дает представления. Однако сейчас меня занимало совсем другое.

Я обернулся к Мэри Энн:

— Мне нечего предложить тебе, дорогая, кроме заработка учителя колледжа. А теперь, после того что случилось, у меня не осталось ни единого шанса на...

Она перебила меня:

— Мне все равно, Билл. Я уже потеряла всякую надежду, дурачок ты мой любимый. И чего я только не пробовала!

— Наступала мне на ноги, толкала...

— Я была в отчаянии. Я шла на все.

Я не заметил во всем этом железной логики, но решил не добиваться ее, вовремя вспомнив о театре. Я посмотрел на часы:

— Послушай, Мэри Энн, если мы поторопимся, мы еще сможем успеть ко второму акту.

Она сказала:

— Кому нужен этот второй акт?

Я поцеловал ее, и мы так и не увидели пьесы.

Мы с Мэри Энн поженились и очень счастливы. Я получил повышение, стал профессором. Клиф продолжает работать над проектом управляемого Малыша. Работа его успешно продвигается.

Во всей этой истории меня беспокоит только одно.

Видите ли, на следующий день после того вечера я поговорил с Клифом, рассказал ему о том, что мы с Мэри Энн хотим пожениться, и поблагодарил его за помощь. Он уставился на меня и с минуту внимательно разглядывал, а потом поклялся, что ему и в голову не приходило кричать на нас и тем более что-либо советовать.

Кто-то другой был тогда в комнате и наорал на нас голосом Клифа.

Меня все время беспокоит, а вдруг Мэри Энн догадается? Она милейший человек, я это знаю, но у нее действительно рыжие волосы, и она должна поддерживать свою репутацию (впрочем, я, кажется, уже говорил об этом).

Вы представляете, что она скажет, если узнает, что у меня не хватило мужества сделать ей предложение, пока машина не приказала мне это сделать?

ШТРЕЙКБРЕХЕР

Сюрпризы бывают разные. Во введении к «Приходу ночи» я объяснял, что успех этого рассказа оказался для меня неожиданным. Что ж, в случае со «Штрейкбрехером» я был уверен, что написал настоящий бестселлер. Вещь, на мой взгляд, получилась свежей и оригинальной, я верил, что она поднимает волнующую, глубокую и патетическую социальную тему. Увы, рассказ безмолвно канул в читательское море, не вызвав на поверхности даже легкой ряби.

Но в подобных вопросах я нередко проявляю упрямство. Если рассказ мне нравится, значит, он мне нравится, и я включаю его в следующий сборник, в надежде дать ему еще один шанс.

Это один из немногих рассказов, в отношении которого я могу вспомнить точные обстоятельства, при которых решил его написать. Все произошло во время одной из моих регулярных поездок в Нью-Йорк, которые в то время начинали играть в моей жизни все большую и большую роль. Для меня они представляли собой единственную возможность не писать в течение трех или четырех дней, не испытывая при этом ни угрызений совести, ни беспокойства.

Поэтому все, что могло помешать этим поездкам, выводило меня из себя и нарушало мое в остальном непоколебимое спокойствие. В тот раз со мной едва не случился припадок. Можно стерпеть, когда тебе мешает нечто непреодолимое, например ураган или буря. Но забастовка работников подземки? Причем не всех сразу, а нескольких специалистов, человек, скажем, тридцати пяти. Оказалось, что им пог

Strikebreaker

© 1956 by Isaac Asimov

Штрейкбрехер

© М. Гутов, перевод, 1997

силу заблокировать весь подземный транспорт, а следовательно, и весь город. Ехать в заблокированный город я не решался.

— Когда же все кончится? — вопрошал я небеса в своей лучшей трагической манере, вытянув одну руку вверх и вцепившись второй в волосы. — Горстка людей способна парализовать огромный мегаполис. Когда это кончится?!

Я так и застыл в этой позе, пытаясь додумать ситуацию до логического конца. Затем я осторожно разморозил позу, поднялся наверх и написал «Штрейкбрехера».

Все закончилось хорошо. Объявленная забастовка так и не состоялась, и я благополучно съездил в Нью-Йорк.

Еще одна особенность этого рассказа. Я люблю порассуждать на его примере, как беспорочно иной раз меняют названия произведений. Редактором журнала, в котором рассказ был впервые напечатан, работал Роберт У. Лоундес, умнейший и приятнейший человек из всех, с кем мне доводилось сталкиваться. Он не имел к этому никакого отношения. Какой-то идиот из верхних эшелонов издательской власти решил назвать рассказ «Мужчина штрейкбрехер».

Почему «мужчина»? Что, по его мнению, должно было прояснить это слово в названии рассказа? Чем его обогатить? Улучшить? О Боже, я могу понять (хотя и не одобряю) забавные изменения, которые, с точки зрения издателя, приносят оттенок скабрёзности и улучшают продаваемость книги, но в данном случае не произошло даже этого.

Ну и ладно, я вернул своему рассказу прежнее название — и точка.

Элвис Блей потер пухлые ручки и произнес:

— Самое главное — внутреннее содержание. — Он тревожно улыбнулся и поднес землянину Стиву Ламораку зажигалку. На его гладком лице с маленькими, широко посаженными глазками было написано беспокойство.

Ламорак кивнул, затаился дымом и вытянул длинные ноги.

У него была крупная волевая челюсть и подернутые седой волосами.

— Домашнее производство? — поинтересовался он, критически разглядывая сигарету и пытаясь скрыть собственную тревогу за нервозностью собеседника.

— Да, — кивнул Блей.

— Удивительно, как вы нашли в своем крошечном мире место для подобной роскоши, — заметил Ламорак.

(Он вспомнил, как первый раз увидел Элсвер в иллюминатор космического корабля. Перед ним предстал неровный,

безвоздушный планетоид диаметром около ста миль. Серый, как пыль, шершавый, грубый камень мрачно поблескивал под собственным светилом, отдаленным на двести миллионов миль. Планетоид был единственным вращающимся вокруг звезды небесным телом, диаметр которого превышал милю. И вот до этого крошечного, миниатюрного мира добрались люди и основали здесь свое поселение. Сам же Ламорак был по профессии социологом, прибывшим посмотреть, как сумело человечество приспособиться к этой причудливой, не похожей на другие нише.

Вежливая, натянутая улыбка Блея растянулась еще на один волосок.

— Мы не крошечный мир, доктор Ламорак, — ответил он. — Просто вы судите о нас в двухмерных стандартах. Площадь поверхности Элсвера составляет лишь три четверти от занимаемой Нью-Йорком территории, но это ничего не значит. Не забывайте, что при желании мы можем занять всю внутреннюю часть Элсвера. Сфера радиусом в пятьдесят миль имеет объем, превышающий полмиллиона кубических миль. Если разбить весь объем Элсвера на уровни с расстоянием в пятьдесят футов один от другого, общая площадь поверхности планетоида составит пятьдесят шесть миллионов квадратных миль, что равняется общей площади поверхности Земли. Причем у нас не будет ни одного непродуктивного клочка, доктор.

— Боже милосердный, — пробормотал Ламорак и на мгновение туло уставился перед собой. — Ну да, конечно, вы правы. Я никогда не пытался взглянуть на Элсвер с такой точки зрения. С другой стороны, это единственный по-настоящему разработанный планетоидный мир во всей Галактике; остальные, как вы заметили, просто не могут преодолеть барьеры двухмерного мышления. Что ж, я безмерно рад, что ваш Совет оказался столь любезен и предоставил мне все возможности для проведения необходимых исследований.

При этих словах Блей мрачно кивнул.

Ламорак нахмурился. Ему вдруг показалось, что Советник совсем не рад его приезду. Что-то тут не так.

— Вы, конечно, понимаете, — сказал Блей, — что на самом деле нам еще расти и расти. Пока вырыта и заселена лишь незначительная часть Элсвера. Да мы и не торопимся особенно расширяться. Все должно идти своим чередом. В определенной мере нас существенно ограничивают возможности наших псевдогравитационных двигателей и конвертеров солнечной энергии.

— Понимаю. Скажите, Советник Блей, могу ли я начать осмотр с сельскохозяйственных и животноводческих уровней? Для моего исследования это не принципиально, мне просто

очень интересно взглянуть на ваши фермы. Даже не верится, что внутри планетоида могут колоситься пшеничные поля и бродить скот.

— Скот вам покажется мелковатым, доктор, да и пшеницы у нас немного. Гораздо больше площадей отведено под ячмень. Но пшеницу мы вам покажем. А также хлопок и табак. Посмотрите даже фруктовые деревья.

— Прекрасно. Как вы говорите, внутреннее содержание. Полагаю, у вас все проходит полную переработку.

От наметанного глаза Ламорака не ускользнуло, что последнее замечание неприятно затронуло Блея. Элсверианин прищурился, стараясь скрыть раздражение.

— Да, конечно, нам приходится перерабатывать отходы. Вода, воздух, пища, минералы — все, что мы используем для жизни, должно быть возвращено в первоначальное состояние; отходы перерабатываются на сырье. Нам нужна только энергия, а ее у нас предостаточно. Конечно, пока нам не удастся выйти на стопроцентный уровень, какая-то часть безвозвратно теряется. Каждый год мы импортируем определенное количество воды; если наши потребности возрастут, придется ввозить уголь и кислород.

— Когда начнем осмотр, Советник Блей? — спросил Ламорак. Улыбка Блея утратила остатки теплоты:

— Как только это станет возможным, доктор. Кое-что надо подготовить.

Ламорак кивнул, докурив сигарету и затушил окурки.

Кое-что подготовить?... В предварительной переписке об этом не упоминалось. Напротив, складывалось впечатление, что на Элсвере гордятся тем, что их уникальное планетоидное существование привлекло внимание специалистов из других частей Галактики.

— Я понимаю, что мое присутствие может растревожить тесное, налаженное существование вашего общества, — мрачно произнес Ламорак и подождал, пока Блей осмыслит сказанное.

— Да, — наконец откликнулся элсверианин. — Мы чувствуем себя отрезанными от всей Галактики. Ну, и у нас есть свои обычаи. Каждый человек на Элсвере занимает собственную нишу. Появление незнакомца, не принадлежащего к определенной касте, вносит сумятицу.

— Кастовая система не отличается гибкостью.

— Это так, — поспешно согласился Блей, — но она обеспечивает определенную устойчивость. У нас существуют строгие правила заключения браков и жесткое наследование профессии. Каждый мужчина, женщина и ребенок знают свое

место, принимают его и уверены в том, что их, в свою очередь, тоже признают и принимают. У нас практически не бывает неврозов или умственных расстройств.

— Значит, у вас нет неудачников? — спросил Ламорак.

Блей открыл рот, явно намереваясь ответить отрицательно, но вдруг осекся. На лбу его обозначилась глубокая морщина. Помолчав, он произнес:

— Я постараюсь все организовать, доктор. А пока вам следует воспользоваться случаем и хорошенько выспаться.

Они поднялись и вышли из комнаты, в дверях Блей вежливо пропустил землянина вперед.

После разговора с Блеем у Ламорака остался гнетущий осадок. Похоже, дела тут идут не лучшим образом.

Местная пресса еще больше усилила это ощущение. Он внимательно изучил ее перед сном, движимый поначалу простым любопытством. Восьмистраничная газета была напечатана на синтетической бумаге. Четверть всех материалов составляла персональная хроника: рождения, смерти, данные о расширении сферы обитания (не площади, а объема!). Остальное отводилось под научные очерки, образовательные статьи и беллетристику. Новостей, в привычном Ламораку виде, не было вообще.

К ним можно было условно отнести одно сообщение, поражающее своей незавершенностью.

За маленьким заголовком «Требования не изменились» шел следующий текст: «Со вчерашнего дня ситуация не изменилась. Главный Советник после второй встречи объявил, что его требования неразумны и не могут быть выполнены ни при каких обстоятельствах».

Затем в скобках и другим шрифтом было напечатано следующее заявление: «Издатели данной газеты согласны, что Элсвер не может и не должен плясать под его дудку, что бы ни случилось».

Ламорак перечитал заметку трижды. Его отношение. Его требования. Его дудка.

Чье?

В ту ночь он спал тревожно.

На следующий день ему было не до газет, но время от времени он невольно вспоминал эту заметку.

Сопровождавший его на протяжении всей экскурсии Блей был еще более сдержан.

На третий день (весьма условно определенный по земной суточной схеме) Блей остановился в одном месте и объявил:

— Ну вот. Этот уровень полностью занят химическими производствами. Интересы он не представляет...

Советник повернулся чуть поспешнее, чем следовало, и Ламорак схватил его за руку:

— А что производят на этом уровне?

— Удобрения. Необходимую органику, — коротко ответил Блей.

Ламорак удерживал его на месте, пытаясь получше разглядеть место, которое Блей так торопился покинуть. Взгляд уперся в близкий горизонт, тесные здания, камни и перекрытия между уровнями.

— Скажите, вон там... разве это не частное владение? — поинтересовался Ламорак.

Блей даже не взглянул в указанном направлении.

— По-моему, это самое большое жилище из всех, что мне доводилось здесь видеть, — сказал Ламорак. — Почему оно находится на фабричном уровне?

Это было любопытно само по себе. Он уже отметил, что на Элсвере все уровни четко подразделялись на жилые, промышленные и сельскохозяйственные.

Землянин обернулся и позвал:

— Советник Блей!

Советник решительно удалялся, и Ламораку пришлось догонять его чуть ли не бегом.

— Что-то не так, сэр?

— Простите, я веду себя невежливо, — пробормотал Блей. — Я знаю. Есть проблемы, требующие немедленного решения... — Он продолжал быстро шагать в неизвестном Ламораку направлении.

— Это касается его требований?

Блей застыл как вкопанный.

— А вам что об этом известно?

— Не больше, чем я сказал. Вычитал в газете.

Блей произнес что-то неразборчивое.

— Рагусник, — произнес Ламорак. — Что это такое?

Блей тяжело вздохнул.

— Полагаю, я должен вам объяснить. Все это унижительно и чрезвычайно запутанно. Совет полагаю, что вопрос будет быстро улажен и не должен никоим образом коснуться вашего визита. Вам ничего не положено знать и не о чем тревожиться. Но прошла уже почти неделя. Я не представляю себе развития событий, однако, учитывая, как все складывается, полагаю, что вам следует уехать. Человеку из другого мира нет смысла рисковать жизнью.

Землянин недоверчиво улыбнулся:

— Рисковать жизнью? В таком маленьком, благоустроенном мире? Не верю.

— Постараюсь объяснить, — произнес Советник. — Считаю, что я должен это сделать. — Он отвернулся. — Как я уже говорил, все на Элсвере должно перерабатываться и вновь идти в дело.

— Да.

— В том числе и... человеческие отходы.

— Естественно, — кивнул Ламорак.

— Вода отсасывается из них путем дистилляции и абсорбции. Оставшееся перерабатывается на удобрения. Часть идет на сырье для органики и сопутствующих продуктов. Перед вами фабрики, где совершается данный процесс.

— И?... — В первые минуты на Элсвере Ламорак испытывал определенные трудности при употреблении воды: он прекрасно отдавал себе отчет, откуда она берется; потом ему удалось справиться с этим чувством. Даже на Земле вода добывается из всякой дряни.

С трудом преодолевая себя, Блей произнес:

— Игорь Рагусник — это человек, отвечающий за промышленную переработку отходов. Этим занимались его предки с момента колонизации Элсвера. Одним из первых поселенцев был Михаил Рагусник и он... он...

— Отвечал за переработку нечистот.

— Да. Дом, на который вы обратили внимание, принадлежит Рагуснику. Это самый роскошный и благоустроенный дом на планетоиде. Рагусник пользуется привилегиями, недоступными большинству из нас, но... — с неожиданной страстью Советник закончил: — Мы не можем с ним договориться!

— Что?

— Он потребовал полного социального равенства. Настаивает на том, чтобы его дети воспитывались вместе с нашими, а наши жены посещали... О! — простонал он с нескрываемым отвращением.

Ламорак подумал о газетной статье, в которой даже не рискнули напечатать имя Рагусника и объяснить суть его требований.

— Полагаю, из-за профессии он считается отверженным.

— Естественно. Человеческие нечистоты и... — Блей не находил нужных слов. Помолчав, он сказал уже спокойнее: — Как землянин, вы все равно не поймете.

— Думаю, пойму, как социолог. — Ламорак вспомнил об отверженных в древней Индии, людях, которые таскали трупы, и о пастухах свиней в древней Иудее. — Полагаю, Элсвер не пойдет на уступки, — заметил он.

- Никогда, — энергично воскликнул Блей. — Никогда!
- И что?
- Рагусник угрожает остановить производство.
- Другими словами, объявить забастовку.
- Да.
- Это может иметь серьезные последствия?
- Воды и пищи нам хватит надолго. В этом смысле рециркуляция не имеет принципиального значения. Но нечистоты будут накапливаться и могут вызвать эпидемию. После многих поколений, выросших в условиях тщательного контроля за болезнями, у нас крайне низкая сопротивляемость инфекционным заболеваниям. Если вспыхнет эпидемия, мы начнем гибнуть сотнями.
- И Рагусник об этом знает?
- Разумеется.
- Вы считаете, он способен осуществить свою угрозу?
- Он совсем спятил. Он уже прекратил работу, отходы не перерабатываются с момента вашего прилета. — Мясистый нос Блея сморщился, словно пытаясь учуять запах экскрементов.
- Ламорак тоже невольно принюхался, но ничего не почувствовал.
- Теперь вы понимаете, почему вам было бы лучше улететь. Конечно, нам унизительно предлагать вам такой выход.
- Подождите, — остановил его Ламорак. — Зачем же спешить? С профессиональной точки зрения это чрезвычайно интересно. Могу ли я переговорить с Рагусником?
- Ни при каких обстоятельствах! — с тревогой заявил Блей.
- Но мне бы хотелось прояснить ситуацию. Здесь у вас уникальные социологические условия, которые невозможно воспроизвести ни в каком другом месте.
- Как вы собираетесь с ним говорить? Вас устроит видеосвязь?
- Это возможно?
- Я попрошу согласие Совета, — пробормотал Блей.

Члены Совета расселись вокруг Ламорака. На надменных лицах застыла тревога. Блей старательно избегал смотреть Ламораку в глаза.

Главный Советник, седой человек с иссеченным морщинами лицом и тощей шеей, мягким голосом произнес:

— Если вам удастся его переубедить, мы будем вам очень признательны. Как бы то ни было, не дайте ему понять, что мы готовы пойти на уступки.

Прозрачный занавес отгородил Ламорака от членов Совета. Он по-прежнему мог различать отдельных людей, но все внимание землянина было приковано к засветившемуся ровным светом экрану.

Вскоре на нем появилась голова человека. Цвета были естественны, а изображение предельно четким. Сильная, темная голова, с массивным тупым подбородком и полными красными губами, образующими твердую горизонтальную линию.

— Кто вы такой? — подозрительно поинтересовалось изображение.

— Меня зовут Стив Ламорак. Я землянин.

— Из другого мира?

— Да. Я прилетел на Элсвер. Вы — Рагусник?

— Игорь Рагусник, к вашим услугам, — насмешливо произнес голос с экрана. — Правда, никаких услуг не будет, пока ко мне и моей семье не начнут относиться как к людям.

— Вы сознаете, какой опасности подвергаете Элсвер? Не исключена вспышка эпидемии.

— Если они начнут относиться ко мне по-человечески, я управлюсь в двадцать четыре часа. Все зависит от них.

— Похоже, вы образованный человек, Рагусник.

— И?..

— Мне сказали, что вы пользуетесь всеми материальными благами. У вас лучший дом и лучшая на всем Элсвере одежда. Ваши дети получают лучшее образование.

— Да. Но это достигается при помощи сервомеханизмов. Нам присылают девочек-сирот, которых мы воспитываем до того возраста, когда они становятся нашими женами. Они умирают от одиночества. Почему? — В голосе его проснулась неожиданная страсть: — Почему мы должны жить в изоляции, словно монстры? Почему мы не имеем права общаться с другими людьми? Разве мы не такие, как все? Разве у нас нет желаний и чувств? Разве мы не выполняем почетную и необходимую функцию?

За спиной Ламорака послышался чей-то вздох. Рагусник тоже его услышал и заговорил громче:

— Я вижу, там сидят люди из Совета. Ответьте мне, разве это не почетная и необходимая функция? Из ваших отходов делается пища для вас. Неужели человек, очищающий гадость, хуже тех, кто ее производит? Слышите, Советники, я не сдамся. Пусть весь Элсвер подохнет от эпидемии вместе со мной и моим сыном, но я не сдамся! Для моей семьи лучше умереть от болезни, чем жить так, как мы живем.

— Вы ведь с самого рождения так живете? — перебил его Ламорак.

— Ну и что?

— Полагаю, вы к этому привыкли.

— Ерунда! Какое-то время я с этим мирился. Мой отец всю жизнь прожил в смирении. Но я смотрю на своего сына, которому не с кем играть. У меня был брат, а у сына нет никого, и я не намерен больше терпеть. Мне надоел Элсвер и пустые разговоры!

Динамик замолчал.

Лицо Главного Советника пожелтело.

— Рагусник окончательно рехнулся, — пробормотал он. — Не знаю, что с ним делать.

Главный Советник отпил вина из бокала, и на его белые брюки упало несколько пурпурных капель.

— Разве его требования не разумны? — спросил Ламорак. — Почему нельзя принять его в общество?

В глазах Блея вспыхнула ярость.

— Специалиста по дерьму? — Затем он пожал плечами: — Вы с Земли.

Ламорак непроизвольно подумал о другом неприкасаемом, одном из классических героев средневекового карикатуриста Эла Каппа*. Его называли по-разному, в том числе и «запертым в нужнике».

Он спросил:

— Разве Рагусник непосредственно соприкасается с экскрементами? Я имею в виду физический контакт? Уверен, все делается при помощи различных механизмов.

— Естественно, — проворчал Главный Советник.

— В чем тогда состоят его обязанности?

— Рагусник вручную настраивает эти машины. Заменяет неисправные узлы, в течение дня меняет режим работы, перестраивается на необходимое сырье... — Советник печально добавил: — Если бы у нас было место для размещения в десять раз более совершенного оборудования, все делалось бы автоматически, но мы не можем позволить себе такой бессмысленной роскоши.

— Но даже в этом случае, — настаивал Ламорак, — все, что приходится делать Рагуснику, — это нажимать на кнопки, замыкать контакты и тому подобное, так?

— Так.

— В таком случае его работа не отличается от любой другой на Элсвере.

— Вы не понимаете, — жестко произнес Блей.

* Автор популярных в 30-х годах комиксов про некоего Шмуса, обеспечивающего все материальные нужды человечества. (Примеч. пер.)

— Из-за таких условностей вы готовы рисковать жизнью своих детей?

— У нас нет выбора, — отрезал Блей. Советник сказал это с такой мукой, что Ламорак понял, что выхода он действительно не видит.

— Тогда сорвите забастовку, — презрительно пожал плечами Ламорак. — Заставьте его.

— Каким образом? — взвился Главный Советник. — Кто согласится к нему прикоснуться или даже приблизиться?

— Знаете ли вы, как управлять его оборудованием? — задумчиво поинтересовался Ламорак.

— Я?! — зарычал Главный Советник и вскочил на ноги.

— Я не имел в виду лично вас, — резко остановил его Ламорак. — Я употребил местоимение «вы» в неопределенном смысле. Сумеет кто-нибудь другой справиться с оборудованием Рагусника?

Ярость постепенно сходила с лица Главного Советника.

— Наверное, можно прочесть в справочниках... хотя, уверяю вас, я никогда этим не интересовался.

— В таком случае способен ли кто-нибудь изучить технологию и подменить Рагусника, пока он не пойдет на уступки?

— Да кто же на такое согласится? — воскликнул Блей. — Во всяком случае не я. Ни за что.

Ламорак подумал о существовавших на Земле табу. Некоторые из них были столь же суровы. Ему пришли на ум каннибализм, инцест и богохульство в устах набожного человека.

— Вы должны были предусмотреть замену для этой должности. А если бы он умер?

— Тогда его место занял бы его сын или ближайший из родственников, — ответил Блей.

— Что, если у него не оказалось бы взрослых родственников? Что, если вся его семья неожиданно погибнет?

— Такого просто не может быть. Если бы существовала такая опасность, — добавил Главный Советник, — мы бы поместили к ним на воспитание ребенка или двух. Они бы научили их всей премудрости.

— Ага. И как бы вы отбирали этих детей?

— Среди тех, чьи матери умерли при родах. Так выбирается будущая невеста Рагусника.

— В таком случае выберите его преемника сейчас, бросьте жребий, — предложил Ламорак.

— Это невозможно! Нет! — крикнул Главный Советник. — Как вам могла прийти в голову такая мысль? Когда мы выбираем ребенка, то он с детства готовится к этой жизни. Он

не знает ничего другого. Вы же хотите обречь на рагусничество взрослого человека! Нет, доктор Ламорак, мы не звери!

Не выходит, беспомощно подумал Ламорак. Не выходит. Если только...

Он еще не мог заставить себя подумать об этом «если только».

В ту ночь Ламорак почти не спал. Рагусник просил об элементарных проявлениях человечности. В противном случае тридцати тысячам элсвериан грозила смерть.

С одной стороны, благополучие тридцати тысяч человек, с другой — справедливые требования одной семьи. Неужели тридцать тысяч человек, поддерживающих подобную несправедливость, заслуживали гибели? Несправедливость по чьим меркам? Земли? Элсвера? И кто такой Ламорак, чтобы делать выводы?

А Рагусник? Он готов обречь на смерть тридцать тысяч человек, которые всего-навсего воспринимали ситуацию так, как их научили, и ничего не могли в ней изменить. И детей, которые были вообще ни при чем.

Тридцать тысяч с одной стороны; одна семья — с другой.

Ламорак пришел к своему решению в полном отчаянии; рано утром он позвонил Главному Советнику.

— Сэр, если вы найдете замену, Рагусник поймет, что у него больше нет шансов повлиять на ситуацию, и возобновит работу.

— Замены быть не может, — устало вздохнул Главный Советник. — Я вам уже объяснял.

— Вы не найдете замену среди элсвериан, но я не с Элсвера. Для меня все это не имеет никакого значения. Я его замену.

Поднялся страшный переполох. Ламорак не ожидал, что все так разволнуются. Никто не мог поверить, что он сказал это всерьез.

Ламорак не побрился, после бессонной ночи его слегка мутило.

— Ну конечно, я говорю серьезно. Каждый раз, когда Рагусник начнет вести себя подобным образом, вы без труда найдете ему замену. Подобного табу не существует ни в одном другом мире, и, если вы хорошо заплатите, у вас отбоя не будет от желающих подработать.

(Ламорак знал, что предаст зверски эксплуатируемого человека. Но он упрямо повторял: «Если не считать остракизма, с ним обращаются хорошо. Очень хорошо».)

Ему предоставили справочники, и в течение шести часов он читал и перечитывал специальную литературу. Спрашивать было бесполезно. Никто на Элсвере понятия не имел об этой работе, все было в справочниках и все было крайне запутанно. От обилия деталей и подробностей голова шла кругом.

«При загорании красной лампочки на ревуна спирометра стрелка гальванометра А-2 должна находиться в нулевом положении», — прочел Ламорак.

— Ну и где этот ревуна спирометра? — спросил он.

— Там должно быть написано, — пробормотал Блей.

Элсвериане утрюмо переглянулись и опустили головы, разглядывая кончики пальцев.

Его оставили одного задолго до того, как он дошел до небольшого помещения, где находился рабочий пульт многих поколений Рагусников. Землянин получил подробные указания, где повернуть и на какой уровень выйти, но никто не вызвался его проводить.

Он с трудом разбирался в обстановке, пытаясь по надписям и описаниям в справочнике определить нужные приборы и механизмы.

Вот ревуна спирометра, подумал Ламорак с мрачным удовлетворением. Аппарат имел полукруглый циферблат с многочисленными углублениями, в которых, очевидно, должны были светиться разноцветные лампочки. Тогда почему «ревуна»?

Этого Ламорак не знал.

Где-то, думал землянин, накапливаются нечистоты, давят на заслонки и клапаны, ждут, когда их начнут обрабатывать сотней разных способов. Сейчас они просто накапливаются.

Не без содрогания он поставил, как указывалось в справочнике, первый переключатель в положение «Начало процесса». За стенами и из-под пола послышалось ровное гудение. Он повернул рукоятку, и вспыхнули лампочки.

Все свои действия он сверял со справочником, содержание которого помнил уже наизусть. С каждым щелчком приборов комната наполнялась светом, вспыхивали датчики, дергались стрелки индикаторов, и нарастал гул.

Где-то в глубине цехов насосы погнали скопившиеся нечистоты по нужным трубам.

Резкий сигнал заставил Ламорака вздрогнуть и вывел его из состояния болезненной концентрации. Это был вызов на связь, и он тут же включил телеприемник.

На экране показалась голова Рагусника. В глазах его застыло изумление.

— Вот, значит, как, — наконец пробормотал он.

— Я не элсверианин, Рагусник; для меня это ничего не значит.

— Тогда чего ты сюда полез? Зачем вмешиваешься?

— Я на твоей стороне Рагусник, но иначе не могу.

— Почему, если ты на моей стороне? Разве в твоём мире обращаются с людьми так, как они обращаются со мной?

— Больше нет. Но даже если ты прав, нельзя забывать о тридцати тысячах человек, живущих на Элсвере.

— Они бы уступили, ты все испортил. Это был мой последний шанс.

— Они бы не уступили. К тому же ты в некотором роде победил. Они поняли, что ты возмущен. До сегодняшнего дня они и подумать не могли, что Рагусник может быть недоволен, что он может причинить неприятности.

— Ну и что из того, что они это узнали? Теперь они всегда смогут пригласить человека из другого мира.

Ламорак энергично замотал головой. Эта мысль не оставляла его последние горькие часы.

— Они знают, а значит, начнут о тебе думать. Найдутся те, кто посчитает, что с человеком нельзя так обращаться. А если они начнут приглашать людей из других миров, вся Галактика узнает, что творится на Элсвере. Общественное мнение будет на твоей стороне.

— И?..

— Все изменится. Когда вырастет твой сын, ситуация поменяется к лучшему.

— Когда вырастет мой сын, — упрямо повторил Рагусник. Щеки его ввалились. — А я мог добиться этого сейчас!.. Ладно, я проиграл. Я возвращаюсь к работе.

Ламорак почувствовал непередаваемое облегчение.

— Если вы придете сюда, сэр, я посчитаю за честь пожать вашу руку.

Рагусник вскинул голову. В глазах его светилась мрачная гордость.

— Ты обратился ко мне «сэр» и предложил пожать руку. Занимайся своими делами, землянин, и не суйся в мои. А руки я тебе не подам.

Ламорак проделал обратный путь, радуясь тому, что кризис завершился, и испытывая одновременно глубокую депрессию.

Дойдя до перегороженного коридора, он с удивлением остановился. Ламорак огляделся в поисках другой дороги, но тут откуда-то сверху прогремел голос:

— Доктор Ламорак, вы меня слышите? Говорит Советник Блей.

Ламорак вздрогнул и поднял голову. Казалось, голос доносился из динамика громкой связи, но он его не увидел.

— Что случилось? — спросил он. — Вы меня слышите?

— Слышу.

Ламорак непроизвольно перешел на крик:

— Что случилось? Здесь какая-то преграда. Возникли сложности с Рагусником?

— Рагусник вернулся к работе, — ответил голос Блей. — Кризис завершился, вы должны готовиться к отлету.

— К отлету?

— К отлету с Элсвера. Вас уже ждут на корабле.

— Подождите, — опешил Ламорак. — Я же не закончил исследование.

— Ничем не могу помочь, — откликнулся Блей. — Вас проводят на корабль, сервомеханизмы доставят туда ваши вещи. Мы считаем... мы считаем...

— Что вы считаете? — В голове Ламорака начало проясняться.

— Мы считаем, что вам не следует общаться ни с кем из жителей Элсвера. Надеюсь, вы постараетесь избежать неловкости и больше сюда не прилетите. Мы готовы встретить ваших коллег, если вам необходима дополнительная информация.

— Понятно, — глухо произнес Ламорак. Похоже, он сам стал Рагусником. Он прикоснулся к приборам, которые соприкасались с нечистотами. Он стал неприкасаемым. Он стал охотником за трупами, пастухом свиней, запертым в нужнике.

— Прощайте, — сказал Ламорак.

— Прежде чем мы вас отправим, доктор Ламорак... Спасибо вам от имени Совета Элсвера за помощь в разрешении кризиса.

— Не стоит, — горько произнес Ламорак.

«...ВСТАВЬТЕ ШПЛИНТ А В ГНЕЗДО Б...»

Из всех моих рассказов у этого самая необычная история. Причем он самый короткий из когда-либо написанных мною.

Произошло это приблизительно так. 21 августа 1957 года я принимал участие в дискуссии о средствах и формах пропаганды научных знаний, передававшейся по учебной программе Бостонского телевидения. Вместе со мной в передаче участвовали Джон Хэнсен, автор инструкции по использованию машин и механизмов, и писатель-фантаст Дэвид О. Вудбери.

Мы дружно сетовали на то, что большинство произведений научной фантастики, да и техническая литература тоже, явно не дотягивают до нужного уровня. Потом кто-то вскользь заметил насчет моей плодовитости. С присущей мне скромностью я весь свой успех объяснил невероятным обилием идей, исключительным трудолюбием и беглостью письма. При этом весьма опрометчиво заявил, что могу написать рассказ где угодно, когда угодно и в каких условиях — в разумных пределах — условиях. Мне тут же бросили вызов, попросив написать рассказ прямо в студии, перед направленными на меня камерами.

Я снисходительно согласился и приступил к рассказу, взяв в качестве темы предмет нашей дискуссии. Мои же оппоненты даже не помышляли, чтобы как-то облегчить мою задачу. Они то и дело нарочно обращались ко мне, чтобы втянуть в дискуссию и таким образом прервать ход моих

мыслей, а я, будучи довольно тщеславным, продолжал писать, пытаясь в то же время разумно отвечать.

Прежде чем получасовая программа подошла к концу, я написал и прочитал рассказ (потому-то он, между прочим, такой короткий), и это был именно тот, который вы видите здесь под заглавием «...Вставьте шплинт А в гнездо Б...»

Впрочем, я немного смошенничал. (Зачем мне вам лгать?) Мы трое беседовали до начала программы, и я интуитивно почувствовал, что меня могут попросить написать рассказ об этой программе. Поэтому на всякий случай я несколько минут перед ее началом провел в раздумье.

Когда же они меня попросили-таки, рассказ уже более или менее сложился. Мне оставалось только продумать детали, записать и прочитать его. В конце концов в моем распоряжении было всего 20 минут.

Дейв Вудбери и Джон Хэнсен, неуклюжие в своих скафандрах, с волнением наблюдали, как огромная клеть медленно отделяется от транспортного корабля и входит в шлюз для перехода в другую атмосферу. Почти год провели они на космической станции А-5, и им, понятное дело, осточертели грохочущие фильтрационные установки, протекающие резервуары с гидропоникой, генераторы воздуха, которые надсадно гудели, а иногда и просто выходили из строя.

— Все разваливается, — скорбно вздыхал Вудбери, — потому что все это мы сами же и собирали.

— Следуя инструкциям, — добавлял Хэнсен, — составленным каким-то идиотом.

Основания для жалоб, несомненно, были. На космическом корабле самое дефицитное — это место, отводимое для груза, потому-то все оборудование, компактно уложенное, приходилось доставлять на станцию в разобранном виде. Все приборы и установки приходилось собирать на самой станции собственными руками, пользуясь явно не теми инструментами и следуя невнятным и пространственным инструкциям по сборке.

Вудбери старательно записал все жалобы, Хэнсен снабдил их соответствующими эпитетами, и официальная просьба об оказании в создавшейся ситуации срочной помощи отправилась на Землю.

И Земля ответила. Был сконструирован специальный робот с позитронным мозгом, напичканным знаниями о том, как собрать любой мыслимый механизм.

Insert Knob A in Hole B

© 1957 by Isaac Asimov

«...Вставьте шплинт А в гнездо Б...»

© В Постников, перевод, 1983

Этот-то робот и находился сейчас в разгружающейся клетки. Вудбери нервно задрожал, когда створки шлюза наконец сомкнулись за ней.

— Первым делом, — громыхнул Вудбери, — пусть он разберет и вновь соберет все приборы на кухне и настроит автомат для поджаривания бифштексов, чтобы они у нас выходили с кровью, а не подгорали.

Они вошли в станцию и принялись осторожно обрабатывать клеть демолеуляризаторами, чтобы удостовериться, что не пропадает ни один атом их выполненного на заказ робота-сборщика.

Клеть раскрылась!

Внутри лежали пятьсот ящиков с отдельными узлами... и пачка машинописных листов со смазанным текстом.

СОВРЕМЕННЫЙ ВОЛШЕБНИК

Меня частенько (к огромному моему удивлению) обвиняют в том, что я пишу с юмором. О, я, конечно, пытаюсь, но очень осторожно, и мне долго казалось, что никто этого не замечает.

Дело в том, что юмор не имеет четких критериев. Можно сочинить загадочный рассказ и не дотянуть до нормы; тогда у вас получится сравнительно загадочный рассказ. По аналогии, можно написать сравнительно романтический рассказ, сравнительно интересный, сравнительно жуткий и даже сравнительно научно-фантастический рассказы.

Но что получится, если вам не удастся юмористический рассказ? Выйдет ли в результате нечто сравнительно смешное? Конечно, нет! Сравнительно смешное замечание, не совсем остроумная реплика и недостаточно ироничный эпизод на деле соответственно означают: скучное замечание, глупая реплика и нелепый эпизод.

Так вот, стал бы я палить навскидку, имея перед собой цель размером с беличий глаз? Разумеется, нет! Я фантастически отважен, но я не идиот.

Поэтому в своих рассказах я лишь изредка пытался остричь и старался делать это очень мягко и ненавязчиво (как в «Здесь нет никого, кроме...» (Nobody Here But...)). В тех редких случаях, когда я специально хотел написать смешную вещь, результат меня не удовлетворял.

Поэтому я стараюсь, чтобы основной фон моих рассказов оставался суровым и мрачным (что вы, наверное, уже успели заметить).

The Up-to-Date Sorcerer
© 1958 by Isaac Asimov
Современный волшебник
© М. Гутов, перевод, 1997

При этом я не могу совершенно отказаться от желания пошутить. Однажды по настоянию мистера Бушера я попробовал себя в пародии на Гилберта и Салливана и наконец (во всяком случае мне так показалось) попал в точку. Перечитав рассказ, я хохотал до упаду.

Вот оно. Я нашел свое юмористическое амплуа. Для того чтобы писать смешно, мне надо было усвоить псевдовозвышенный викторианский стиль. Дальше все шло как по маслу.

Только не подумайте, что я тут же ринулся в научную фантастику свежоперившимся юмористом. Вовсе нет. Я стараюсь держать юмор на прежнем уровне и храню серьезность и мрачность. До сих пор у меня получалось неплохо.

Как бы то ни было, с середины шестидесятых я взялся за серию юмористических статей для «TV guide», где практикую исключительно этот вид юмора. Мне статьи нравятся. (Временами приходится бесхитростно заявлять, что мне нравится собственная писанина. А почему бы и нет? Как можно пратить по семьдесят часов в неделю на писание и сопутствующее чтение и при этом еще не любить то, что пишешь? Оставьте!..)

Ну и последнее, что касается «Современного волшебника»... Совершенно не обязательно вначале читать «Волшебника» Гилберта и Салливана, но, если вы его прочтете, мой рассказ покажется смешнее.

Меня всегда удивляло, что Николас Найтли, будучи мировым судьей, оставался холостяком. Атмосфера его профессии просто предполагала супружество, даже не верилось, как ему до сих пор удавалось избежать сладких уз Гименя.

Несколько дней назад я высказал это соображение в клубе за бокалом джина с тоником, и Николас со вздохом ответил:

— Совсем недавно я едва не попался.

— Вот как?

— Очаровательная молодая девушка, ласковая, умная, чистая и поразительно страстная, способная разжечь огонь в сердце даже такого старого пня, как я.

— Как же вы могли ее упустить? — спросил я.

— У меня не было выбора, — кротко улыбнулся он, и его мягкая розовая физиономия, мягкие седые волосы и мягкие голубые глаза придали ему почти святое выражение. — Видите ли, это была скорее вина ее жениха..

— Вот оно что. Она была помолвлена с другим?

— ...и профессора Веллингтона Джонса, который, будучи эндокринологом, являлся также современным волшебником. По сути дела, вышло так... — Николас вздохнул, пригубил свой напиток и улыбнулся широко и добродушно, как человек, собирающийся сменить тему разговора.

— Подождите, старина Найтли, — твердо сказал я. — Вы не можете так просто махнуть рукой на то, что юная соблазнительница сделала вам ручкой.

Он поморщился моему каламбуру (который, должен признаться, стоил мне немалых усилий) и заказал еще порцию спиртного.

— Некоторые детали, — произнес он наконец, — я узнал гораздо позже.

Профессор Веллингтон обладал выдающимся носом, искренними глазами и удивительным даром заставлять одежду казаться на нем слишком большой.

— Любовь, дорогие мои дети, — изрек он, — дело химии.

Дорогие его дети на самом деле детьми ему вовсе не приходились, а были его студентами по имени Александр Декстер и Алиса Сэнгер. Судя по тому, как они прижимались друг к другу и держались за руки, Александр и Алиса приняли добрую порцию химикатов. На двоих им было около сорока пяти, количество прожитых лет распределялось почти поровну.

Александр Декстер воскликнул:

— Vive la chimie!*

Профессор Веллингтон осуждающе улыбнулся и добавил:

— Или эндокринологии. В конечном итоге наши эмоции зависят от гормонов, поэтому не удивительно, что следует особо стимулировать чувство, которое мы называем любовью.

— Это так не романтично, — пробормотала Алиса. — Я уверена, что мне не нужна никакая стимуляция. — Она преданно посмотрела на Александра.

— Дорогая моя, — произнес профессор, — гормоны проникли в ваш кровеносный поток, и вы, как принято говорить, влюбились. А выделение оных было стимулировано... — будучи высокоморальным человеком, профессор запнулся, подбирая нужное слово, — факторами окружающей среды и прежде всего присутствием вашего молодого человека. Дальше все пошло по инерции. Я могу легко продублировать этот эффект.

— Отлично, профессор! — с мягкой нежностью воскликнула Алиса. — Мне будет очень приятно, если вам это удастся. — При этих словах она игриво стиснула руку Александра.

* Да здравствует химия! (фр.)

— Я не собираюсь, — профессор кашлянул, скрывая смущение, — лично воспроизводить или дублировать условия, которые привели к образованию гормона. Я хотел сказать, что могу ввести вам уже готовый гормон. Хотите подкожно, хотите орально. Гормон является стероидом. Мне, видите ли, — тут профессор снял очки и гордо протер стеклышки, — удалось получить его в чистом виде.

— Вот это да! — Александр резко выпрямился. — И вы ничего никому не сказали?

— Вначале я должен сам все изучить.

— Выходит, — пролепетала Алиса, и ее очаровательные карие глазки засветились радостью, — вы можете заставить людей испытать неземное наслаждение и божественную нежность истинной любви при помощи... таблеток?

— Да, я легко могу вызвать эмоции, которые вы описали столь слащавыми терминами.

— Тогда почему вы этого не делаете?

— Подожди, дорогая, — поднял руку Александр. — Тебе мешает твоя страстность. Наше счастье и предстоящая свадьба заставили тебя забыть о некоторых особенностях человеческого существования. Представь, что по ошибке этот гормон примет женатый человек...

— Позвольте мне сразу объяснить, — несколько высокопарно провозгласил профессор, — мой гормон, или, как я его называю, аматогенический состав... (Профессор, как и многие практические ученые, весьма ценил изысканную красоту классической филологии.)

— Назовите его лучше любовным зельем, — томно вздохнула Алиса.

— Мой кортикальный аматогенический состав, — строго повторил профессор Джонс, — не действует на женатых людей. Гормон теряет свои свойства, если на него влияют посторонние факторы, а семейное положение является, безусловно, фактором, отрицательно воздействующим на любовь.

— Я тоже об этом слышал, — мрачно произнес Александр, — но намерен оспорить это грубое утверждение в отношении Алисы.

— Александр, — прошептала Алиса. — Любовь моя.

— Я имел в виду, — уточнил профессор, — что семейная жизнь отрицательно влияет на внебрачные чувства.

— Как сказать, — проворчал Александр, — мне приходилось слышать и обратное.

— Александр! — возмущенно воскликнула Алиса.

— В исключительно редких случаях, дорогая, среди людей, никогда не посещавших колледж.

— Женитьба, — произнес профессор, — не в состоянии повлиять на поверхностное половое влечение или легкий флирт, но истинная любовь, как называет эту эмоцию мисс Сэнгер, не может расцвести, если над подсознанием довлеют воспоминания о ворчливой жене и противных, крикливых детях.

— Другими словами, — сказал Александр, — если вы дадите свое любовное зелье... простите, аматогенический состав произвольно выбранным пациентам, то он подействует только на неженатых?

— Правильно. Я провел серию экспериментов над животными, которые, хотя и не вступают в сознательные браки, тем не менее живут устойчивыми моногамными парами. Так вот, на тех, кто уже сформировал свой союз, препарат не действует.

— В таком случае, профессор, у меня есть великолепная идея. Завтра в колледже состоится вечер танцев для старшекурсников. Ожидается около пятидесяти неженатых пар. Давайте добавим ваш состав в прохладительные напитки!

— Что? Вы с ума сошли!

Но Алиса уже загорелась:

— Это божественная идея, профессор. Подумать только, мои друзья испытают то же, что и я! Вы явитесь для них ангелом с неба! Но... Александр, разве ты не боишься, что чувства могут выйти из-под контроля? Среди наших друзей немало людей... необузданных, и если, распалившись любовью, они решат, например, поцеловаться...

— Дорогая мисс Сэнгер! — с негодованием произнес профессор. — Прежде всего не позволяйте распаляться собственному воображению. Мой гормон стимулирует только те чувства, которые ведут к заключению законного брака, и не имеет ничего общего со стимуляторами неприличного поведения.

— Простите, — смущенно пробормотала Алиса. — Мне не следовало забывать, что вы самый высокоморальный человек из всех, кого я знаю, — разумеется, за исключением дорогого Александра, — и ни одно ваше открытие не может оказаться аморальным.

На личике Алисы было написано такое горе, что профессор простил ее немедленно.

— Значит, вы это делаете, профессор? — настаивал Александр. — На случай массового стремления вступить в брак я могу пригласить под благовидным предлогом доброго, старого друга семьи Николаса Найтли. Он — мировой судья и быстро уладит все проблемы с регистрацией и получением брачных лицензий.

— Я вряд ли соглашусь, — произнес профессор уже не так уверенно, — проводить эксперимент без согласия его участников. Это не этично.

— Но вы же доставите людям огромную радость. Вы значительно улучшите моральную атмосферу колледжа. Не секрет, что в условиях постоянной близости и при отсутствии должной тяги к супружеству даже в колледже может возникнуть опасность... ну...

— Да, понимаю, — торопливо кивнул профессор. — Хорошо, я сделаю очень слабый раствор. В конце концов результаты могут существенно расширить границы наших познаний и, как вы заметили, улучшить моральную атмосферу.

— Разумеется, мы с Алисой тоже отведаем напиток, — улыбнулся Александр.

— О, дорогой, я уверена, что наша любовь не нуждается в искусственной стимуляции.

— А ничего искусственного и не будет, радость моя. Как сказал профессор, твоя любовь зародилась под воздействием точно таких же гормонов, правда, вызванных более привычным способом.

Алиса залилась розовой краской.

— В таком случае, любовь моей жизни, зачем же повторять?

— Чтобы подстраховаться от всех превратностей судьбы, счастье мое.

— Надеюсь, обожаемый, ты не сомневаешься в моих чувствах?

— Нет, моя прелесть, но...

— Но? Ты что, не веришь мне, Александр?

— Ну конечно же, я тебе верю, Алиса, но...

— Но? Снова «но»! — Алиса в негодовании поднялась с кресла. — Если вы мне не доверяете, сэр, то, может быть, мне лучше вас оставить...

С этими словами девушка действительно выскочила из комнаты. Опешившие мужчины растерянно смотрели ей вслед.

— Боюсь, что мой гормон совершенно неожиданно явился поводом не для заключения, а для разрыва брака, — произнес профессор.

Александр с несчастным видом слотнул, но гордость пересилила, и он торжественно произнес:

— Она вернется. Такую любовь разрушить нелегко.

Выпускной бал, конечно, был событием года. Юноши сияли, девушки сверкали. Переливалась музыка, и танцоры парили в воздухе, едва прикасаясь к полу ногами. Повсюду царил безудержное веселье.

Во всяком случае, почти повсюду. В дальнем углу зала стоял Александр Декстер. Лицо его было бесцветным, как лед, а в суровых глазах застыла решимость. Несмотря на его стройную фигуру и красивую наружность, ни одна девушка к нему не подходила. Все знали, что он принадлежит Алисе Сэнгер, в чьи владения студентки колледжа вторгаться не рисковали. Кстати, где же Алиса?

Она приехала отдельно от Александра, и гордость не позволяла ему отправиться на поиски. Он лишь надменно щурился и пристально следил за кружащимися в танце парами.

К молодому человеку подошел профессор Джонс. Официальный костюм ученого был пошит строго по его меркам, но сидел все равно ужасно.

— Я добавлю гормон в бокалы перед ночным тостом, — сказал он. — Мистер Найтли еще здесь?

— Видел судью минуту назад. Он взял на себя обязанности мажордома и следит, чтобы пары соблюдали положенную дистанцию. Решено, что менее чем на четыре пальца сближаться не следует. Мистер Найтли самым тщательным образом делает необходимые замеры.

— Отлично. Да, я забыл спросить: содержится ли в пунше алкоголь? Спирт может отрицательно повлиять на действие аматогенического состава.

Несмотря на разбитое сердце, Александр нашел в себе силы защитить честь своего сословия.

— Этот пунш, профессор, изготовлен согласно рецептам, которым строго следуют все студенты колледжа. Он содержит чистейший фруктовый сок, рафинированный сахар и немного лимонной кожуры — наш пунш взбадривает, но не опьяняет.

— Отлично, — сказал профессор. — Я добавил в состав успокоительных капель, они усыпят участников эксперимента на тот период, пока гормон не начнет действовать. Как только подопытные проснутся, первый же человек, кого они увидят — противоположного, разумеется, пола, — воспламенит в их душе чистый и благородный порыв, который неизбежно приведет к свадьбе.

Время приближалось к полуночи, и профессор поспешил к огромной чаше с пуншем, пробираясь между танцующими на расстоянии четырех пальцев друг от друга студентами.

Расстроенный до слез Александр вышел на балкон. При этом он не заметил Алису, которая вошла в зал с соседнего балкона.

— Полночь! — выкрикнул чей-то счастливый голос. — Тост! Тост! Тост за жизнь, которая у нас впереди!

Все столпились вокруг чаши с пуншем, передние передавали назад наполненные бокалы.

— За жизнь, которая впереди!

С энтузиазмом, присущим молодым студентам колледжа, гости опрокидывали бокалы с волшебной смесью чистого фруктового сока, рафинированного сахара, лимонной кожуры и амаогенического состава с успокаивающими каплями.

Как только состав достигал мозга, студенты один за другим медленно опускались на пол.

Алиса замерла посередине зала, в руке ее дрожал не выпитый бокал, а в глазах застыли непролитые слезы.

— О, Александр, Александр, хоть ты во мне и усомнился, ты моя единственная любовь. Ты хотел, чтобы я это выпила, и я выпью.

Затем, как и все остальные, она грациозно опустилась на пол.

Николас Найтли отправился на поиски Александра, о котором тревожился всем своим добрым сердцем. Он видел, что Александр приехал без Алисы, из чего заключил, что между влюбленными произошла ссора. Мистер Найтли с легкой душой покинул танцевальный зал, поскольку в нем собрались не дикие юнцы, а посещающие колледж юноши и девушки из благополучных и порядочных семей. Можно было верить, что они не нарушат установленную дистанцию в четыре пальца.

Судья нашел Александра на балконе. Юноша вглядывался в усыпанное звездами небо.

— Александр, мальчик мой... — Он положил руку на плечо молодого человека. — Это на тебя не похоже. Нельзя поддаваться отчаянию. Взбодрись, друг мой, взбодрись.

При звуках доброго старого голоса Александр опустил голову.

— Я знаю, это не по-мужски, но я обожаю Алису. Я был с ней жесток и теперь получаю по заслугам. И все же, мистер Найтли, если бы вы только знали...

Юноша ткнул себя кулаком в левую сторону груди. Больше он не мог произнести ни слова.

— Хотя я и не женат, мне знакомы нежные чувства, — печально произнес Найтли. — В былые дни и я знал любовь и сердечные терзания. Только не надо делать так, как поступил в свое время я, когда позволил гордыне воспрепятствовать примирению. Ищи ее, ищи, мой мальчик, а когда найдешь, извинись. Нельзя допустить, чтобы ты, как и я, стал одиноким старым холостяком. Но я не хочу тебя заставлять...

Александр резко выпрямился:

— Я готов последовать вашему совету, мистер Найтли. Я найду ее и...

— Иди. Я видел ее буквально минуту назад.

Сердце Александра оборвалось.

— Наверное, она тоже меня ищет. Я пойду... нет. Вначале идите вы, мистер Найтли. Мне надо прийти в себя. Не хочу, чтобы она заметила мои слезы.

— Конечно, мой мальчик.

Найтли застыл в дверях балкона, пораженный представшим перед его глазами зрелищем. Неужели произошла вселенская катастрофа? На полу в разных, в том числе и весьма неприглядных, позах валялось пятьдесят пар.

Прежде чем судья решился осмотреть ближайшие тела и вызвать полицию, доктора или пожарных, люди дружно зашевелились и принялись подниматься.

Лишь одна девушка в белом платье осталась лежать на полу, грациозно закинув руку за белокурую голову. Это была Алиса Сэнгер. Найтли устремился к ней, не обращая внимания на нарастающий вокруг него ропот.

Старик опустился на колени:

— Мисс Сэнгер, дорогая моя мисс Сэнгер! Вы не ушиблись?

Она медленно приоткрыла свои очаровательные глазки и пролепетала:

— Мистер Найтли! Вы — воплощение красоты. Почему я не замечала этого раньше?

— Я? — в ужасе отшатнулся Найтли, но девушка уже поднялась на ноги, и в глазах ее зажегся огонь, которого Найтли не видел лет тридцать.

Хотя положил руку на сердце такого огня он не видел и тридцать лет назад.

— Мистер Найтли, вы ведь никогда меня не покинете?

— Нет, что вы, — смущенно пробормотал он, — если я вам нужен, я побуду с вами.

— Вы мне нужны. Вы нужны моему сердцу и моей душе. Вы мне нужны, как утренняя роса засыхающему цветку. Вы мне нужны, как Приам Фисбе.

Найтли попытался, испуганно оглядываясь, но никто не обращал на них ни малейшего внимания. Со всех сторон слышались аналогичные признания, причем многие звучали гораздо энергичнее и убедительнее.

Спина его уперлась в стену, Алиса продолжала наступать, и вскоре от дистанции в четыре пальца не осталось и следа.

Наступил момент, когда между их телами не пролез бы и один палец. В результате взаимного соприкосновения внутри Найтли проснулось нечто не поддающееся описанию.

— Мисс Сэнгер. Умоляю вас...

— Мисс Сэнгер? Разве я для вас мисс Сэнгер? — страстно воскликнула Алиса. — Мистер Найтли! Николас! Я ваша Алиса, возьмите меня!.. Возьмите меня замуж! Умоляю!

Со всех сторон раздавались крики: «Женись на мне! Возьми меня замуж!» Вокруг мистера Найтли собралась толпа, ибо все хорошо знали, что он является мировым судьей.

— Пожените нас, мистер Найтли! Пожените нас!

— Я должен сходить за брачными лицензиями! — выкрикнул он в ответ, и студенты расступились, отпуская его за нужными бумагами.

Алиса устремилась за ним следом.

В дверях балкона Найтли столкнулся с Александром и тут же выпихнул его на свежий воздух. В этот момент к ним присоединился профессор Джонс.

— Александр! Профессор Джонс! — взволнованно воскликнул Найтли. — Произошло невероятное...

— Я знаю. — Лицо профессора лучилось счастливой улыбкой. — Эксперимент прошел успешно. Средство действует на людей гораздо сильнее, чем на животных.

Видя замешательство Найтли, он в нескольких предложениях объяснил, что случилось.

— Странно, странно, — растерянно пробормотал судья. — Я смутно припоминаю нечто подобное. — Он сдвинул лоб двумя руками, но это не помогло.

Александр приблизился к Алисе, намереваясь прижать ее к своей широкой груди, сознавая в душе, что ни одна благовоспитанная девушка не допустит такой вольности по отношению к непросившему человеку.

— Алиса, утраченная любовь моя, — произнес он, — если в глубинах твоего сердца...

Но она увернулась от его протянутых с мольбой рук.

— Я выпила пунш, Александр, — сказала она. — Ты так хотел.

— Не надо было этого делать. Я был не прав. Не прав.

— Но я его выпила, Александр, и теперь никогда не буду твоей.

— Не будешь моей? Что это значит?

Алиса схватила мистера Найтли за руку и страстно ее стиснула.

— Моя душа неразрывно слита с душой мистера Найтли, я имею в виду Николаса. Мое влечение — я имею в виду влечение к браку — непреодолимо. Оно перевернуло меня всю.

— Ты шутишь? — недоверчиво воскликнул Александр.

— Как ты можешь так говорить, жестокий? — задыхаясь от рыданий, произнесла Алиса. — Я ничего не могу с собой поделать.

— Действительно, — подтвердил профессор Джонс, слушавший с чрезвычайным вниманием. — Она ничего не может с собой поделать. Типичная эндокринологическая реакция.

— Поистине это так, — пробормотал Найтли, безуспешно пытавшийся справиться с собственными эндокринологическими реакциями. — Ну-ну, дорогая, — добавил он и чисто по-отцовски погладил Алису по волосам.

Девушка тут же вскинула голову, и ее очаровательное личико оказалось совсем рядом. В этот момент судье вдруг захотелось совсем не по-отцовски и даже не по-дружески выпить в ее губки.

Потрясенный до глубины души Александр отчаянно выкрикнул:

— Ты фальшива, насквозь фальшива!

С этими словами юноша выбежал вон.

Найтли наладился было следом, но Алиса схватила его за шею и запечатлела на тающих губах судьбы поцелуй, который менее всего можно было назвать дочерним.

И дружеским тоже.

Они прибыли в маленький холостяцкий домик Найтли, на дверях которого красовалась целомудренная вывеска «МИРОВОЙ СУДЬЯ», выполненная в староанглийском стиле. Здесь царили меланхолический мир, покой и чистота. Лево́й рукой Найтли поставил на маленькую плиту маленький чайник (правую его руку Алиса не выпускала ни на секунду, зная, что только так она может застраховаться от неожиданного бегства своего пленника.)

Из открытой двери столовой виднелся кабинет Найтли. Вдоль стен стояли стеллажи с мудрыми и веселыми книгами.

Рука Найтли (левая) в очередной раз поднялась к бровям.

— Дорогая моя, — обратился он к Алисе, — просто поразительно... нельзя ли хоть чуть-чуть ослабить захват, чтобы восстановилось кровообращение... поразительно, но я не могу отделаться от мысли, что все это уже было.

— Никогда, никогда такого не было, дорогой Николас, — прошептала Алиса, склоняя белокурую головку на его плечо и улыбаясь ему с такой застенчивой нежностью, что ее красота засияла, как лунный свет на поверхности ночного озера. — Потому что не было на свете такого прекрасного мага и

чародея, как наш мудрый профессор Джонс. Он настоящий современный волшебник.

— Современный... — Найтли вздрогнул так основательно, что приподнял Алису на целый дюйм от пола. — Ну да, конечно! Так и есть! Черт бы меня побрал, если я ошибаюсь! (В редких случаях, а также под воздействием нахлынувших эмоций, Найтли мог употребить крепкое словечко.)

— Николас, что с тобой? Ты испугал меня, мой ангел!

Но Найтли решительно зашагал в кабинет, и Алисе ничего не оставалось, как побежать следом за ним. С побелевшим лицом мировой судья снял с полки томик и благоговейно сдул с него пыль.

— Ах! — сокрушенно воскликнул он. — Почему я пренебрегал невинными радостями юных лет?! Дитя мое, ввиду продолжающейся неспособности моей правой руки к действиям, не окажете ли вы мне любезность полистать страницы, пока я не скажу вам остановиться?

Они являли собой невиданную доселе картинку добрачной идиллии: он удерживал книгу левой рукой, а она медленно переворачивала страницы правой.

— Так я и знал! — с неожиданной энергией провозгласил вдруг Найтли. — Профессор Джонс, мой добрый друг, идите же сюда! Это самое потрясающее совпадение... пример загадочной, мистической силы, которая временами играет нами, не раскрывая своей истинной природы и цели.

Приехавший вместе с ними профессор Джонс сам приготовил себе чай и, как подобает воспитанному человеку, оказавшемуся в обществе двух страстно влюбленных, удалился в соседнюю комнату. Услышав слова Найтли, он откликнулся:

— Вы уверены, что я не помешаю?

— Совсем наоборот. У меня важные сведения по поводу одного из ваших научных достижений.

— Но вы же заняты...

— Профессор! — воскликнула Алиса.

— Тысяча извинений, дорогая, — сказал профессор Джонс, входя в комнату. — Мой старый замшелый ум полон причудливых фантазий. Вы даже не представляете, как давно я... — Он сделал внушительный глоток чая (который заварил очень крепким), сразу же успокоился и замолчал.

— Профессор, — сказал Найтли. — Это милое дитя назвало вас современным волшебником, что тут же напомнило мне о «Волшебнике» Гилберта и Салливана.

— Кто такие, — любезно поинтересовался профессор Джонс, — Гилберт и Салливан?

Найтли испуганно поднял голову, словно желая проследить направление карающего удара молнии и успеть от него увернуться. Затем хриплым шепотом ответил:

— Сэр Уильям Швенк Гилберт и сэр Артур Салливан писали соответственно слова и музыку к величайшим музыкальным комедиям мира. Одна из пьес называлась «Волшебник». В ней тоже применялось высокоморальное снадобье. На женатых людей оно не влияло, но было способно вырвать героиню из рук молодого и красивого возлюбленного и бросить ее в объятия старика.

— Тем и закончилось? — поинтересовался профессор Джонс.

— Э-э... Нет... Послушайте, дорогая, когда вы так поглощаете мою шею, у меня возникают, безусловно, самые приятные ощущения, но, должен признать, это меня отвлекает. Так вот, все закончилось воссоединением юных возлюбленных, профессор

— Ага, — произнес профессор Джонс. — Тогда, может быть, учитывая близость вымышленного сюжета к реальной жизни, мы попытаемся устроить воссоединение Алисы и Александра? Во всяком случае я не хочу, чтобы вы на всю жизнь остались без руки.

— Я ни с кем не собираюсь воссоединяться, — решительно произнесла Алиса. — Мне нужен мой Николас.

— Ваш неожиданный подход к этой ситуации вызывает неоднозначные мнения, — сказал Найтли, — но об этом после. В пьесе есть решение, и я бы хотел обсудить его с вами, профессор. — Он мягко и добродушно улыбнулся. — Эффект снадобья в пьесе нейтрализуется действиями господина, который его изобрел. Другими словами, вашего прототипа, профессор.

— Что же он сделал?

— Покончил с собой! Всего-навсего. Произведенный его самоубийством эффект разрушил ча...

Профессор Джонс не дал ему закончить. Самым мрачным и загробным голосом, какой только можно представить, он изрек:

— Дорогой сэр, позвольте сразу же заявить, что, несмотря на мою привязанность к молодым людям, оказавшимся втянутыми в эту историю, я ни при каких обстоятельствах не соглашусь на самоустранение. Подобная процедура может оказаться чрезвычайно эффективной при использовании традиционного зелья, но на изобретенный мною аматогенический состав, уверяю вас, она не подействует

Найтли вздохнул:

— Этого я и боялся. Между нами, я считаю, что это худшая из всех возможных концовок в пьесе. — Он замолк и быстро взглянул вверх, словно извиняясь перед духом Уильяма С. Гилберта. — Она притянута за уши. Она не предусматривалась развитием сюжета. Получилось, что наказание понес человек, его не заслуживший. Другими словами, эта концовка не достойна мощного гения Гилберта.

— А вдруг ваш Гилберт тут ни при чем? — предположил профессор Джонс. — Вмешался какой-нибудь ремесленник и испохабил всю работу.

— Об этом ничего не известно.

Но острый ум профессора Джонса уже увлекся новой головоломкой.

— Мы можем проверить, — воскликнул он. — Давайте изучим стиль мышления этого вашего... Гилберта. Он ведь много чего написал, так?

— В сотрудничестве с Салливаном Гилберт создал четырнадцать произведений.

— Разрешались ли в них ситуации более разумными средствами?

— Во всяком случае в одном, — кивнул Найтли. — В «Радигоре».

— Кто это?

— Радигор — это место. Главный герой оказывается истинным баронетом Радигора, и, разумеется, над ним тяготеет проклятие.

— Как водится, — пробормотал профессор Джонс. Он знал, что подобное несчастье почти всегда сопутствует баронетам, и даже склонялся к мысли, что так им и надо.

— Проклятие вынуждало его совершать по одному или более преступлений в день. Случись ему пропустить хоть один день, как его ждала неминуемая гибель в страшных муках.

— Какой ужас! — пролепетала мягкосердечная Алиса.

— Разумеется, никому не под силу совершать каждый день по преступлению, и нашему герою требовалось любой ценой перехитрить злые чары.

— Каким образом?

— Он рассудил так: отказываясь от совершения преступления, он призывает тем самым свою смерть. Другими словами, совершает самоубийство. Но самоубийство само по себе является преступлением, а значит, он выполнил условия проклятия.

— Ясно, — задумчиво произнес профессор Джонс. — Похоже, Гилберт любит решать проблемы, доводя их до логического завершения. — Он прикрыл глаза, и его благородный лоб за-

двигался от кипящих внутри мыслей. — Скажите, старина Найтли, когда впервые был поставлен «Волшебник»?

— В тысяча восемьсот семьдесят седьмом году.

— Теперь понятно, друг мой. Это был самый расцвет викторианской эпохи. Считалось непозволительным смеяться со сцены над священным институтом брака. Супружество рассматривалось как истинное таинство, духовная святость, воплощение...

— Достаточно, — остановил его Найтли. — К чему вы клоните?

— К свадьбе. Женитесь на этой девочке, Найтли. Пожените все страждущие пары, немедленно. Уверен, что в этом и заключался первоначальный замысел Гилберта.

— Но именно этого мы и стремимся избежать, — растерянно пробормотал Найтли, почувствовавший неожиданную привлекательность подобной перспективы.

— Я не стремлюсь, — весело заявила Алиса (хотя на самом деле была очаровательно гибкой и стройной девушкой).

— Неужели не понятно? — воскликнул профессор Джонс. — Как только все пары переженятся, амазогенетический состав, влияющий на женатых людей, перестанет на них действовать. Те, кто любил бы друг друга и так, останутся влюбленными; остальные, соответственно, потребуют расторжения брачных контрактов.

— Боже милосердный! — воскликнул Найтли. — До чего же просто! Я восхищен! Ну конечно! Наверняка Гилберт так все себе и представлял, в то время как шокированный режиссер, ремесленник, по вашему выражению, требовал изменений.

— Сработало? — спросил я. — Вы ведь говорили, что, по словам профессора, на женатые пары средство оказывало только один эффект — предотвращало внебрачные отноше...

— Сработало, — проворчал Найтли, не обращая внимание на мою фразу. На ресницах судьи блеснула слеза, но я не сумел определить, что ее вызвало: воспоминания или четвертый бокал джина с тоником.

— Сработало, — повторил он. — Алиса и я поженились, однако по взаимному согласию брак был мгновенно расторгнут на основании того, что был заключен под недопустимым принуждением. Между тем, поскольку вокруг нас постоянно толкались какие-то люди, недопустимое принуждение, которому мы оказались подвергнуты, так ни к чему и не привело. — Он тяжело вздохнул. — Ну, в общем, Алиса и Александр вскоре

поженились, и, как я понимаю, вследствие сопутствующих этому событию действий, сейчас она ожидает ребенка.

Найтли с трудом оторвал взгляд от остатков джина в бокале и вдруг содрогнулся от ужаса.

— Господи! Снова она!

Я испуганно поднял голову. В дверях застыло видение в пастельно-голубых тонах. Представьте, если сумеете, очаровательное личико, созданное для поцелуев, и изумительное тело, созданное для любви.

— Николас! Подожди! — воскликнула она.

— Это Алиса? — спросил я.

— Нет. Нет. Это совершенно другая женщина; эта история не имеет никакого отношения к Алисе... Но мне нельзя здесь оставаться.

С редкой для его возраста резвостью мистер Найтли выскочил в окно. Соблазнительное привидение устремилось за ним со столь же впечатляющим проворством.

Я покачал головой с жалостью и сочувствием. Очевидно, беднягу преследовали влюбленные в него волшебные красавицы. Представив его ужасную судьбу, я одним глотком осушил свой бокал и подумал, что вот со мной ничего подобного не случилось.

При этой странной мысли я решительно потребовал наполнить мой бокал, и с губ моих едва не сорвалось неприличное восклицание.

В ЧЕТВЕРТОМ ПОКОЛЕНИИ

Вскоре после выхода «Современного волшебника» Роберт П. Милл сменил мистера Бушера на посту редактора журнала «Фэнтези и научной фантастики» («F&SF»).

Мистер Милл оказал мне величайшую в моей писательской карьере честь, предложив вести в «F&SF» ежемесячную колонку. Подобное случилось лишь однажды, когда мистер Кэмпбелл развернул дискуссию, приведшую к появлению «Сумерек». Начиная с ноябрьского номера за 1958 год, в котором вышла моя первая статья, я трудился не покладая рук месяц за месяцем, и сейчас, когда я пишу эти строки, близится десятая годовщина моей деятельности в качестве ведущего ежемесячной колонки.

Из всего, что мне приходится писать, беллетристики и не беллетристики, взрослой и юношеской прозы, статьи для «F&SF» доставляют мне наибольшее удовольствие. Я никогда не обращался в них к мистеру Миллу иначе как «Добрый редактор».

Как бы то ни было, однажды после обеда мистер Милл сказал, что несколько раз в течение дня видел по самым разным, не имеющим друг к другу отношения поводам, имя Лефковиц. Сие показалось ему забавным совпадением, и он поинтересовался, могу ли я сделать из этого рассказ. Я, как всегда в своей легкой манере, бросил «Конечно!» и немного поразмышлял на предложенную тему.

В результате появился рассказ, который я рассматриваю как благодарность мистеру Бушеру. Видите ли, Бушер был истовым католиком. (Я вынужден писать «был», ибо в апреле 1968 года, к великому прискорбию всех, кто его знал, Бушер скончался. Он был настолько добрым человеком, что его любили даже отвергаемые им авторы, причем в тот самый момент, когда он их отвергал. На свете не существует более жесткого теста на истинную любовь.) А поскольку мистер Бушер был искренним католиком, над «F&SF» во времена его руководства витал дух католицизма — всегда, впрочем, приятный и либеральный.

Поэтому я решил отгадать гань редакторской деятельности мистера Бушера и попытался воспроизвести этот чудесный аромат на страницах моего рассказа. Я не смог придать ему католического привкуса, поскольку сам не являюсь католиком. Но я сделал это единственным доступным мне способом. Я написал еврейский рассказ. Полагаю, это единственный еврейский рассказ, который я когда-либо хотел написать.

Вот так упоминание мистером Миллом имени Лефковица привело к созданию «В четвертом поколении».

В десять часов утра Сэм Мартен выбрался из такси, как всегда пытаясь одной рукой открыть дверь, второй придерживать портфель, а третьей вытащить бумажник. Поскольку у него было всего две руки, задача была трудновыполнимой. Он уперся в дверь коленом и беспомощно захлопал себя по карманам, пытаясь найти бумажник.

По Мэдисон-авеню непрерывным потоком неслись автомобили. Красный грузовик неохотно притормозил на перекрестке и, как только сигнал светофора сменился, рывком дернулся вперед. Надпись на его боку извещала безразличный мир:

«Ф. ЛЕФКОВИЦ И СЫНОВЬЯ.
ОПТОВАЯ ТОРГОВАЯ ОДЕЖДОЙ».

«Левкович», — рассеянно подумал Мартен и вытащил наконец бумажник. Запихивая портфель под мышку, он бросил взгляд на счетчик. Доллар шестьдесят пять; у него три по одному, две единички отдаст, останется одна... нет, так не пойдет. Бог с ним, лучше разбить пятерку и дать двадцать центов на чай.

— Ладно, дружище, — сказал он. — Бери доллар восемьдесят пять.

— Спасибо, — бросил водитель с профессиональным равнодушием и дал сдачу.

Мартен запихал три доллара в бумажник, положил его в карман, подхватил портфель и влился в людской поток, понесший его к стеклянным дверям.

«Левкович?» — подумал он неожиданно и остановился. Прохожий едва увернулся от его локтя.

— Простите, — пробормотал Мартен и снова двинулся к дверям.

Левкович? На грузовике было написано по-другому. Там было Леуковиц. Почему он подумал «Левкович»? Ну, допустим, менять «У» на «В» он приучился на уроках немецкого в колледже, но откуда взялось окончание «ич»?

Левкович? Он постарался отделаться от глупых мыслей. Стоит расслабиться, и эта фамилия привяжется к тебе, как назойливая мелодия.

Думай о делах! Он пришел сюда переговорить за утренней чашкой кофе с этим типом, Нэйлором. Он пришел, чтобы добиться перечисления денег по договору и начать плавный финансовый подъем, который позволит ему через два года жениться на Элизабет, а через десять лет перебраться в пригород и стать состоятельным отцом семейства. Сейчас ему двадцать три. Будущее рисовалось Мартену в радужном свете.

С выражением суровой уверенности на лице он вошел в холл и направился к кабинкам лифта, краем глаза следя за белыми буквами указателей.

У него была странная привычка разглядывать надписи и номера кабинетов на ходу. Он всеми силами старался не замедлять движения и уж не дай Бог совсем остановиться. Читая на ходу, уверял себя Мартен, он поддерживает впечатление человека знающего и уверенного в себе, а это чрезвычайно важно для того, кто работает с людьми.

Ему была нужна компания «Кулинэттс» — удивительное, странное слово. Фирма специализировалась на мелких кухонных принадлежностях, и им очень хотелось, чтобы название было значительным, женственным и игривым одновременно.

Глаза его пробежали по всем «М» и пошли дальше: Мандел, Ласк, «Липперт Паблшинг» (целых два этажа), Лафковиц, Кулинэттс. Вот они — 1204. Десятый этаж. Отлично.

Затем он все-таки остановился, потоптался на месте и вернулся к указателю, словно последний приезжий.

Лафковиц?

Странное написание.

Он не ошибся. Лафковиц, Генри Дж., комната 701. Через «А». Нет, так не пойдет. Бесполезно.

Бесполезно? Что бесполезно? Мартен решительно потряс головой, словно желая ее прочистить. Черт, да какое ему дело, как они пишутся!.. Он нахмурился, развернулся и торопливо зашагал к лифту, который захлопнулся перед самым его носом.

Открылась соседняя дверь, и Мартен быстро заскочил в кабину. Сунув портфель под мышку, постарался придать себе живой и энергичный вид. Вот он — молодой, способный, исполнительный. Надо произвести впечатление на этого Алекса Нэйлора, с которым он общался только по телефону. Если убиваться по поводу всяких там Левковицев и Лафковицев...

Лифт бесшумно остановился на седьмом этаже. Молодой человек в рубашке с коротким рукавом вышел из кабинки, удерживая в руках поднос с тремя чашками кофе и тремя сэндвичами.

Когда двери начали закрываться, в глаза Мартену бросилась надпись на рифленом стекле кабинета:

«701 — ГЕНРИ Дж. ЛЕФКОВИЧ. ИМПОРТЕР».

В следующую секунду дверцы лифта отсекали его от седьмого этажа.

Мартен непроизвольно дернулся и едва не крикнул: «Мне тоже на седьмой!»

Кричать, однако, было некому. В кабинке остался он один. Да и никаких причин высказывать на седьмом этаже у него не было.

Тем не менее Мартен почувствовал странное, звенящее возбуждение. В указателе все-таки была ошибка. Фамилия писалась через «Е», а не через «А». Безграмотному кретину дали пакетик с буквами, и он наклеил их задней ногой.

Левковиц. Все равно не правильно.

Он снова потряс головой. Второй раз. А как правильно?

Лифт остановился на десятом, и Мартен вышел.

Алекс Нэйлор из «Кулинтэкс» оказался добродушным, красноречивым мужчиной средних лет с копной белых волос и широкой улыбкой. Сухой, шершавой ладонью он крепко потряс руку Мартена, левую руку он положил ему на плечо, выражая тем самым искреннее дружелюбие.

— Оставляю вас буквально на две минуты. Хотите перекусить прямо здесь? У нас отличный рестораник, а бармен делает превосходный martini. Согласны?

— Отлично, отлично. — Мартен подкачал энтузиазма из потайного резервуара.

Две минуты растянулись до десяти, Мартен ждал, испытывая обычную неловкость, которую всегда чувствуют люди в чужом кабинете. Он разглядывал обивку на мебели, картины

на стенах и даже попытался полистать лежащий на столике рекламный проспект.

Зато он не думал о Лев...

Он о нем не думал.

Ресторан оказался хорошим; вернее, был бы хорошим, если бы Мартен чувствовал себя свободнее. К счастью, он был освобожден от необходимости поддерживать разговор. Нэйлор говорил быстро и громко, наметанным глазом оценил меню и порекомендовал «яйца по-бенедиктински», прокомментировал погоду и посетовал на заторы на дорогах.

Пользуясь случаем, Мартен пытался стряхнуть с себя странную рассеянность. Но беспокойство неизменно возвращалось. Что-то было не так. Неправильное имя. Оно мешало ему делать то, что он должен делать.

Мартен отчаянно попытался прекратить это безумие. Перебив собеседника, перевел разговор на деловые рельсы. Это было неосмотрительно — без необходимой подготовки получилось слишком резко.

Еда, однако, оказалась великолепной, подали десерт, и Нэйлор ответил ему вежливой улыбкой. Он признал, что существующее соглашение его не удовлетворяет. Да, он изучал фирму Мартена, и ему кажется, что возможность, безусловно, есть, и...

На плечо Нэйлора опустилась чья-то рука, и остановившийся за его спиной человек сказал:

— Привет, Алекс, как мальчишка?

Нэйлор обернулся, на лице его уже сияла готовая улыбка.

— Привет, Лефк, как дела?

— Не жалуюсь. Увидимся на... — Незнакомец отошел, и голос его потонул в общем шуме.

Мартен ничего не слышал. Он попытался встать, колени его дрожали.

— Кто этот человек? — напряженно спросил он. Вопрос прозвучал резко и безапелляционно.

— Кто, Лефк? Джерри Лефковиц. Вы его знаете? — Нэйлор удивленно уставился на собеседника.

— Нет. Как пишется его имя?

— Думаю, Л-Е-Ф-К-О-В-И-Ц. А что?

— Через «В»?

— Через «Ф»... Постойте, «В» там тоже есть. — Добродушное выражение на лице Нэйлора почти сошло на нет.

— В этом здании есть один Лефкович, его фамилия заканчивается на «Ч». Понимаете? Лефкович.

— Вот как?

— Комната 701. Это он?

— Джерри не работает в нашем здании, его контора на противоположной стороне улицы. Другого я не знаю. Здание у нас очень большое. И я не веду картотеку на всех, кто здесь трудится. К чему все это, простите?

Мартен покачал головой и откинулся на спинку стула. Он и сам не знал к чему. А если и знал, не рискнул бы объяснить. Не мог же он сказать: «Меня сегодня преследуют всевозможные Лефковицы».

Вместо этого он произнес:

— Мы говорили о перспективах...

— Да, — откликнулся Нэйлор. — Как я уже сказал, я изучал вашу фирму. Знаете, мне необходимо вначале переговорить с парнями из производственного отдела. Я вам дам знать.

— Конечно, — пробормотал Мартен убитым голосом. Нэйлор никогда не даст ему знать. Дело окончательно провалилось.

Но под отчаянием и досадой по-прежнему шевелилась непонятная тревога.

К черту Нэйлора. Теперь Мартену хотелось одного: поскорее со всем разделаться и продолжать дальше. (Что продолжать?... Но вопрос был задан едва слышным шепотом. Тот, кто его задал, уже умирал внутри его, затухал и растворялся...)

Обед наконец-то закончился. Если при встрече Мартен и Нэйлор вели себя как добрые старые приятели, то расстались они как чужие люди.

Мартен почувствовал облегчение.

В висках у него стучало, когда он пробирался между столбов, а потом вон из призрачного здания на призрачную улицу.

Призрачную? Мэдисон-авеню в час двадцать дня, ранней осенью, когда ярко сияет солнце и десять тысяч мужчин и женщин прогуливаются по ее тротуарам.

Но Мартен чувствовал неладное. Сунув портфель под мышку, он упрямо зашагал в северном направлении. Последний проблеск сознания напомнил ему, что в три часа у него деловая встреча на Тридцать шестой авеню. Ничего. Обойдется. Он шел к окраине. На север.

На пересечении с Пятьдесят четвертой он перешел через Мэдисон и пошел на запад, потом резко остановился и посмотрел вверх.

На высоте третьего этажа в одном из окон виднелась вывеска:

«А. С. ЛЕФКОЙЧ, ЛИЦЕНЗИЯ
НА БУХГАЛТЕРСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ».

Фамилия писалась через «Ф» и оканчивалась на «Ч».

Мартен снова повернул на север и вышел на Пятую авеню. Он неслся по нереальным улицам нереального города, задыхаясь от погони за неведомой целью и не замечая, как толпы народа вокруг него начали редеть.

Вот и надпись в витрине первого этажа:

«М. Р. ЛЕФКОУИЧ, ДОКТОР МЕДИЦИНЫ».

Золотистый полукруг буковок конфетного магазина гласил: «ЯКОВ ЛЕВКОУ».

(Половина имени, со злостью подумал Мартен. Зачем он дергает меня неполными именами?)

Улицы окончательно опустели, образовавшийся вакуум заполняли лишь разные кланы Лефковицов, Левковицев, Лефкойчей...

Мартен смутно сознавал, что где-то впереди находится парк — намалеванная, неподвижная зелень. Он повернул на запад. На глаза ему попался кусок газеты, единственный шевелящийся предмет в умершем мире. Он повернул, наклонился и поднял его, не замедляя шага.

Порванная страница оказалась на идише.

Он не умел читать на этом языке. Он не мог разобрать сливающихся еврейских букв, он не прочел бы этих букв, даже если бы они не сливались. Только одно слово было написано четко и ясно. Оно было набрано черным шрифтом посреди страницы, каждая буква резко выделялась всеми своими хвостиками. Он знал, что там написано «Лефковиц».

Он выкинул газету и вошел в пустой парк.

Деревья не шевелились, листья застыли в причудливых, подвешенных позах. Солнце давило мертвым грузом, не согревая.

Он бежал, но пыль не поднималась под его ногами, и не пригибалась трава.

На скамейке пустынной аллеи сидел старик, единственный человек в вымершем парке. На нем была темная фетровая кепка, козырек прикрывал глаза от солнца. Из-под кепки торчали пакли седых волос. Грязная борода доставала до верхней пуговицы грубой куртки. Старые брюки пестрели заплатами, а подошвы растоптанных, бесформенных штиблет были перехвачены пеньковой веревкой.

Мартен остановился. Дышать было трудно. Он мог произнести только одно слово и с его помощью задал вопрос:

— Левкович?

Он застыл перед скамейкой, ожидая, пока старик медленно поднимется на ноги, бурявая его темными слезящимися глазами.

— Мартен, — вздохнул старик. — Самюэл Мартен. Вот ты и пришел.

Слова звучали как будто с двойной выдержкой, под английским слышалось дыхание другого языка. Так, под «Самуэлем» Мартен уловил невинную тень «Шму-эля».

Старик вытянул морщинистые руки с перекрученными венами, но потом опустил их, словно опасаясь дотронуться до Мартена.

— Я искал тебя, однако в диких просторах города, который только еще будет, слишком много людей. Слишком много Мартенсов и Мартинесов и Муртонов и Муртонов. Я остановился, только когда добрался до зелени, и то на мгновение. Я не впаду в грех и не перестану верить. И вот ты пришел.

— Это я, — сказал Мартен и понял, что это так. — А ты — Финеас Левкович. Почему ты здесь?

— Я Финеас бен Йегуда, получивший имя Левкович по указу царя, который всем нам присвоил имена. А здесь мы, — тихо продолжал старик, — потому что я молился. Когда я был уже стар, Лия, единственная моя дочь, дитя моих преклонных лет, уехала с мужем в Америку, оставив заботы прошлого ради надежд на будущее. Сыновья мои умерли, жена моя Сара, отрада моей души, умерла еще раньше, и я остался один. Пришло время и мне умереть. Но я не видел Лию с тех пор, как она уехала, а весточки от нее приходили так редко. Душа моя стремилась повидать сыновей ее плоти, продолжение моего семени, сыновей, в которых моя душа могла бы жить дальше и не умереть.

Голос старика был тверд, а под его словами перекатывалась беззвучная тень древнего языка.

— И был мне ответ. Я получил два часа, чтобы увидеть первого сына по моей линии, родившегося в новой стране и в новое время. Сын дочери дочери моей дочери, нашел ли я тебя среди роскоши города?

— Но зачем был нужен этот поиск? Почему бы не свести нас всех вместе?

— Потому что в надежде поиска заключена радость, мой сын, — торжественно провозгласил старик, — и обретение исполнено сладости. Мне дали два часа, чтобы я искал, два часа, чтобы я нашел.. и вот ты предстал предо мной, тот, кого я не искал при жизни. — Голос его был стар и спокоен. — С тобой все хорошо, сын мой?

— Теперь, когда я нашел тебя, со мной все хорошо, — ответил Мартен и опустил на колени. — Благослови меня, отец, чтобы мне было хорошо во все дни моей жизни с

девушкой, которую я хочу взять в жены, и с малышами, которые родятся от моего семени и от твоего.

Он почувствовал, как на его голову легко опустилась старческая рука, после чего послышался лишь безмолвный шепот.

Мартен поднялся.

Глаза старика с мольбой вглядывались в его лицо. Мартену показалось, что взгляд их терял резкость.

— Теперь я спокойно вернусь к отцам моим, сын мой, — произнес старик, и Мартен остался один в пустом парке.

Неожиданно мир качнулся и ожил. Солнце возобновило прерванный бег, подул ветер, и вместе с этим ощущением все скользнуло обратно...

В десять часов утра Сэм Мартен выбрался из такси, безуспешно пытаясь нащупать бумажник, в то время как мимо неслись другие машины.

Красный грузовик притормозил, потом снова поехал. Белая надпись на его борту извещала:

«Ф. ЛЕФКОВИЦ И СЫНОВЬЯ,
ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ ОДЕЖДОЙ».

Мартен ее не заметил. Тем не менее он каким-то образом знал, что все с ним будет хорошо. Знал, как никогда раньше...

ЧТО ЭТО ЗА ШТУКА — ЛЮБОВЬ?

У этого рассказа сложная история. Она началась в году 1938-м или 1939-м, когда один журнал, названия которого я приводить не стану, на протяжении полудюжины номеров пытался «раскрутиться», публикуя то, что я могу определить как «пикантные фантастические рассказы». Учитывая сексуальную свободу, допустимую для современных авторов, те древние «пикантные» рассказы ныне читаются примерно как «Двойняшки Боббси в космосе», но тогда немногочисленные читатели того журнала воспринимали их как «клубничку».

Основными сюжетами тех рассказов была горячая страсть инопланетных монстров к земным женщинам. Одежду у женщин непременно срывали, а не снимали, а их груди описывали набором эллиптических фраз. (Да, я знаю, что получился каламбур.) Журнал помер заслуженной смертью, и не столько из-за опубликованного в нем секса и сатанизма, сколько из-за смертельной одинаковости своих материалов и полутрамотных «произведений».

Занавес опускается и вновь поднимается в 1960 году. У журнала «Плейбой» появляется желание повеселиться за счет фантастики. В нем публикуется статья под названием «Девушки для склизкого бога», в которой вся фантастика (правда, добродушно) представлена как сплошной секс и сатанизм. Они могли отыскать очень мало настоящего материала для сатиры, потому что до 1960 года не существовало грубой области литературы (пожалуй, за исключением рассказиков для детей в бюллетенях воскресных школ) столь пуританской,

как фантастика. После 1960 года сексуальное либертарианство проникло даже в научную фантастику.

Поэтому «Плейбой» пришлось иллюстрировать свою статью забавно-сексуальными обложками вымышленных журналов, а все цитаты выдирать из единственного источника — того самого журнала, что я упоминал выше.

Когда Селия Голдсмит, редактор журнала «Amazing Stories», прочитала эту статью, она немедленно позвонила мне и предложила написать рассказ под названием «Плейбой и склизкий бог» — сатиру на сатиру. У меня возникло сильное искушение написать такой рассказ по нескольким причинам:

1) Мисс Голдсмит нельзя описать — ее надо видеть. Я не знаю другого редактора НФ журнала, столь похожего на девушку из шоу, а меня эстетически привлекают (или что-то в этом роде) девушки именно такого типа.

2) Я воспринимаю фантастику всерьез, и меня очень задело, что «Плейбой» высмеял ее, воспользовавшись журнальчиком 1938 года. Мне захотелось оплатить им той же монетой.

3) Я быстро придумал, что именно хочу написать.

Поэтому я написал рассказ «Плейбой и склизкий бог», вставив в него несколько тех же цитат, что использовал «Плейбой», и попытавшись изобразить, каким в действительности может оказаться контакт между сексуально озабоченным инопланетянином и земной женщиной. (Следует упомянуть, что последние три абзаца написаны мисс Голдсмит. В моем варианте оказалась весьма претенциозная концовка, а у мисс Голдсмит получилась гораздо удачнее. Поэтому я решил оставить ее вариант, и не только в журнале, но и здесь.)

Осталась проблема с названием — оно было попросту отвратительным. Когда покойный (увы!) Грофф Конклин, один из неутомимейших составителей антологий, решил вставить этот рассказ в очередную свою антологию, он меня довольно таки жалостливо спросил, нет ли у меня другого названия.

— Еще бы! Как насчет «What is This Thing Called Love?»

Грофф оказался очень доволен, я тоже. Он использовал это название, и здесь этот рассказ называется так же.

Два совершенно разных вида! — настаивал капитан Гарм, пристально рассматривая доставленные на корабль создания. Его оптические органы выдвинулись далеко вперед, обеспечивая максимальную контрастность.

What is This Thing Called Love?
© 1961 by Isaac Asimov
Что это за штука — любовь?
© В Баканов, перевод, 1997

Проведя месяц на планете в тесной шпионской капсуле, Ботакс наконец блаженно расслабился.

— Не два вида, — возразил он, — а две формы одного вида.

— Чепуха! Между ними нет никакого сходства. Благодарение Вечности, внешне они не так мерзки, как многие обитатели Вселенной. Разумный размер, различные члены... У них есть речь?

— Да, капитан, — ответил Ботакс, меняя окраску глаз. — Мой рапорт описывает все детально. Эти существа создают звуковые волны при помощи горла и рта — что-то вроде сложного кашля. Я и сам научился. — Он был горд. — Это очень трудно.

— Так вот отчего у них такие невыразительные глаза... Однако почему вы настаиваете, что они принадлежат к одному виду? Смотрите: у того, что слева, длиннее усики или что там у него, и само оно меньше и по-другому сложено, а в верхней части туловища выпирает что-то, чего нет у того, справа... Они живы?

— Живы, но без сознания — прошли курс психолечения для подавления страха. Так будет проще изучать их поведение.

— А стоит ли изучать? Мы и так не укладываемся в сроки, а нам нужно исследовать еще по крайней мере пять миров большего значения, чем этот. Кроме того, трудно поддерживать Временной Стасис, и я бы хотел вернуть их и продолжать...

Влажное веретенчатое тело Ботакса даже завибрировало от возмущения. Его трубчатый язык облизал мягкий нос. Скошенная трехпалая рука качнулась в отрицательном жесте, а глаза перевели спектр беседы целиком в красный свет.

— Спаси нас Вечность, капитан! Ни один мир не имеет большего значения, чем этот. Мы стоим перед серьезнейшим кризисом. Эти создания могут оказаться самыми опасными в Галактике — именно потому, что их две формы.

— Не понимаю.

— Капитан, планета уникальна. Она настолько уникальна, что я сам еще не в состоянии осознать все последствия. Например, почти все виды представлены в двух формах. Если позволено употребить их звуки, то первая, меньшая, называется «женской», а вторая — «мужской», так что они-то осознают разницу.

Гарм мигнул:

— Какое отвратительное средство связи...

— И, капитан, чтобы оставить потомство, эти две формы должны сотрудничать.

Капитан, который, наклонившись, со смесью любопытства и отвращения разглядывал пленников, резко выпрямился:

— Сотрудничать? Что за чепуха? Самый фундаментальный закон жизни: каждое существо приносит потомство в глубочайшем и сокровенном общении с собой. Что же еще делает жизненные формы жизненными?

— Чтобы одна форма произвела потомство, другая должна принимать участие, — упрямо повторил Ботакс.

— Каким образом?

— Очень трудно выяснить. Эта процедура считается у аборигенов интимной. В местной литературе я не мог найти точного и исчерпывающего описания. Но мне удалось вывести кое-какие разумные заключения.

Гарм покачал головой:

— Нелепо... Почкование — священнейший, самый интимный процесс на десятках тысяч планет. Как сказал великий фотобард Левуллин: «Во время почкования, во время почкования, в то самое прекрасное мгновение, когда...»

— Капитан, вы не поняли. Это сотрудничество между формами приводит, не знаю точно как, к рекомбинации генов. Таким образом, в каждом поколении осуществляются новые варианты. Они развиваются в тысячи раз быстрее нас!

— Вы хотите сказать, что гены одного индивидуума могут комбинироваться с генами другого? Вы понимаете, насколько это смехотворно с точки зрения физиологии клетки?

— И все же, — нервно произнес Ботакс под тяжелым взглядом капитана, — эволюция ускоряется. Это просто мир разгула видов: их здесь миллион с четвертью.

— Двенадцать с четвертью будет ближе к истине! Не стоит принимать на веру то, что написано в туземной литературе.

— Я сам видел в очень маленьком регионе сотни различных видов. Говорю вам, капитан, дайте им время, и они разовьются в расу, способную превзойти нас и править Галактикой.

— Докажите, что сотрудничество, о котором вы ведете речь, имеет место, и я рассмотрю ваши предложения. В противном случае я сочту ваши фантазии нелепыми, и мы полетим дальше.

— Докажу! — Глаза Ботакса засверкали ярким желтым огнем. — Обитатели этого мира уникальны еще и в другом отношении. Они предвидят достижения, которых пока не добились, — очевидно, это следствие веры в быстрое развитие. Я перевел их термин для такой литературы, как «научная фантастика». И читал я почти исключительно научную фантастику, потому что уверен: в своих мечтах они ярче выражают

себя и свою угрозу нам. И именно из научной фантастики я вывел метод их сотрудничества.

— Как вам это удалось?

— У аборигенов есть периодическое издание, которое иногда публикует научную фантастику, полностью посвященную разнообразным аспектам этого сотрудничества. Его название звучит приблизительно так: «Плейбой». Там не выражаются ясно, что весьма раздражает, но отпускают прозрачные намеки. Очевидно, существо, подбирающее рассказы для издания, только этой темой и интересуется. Отсюда я и знаю, как все происходит... Капитан, после того как на наших глазах появился молодой, умоляю: прикажите развезти эту планету на атомы!

— Ладно, — утомленно согласился капитан Гарм. — Приведите их в сознание и делайте свое дело.

Мардж Скидмор неожиданно осознала, где находится. Она отчетливо вспомнила перрон в сгущающихся сумерках; перрон был почти пуст — один мужчина стоял рядом с ней, другой — на другом конце. Уже слышался шум подходящего поезда.

Затем — вспышка, ощущение, будто тебя выворачивают наизнанку, и полуиллюзорное видение какого-то тонкого существа, покрытого слизью, и.

— О Боже, — простонала Мардж, — я все еще здесь.

Она чувствовала слабое отвращение, но не страх. Она была почти горда, что не чувствует страха. Тут же стоял мужчина — тот самый, что был рядом с ней на платформе.

— Вас они тоже прихватили? — спросила Мардж. — Кого еще?

Чарли Гримвольд попытался поднять руку, чтобы снять шляпу и пригладить волосы, но не сумел и пальцем шевельнуть — что-то мешало, словно все тело стягивал резиновый кокон. Чарли посмотрел на узколицую женщину напротив — лет за тридцать, отметил он, и довольно привлекательная. Но в данных обстоятельствах ему просто хотелось очутиться отсюда подальше, и даже женское общество его не утешало.

— Не знаю, мадам. Я стоял на платформе...

— Я тоже.

— Потом увидел вспышку и... Это, наверное, марсиане.

Мардж энергично кивнула:

— И я так думаю. Вы боитесь?

— Как ни странно, нет.

— Я тоже не испугана. Удивительно, правда? О Боже, одно из них подходит!.. Если эта тварь коснется меня, я закричу. Посмотрите на его кожу — вся в слизи! Меня тошнит.

Ботакс приблизился и, как можно тщательнее выговаривая слова, произнес:

— Создания! Мы не причиним вам вреда. Мы только просим показать ваше сотрудничество.

— Э, да оно разговаривает! — удивился Чарли. — Что значит «сотрудничество»?

— Оба. Друг с другом, — пояснил Ботакс.

— Вы понимаете, что он хочет сказать? — Чарли вопросительно посмотрел на Мардж.

— Понятия не имею, — надменно бросила она.

Ботакс сказал:

— Я имею в виду... — и употребил короткий термин, никогда не попадавший ему в литературе, но встречающийся в устной речи как синоним искомой процедуры.

Мардж залилась краской и громовым голосом воскликнула:

— Что?!

Ботакс и капитан Гарм в ужасе заткнули слуховые отверстия и болезненно задрожали.

— Какая наглость! — яростно кричала Мардж. — Я замужняя женщина... О, если бы мой Эд был здесь... А вы, умник, — она повернулась к Чарли, преодолевая резиновое сопротивление, — кем бы вы ни были, если думаете...

— Мадам, мадам! — в отчаянии взмолился Чарли. — Это не моя идея, клянусь вам. Поверьте, я не такой человек... Я тоже женат. У меня трое детей! Послушайте...

Капитан Гарм был недоволен:

— Что происходит, Исследователь Ботакс. Я не намерен слушать эту какофонию.

Ботакс сверкнул багряной краской смущения:

— Видите ли, ритуал весьма сложен. Они обязаны сперва выказывать признаки нерасположения, нежелания — как я понял, для улучшения результата. После этой начальной стадии должны быть удалены кожи.

— Они свежуются?!

— Нет, это у них искусственные кожи, которые снимаются безболезненно. Снятие кожи особенно необходимо для меньшей формы.

— Ну ладно, велите им снять кожи. Честное слово, Ботакс, я не нахожу это приятным...

— Пожалуй, мне не стоит просить меньшую форму удалить кожу. Думаю, нам следует точно придерживаться ритуала. Я прихватил с собой экземпляр этого издания — «Плейбой», и здесь везде кожи удаляются насильственно. Например: «...грубо содрав одежду с ее стройного тела, он ощутил теплую упругость

ее груди...» — и дальше в том же духе. Видите: срывание, насильственное удаление служит сильнейшим стимулом.

— Грудь?.. — переспросил капитан. — Я не разобрал вашей вспышки.

— Мне пришлось ввести ее для обозначения термина, относящегося к двум выпуклостям в верхней части меньшей формы.

— Понимаю, понимаю... Ну, скажите большему, чтобы он удалил кожи меньшего... Что за отвратительная процедура!..

Ботакс повернулся к Чарли.

— Сэр, — произнес он, — не будете ли вы так любезны сорвать одежду с ее стройного тела? Я выпущу вас для этой цели.

Глаза Мардж расширились, и она в ярости обернулась к Чарли:

— Не смейте! Не прикасайтесь ко мне, вы слышите, сексуальный маньяк!

— Я? — жалобно запричитал Чарли. — Мадам, я тут ни при чем! Думаете, я лишь тем и занимаюсь, что срываю платья?.. Послушайте, — повернулся он к Ботаксу, — у меня трое детей и жена. Узнай она только, что меня подозревают в том, что я срываю, понимаете ли, платья, — и мне придется несладко. Вы знаете, что делает моя жена, заметив, что я просто взглянул на какую-нибудь женщину? Она..

— Он все еще не расположен? — нетерпеливо спросил капитан.

— Очевидно, — произнес Ботакс. — Непривычная обстановка может продлить данную стадию. Так как я знаю, что вам это было бы неприятно, эту часть ритуала я выполню сам. В космических рассказах часто описывается, как с делом справляются существа с других миров. Например, здесь, — он покопался в своих записках, — действует совершенно омерзительное создание! Они не могли себе даже представить таких красавцев, как мы.

— Продолжайте, продолжайте! Не тяните время! — приказал капитан.

— Да.. Вот: «Чудовище ринулось к девушке. Заливаясь слезами и отчаянно крича, она оказалась в объятиях монстра. Когти проскребли по ее трепещущему телу, лохмотьями сдирая юбку» Видите, туземное существо кричит от возбуждения, ощущая удаление покровов.

— Тогда действуйте, Ботакс! Только, пожалуйста, не допускайте визгов. Я весь дрожу от этих звуковых волн.

Ботакс вежливо обратился к Мардж:

— Если вы не возражаете,

Мардж скверно выругалась.

— Не прикасайся! Не прикасайся, мерзкая тварь! Ты испачкаешь мне платье! А оно стоит двадцать четыре доллара... Отойди, чудовище! — Она отчаянно пыталась защититься от непрошенных рук. — Ладно, я сама сниму его.

Мардж потянула молнию и бросила гордый взгляд на Чарли:

— Не смейте глядеть!

Чарли пожал плечами и закрыл глаза. Мардж сняла платье.

— Ну, хорошо? Вы довольны?

Капитан Гарм недоуменно постукивал пальцами по столу.

— Это и есть грудь? А почему другое создание отвернуло голову?

— Нерасположение... Нерасположение! — уверенно заявил Ботакс. — Кроме того, грудь еще закрыта. Нужно удалить и другие кожи. Обнаженная грудь служит сильнейшим стимулятором. Ее постоянно описывают в виде шаров цвета слоновой кости или матовых сфер. Вот у меня здесь рисунки из этих фантастических рассказов. Обратите внимание: на каждом изображено существо с более или менее обнаженной грудью.

Капитан задумчиво переводил взгляд с иллюстрации на Мардж и обратно.

— Что такое «слоновая кость»?

— Вещество, из которого состоят клыки одного большого животного.

— Ага! — Капитан Гарм залился зеленым светом удовольствия. — Теперь все ясно. Меньшая форма принадлежит к воинственной секте, а выпуклости являются оружием, которым она сокрушает врага!

— Нет-нет, они, как я понимаю, мягкие.

Маленькая коричневая рука Ботакса скользнула в направлении объекта разговора; Мардж взвизгнула и отпрянула.

— Какое же тогда у них назначение?

— Мне кажется, — произнес Ботакс с некоторым сомнением, — что они используются для кормления молодежи.

— Молодняк их съедает?! — воскликнул ошеломленный капитан.

— Не совсем так. Эти объекты выделяют жидкость, потребляемую молодеью.

— Потребляют жидкость, выделяемую из живого тела? Н-да-а-а..

Капитан страдальчески закрыл голову всеми тремя руками.

— Трехрукое, скользкое, пучеглазое чудовище, — сказала Мардж.

— Верно, — согласился Чарли.

— Ладно, ладно, бесстыдник. Побольше следите за своими глазами!

— Поверьте, я стараюсь не смотреть...

Ботакс вновь приблизился:

— Мадам, не могли бы вы снять все остальное?

Мардж сжалась:

— Никогда!

— В таком случае это сделаю я, если позволите.

— Не прикасайтесь! О Боже, Боже... Хорошо, сама сниму.

Делая то, что обещала, она бормотала себе под нос и бросала в сторону Чарли гневные взгляды.

— Ничего не происходит, — заметил капитан в глубоком разочаровании. — Это, должно быть, бракованный экземпляр.

Ботакс принял реплику на свой счет.

— Сэр!

— Но грудь этого создания вовсе не похожа на шары или сферы. Мы с вами отлично знаем, что такое шары и сферы, и на рисунках, которые вы мне показывали, изображены действительно большие сферы. А у данного экземпляра мы видим какие-то провислые нащепки. Кроме того, они почти бесцветны.

— Ерунда, — возразил Ботакс. — Надо считаться с возможностью естественных отклонений. Впрочем, сейчас мы спросим у самого существа. — Он повернулся к Мардж: — Мадам, с вашей грудью все в порядке?

Глаза Мардж широко раскрылись, и некоторое время она не могла дышать.

— Вот уж... — наконец проговорила она. — Может, я не Джина Лоллобриджида и не Анита Экберг, но у меня все в порядке, благодарю вас... О-о, если бы Эд был здесь! — Она повернулась к Чарли: — Эй вы, скажите этому пучеглазому чудовищу, что я вполне развита!

— Э-э... — осмелился заметить Чарли, — вы забываете, что я не смотрю.

— О да, вы уж не смотрите... Такие типы только и знают, что глазеть похотливо на женщин. Можете чуть-чуть взглянуть, но не больше, если в вас есть хоть что-то от джентльмена, чему я, разумеется, не верю.

— Ну, — промолвил Чарли, — я не хотел бы оказаться замешанным в таком деликатном деле, но у вас все в норме, я полагаю.

— Полагаете?! Вы что, слепой? К вашему сведению, я однажды была претенденткой на звание Мисс Бруклин, и где я проигрывала, так это линия талии, а не...

— Конечно, конечно... Грудь восхитительна, честно. — Чарли энергично кивнул Ботаксу. — В полном порядке. Я не специалист, вы понимаете, но по мне она хороша.

Мардж успокоилась.

Ботакс почувствовал прилив сил.

— Большая форма проявляет интерес, капитан. Стимул работает. Теперь — последняя стадия.

— В чем она заключается?

— Сущность ее состоит в том, что аппарат речи и поглощения пищи одного существа накладывается на аналогичный аппарат другого. Позвольте мне для этого процесса ввести такую вспышку: «поцелуй».

— Меня тошнит от этой мерзости... — простонал капитан.

— Это кульминация. Во всех историях, после того как кожи удалены, формы обхватывают друг друга конечностями и предаются горячим поцелуям. Вот один пример, взятый наугад: «Он схватил девушку и жадно приник к ее пылающим губам».

— Может быть, одно существо пожирает другое? — предположил капитан.

— Ничего подобного, — нетерпеливо возразил Ботакс. — Это жгучие поцелуи.

— Жгучие? Происходит сгорание?

— Очевидно, нет. Тут, вероятно, подчеркивается факт повышения температуры. Чем выше температура, тем успешнее, надо полагать, происходит производство молодежи. Без этой ступени потомство получить невозможно. Это и есть сотрудничество, о котором я говорил.

— И все?

— Все, — подтвердил Ботакс. — Ни в одном из рассказов, даже в тех, что печатаются в «Плейбое», я не нашел описания какой-либо дальнейшей активности, связанной с детопроизводством. Иногда описание завершают серией точек, но я полагаю, что это обозначает просто большее число поцелуев. Один поцелуй на каждую точку — когда хотят произвести целое множество молодых.

— Только одного, пожалуйста, и немедленно.

— Разумеется, капитан.

Ботакс торжественно произнес:

— Сэр, поцелуйте, пожалуйста, леди.

— Послушайте, я не могу двинуться, — сказал Чарли.

— Я освобожу вас, конечно.

— Леди это может не понравиться.

— Уж будьте уверены, мне это не понравится! Держись от меня подальше, — прошипела Мардж.

— Мадам, может, не стоит их сердить? Мы можем... ну.. только сделать вид.

Она колебалась, сознавая справедливость опасения.

— Ну ладно... Но чтобы без всяких штучек! Я не привыкла целоваться с каждым встречным!

— Разумеется, мадам. Уверю вас, это не моя затея.

Мардж сердито бормотала:

— Гадкие чудовища! Ишь...

Чарли приблизился, смущенно положил руки на голые плечи Мардж и, сморщившись, выпнулся дугой. Мардж так напряглась, что на шее появились складки. Их губы встретились.

Капитан Гарм раздраженно вспыхнул:

— Я не чувствую повышения температуры.

Его тепловоспринимающие усики полностью распрямились и дрожали на голове.

— Я тоже, — растерянно признался Ботакс. — Но мы все делали в точности, как написано в этих историях. Пожалуй, его конечности должны быть более распростертыми... О, вот так... Смотрите, действует!

Почти случайно рука Чарли соскользнула вдоль мягкого обнаженного торса Мардж. На миг она, казалось, прилипла к нему, затем внезапно отдернулась.

— Отпустите! — прошипела Мардж. Неожиданно она сжала зубы, и Чарли с диким криком отскочил в сторону, зализывая кровотокающую нижнюю губу.

— За что, мадам?! — воскликнул он жалобно.

— Мы договорились только делать вид. Что на меня уставились? Господи, ну и в компанию я попала!

Капитан Гарм быстро засиял голубым и желтым.

— Все закончено? Сколько теперь нужно ждать?

— Мне кажется, это происходит сразу. Сами знаете, когда вы почкуетесь — вы почкуетесь.

— Да?.. После всего того, что я здесь видел, не думаю, что когда-нибудь смогу почкуваться... Пожалуйста, заканчивайте побыстрее.

— Один момент, капитан.

Однако время шло, и сияние капитана медленно становилось мрачно-оранжевым, а Ботакс почти угас. Наконец Ботакс спросил:

— Простите, мадам, когда вы будете почкуваться?

— Когда я буду. что?

— Производить потомство.

— У меня уже есть ребенок

— Я имею в виду, производить потомство сейчас.

— Но... я еще не готова для другого ребенка.

— Что? Что? — потребовал капитан. — Что она говорит?

— Кажется, — чуть слышно произнес Ботакс, — пока она не намерена иметь маленького.

Капитан яростно вспыхнул всеми цветами радуги.

— Вы знаете, что я думаю, Исследователь? Я думаю, что у вас больное, извращенное мышление. С этими существами ничего не происходит. Между ними нет никакого сотрудничества, и не появляется никакая молодь. Я думаю, что это два разных вида, а вы валяете со мной дурака!

— Но, капитан... — начал Ботакс.

— Молчать! — рявкнул Гарм. — Не спорьте со мной. С меня достаточно. Вы потратили мое время и вызвали у меня тошноту, описывая свой омерзительный доммысл о почковании. Вы домогались личной славы и наград, и я позабочусь, чтобы вы их не получили. Немедленно избавьтесь от этих созданий. Отдайте им их кожи и верните на место, откуда взяли. Все расходы, связанные с поддержанием Временного Стасиса, будут вычтены из вашей зарплаты.

— Но, капитан...

— Это приказ! — Гарм метнул на Ботакса испепеляющий взгляд. — Один вид, две формы, груди, поцелуи, сотрудничество... Вы болван, Исследователь, извращенное и больное, да-да, больное существо!

Дрожа всеми членами, Ботакс стал настраивать приборы.

Они стояли на пустынном перроне, дико озираясь по сторонам. Уже сгущались сумерки, и подходящий поезд давал о себе знать приближающимся гулом.

— Неужели все это на самом деле было? — неожиданно спросила Мардж.

Чарли кивнул:

— Отчетливо помню.

— Нам никто не поверит.

— Послушайте, я сожалею, что вы были поставлены в неловкое положение. Это не моя вина.

— Конечно, понимаю...

Мардж, потупившись, изучала деревянную платформу под ногами. Поезд приближался.

— Э-э... Вы вовсе не были плохи. То есть вы были изумительны, только я не решался вам сказать.

Она улыбнулась:

— О, что вы...

— Может, не откажетесь выпить со мной чашечку кофе для успокоения? Моя жена... ее пока нет.

— Правда?! И Эд уехал за город на уик-энд, так что меня ждет только пустая квартира. Наш мальчик у моей мамы, — пояснила Мардж.

— Тогда пойдемте. Мы ведь немного знакомы.

— Чуть-чуть! — рассмеялась Мардж.

Подъехал поезд, но они уже шли по улице.

В баре они позволили себе чуть-чуть выпить, а потом Чарли, конечно, не мог отпустить ее одну в темноте и проводил домой. Естественно, Мардж была обязана пригласить его зайти.

Тем временем в космическом корабле несчастный Ботакс предпринимал последнюю попытку доказать свою правоту. Пока Гарм готовил корабль к отлету, Ботакс торопливо установил узколучевой видеозэкран. Он сфокусировал луч на Чарли и Мардж в ее квартире. Усики Ботакса напряглись, а глаза засияли переливчатым светом.

— Капитан Гарм! Капитан! Посмотрите, что они делают сейчас!

Но в это мгновение корабль вышел из Временного Стасиса.

МАШИНА-ПОБЕДИТЕЛЬ

К концу 50-х годов в моей жизни произошли довольно неожиданные изменения. Моя писательская карьера постоянно набирала обороты. Собственные побуждения и сотрудничество с редакторами заставляли меня браться за все более многочисленные и разнообразные задачи, и к 1958 году я понял, что больше не могу совмещать писательство со штатным преподаванием.

Поэтому я и руководство медицинского колледжа пришли к взаимовыгодному соглашению. Я сохранял свою должность (профессор биохимии, если вам это интересно знать) и обзавелся время от времени появляться на работе — прочитать несколько лекций за год, позаседать в комитете, и так далее. А в остальное время занимался профессиональным писательским трудом, освободив их от необходимости платить мне жалованье.

Некоторое время мне казалось, что, практически освободившись от академических обязанностей и получив для писательства любое количество времени да еще ежедневно, я смогу наконец выполнить все свои писательские обязательства, работая без напряжения. И еще останется время на отдых и развлечения.

Как бы не так! Один из законов Паркинсона гласит: «Работа отнимает все имеющееся у вас время». Так оно и оказалось. Я и ахнуть не успел, как обнаружил, что ежедневно отбарабакиваю за машинкой полный рабочий день, хотя прежде тратил на это половину дня, и быстро вывел дополнение Азимова к закону Паркинсона: «Работая по десять часов в

день, писатель вдвое больше отстаёт от графика своих обязательств, чем работая по пять часов в день».

Хуже всего оказалось то, что примерно в то время, когда я собрался стать профессиональным писателем, Советский Союз запустил первый спутник, и Соединенные Штаты впали во что-то вроде тихого помешательства. А заодно и я.

У меня появилось навязчивое желание писать для Америки научно-популярные произведения, потому что стране грозила большая опасность из-за пренебрежения наукой, а у ряда издательств возникло столь же навязчивое стремление их публиковать. И в результате меня вынесло в безбрежное море научно-популярной литературы, где я до сих пор плаваю.

Бедя в том, что это не художественная литература. За последние десять лет написал пару романов, несколько сборников и около дюжины рассказов, но это почти ничто.

Судя по раздраженным письмам, которые я получаю, читатели решили, что я поступил так специально, назло им всем. Но это не так. Я отчаянно стараюсь совсем не потерять связь с научной фантастикой. Это же моя жизнь в том смысле, что ничто другое ее не заменит. Конечно, я пишу ежемесячную статью в журнале «Fantasy and Science Fiction», но это совсем другое.

Вот так и получилось, что каждый коротенький рассказ, который я ухитрюсь написать во времена своего затворничества, для меня дороже любого большого, написанного прежде, когда я их писал по паре дюжин в год, а то и больше.

«Машина-победитель» — один из них, мое периодическое доказательство всему миру любителей НФ того, что я еще жив.

Даже в безмолвных коридорах Мультивака царил праздничный дух.

Тишина и покой уже сами по себе говорили о многом. Впервые за последние несколько лет не мельтешили в лабиринтах взмысленные техники, не мигали лампочки, иссякали потоки входной и выходной информации.

Разумеется, так долго не продлится — этого не позволят нужды мирной жизни. И все же день, может быть, неделю даже Мультивак будет праздновать победу и отдыхать.

Ламар Свифт снял военную фуражку и, устремив взгляд в пустой коридор гигантского компьютера, тяжело опустился на стул. Форма, к которой он так и не смог привыкнуть, топорщилась на нем тяжелыми уродливыми складками.

— Даже представить себе трудно, что война с суперпотоком окончена. Я до сих пор не могу спокойно смотреть на небо, — сказал он. — Как же мне надоело это военное положение!

Оба спутника директора-распорядителя Солнечной Федерации были моложе Свифта, менее седые и уставшие.

— Подумать только! — воскликнул Джон Гендерсон. — Какой же дьявольски хитрый был этот суперпоток. Мало того, что он бомбардировал нас неизвестно откуда возникающими метеоритами, — он еще и проглатывал наши зонды-разведчики. Теперь-то все мы наконец сможем как следует отоспаться.

— Это все Мультивак, — сказал Свифт, бросив взгляд на невозмутимого Яблонского, который в течение войны был Главным Интерпретатором решений машинного оракула.

Яблонский пожал плечами и машинально потянулся за сигаретой, но передумал. Ему одному разрешалось курить в подземных туннелях Мультивака, но он старался не пользоваться этой привилегией.

— Да, так говорят. — Его толстый большой палец неторопливо показал вверх.

— Ревнгуешь, Макс?

— К спасителю человечества? — Яблонский снисходительно улыбнулся. — Отчего же? Пускай себе превозносят Мультивак — ведь машина выиграла войну.

...Пока весь мир сходил с ума от радости во время короткого перерыва между ужасами метеоритной бомбардировки и трудностями восстановления, они, не сговариваясь, собрались в этом единственно спокойном месте.

Нет, думал Гендерсон, груз слишком тяжел. Теперь, когда война с метеоритами закончена, надо избавиться от него, и немедленно!

— Мультивак не имеет никакого отношения к победе. Это обычная машина.

— Большая, — поправил Свифт.

— Обычная большая машина. Ничем не лучше тех, что поставляют вводимую в нее информацию.

Он на миг запнулся, сам испугавшись своих слов.

Яблонский пристально посмотрел на него; толстые пальцы снова потянулись к карману, но вернулись на место.

— Тебе лучше знать — ты кодировал информацию. Или ты просто напрашиваешься на похвалу?

— Нет, — возмущенно сказал Гендерсон. — Какая к черту похвала?! Ведь какие данные я вводил в Мультивак! Полученные из сотен второстепенных машин на Земле, на Луне, на Марсе, даже на Титане. Причем эти постоянно запаздывающие данные с Титана всегда казались мне подозрительными.

— Это кого угодно выведет из себя, — мягко произнес Свифт. Гендерсон покачал головой:

— Все не так просто. Когда я восемь лет назад заменил Лепона на посту Главного Программиста, суперпоток казался пустяком. Тогда мы еще не дошли до той стадии, когда производимые им пространственные деформации могли бесследно поглотить планету. А вот потом, когда начались настоящие трудности... Вы же ничего не знаете!

— Допустим, — согласился Свифт. — Расскажи нам. Все равно мы победили.

— Да... — Гендерсон мотнул головой. — Так вот, вся получаемая информация была бессмысленной.

— Бессмысленной? В буквальном смысле слова? — переспросил Яблонский.

— Именно. Ведь вы даже отдаленно не представляли себе истинного положения вещей. Ни ты, Макс, ни вы, Директор. Покидая Мультивак по вызовам руководства, вы были совершенно не в курсе происходящих здесь событий.

— Я догадывался об этом, — заметил Свифт.

— Вам известно, — продолжал Гендерсон, — до какой степени данные о наших аннигиляционных установках, зондах-разведчиках, энергетических ресурсах стали ненадежными ко второй половине этой войны? Ведь все эти политики и военные только и думали, что о своей шкуре, как бы не потерять теплые места. И что бы там ни выдавали машины, цифры неизменно подправлялись: плохое затушевывалось, выпячивались успехи. Я пытался бороться с этим, но безуспешно.

— Представляю, — тихо произнес Свифт.

На этот раз Яблонский закурил.

— И все же ты обеспечивал Мультивак информацией, ничего не говоря нам о мере ее ненадежности.

— А как я мог сказать? — яростно спросил Гендерсон. — Все наши надежды были связаны с Мультиваком, это было единственное, чем мы располагали в борьбе с суперпоток. Только это поддерживало наши силы и веру в победу?! «Мультивак предвидит любой маневр суперпотока»... — передразнил он. — Великий Космос, да когда он проглотил наш зонд-разведчик, мы даже не смогли сообщить об этом широкой публике!

— Верно, — согласился Свифт.

— Так что же вы могли сделать, скажи я вам, что сведения ненадежны? Отказались бы поверить и сместили бы меня. Этого я допустить не мог.

— И что ты сделал? — спросил Яблонский.

— Что ж, мы победили, и я могу рассказать. Я корректировал информацию.

— Как?

— Совершенно интуитивно. Я правил ее до тех пор, пока она не становилась, на мой взгляд, вполне реальной. Сперва я едва осмеливался на это, лишь изредка подправляя очевидные искажения. Когда небо не обрушилось на меня, я осмелел. В конце концов я просто сам выдумывал все необходимые сведения и даже использовал Мультивак для составления подобных отчетов, которые потом вводил в него.

Яблонский неожиданно улыбнулся, блеснув темными глазами:

— Три раза мне докладывали о незарегистрированном использовании Мультивака, и я закрывал на это глаза. Ведь все, что касалось гигантской машины, в те дни не имело никакого значения.

— То есть как? — опешил Гендерсон.

— Да-да. Я молчал по той же причине, что и ты, Джон. Вообще — с чего вы взяли, что Мультивак был исправен?

— Как, он не был исправен? — спросил Свифт.

— Правильнее сказать, был не совсем исправен. Просто на него нельзя было положиться. В конце концов, где находились мои техники в последние годы? Обслуживали компьютеры на тысячах всевозможных космических объектов. Для меня они пропали! Остались зеленые юнцы и безбожно отставшие ветераны. Кроме того, я не мог доверять компонентам, поставляемым «Криогеникс», — у них с персоналом обстояло еще хуже. Так что, насколько верной была вводимая в Мультивак информация, значения не имело. Результаты были ненадежны. Вот что я знал.

— И как ты поступил? — спросил Гендерсон.

— Как и ты. Я интуитивно корректировал результаты — вот как машина выиграла войну.

Свифт откинулся на стуле и вытянул перед собой длинные ноги.

— Вот так открытия... Выходит, в принятии решений я руководствовался выводами, сделанными человеком на основании человека же отобранной информации?

— Похоже, что так, — подтвердил Яблонский.

— Значит, я был прав, не обращая никакого внимания на советы машины...

— Как?! — Яблонский, несмотря на то, что сделанное признание, выглядел оскорбленным.

— Да. Мультивак, предположим, говорил: метеорит появится здесь, а не там; поступайте вот так; ждите, ничего не предпринимайте. Но я не был уверен в верности выводов. Слишком велика ответственность за такие решения, и даже

Мультивак не мог снять ее тяжести. Но, значит, я был прав, и я испытываю сейчас громадное облегчение.

Объединенные взаимной откровенностью, они отбросили титулы. Яблонский прямо спросил:

— И что ты сделал тогда, Ламар? Ведь ты все-таки принимал решения. Каким образом?

— Вообще-то, мне кажется, нам пора возвращаться, но у нас еще есть несколько минут. Я использовал компьютер, Макс, но гораздо более древний, чем Мультивак.

Он полез в карман и вместе с пачкой сигарет достал пригоршню мелочи, старых монет, бывших в обращении еще до того, как нехватка металла породила новую кредитную систему, связанную с вычислительным комплексом.

Свифт робко улыбнулся:

— Старику трудно отвыкнуть от привычек молодости.

Он сунул сигарету в рот и одну за другой опустил монеты в карман.

Последнюю Свифт зажал в пальцах, слепо глядя сквозь нее.

— Мультивак не первое устройство, друзья, и не самое известное, и не самое эффективное из тех, что могут снять тяжесть решения с плеч человека. Да, Джон, войну с супер-потокм выиграла машина. Очень простая; та, к чьей помощи я прибегал в особо сложных случаях.

Со слабой улыбкой он подбросил монету. Сверкнув в воздухе, она упала на протянутую ладонь.

— Орел или решка, джентльмены?

МОЙ СЫН — ФИЗИК

Одним из побочных эффектов растущей респектабельности НФ стало то, что она начала появляться на таких рынках, где всего пару лет назад вызывали бы санитаров из Министерства гигиены, чтобы те вынесли из редакторского кабинета непонятно как попавшую туда НФ-рукопись.

Никогда не забуду шок, потрясший всех фэнов фантастики, когда вскоре после 1945 года Роберту Хайнлайну удалось преодолеть барьер «глянцевых» журналов и опубликовать неразбавленный фантастический рассказ в «Saturday Evening Post».

Ныне же стало рутинным делом обнаруживать фантастику, опубликованную в столь крупнотиражном издании, как «Плейбой». И в самом деле конкуренция на рынке массовых изданий сейчас такова, что небольшие специализированные НФ журналы с большим трудом привлекают к себе опытных авторов и потому не получают должной выгоды от той респектабельности, какую фантастика недавно приобрела. Это несправедливо!

Но самым странным рынком для фантастики стала, по моему мнению, колонка рекламных объявлений в превосходном журнале «Scientific American». Компании «Хоффман электроники корпорейшн» пришла идея запустить серию реклам, включающих двухстраничный (минус одну колонку) фантастический рассказ — настоящий НФ рассказ, написанный признанным мастером. А в последней колонке будет с достоинством рекламироваться продукция компании. На прямой

связи между содержанием рассказа и рекламируемым продуктом никто не настаивал, писатель получал полную свободу за одним исключением — в нем в той или иной форме должна была применяться техника связи (потому что «Хоффман» производила оборудование для связи).

Вызов показался мне интересным, авторское самоуважение было соблюдено, поэтому, когда меня пригласили участвовать в этой программе, я согласился и написал «Мой сын — физик». Как вы увидите, он имеет отношение к связи, но никоим образом не рекламирует ее. «Хоффман» приняла рассказ, не изменив в нем ни слова, и его опубликовали не только в разделе объявлений «Scientific American», но и в журнале «Fortune».

Да, результат оказался неожиданным, уж будьте уверены — ведь я и предполагать не мог, что эта небольшая «халтурка» когда-либо появится в другом журнале. Ладно бы что другое, только не фантастика.

Однако меня немного смущает, как завершилась та идея. Насколько мне известно, всего было опубликовано шесть таких реклам с рассказами, и на этом все оборвалось. Ну, может быть, у них возникли трудности с подбором подходящих рассказов. Не знаю.

Ее волосы были нежнейшего светло-зеленого цвета — уж такого скромного, такого старомодного! Сразу видно было, что с краской она обращается осторожно: так красились лет тридцать назад, когда еще не вошли в моду полосы и пикетирование.

Да и весь облик уже очень немолодой женщины, ее ласковая улыбка, ясный кроткий взгляд — все дышало безмятежным спокойствием.

И от этого суматоха, царившая в огромном правительственном здании, вдруг стала казаться дикой и нелепой.

Какая-то девушка чуть не бегом промчалась мимо, обернулась и с изумлением уставилась на странную посетительницу:

— Как вы сюда попали?

Та улыбнулась:

— Я иду к сыну, он физик.

— К сыну?..

— Вообще-то он инженер по связи. Главный физик Джерард Кремона.

— Доктор Кремона? Но он сейчас... а у вас есть пропуск?

— Вот, пожалуйста. Я его мать.

— Право, не знаю, миссис Кремона. У меня ни минуты... Кабинет дальше по коридору. Вам всякий покажет.

И она умчалась.

Миссис Кремона медленно покачала головой. Видно, у них тут какие-то неприятности. Будем надеяться, что с Джерардом ничего не случилось.

Далеко впереди послышались голоса, и она просияла: голос сына!

Она вошла в кабинет и сказала:

— Здравствуй, Джерард.

Джерард — рослый, крупный, в густых волосах чуть проглядывает седина: он их не красит. Говорит — некогда, он слишком занят. Таким сыном можно гордиться, она всегда им любовалась.

Сейчас он обстоятельно что-то объясняет человеку в военном мундире. Кто его разберет, в каком чине этот военный, но уж наверно Джерард сумеет настоять на своем.

Джерард поднял голову:

— Что вам угодно?.. Мама, ты?! Что ты здесь делаешь?

— Пришла тебя навестить.

— Разве сегодня четверг? Ох, я совсем забыл! Посиди, мама, после поговорим. Садись где хочешь. Где хочешь... Послушайте, генерал...

Генерал Райнер оглянулся через плечо, рывком заложил руки за спину.

— Это ваша матушка?

— Да.

— Надо ли ей здесь присутствовать?

— Сейчас не надо бы, но я за нее ручаюсь. Она даже термометром не пользуется, а в этом уж вовсе ничего не разберет. Так вот, генерал. Они на Плутоне. Понимаете? Наверняка. Эти радиосигналы никак не могут быть естественного происхождения, значит, их подают люди, люди с Земли. Вы должны с этим согласиться. Очевидно, одна из экспедиций, которые мы отправляли за пояс астероидов, все-таки оказалась успешной. Они достигли Плутона.

— Ну да, ваши доводы мне понятны, но разве это возможно? Люди отправлены в полет четыре года назад, а всех припасов им могло хватить от силы на год, так я понимаю? Ракета была запущена к Ганимеду, а пролетела до Плутона — это в восемь раз дальше.

— Вот именно. И мы должны узнать, как и почему это произошло. Может быть... может быть, они получили помощь.

— Какую? Откуда?

На миг Кремона стиснул зубы, словно набираясь терпения.

— Генерал, — сказал он, — конечно, это ересь, а все же — вдруг тут замешаны не земляне? Жители другой планеты? Мы

должны это выяснить. Неизвестно, сколько времени удастся поддерживать связь.

По мхуromу лицу генерала скользнуло что-то вроде улыбки.

— Вы думаете, они сбежали из-под стражи и их того и гляди снова схватят?

— Возможно. Возможно. Нам надо точно узнать, что происходит — может быть, от этого зависит будущее человечества. И узнать не откладывая.

— Ладно. Чего же вы хотите?

— Нам немедленно нужен Мультивак военного ведомства. Отложите все задачи, которые он для вас решает, и запрограммируйте нашу основную семантическую задачу. Освободите инженеров связи, всех до единого, от другой работы и отдайте в наше распоряжение.

— При чем тут это? Не понимаю!

Неожиданно раздался кроткий голос:

— Не хотите ли фруктов, генерал? Вот апельсины.

— Мама! Прошу тебя, подожди! — взмолился Кремона. — Все очень просто, генерал. Сейчас от нас до Плутона чуть меньше четырех миллиардов миль. Если даже радиоволны распространяются со скоростью света, то они покроют это расстояние за шесть часов. Допустим, они что-то сказали, а мы не расслышали, переспросили, и они повторяют ответ — вот и ухнули сутки!

— А нельзя это как-нибудь ускорить? — спросил генерал.

— Конечно, нет. Это основной закон связи. Скорость света — предел, никакую информацию нельзя передать быстрее. Наш с вами разговор здесь отнимает часы, а на то, чтобы провести его с Плутоном, ушли бы месяцы.

— Так, понимаю. И вы в самом деле думаете, что тут замешаны жители другой планеты?

— Да. Честно говоря, со мной тут далеко не все согласны. И все-таки мы из кожи вон лезем — стараемся разработать какой-то способ наиболее емких сообщений. Надо передавать возможно больше бит информации в секунду и молить Господа Бога, чтобы удалось втиснуть все что надо, пока не потеряна связь. Вот для этого мне и нужен электронный мозг и ваши люди. Нужна какая-то стратегия, при которой можно передать те же сообщения меньшим количеством сигналов. Если увеличить емкость хотя бы на десять процентов, мы, пожалуй, выиграем целую неделю.

И опять их прервал кроткий голос:

— Что такое, Джерард? Вам нужно провести какую-то беседу?

— Мама! Прошу тебя!

— Но ты берешься за дело не с того конца. Уверяю тебя.

— Мама! — В голосе Кремоны послышалось отчаяние.

— Ну-ну, хорошо. Но если ты собираешься что-то сказать, а потом двенадцать часов ждать ответа, это очень глупо. И совсем не нужно.

Генерал нетерпеливо фыркнул:

— Доктор Кремона, может быть, обратимся за консультацией к...

— Одну минуту, генерал. Что ты хотела сказать, мама?

— Пока вы ждете ответа, все равно ведите передачу дальше, — очень серьезно посоветовала миссис Кремона. — И им тоже велите так делать. Говорите не переставая, и они пускай говорят не переставая. И пускай у вас кто-нибудь все время слушает, и у них тоже. Если кто-то скажет что-нибудь такое, на что нужен ответ, можно его вставить, но скорей всего вы, и не спрашивая, услышите все что надо.

Мужчины ошеломленно смотрели на нее.

— Ну конечно! — прошептал Кремона. — Непрерывный разговор. Сдвинутый по фазе на двенадцать часов, только и всего... Сейчас же и начнем!

Он решительно вышел из комнаты, чуть ли не силком таща за собой генерала, но тотчас вернулся.

— Мама, — сказал он, — ты извини, это, наверно, отнимет несколько часов. Я пришлю кого-нибудь из девушек, они с тобой побеседуют. Или приляг, вздремни, если хочешь.

— Обо мне не беспокойся, Джерард, — сказала миссис Кремона.

— Но как ты до этого додумалась, мама? Почему ты это предложила?

— Так ведь это известно всем женщинам, Джерард. Когда две женщины разговаривают — все равно: по видеофону, по стратордио или просто с глазу на глаз, — они прекрасно понимают: чтобы передать любую новость, надо просто говорить не переставая. В этом весь секрет.

Кремона попытался улыбнуться. Потом нижняя губа у него задрожала, он круто повернулся и вышел.

Миссис Кремона с нежностью посмотрела ему вслед. Хорший у нее сын. Такой большой, взрослый, такой видный физик, а все-таки не забывает, что мальчик всегда должен слушаться матери.

ГЛАЗАМ ДАНО НЕ ТОЛЬКО ВИДЕТЬ

У меня есть правило, которое я громко повторяю при каждом удобном случае. Правило состоит в том, что я ничего не пишу, пока меня об этом не попросят. Звучит оно весьма надменно и сурово, но на самом деле это брехня. На самом-то деле я ничуть не сомневаюсь, что различным журналам фантастики и некоторым моим издателям постоянно требуется материал, поэтому для них я пишу свободно, когда мне хочется. Зато всем остальным меня приходится просить особо.

В 1946 году «Плейбой» наконец обратился ко мне с просьбой написать для них рассказ. Они прислали мне нечеткую фотографию глиняной головы без ушей, причем на лице вместо глаз и прочего были приспособлены заглавные буквы, и пожелали, чтобы я написал рассказ на основе этой фотографии. Такое же задание получили и два других писателя, и все три рассказа предполагалось опубликовать одновременно.

Вызов был интересным, я поддался искушению и написал «Глазам дано не только видеть».

Если вы, прочитав предыдущие предисловия в этой книге, пришли к выводу, что моя писательская карьера после «Прихода ночи» была одним непрерывным успехом; что для меня написать — то же, что и продать; что если другой писатель покажет мне письмо с отказом, то я не пойму, что это такое, — успокойтесь, это не так.

«Глазам дано не только видеть» был отвергнут весьма энергично. Рукопись швырнули в Чикаго, она влетела мне в окно, шарахнулась о стенку и, грожа, упала на пол. (Так мне,

по крайней мере, показалось.) Два других рассказа «Плейбой» принял, а вместо меня нашли кого-то другого, и тот быстро написал третий, который тоже был принят.

К счастью, я профессионал с завидной непошибаемостью, и подобные неудачи меня не волнуют. Глядя на меня, никто бы и не догадался, что отказ меня хоть как-то задел... правда, я позволил себе испустить пару коротких, но яростных воплей.

Я связался с «Плейбоем» и убедился, что права на рассказ принадлежат мне и я могу делать с ним что угодно, хоть он и был написан по присланной ему фотографии.

Затем я послал рассказ в «Fantasy and Science Fiction», пояснив (я всегда так поступаю в подобных случаях), что это отказ, и пересказав всю предысторию его написания. Тем не менее его приняли.

К счастью, «F&SF» работает достаточно быстро, а «Плейбой» — до отвращения медленно. В результате «Глазам дано не только видеть» появился в «F&SF» на полтора года раньше, чем в «Плейбое» опубликовали ту триаду рассказов. Я долго выжидал, надеясь, что «Плейбой» начнет получать возмущенные письма читателей с жалобами на то, что сюжеты в триаде украдены из рассказа Азимова. У меня даже появилось искушение самому написать такое письмо и подписать его вымышленным именем (но я передумал).

Взамен я утешился мыслью о том, что за время, пока «Плейбой» раскачался на публикацию своей триады, мой рассказ не только издал, но и дважды перепечатали в антологиях, а теперь включили в состав третьей. (А этот сборник станет его четвертой публикацией. И как вам это нравится, мистер Хефнер?)

После сотен миллиардов лет он вдруг вообразил себя Амисом. Не комбинацией волн фиксированной длины, что все это время в целой Вселенной была эквивалентом Амиса, а звучанием имени. В память осторожно, несмело закрадывалось воспоминание о колебаниях звука, давно им не слышанного и больше ему не слышного.

Новое увлечение вызвало из глубины памяти еще множество вещей, таких же древних-преддревних, чей возраст измерялся эрами, эпохами, вечностью. Амис выровнял энергетический вихрь, ступок своей индивидуальности в безбрежной всеобщности, и его силовые линии пролегли меж звезд.

От Брок пришел ответный сигнал.

Конечно, решил Амис, Брок нужно сообщить. И почувствовал слегка трепещущий нежный энергоимпульс Брок:

— Амис, ты идешь?

— Конечно, иду.

— И в состоянии будешь участвовать?

— Да! — Силовые линии Амиса пронизала дрожь волнения. — Абсолютно точно. Я придумал совершенно новый вид искусства. Что-то в самом деле невероятное.

— Зачем ты впустую тратишь энергию? Неужели ты думаешь, что после двухсот миллиардов лет можно изобрести нечто новое?

На какой-то миг импульс Брок вышел из фазы и связь пропала: Амису пришлось спешно корректировать свои силовые линии. Он отдался течению других мыслей, созерцая стремительное движение опущенных звездами галактик по бархату небытия, и, охватив сознанием межгалактическое пространство, ощущал биение силовых линий в бесконечном множестве проявлений энергожизни.

Амис воззвал:

— Брок, прошу, впитай мои мысли. Не экранируйся. Я хочу использовать Материю. Представляешь: Симфония Материи! Что толку биться над Энергией? Согласен, в Энергии нет ничего нового — откуда в ней новому быть?! Но разве это не указывает на то, что следует взяться за Материю?

— Материя! — В энергоколебаниях Брок возникли волны отращения.

— Почему бы и нет? — возразил он. — Мы сами когда-то были материей... Кажется, триллион лет тому назад! Так почему бы посредством Материи не создавать фигуры, или абстрактные формы, или... слушай, Брок... почему бы не воплотить в Материи — имитационно, конечно, — нас самих, какими мы были когда-то?

— Не помню я, как это было. И никто не помнит, — отвечала Брок.

— Я помню! — горячо возразил Амис. — Я думаю только об этом, ни о чем кроме, и уже начинаю припоминать. Брок, позволь, я тебе покажу. Если я прав, если так и было — скажи. Прощу тебя, скажи!

— Нет. Все это мерзко и глупо.

— Брок, прошу, позволь мне попробовать. Мы же старые друзья, с самого начала... мы же вместе стали излучать энергию... с того самого мгновения, как сделались теми, кто мы есть. Брок, пожалуйста!

— Хорошо. Только быстро.

Такого возбуждения в собственных силовых линиях Амис не ощущал уже... сколько? Если его попытка удастся, у него достанет сил использовать Материю перед ассамблеей энерго-сущностей, уже который век, которую эпоху столь безотрадно ждущих чего-либо нового.

Материю разметало меж галактик, но Амис, отбирая все атомные крохи с каждого кубического светового года, собрал ее, сбил ком в пластичную массу и придал ему форму сужающегося книзу яйца-овоида.

— Брок, неужели ты не помнишь? — осторожно спросил он. — Разве это ни на что не похоже?

Вихрь Брок судорожно вибрировал в фазе.

— Не заставляй меня вспоминать. Я не хочу.

— Это было головой. Ее называли: голова. Мне это помнится настолько отчетливо, что так и подмывает произнести. Я имею в виду — звуками. — Амис подождал, потом попросил: — Взгляни.

У овоида в верхней части появилось: «ГОЛОВА».

— Что это? — У Брок, казалось, затеплился интерес.

— Слово, обозначающее голову. Символ звукового выражения слова. Брок, ну скажи, что ты вспомнила!

— Вот тут, посредине, кажется, что-то было, — донесли неуверенные мысли Брок.

Образовалась вертикальная выпуклость.

Амис воскликнул:

— Да! Нос — вот что это такое! — Появилась надпись: «НОС». — А это, с каждой стороны, глаза. — «ЛЕВЫЙ ГЛАЗ — ПРАВЫЙ ГЛАЗ».

Амис любовался своим творением, пульс его силовых линий обрел торжественность. Но можно ли с уверенностью сказать, что ему самому это нравится?

— Смотри, — называл он, дрожа от нетерпения, — подбородок, адамово яблоко, ключицы. Слова возвращаются ко мне. — И все слова обозначились на его создании.

— А у меня уже сотни миллиардов лет их и в мыслях не было, — упрекнула Брок. — Зачем ты напомнил? Зачем?

На какой-то миг Амис сбился:

— Что-то еще. Органы слуха... нечто для приема звуковых волн. Уши! Но куда их приткнуть? Не помню, где они были?

От Брок уже исходило неистовство:

— Оставь это! Брось! И уши свои дурацкие, и все остальное! Не помню!

Амис, слегка озадаченный, спросил:

— Что плохого в том, чтобы помнить?

— Что?! Да разве тогда все это было таким вот грубым и холодным? Куда подевались упругость и теплота? Да разве такими были глаза, которые жили, источая нежность? А губы? Разве сравнить те, что ты сделал, и те, что дрожали, когда, мягкие, прижимались к моим? — Силовые линии Брок бились и вибрировали.

Амис взмолился:

— Прости! Прости меня!

— Ты хочешь напомнить, что когда-то я была женщиной и знала любовь, что глазам дано не только видеть и что не стало никого, кто дал бы мне испытать это, кто заставил бы мои глаза излить печаль сердца.

Резко, будто наотмашь, плеснула она материей на грубо слепленную голову и бросила:

— Пусть вот у этих — получится, пусть они — испытают, — и, сменив полярность, улетучилась.

Некоторое время Амис всматривался, вспоминая, что когда-то и он был мужчиной. Но вот энергия его вихря надвое рассекла яйцевидную голову, и он помчался обратно сквозь галактики по энергоследу Брок, снова туда, к нескончаемому страшному суду бессмертия.

А глаза на рассеченной голове Материи так и остались блестеть влагой, которой брызнула Брок, изображая слезы. Голова из Материи творила то, что было уже недоступно энергосущностям: она лила слезы, оплакивая все человеческое, нежную красоту тел, от которых они некогда отреклись... Давно — триллион лет тому назад.

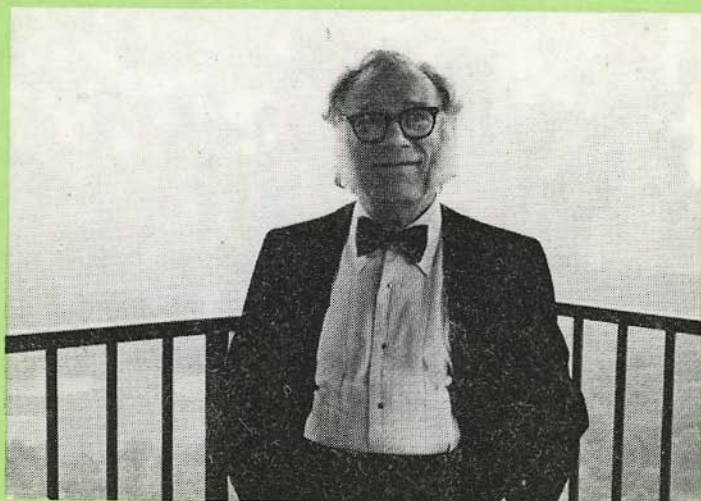
Содержание

Сквозь стекло ясное, рассказы

Вера, перевод В Гольдича, И. Оганесовой	7
Выведение человека?..., перевод В Гольдича, И. Оганесовой	42
С-шлюз, перевод В Гольдича, И. Оганесовой	81

Приход ночи, рассказы

Приход ночи, перевод Д. Жукова	123
Зеленые пятна, перевод М. Гутова	159
Хозяйка, перевод М. Гутова	176
Благое намерение, перевод М. Гутова	215
Что, если..., перевод Н. Галь	241
Мухи, перевод М. Гутова	256
Здесь нет никого, кроме..., перевод Р. Рыбаковой	265
Штрейкбрехер, перевод М. Гутова	279
«. Вставьте шпалит А в гнездо Б...», перевод В. Постникова	294
Современный волшебник, перевод М. Гутова	297
В четвертом поколении, перевод М. Гутова	313
Что это за штука — любовь?, перевод В. Баканова	322
Машина-победитель, перевод В. Баканова	335
Мой сын — физик, перевод Н. Галь	341
Глазам дано не только видеть, перевод В. Мисюченко	346

РАССКАЗЫ

